

Отъ А. Д. З. б.

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

W **VIII.**

Сынъ Отечества выходитъ каждый мѣсяцъ 1-го числа.

Подписка принимается:

- 1) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.
- 2) У книгопродавца Василія Петровича Полякова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ Го-

стинномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ подъ № 17-мъ, гдѣ помѣщается и Контора.

За годовое изданіе *Сына Отечества*, состоящее изъ двѣнадцати книгъ съ картинками моды и други-ми приложеніями **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**. За почтовую пересылку въ другіе города или за доставленіе въ С.-Петербургѣ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛІА ДЕНОТЪИНА,

Коммиссіонера ДВОРА Е. И. В. ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Демидова, противъ Публичной Библиотеки,

только что вышли изъ печати и поступили въ продажу:

Цѣны на серебро.

Для фортепіано.

Gungle, Joh., Les Parisiennes-Valse	85 »
— Galop-Hongrois	75 »
— En Avant-Marsch	60 »
— Riquiqui-Polka.	50 »
— Laura-Quadrille.	75 »
Denault, Jules, La Trampette enchantée.	
(Grande Polka de Concert	1 руб. с.
— La Pluie de Diamants-Polka.	85 »
— La Sylphide, Grande-Polka de Concert.	75 »
Titoff, N. Vaterländs-Klänge Walzer	85 »
(Родные звуки, вальсъ).	
— Frühlings-Sträuschen Walzer.	
(Весенній букетъ, вальсъ).	85 »
— Die Eigensennige-Polka	50 »
Глинки, М. И. Камаринская	1 15 »

802-11
283

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1852.

СВЯТЫЙ СИНДЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 25 Сентября 1852 года.

Ценсоръ *Н. Елагинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМОЙ КНИГИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Путешествіе Высочайшихъ особъ (стр. 1). Высочайшіе рескрипты (3), Правительственныя распоряженія: По министерствамъ: Императорскаго Двора (5), Военному (6), Государственныхъ Имуществъ (6), Финансовъ (15), Юстиціи (17), Внутреннихъ Дѣлъ (22); Путей Сообщенія (30). Опредѣленіе и назначеніе (30). Произведеніе (31). Пожалованіе орденами (31). 1—32

Извѣстія съ Кавказа. 32—33

Разныя извѣстія. Открытіе памятника Императрицѣ Екатеринѣ II-й, въ колоніи Екатериненштатъ (34). Посмертныя произведенія К. П. Брюлова (35). Благотворительность въ

городъ Ставрополѣ (35). Примѣръ долголѣтія (36). Слѣпецъ-Механикъ (36). Землетрясеніе (37). Замѣчательнѣйшіе пожары (37). Сильныя бури и градъ (40). Отравившіеся Бѣлужиною и грибами (42). Смерть отъ простонароднаго леченія (43). Присутствіе духа (43).. 34—43

Некрологъ. 44—48

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Франція (49). Англія (59). Германія (64). Австрія (65). Пруссія (70). Бельгія (71). Швейцарія (71). Греція (73). Турція (74). Азія (74). Африка (77). Америка (80). Австралія (85). 49—86

Новости учонаго міра. Теплотворная двигательная машина (86). Новый воздушный шаръ (87). Археологическое открытіе (87). Насосъ безъ поршня и клапана (88). 86—90

Железныя дороги и пароходство. 90—94

Разныя извѣстія. Электрическіе телеграфы (94). Новые прииски драгоценныхъ камней (95). Осушка Гарлемскаго озера (95). Пшеница изъ гробницъ мумій (96). Неугасаемая лампа (96). Новый бронзированный Икаръ (96). Болѣзнь винограда (96). Число преступниковъ (97). Начало газетъ (97). Странный подарокъ (97). Гроза (97). Потомокъ Корнелия (98). Дворецъ выставки промышленности Скандинавскихъ государствъ (98). 94—98

Некрологъ. 99—100

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Влаликавказскіе Казаки. *Н. Демидовскаго*. 1—2
 Приятель. (Посвящено Надеждѣ Львовнѣ Гурьевой). *Ф. Федорова*. 3—26
 Поездка на островъ Ольханъ. *Н. Щукина*. 27—56

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ФРАСКАТАНА. (Сцены изъ жизни Римлянъ). Повѣсть Поля-де-Мюссе 1—26

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ГАЛВАНИЗМЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ. Статья третья *Ф. Петрушевскаго*. 1—18
 ТАЙНЫ СОЛНЕЧНЫХЪ ЛУЧЕЙ. *М. Хотинскаго*. 19—57
 Гавриилъ Михайловичъ Скородумовъ. Первый знаменитый Русскій граверъ. *И. Н. Скородумова*. 58—70
 О языкѣ Современныхъ русскихъ писателей. *Б—ка*. 71—80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

67. Замѣтки на пути изъ петербурга въ Барнаулъ. *П. Небольсина*, С.-Петербургъ 1850 г.
 68. Essai sur la litterature russe contenant une liste des gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le regne de Pierre le Grand. 1771 г.
 69. Сельское счетоводство. Соч. *П. Преображенскаго*. Москва 1852 г.
 70. Бесѣды катихизическія, говоренныя на малороссійскомъ языкѣ. *Протоіереемъ и кавалеромъ Василіемъ Гречулевымъ*. С.-Петербургъ 1852 г.

СМѢСЬ.

Жизнь венгерскихъ Помѣщиковъ. Изъ записокъ путешественника	1—11
Магнетизеры и Гомеопаты въ Парижѣ.	11—20
Маска. (Съ нѣмецкаго). Э. Г.	21—24

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЫСОЧАЙШИХЪ ОСОБЪ.

Ихъ Императорскія Высочества, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна позволили прибыть, 29-го іюля въ Петергофъ, на пароходъ Гремящій, изъ путешествія своего за границу.

Въ субботу, 2-го августа, Его Императорское Высочество Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій прибылъ изъ С.-Петербурга въ Москву, а 3-го августа позволилъ выѣхать изъ оной въ Тамбовскую губернію.

Въ пятницу, 15-го числа Ихъ Императорскія Высочества, Государь Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Августѣйшая Его Супруга, Великая Княгиня Цесаревна, по совершеніи божественной литургіи и напутственнаго молебствія, позволили отправиться въ чужіе края изъ Петергофа, на пароходъ «Грозящій»..

Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Цесаревна Марія Александровна позво-

шли прибыть 20-го августа (1-го сентября), ввечеру, въ Веймаръ.

25-го августа, Его Императорское Высочество Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій изволилъ прибыть изъ Тамбовской губернии въ Москву, а 27-го числа изволилъ выѣхать оттуда въ С.-Петербургъ.

1 сентября, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михаиловна и Супругъ Ея, Его Велико-Герцогское Высочество Герцогъ Георгъ Мекленбургъ-Стрелицкій, изволили возвратиться въ Петергофъ, 29 августа, изъ путешествія ихъ за границу.

Гапсаль 28-го іюля.—Ввечеру 21-го іюля, наканунѣ тезоименитства Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны, явилась предъ замкомъ процессія съ факелами; впереди которой шла гвардейская музыка. Когда Ея Высочество изволила выйти на балконъ, многочисленныя толпы народа привѣтствовали Государыню Цесаревну троекратнымъ «ура». Затѣмъ былъ исполненъ квартетъ, слова сочиненія Графа Рибиндера, а музыка учителя г. Роде, а послѣ того народный гимнъ, сыгранный гвардейскою музыкою и пропѣтый многочисленными хорами пѣвчихъ. Праздникъ окончился новыми возгласами «ура», и всѣ разошлись по домамъ, исполненные душевной радости. Ея Высочество благоволила пожаловать драгоценныя брилліантовые перстни, какъ автору словъ квартета, такъ и сочинителю музыки.

22-го числа естляндское дворянство имѣло счастье дать въ Линденскомъ саду, близъ Гапсаля, сельскій балъ въ честь Ея Императорскаго Высочества. Государыня Цесаревна удостоила принять приглашеніе на этотъ праздникъ. Для танцевъ былъ устроенъ полъ, и это мѣсто въ саду со вкусомъ было украшено цвѣтами и зеленью. Весь садъ, великолѣпно освѣщенный, представлялъ волшебное зрѣлище. Тысячи огней покрывали всѣ площадки, аллеи, бесѣдки. Въ залѣ былъ приготовленъ ужинъ. Лѣтняя ночь была тиха, ясна и прелестна. Въ половинѣ девятаго изволила прибыть Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна со свитою, и была встрѣчена г. Генералъ-Губернаторомъ и Естляндскимъ Предводителемъ Дворянства. Ея Высочество пробыла нѣсколько часовъ на праздникѣ, изволила ужинать, и выразила свое удовольствіе за устройство этого бала.

25-го числа, въ одиннадцать часовъ утра, Гапсаль имѣлъ счастье вторично привѣтствовать Его Императорское Высоче-

ство, Государя Наслѣдника Цесаревича. Ввечеру этого же дня были иллюминированы развалины стараго замка. Зубцы, окна и стѣны были освѣщены лампами. Внутренность часовни замка, довольно хорошо сохранившаяся, была также освѣщена. На валахъ горѣли смоляныя бочки, а бенгальскіе огни озаряли по временамъ окрестность то краснымъ, то синимъ, то зеленымъ огнями. Все устроено было великолѣпно. При вступленіи Августѣйшихъ Гостей во внутренній дворъ развалинъ, поднялась ракета, зазвонилъ колоколъ, и въ часовнѣ раздались звуки гимна, съ акомпаниментомъ духовыхъ инструментовъ, удачно подражавшихъ органамъ. За симъ исполненъ былъ народный гимнъ, а въ заключеніе гвардейская музыка сыграла нѣсколько музыкальных піесъ.

25-го іюля Ихъ Императорскія Высочества удостоили Своимъ присутствіемъ балъ въ залѣ водъ, украшенной дубовыми вѣтвями, цвѣтами и зеленью, и восхитили всѣхъ Своею благосклонностію. Зала и терраса были иллюминированы, и по временамъ освѣщались бенгальскими огнями. Это былъ послѣдній день здѣшнихъ празднествъ. Ихъ Императорскія Высочества изволили выѣхать изъ Гапсаля, 27-го числа, въ часъ пополудни, и отправились на пароходъ въ С.-Петербургъ. Безчисленныя толпы народа, проводивъ Августѣйшихъ Гостей до пристани, привѣтствовали Ихъ, при отъѣздѣ, громкими возгласами, выражавшими всеобщую благодарность, за счастье, которымъ Ихъ Высочества удостоили нашъ маленький городъ. Многіе проливали слезы умиленія, и всѣ сердца бились отъ восторга и искреннихъ чувствъ къ Высокимъ Особамъ. Гапсаль теперь опустѣлъ и осиротѣлъ, но воспоминаніе о минувшихъ прекрасныхъ дняхъ наполняетъ всѣ души, и будетъ жить въ нихъ вѣчно, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ,

Д А Н Н ы Е:

1) *Главному Совѣту женскихъ учебныхъ заведеній.*

Съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣвъ изъ представленнаго Намъ Главнымъ Совѣтомъ отчета за 1851 годъ, что при ревностномъ и постоянно успѣшномъ развитіи педа-

нообразныхъ началъ воспитанія дѣвицъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сообразно съ указанною Нами цѣлю, приняты дѣятельныя мѣры, не только къ приведенію нынѣ существующихъ заведеній на степень полного благоустройства умучшеніемъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, но и къ открытію новыхъ еще разсадниковъ женскаго образованія въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, Мы пріятнѣйшимъ долгомъ считаемъ изъявить Предсѣдателямъ и Членамъ Главнаго Совѣта, равно Московскаго Отдѣленія, искреннюю Нашу признательность и совершенное благоволеніе.

2) *Попечительному Совѣту заведеній общественаго призрѣнія въ Петербургѣ.*

Поднесенный Мнѣ Попечительнымъ Совѣтомъ отчетъ за 1851 годъ служитъ новымъ свидѣтельствомъ усердныхъ и неуспынныхъ попеченій его о сохраненіи ввѣренныхъ ему заведеній на степени отличнаго порядка и благоустройства, въ чемъ Я лично удостовѣрился, при посѣщеніи каждаго изъ сихъ учрежденій. Посему мнѣ пріятно изъявить Предсѣдателю и Членамъ Совѣта, равно попечителямъ заведеній, душевную Мою признательность и совершенное удовольствіе.

3) *Воспитательнаго Дома Опекунскимъ Совѣтамъ.*

Поднесенные намъ Опекунскими Совѣтами отчеты за 1851 годъ свидѣтствуютъ цвѣтущее состояніе ввѣренныхъ управленію ихъ учрежденій. Кредитныя установленія съ постояннымъ успѣхомъ распространяя кругъ дѣйствій своихъ, доставили способы къ совершенному обезпеченію всѣхъ почти подвѣдомственныхъ Совѣтамъ, какъ воспитательныхъ такъ и Богоугодныхъ заведеній, образованіемъ особыхъ для нихъ капиталовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, заведеніямъ даны постоянныя штаты, вполне соотвѣтствующіе современнымъ ихъ потребностямъ. Съ сердечнымъ утѣшеніемъ видя исполненіе нашихъ желаній объ утвержденіи на прочныхъ основаніяхъ устройства учрежденій, предназначенныхъ для цѣлей христіанскаго милосердія, Мы вмѣняемъ Себѣ въ пріятную обя-

занность изъявить за то Предсѣдательствующимъ въ Опекунскихъ Совѣтахъ и Почетнымъ Опекунамъ истинную Нашу признательность и особенное благоволеніе.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«**НИКОЛАЙ**».

Въ Сан-Суси, 1 іюля 1852 года

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ:

По Министерству Императорскаго Двора.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: Императорская Академія Художествъ, съ представленіями своими объ утвержденіи въ чинѣ IX класса лицъ, несостоящихъ въ службѣ и удостоенныхъ ею званія Академиковъ, входитъ въ сношеніе съ Инспекторскимъ Департаментомъ Гражданскаго Вѣдомства, для внесенія объ утвержденіи ихъ въ чинѣ въ Высочайшій Приказъ, и за тѣмъ уже обращается въ Правительствующій Сенатъ съ ходатайствомъ о выдачѣ тѣмъ Академикамъ, по установленному порядку, патентовъ на чинѣ IX класса.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ изволилъ: тѣмъ изъ Архитекторскихъ Помощниковъ Московскаго Дворцоваго Архитектурнаго Училища, получившимъ, по окончаніи въ ономъ полного курса наукъ, чинъ 14 класса, кои будутъ поступать Помощниками къ Землемѣрамъ Московской Дворцовой Конторы, сохранить права, предоставленныя Архитектурному Училищу §§ 27 и 28 Устава онаго, т. е. по прослуженіи опредѣленнаго для воспитанниковъ сего Училища срока получать чинъ 9 класса, но безъ званія Архитектора.

По Военному Министерству.

Государь Императоръ, въ разрѣшеніе вопроса о количествѣ отпуска довольствія содержащимся подъ арестомъ нижнимъ чинамъ Закавказскаго конно-мусульманскаго полка, согласно положенію Военнаго Совѣта, въ 13-й день іюля сего 1852 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

Производить нижнимъ чинамъ означеннаго полка кормовыя деньги: происходящимъ изъ дворянъ по 10 к. сер., а прочимъ по 6. к. сер., въ сутки, выдавая деньги содержащимся въ гражданскомъ вѣдомствѣ, въ городскихъ тюрьмахъ, изъ экстраординарныхъ по губерніямъ суммъ, а содержащимся на гауптвахтахъ, въ военномъ вѣдомствѣ—изъ суммъ Комиссаріата.

— Ст. 114 Положенія объ Астраханскомъ Казачьемъ Войскѣ, приложеннаго къ VI Продолженію част. I. кн. II. Св. Воен. Пост. дополнена особымъ примѣчаніемъ слѣдующаго содержания: «По неучрежденію въ Войскѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія, на обязанность Войсковаго Правленія возлагается принимать апелляціонныя и прочіе судебныя вклады, въ предѣлахъ его вѣдомства».

Къ статьѣ 229 тогожъ Положенія, въ коей исчислены предметы, составляющіе доходы Астраханскаго Казачьяго Войска присовокупленъ 7-й пунктъ: «Апелляціонныя деньги, вносимыя въ Войсковое Правленіе, въ томъ случаѣ, когда апелляція будетъ признана неправильною».

— Государь Императоръ по положенію Комитета Министровъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: пріемъ сертификатовъ второго польскаго займа 1835 года, Апт. В., въ залогъ по подрядамъ Военнаго Министерства прекратить, распространивъ сію мѣру и на всѣ другія вѣдомства, гдѣ до сего времени означенныя сертификаты принимаются въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.

По Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Отъ 31-го декабря 1849 года, Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ довелъ до свѣдѣнія Правительству-

ющаго Сената о Высочайшемъ соизволеніи на введеніе въ казенныхъ селеніяхъ постепенно взаимнаго застрахованія сельскихъ строеній. — Нынѣ, сдѣлавъ необходимыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ губерній исправленія и дополненія въ Положеніи о взаимномъ застрахованіи, Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ представлялъ оное на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Г. Министра Государственныхъ Имуществъ и означенный проектъ, мнѣніемъ положилъ: проектъ сей поднести, при меморіи Государственнаго Совѣта, на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, и затѣмъ, по воспослѣдованіи Высочайшаго одобренія оного, предоставить Министру Государственныхъ Имуществъ:

1) Настоящее Положеніе ввести, съ 1853 г., въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, на три года, т. е. на срокъ, назначаемый по Положенію для возобновленія оцѣнки домовъ и страховыхъ вѣдомостей; по истеченіи же сего срока, исправивъ Положеніе сіе по указаніямъ опыта, внести въ Государственный Совѣтъ, на окончательное рассмотрѣніе, для изданія въ видѣ уже закона положительнаго.

2) При домогательствѣ крестьянъ объ оставленіи ихъ при прежнемъ 4-хъ-копеечномъ сборѣ, разрѣшать Палаты Государственныхъ Имуществъ ограничиваться въ таковыхъ случаяхъ сборомъ преміи по 4 коп. съ ревизской мужескаго пола души, но съ тѣмъ, чтобы и самая мѣра вознагражденія опредѣляема была, въ примѣненіе къ таблицамъ, на каждую душу, или за каждыя 4 коп. по 5 руб. сер., за деревянныя строенія и по 8 руб. за каменные.

Государь Императоръ воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ, Высочайше-утвердилъ соизволилъ и повелѣлъ исполнить, 7-го іюля 1852 года.

ПОЛОЖЕНІЕ**О ВЗАИМНОМЪ ЗАСТРАХОВАНІИ СТРОЕНІЙ ВЪ КАЗЕННЫХЪ СЕЛЕНІЯХЪ ОТЪ ПОЖАРОВЪ.****Положенія Общія.**

§ 1. Для доставленія государственнымъ крестьянамъ возможности, въ пожарныхъ случаяхъ получать скорое и соответственное убыткамъ денежное вознагражденіе для постройки новыхъ жилищъ, учреждается повсемѣстно въ казенныхъ селеніяхъ взаимное застрахованіе крестьянскихъ строеній.

§ 2. Крестьянскія строенія принимаются къ застрахованію на основаніяхъ, ниже изложенныхъ, со взносомъ за сіе ежегодно страховыхъ платежей. Сумма сихъ платежей и сумма вознагражденій, въ случаѣ истребленія пожаромъ строенія, опредѣляется въ прилагаемой у сего таблицы.

§ 3. Общественныя зданія въ селеніяхъ, какъ-то: выстроенныя на мірской счетъ дома для помѣщенія Волостныхъ и Сельскихъ Правленій, Приходскія Училища и т. п., равномерно должны быть непременно застрахованы, въ размѣрѣ, на основаніи общей оцѣнки, тою же таблицью опредѣленнымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.**О ПОРЯДКѢ СТРАХОВАНІЯ КРЕСТЬЯНСКИХЪ СТРОЕНІЙ.**

§ 4. Палаты Государственныхъ Имуществъ, по заготовленіи печатныхъ бланковъ страховыхъ вѣдомостей, для вписыванія въ нихъ, подъ особыми нумерами, именъ домохозяевъ, суммы, въ которой страхуется строеніе, и суммы ежегодныхъ страховыхъ платежей, рассылаютъ въ Волостныя Правленія по два таковыхъ бланка на каждое сельское общество.

Примѣчаніе. Расходы на заготовленіе бланковъ производятся изъ хозяйственнаго капитала, и возмѣщаются впоследствии изъ общихъ остатковъ отъ пожарнаго капитала.

§ 5 Волостные Головы, по полученіи бланковъ, отправляются, безъ потери времени, въ селенія, собираютъ домохозяевъ, и въ присутствіи Сельскаго Старшины и Добросовѣстныхъ Сельской Расправы, прочитываютъ во всеуслышаніе крестьянъ правила сего Положенія, объясняютъ имъ пользу онаго, и спрашиваютъ каждаго домохозяина, во сколько кто желаетъ обезпечить свое строеніе.

§ 6. Каждый домохозяинъ, участвуя, по правиламъ сего Положенія, во взаимномъ застрахованіи, обязанъ застраховать свой домъ неменѣе, какъ въ 15 руб., со взносомъ преміи 12 коп.; по всякому предоставляется на волю страховать свое строеніе и выше 15 руб., и именно: деревянныя до 125 р., а каменныя до 200 р., сообразно съ расчетомъ, въ таблицѣ опредѣленнымъ.

Примѣчаніе. 1-е. Размѣръ страхованія домовъ, принадлежащихъ сиротамъ, зависитъ отъ опекуновъ.

Примѣчаніе 2-е Въ-последствіи, отъ усмотрѣнія Министра Государственныхъ Имуществъ зависѣть будетъ, соображаясь съ средствами пожарнаго капитала, изъ взносовъ страховыхъ платежей составится имѣющаго, въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ дѣйствительная стоимость крестьянскихъ строеній значительно выше опредѣляемой въ таблицѣ нормы, разрѣшать страхованіе до суммы въ два раза болѣе, но съ тѣмъ же непремѣннымъ условіемъ, чтобы сумма вознагражденія ни въ какомъ случаѣ не превосходила двухъ третей истинной цѣнности строенія.

§ 7. Крестьянскія строенія, страхуемая въ 15 р., не подвергаются никакой предварительной оцѣнкѣ; но если страхованіе производится выше 15 р., въ такомъ случаѣ наблюдается, чтобы сума застрахованія не превышала двухъ третей стоимости строенія: для сего Волостной Голова съ Сельскимъ Старшиною и Добросовѣстными Сельской Расправы должны произвести оцѣнку строенія, примѣняясь къ мѣстнымъ цѣнамъ, и удостовѣряться, что сумма страхованія не превышаетъ двухъ третей стоимости строенія, обязаны засвидѣтельствовать о семъ на страховой вѣдомости, подъ собственною ихъ отвѣтственностію за вѣрность оцѣнки.

§ 8. Имена домохозяевъ, сумма, въ которой они обезпечили свои строенія, и сумма страховыхъ платежей, которую

должны уплачивать ежегодно, вносятся въ печатный бланкъ страховых вѣдомостей. Вѣдомости сіи состояются въ двухъ экземплярахъ, и подписываются Волостнымъ Головою, Старшинами и Добросовѣтными.

§ 9. Страховыя вѣдомости состояются на три года, т. е. на срокъ дѣйствія раскладки общественнаго сбора, въ которую должны вноситься самыя суммы страховых платежей (§ 12). Съ окончаніемъ каждый разъ срока трехлѣтія, въ послѣдній годъ онаго, вѣдомости таковыя составляются вновь, порядкомъ, въ §§ 5 — 11 постановленнымъ.

§ 10. По внесеніи домохозяевъ въ страховыя вѣдомости, выдается каждому на застрахованное строеніе свидѣтельство, съ показаніемъ въ ономъ суммы застрахованія и суммы ежегодныхъ платежей. Свидѣтельства подписываются Волостнымъ Головою и скрѣпляются Сельскимъ Писаремъ.

Примѣчаніе. Печатные бланки сихъ свидѣтельствъ, подобно какъ бланки страховых вѣдомостей (§ 4), заготавливаются Палатами Государственныхъ Имуществъ, и своевременно разсылаются въ Волостныя Правленія. Расходъ на заготовленіе относится на счетъ тѣхъ же источниковъ, какъ о бланкахъ страховых вѣдомостей сказано (§ 4, примѣчаніе).

§ 11. Одинъ экземпляръ страховой вѣдомости остается у Сельскаго Старшины, для свѣдѣнія, а другой отправляется Волостнымъ Головою прямо въ Палату Государственныхъ Имуществъ.

§ 12. Палата, выведя изъ страховых вѣдомостей общее исчисленіе о суммѣ страховых платежей по каждому сельскому обществу, включаетъ ту сумму въ раскладку общественнаго сбора, особою статьею, подъ названіемъ пожарнаго капитала, и вноситъ въ окладные податные листы по обществамъ, въ число оклада общественнаго сбора.

§ 13. Въ сельскихъ обществахъ сумма страховых платежей распределяется на каждого домохозяина соотвѣтственно суммѣ, въ которую строеніе его застраховано, включается въ выдаваемыя крестьянамъ платежныя книги, и вносятся домохозяевами вмѣстѣ съ податью.

§ 14. Уѣздныя Казначейства, принимая страховыя платежи отъ сборщиковъ податей, вписываютъ ихъ на приходъ, въ число общей суммы общественнаго сбора.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О КРЕСТЬЯНСКИХЪ СТРОЕНІЯХЪ, ПОДЛЕЖАЩИХЪ СТРАХОВАНІЮ.

§ 15. Обязательному страхованію, по правиламъ сего Положенія (§ 6), подлежатъ строенія домохозяевъ изъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій, въ томъ числѣ поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, а также отставныхъ нижнихъ чиновъ, водворенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ. Не изъеются отъ обязанности взаимнаго страхованія и тѣ изъ крестьянъ, которые застраховали или пожелаютъ застраховать свои дома въ частныхъ страховых обществахъ; но во избѣжаніе двойныхъ платежей, отъ воли каждаго домохозяина зависить страховать въ страховомъ обществѣ только ту часть стоимости строенія, которая, по его соображеніямъ, будетъ оставаться необезпеченною, сверхъ принятаго по селенію оклада, если то непротивно уставамъ обществъ.

§ 16. Дома крестьянъ, приписанныхъ къ одному селенію, но выстроенные или пріобрѣтенные или въ другихъ селеніяхъ, принимать на страхъ по симъ послѣднимъ селеніямъ, на общемъ основаніи; дома же крестьянскіе въ городахъ къ страхованію не пріеются.

§ 17. При пріемѣ крестьянскихъ домовъ на страхъ, всѣ строенія, въ одномъ дворѣ состоящія, т. е. домъ со всѣми надворными постройками, слѣдуетъ принимать за одинъ дворъ. Отдѣльные дома, составляющіе особыя дворы, принадлежатъ ли они одному и тому же хозяину, или различнымъ членамъ одного семейства, принимать къ страхованію отдѣльно, и писать послѣ общихъ номеровъ каждаго селенія.

Примѣчаніе. Бани, овины, кузницы и дѣйствующія силою огня крестьянскія фабрики и заводы, а также крестьянское имущество, къ застрахованію не принимаются.

§ 18. Къ застрахованію на вышеизложенныхъ основаніяхъ могутъ быть принимаемы: 1) отдѣльные отъ надворныхъ крестьянскихъ строеній, но находящіеся, однакоже, въ самыхъ селеніяхъ, амбары, мельницы, фабрики ткацкія, въ коихъ работы производятся не силою огня; 2) строенія лицъ другихъ сословій, постоянно въ казенныхъ селеніяхъ водворившихся, или состоящихъ въ должностяхъ, какъ-то: священно и церковно-служителей, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ, и 3) строенія вдовъ, неимѣющихъ въ своихъ семействахъ малочныхъ душъ мужескаго пола.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О ПОРЯДКѢ СТРАХОВАНІЯ СТРОЕНІЙ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ.

§ 18. Волостной Голова, при объѣздѣ селеній для приѣма къ страхованію крестьянскихъ строеній, оцѣниваетъ, совместно съ Сельскимъ Старшиною, и строенія общественныя, и составивъ имъ особія, въ двухъ экземплярахъ, страховыя вѣдомости, общія по каждой волости, съ показаніемъ суммы застрахованія и суммы страховыхъ платежей, соотвѣтственно таблиц, одинъ экземпляръ представляетъ въ Палату Государственныхъ Имуществъ, за своею подписью, а другой оставляетъ при дѣлахъ Волостнаго Правленія. Возобновленіе сихъ вѣдомостей производится въ одинъ срокъ съ возобновленіемъ страховыхъ вѣдомостей крестьянскимъ строеніямъ (§ 9).

Примѣчаніе. Изъ сего общаго правила изъеются, однакоже, дома, выстроенные для чиновъ лѣсной стражи; оцѣнка и представленіе о нихъ страховыхъ вѣдомостей, равно какъ и самое опредѣленіе необходимости въ страхованіи тѣхъ домовъ, зависитъ отъ мѣстнаго лѣснаго начальства.

§ 20. Палата, разсмотрѣвъ сдѣланную Волостнымъ Головою оцѣнку, по сношенію, буде пужнымъ признаетъ, съ Окружнымъ Начальникомъ, или утверждаетъ оную, или дѣлаетъ необходимое, по существу сего Положенія, измѣненіе, и затѣмъ поставяетъ въ извѣстность Волостное Правленіе о количествѣ ежегодныхъ страховыхъ платежей, слѣдующихъ за общественныя строенія.

§ 21. Взносъ страховыхъ платежей за общественныя строенія производится Волостнымъ Правленіемъ, на основаніи § 13 сего Положенія, изъ процентовъ съ мірскаго капиталовъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, на счетъ мірскаго сбора. Изысканіе источниковъ для покрытія сего расхода по страхованію домовъ лѣсной стражи будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія Министра Государственныхъ Имуществъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О ВЫДАЧѢ ВОЗНАГРАЖДЕНІЙ ВЪ СЛУЧАѢ ПОЖАРА.

§ 22. Въ случаѣ пожара, Волостное Правленіе немедленно приводитъ въ извѣстность количество погорѣвшихъ строеній, и составляетъ онымъ вѣдомость.

§ 23. Въ вѣдомости прописываются, по сгорѣвшимъ строеніямъ—имена домохозяевъ и суммы, какія слѣдуетъ выдать за сгорѣвшія строенія, сообразно съ вѣдомостями застрахованія, а по сгорѣвшимъ общественнымъ строеніямъ—селеніе, въ которомъ тѣ зданія были, и сумма причитающагося вознагражденія. Если строенія несовершенно истреблены пожаромъ, а повреждены только частію, въ такомъ случаѣ опредѣленіе мѣры вознагражденія за частныя строенія зависитъ отъ рѣшенія сельскаго мірскаго схода, а за строенія общественныя—отъ усмотрѣнія Волостнаго Правленія.

§ 24. Сельскій сходъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія за несовершенно истребленныя пожаромъ строенія, составляется изъ домохозяевъ того селенія или деревни, въ которыхъ произошелъ пожаръ (за исключеніемъ самихъ погорѣвшихъ), съ приглашеніемъ къ нимъ, во всякомъ случаѣ, до 12 человекъ добросовѣстныхъ крестьянъ ближайшихъ селъ и деревень, отъ которыхъ и брать письменное показаніе при Сельскомъ Старшинѣ и Волостномъ Головѣ, о томъ, какое слѣдуетъ выдать погорѣвшимъ вознагражденіе за причиненные пожаромъ убытки.

§ 25. Если пожаръ произошелъ отъ злоумышленнаго намѣренія, и злоумышленность будетъ доказана письменнымъ приговоромъ сельскаго мірскаго схода, то изболоченному въ томъ домохозяину Волостное Правленіе никакого вознагражденія не назначаетъ и, кромѣ-того, злоумышленника представляетъ къ суду, для сужденія по законамъ.

§ 26. По составленіи вѣдомости погорѣвшимъ строеніямъ (§§ 22—25), Волостное Правленіе изготавляетъ донесеніе въ Палату Государственныхъ Имуществъ, и отправляетъ оное, вмѣстѣ съ вѣдомостью, въ конвертѣ на имя мѣстнаго Окружнаго Начальника.

§ 27. Окружный Начальникъ, удостовѣрившись лично, или чрезъ помощниковъ своихъ, въ правильности показанія Волостнаго Правленія о числѣ сгорѣвшихъ строеній и вообще о послѣдствіяхъ бывшаго пожара, свидѣтельствуетъ достоверность вѣдомости собственноручною подписью, и отправляетъ оную, вмѣстѣ съ рапортомъ Волостнаго Правленія, въ Палату Государственныхъ Имуществъ.

§ 28. Палата, разсмотрѣвъ представленныя ей свѣдѣнія и удостовѣреніе Окружнаго Начальника, равно повѣривъ вѣдомость объ убыткахъ съ вѣдомостями страховыми, немедленно сообщаетъ объ отпускѣ дѣйствительно причитающейся сум-

мы вознагражденія Казенной Палатѣ, а Волостному Правленію предписываетъ принять тѣ деньги, и изъ нихъ: причитающіяся за строенія крестьянскія — выдать погорѣвшимъ; слѣдующія-же за строенія общественныя — записать на приходъ по книгамъ Волостнаго Правленія, и хранить впредь до распоряженія объ обращеніи оныхъ, или на возведеніе вновь, или на поправку поврежденныхъ пожаромъ общественныхъ строеній.

§ 29. Казенныя Палаты, для ускоренія выдачи, обязаны сдѣлать о семъ распоряженіе въ первое, по вступленіи требованія, присутствіе.

§ 30. По полученіи суммъ, причитающихся погорѣвшимъ, и по запискѣ оныхъ на приходъ и въ расходъ, Волостной Голова немедленно выдаетъ оныя по принадлежности, при Сельскомъ Старшинѣ и Добросовѣстныхъ, съ росписками, и объ исполненіи доносятъ Палатѣ Государственныхъ Имуществъ.

§ 31. Вознагражденіе за пожарные убытки выдается домохозяевамъ вполнѣ, несмотря на то, состоитъ-ли на нихъ какая-либо недоимка по сборамъ, или нѣтъ.

§ 32. Отпускъ лѣса погорѣвшимъ крестьянамъ дѣлается тогда только, когда у селеній есть приписанныя къ нимъ крестьянскія лѣсныя дачи, или когда есть вблизи селенія дачи казенныя; но въ семъ послѣднемъ случаѣ не иначе, однакоже, какъ съ платежемъ половиннаго количества определенныхъ по таксѣ попенныхъ денегъ, примѣняясь къ § 265 правилъ Инструкціи для уравненія государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ.

§ 33. Палаты Государственныхъ Имуществъ о всѣхъ производимыхъ отпускахъ суммъ на пожарныя вознагражденія ведутъ особый счетъ.

§ 34. По окончаніи года, Палаты соображаютъ сей счетъ со счетами Казенныхъ Палатъ, и представляютъ въ подлежащіе Департаменты Министерства Государственныхъ Имуществъ.

§ 35. Министерство Государственныхъ Имуществъ, по полученіи допесеній отъ всѣхъ Палатъ, дѣлаетъ общій расчетъ съ Министерствомъ Финансовъ, и остатки отъ страховыхъ взносовъ, за уплатою сдѣланныхъ позайствованій изъ хозяйственнаго капитала на пожарные случаи, обращаетъ на составленіе запаснаго пожарнаго капитала.

ТАБЕЛЪ

ЕЖЕГОДНЫХЪ СТРАХОВЫХЪ ПЛАТЕЖЕЙ И ЕДИНОВРЕМЕННЫХЪ ПОЖАРНЫХЪ ВОЗНАГРАЖДЕНІЙ ЗА СГОРѢВШІЯ СТРОЕНІЯ, ЗАСТРАХОВАННЫЯ ПО ПРАВИЛАМЪ ВЗАИМНАГО ОБЕЗПЕЧЕНІЯ.

Ежегодные страховые платежи съ домохозяина.		Сумма вознагражденія въ случаѣ пожара			
		За строенія деревянныя.		За строенія каменныя.	
Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
»	12	15	»	24	»
»	16	20	»	32	»
»	20	25	»	40	»
»	24	30	»	48	»
»	28	35	»	56	»
»	32	40	»	64	»
»	36	45	»	72	»
»	40	50	»	80	»
»	50	62	50	100	»
»	60	75	»	120	»
»	70	87	50	140	»
»	80	100	»	160	»
»	90	112	50	180	»
1	»	125	»	200	»

По Министерству Финансовъ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволивъ: проекты на незначительныя по вѣдомству Министерства Финансовъ постройки, стоимость коихъ не превышаетъ тысячъ пяти сотъ рублей серебромъ, составлять въ Министерствѣ Финансовъ, по особымъ Высочайше-утвержденнымъ нормальнымъ чертежамъ, и за тѣмъ проекты сіи и ихъ смѣты, не отсылая, на основаніи Св. Зак. Т. XII Уст. Стр. ст. 84 по продолж. XII, для разсмотрѣнія въ Главное Управление Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, приводить въ дѣйствіе распоряженіемъ Министерства Финансовъ.

— Вслѣдствіе просьбы торгующаго при таганрогскомъ портѣ купечества, г. Управляющій Министерствомъ Финансовъ входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ, въ которомъ полагалъ: данное таганрогскому купечеству по 15 іюля 1852 года дозволеніе отлагать ежегодно до 15-го іюля платежъ пошлинъ за такіе иностранные товары, коимъ срокъ сего платежа оканчивается послѣ 13-го октября, продолжить еще на пять лѣтъ, на прежнемъ основаніи.

Комитетъ положилъ представленіе это утвердить, и Государь Императоръ, въ 22-й день іюля сего 1852 года, на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ; при чемъ послѣдовало Собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: «окончательно».

— Примѣчаніе 5-е къ ст. 2341-й Уст. Горн. (Св. Зак. Том. VII-го по Прод. XV Час. II) повелѣно изложить слѣдующимъ образомъ: «Лица, неимѣющія по закону права заниматься золотымъ промысломъ, равно лишившіяся сего права впоследствии, обязаны всякій доставшійся имъ какимъ-либо образомъ золотой приискъ, равно и всякое участіе въ приискѣ, передать другимъ золотопромышленникамъ въ-продолженіе двухъ лѣтъ, первые со дня объявленія о перечисленіи тѣхъ приисковъ въ ихъ владѣніе, а послѣдніе со дня лишенія права на золотопромышленность; если же въ означенный двухгодовой срокъ передача не совершится, то прииски или участіе въ оныхъ поступаютъ въ казенное вѣдомство, и по распоряженію мѣстнаго начальства, производится имъ оцѣнка Горнымъ Ревизоромъ, при участіи трехъ смежныхъ золотопромышленниковъ или ихъ довѣренныхъ. При таковой оцѣнкѣ принимается въ основаніе: если приискъ уже разрабатывался, — сложность полученной золотопромышленникомъ въ предшествовавшіе годы прибыли, а равно и настоящее положеніе прииска, въ томъ случаѣ, когда въ послѣднее предъ оцѣнкою время въ производствѣ разработки онаго замѣчался упадокъ; если же производимы были однѣ только развѣдки прииска, — результаты сихъ развѣдокъ, когда оныя дѣлались прежде, нежели владѣлецъ прииска лишился на него права. За тѣмъ предоставляется предпочтительное право на полученіе таковыхъ приисковъ, по составленной оцѣнкѣ, компаніонамъ бывшаго владѣльца сихъ приисковъ, буде они въ-теченіе трехмѣсячнаго срока со дня объявленія имъ о томъ подадутъ мѣстному главному начальству просьбу объ утвержденіи за ними означенныхъ приисковъ; въ противномъ случаѣ, прииски сіи, или участіе въ

оныхъ, объявляются свободными, для заявки на общемъ основаніи, безъ соблюденія впрочемъ требуемой при заявкѣ казенныхъ остатковъ развѣдки. Въ томъ и другомъ случаѣ, новый владѣлецъ прииска или участія въ ономъ вноситъ подати съ золота въ казну на правахъ прежняго владѣльца, а сему послѣднему уплачиваетъ слѣдующую по оцѣнкѣ сумму немедленно, или въ назначенные по взаимному соглашенію сроки; при неисполненіи же сего, уплата означеннаго вознагражденія прежнему владѣльцу производится изъ золота, добытаго на принадлежавшихъ ему приискахъ, предпочтительно предъ другими, могущими быть, частными къ сему золоту претензіями.

— Департаментъ Внѣшней Торговли далъ знать по таможенному вѣдомству, для свѣдѣнія и надлежащаго, до кого относиться будетъ, исполненія, что для перевозки изъ таурогенской таможни транспортовъ съ неочищенными пошлиною иностранными товарами на складку въ таможни: с.-петербургскую, московскую и рижскую, назначены слѣдующіе сроки: изъ Таурогена С.-Петербургъ 59 дней, изъ Таурогена въ Москву 89, изъ Таурогена въ Ригу 17 дней.

— Къ статьѣ 485-й Учрежденія Мни. Фин. (Св. Зак. Т. I) присовокуплено слѣдующее примѣчаніе «Управленія, которымъ, по штатамъ ихъ, предоставлено дѣлать распоряженія на счетъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ, представляютъ къ зачету, по надлежащимъ смѣтамъ, такіе только отъ сихъ суммъ остатки, кои, по окончаніи каждаго года, за раздачею наградъ и пособій чиновникамъ, писарямъ и служителямъ и за употребленіемъ на хозяйственныя надобности тѣхъ Управленій окажутся свободными.

По Министерству Юстиціи.

Въ законахъ о взысканіи за поврежденіе казеннаго лѣса, Высочайше-утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено сдѣлать слѣдующія измѣненія:

1) Ст. 957 и 961 Улож. о наказ. уголов. и исправ. изложитъ слѣдующимъ образомъ:

Ст. 957-ю. Кто будетъ въ казенномъ лѣсу дѣлать насѣчки на деревьяхъ, для добыванія смолы или соку, тотъ за сіе,

сверхъ взысканія цѣны поврежденнаго имъ чрезъ сіе лѣса, по установленной таксѣ, подвергается: въ первый разъ — аресту, на время отъ семи дней до трехъ недѣль; во второй — также аресту, на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ. Изобличенные въ семь нарушеній закона болѣе двухъ разъ приговариваются, также сверхъ цѣны поврежденнаго ими лѣса, къ наказаніямъ, опредѣленнымъ выше сего въ статьѣ 941, за похищеніе казеннаго лѣса. Взысканіямъ и наказаніямъ, по той же 941 ст. опредѣленнымъ, подвергаются и тѣ, которые, безъ надлежащаго дозволенія, будутъ обнажать деревья, для полученія коры, лыкъ, дубьевъ, или которые другимъ какимъ-либо образомъ съ намѣреніемъ будутъ повреждать или портить растущія деревья.

Примѣчаніе. За поврежденіе деревъ насѣчками, для добыванія смолы или соку, снятіемъ коры и лубьевъ въ лѣсосѣкахъ, отведенныхъ государственнымъ крестьянамъ на первые три года, не подвергаются взысканіямъ и наказаніямъ, на основаніи сей 957 ст., тѣ только государственные крестьяне, для пользованія коихъ отведены сіи лѣсосѣки; по освобожденіи отъ сей отвѣтственности не распространяется на прочія лица, неимѣющія права на пользованіе лѣсомъ въ отведенныхъ лѣсосѣкахъ.

Ст. 961-ю. Кто, получивъ дозволеніе на добываніе въ казенныхъ лѣсахъ смолы, дегтя, поташа, угольевъ, лыкъ или приготовленіе ободьевъ для колесъ и тому подобныхъ лѣсныхъ издѣлій, заготовитъ оныхъ болѣе, нежели ему дозволено, и не объявитъ о семъ кому слѣдуетъ добровольно, или хотя и объявитъ, но излишекъ сей будетъ превышать десять на сто противъ дозволеннаго количества, тотъ, по отобраніи отъ него всего излишняго заготовленнаго, какъ похищеннаго, подвергается за все излишнее соразмѣрному денежному взысканію и наказанію на основаніи постановленій статьи 941-й. Еслижъ, напротивъ, сдѣлано имъ добровольное объявленіе объ излишней противу билетовъ заготовкѣ лѣсныхъ издѣлій, и сей излишекъ не будетъ превышать десяти на сто противъ дозволеннаго количества, то съ него взыскиваются лишь дополнителныя за сей излишекъ, по таксѣ, деньги.

2) Согласно съ вышеозначеннымъ изложеніемъ, ст. 961 Улож. о наказ. измѣнить и ст. 798 Уст. лѣснаго (Св. Зак. т. VIII по продолж. VI).

3) Ст. 1554-ю того жъ Устава лѣснаго (по продолж. VI), измѣнить на слѣдующемъ основаніи:

«За поврежденіе деревъ насѣчками, для добыванія смолы или соку, снятіемъ коры и лубьевъ въ лѣсосѣкахъ, отведенныхъ государственнымъ крестьянамъ на первые три года, не подвергаются взысканіямъ и наказаніямъ, на основаніи ст. 957-й Уложенія о наказаніяхъ тѣ только государственные крестьяне, для пользованія коихъ отведены сіи лѣсосѣки; по освобожденіе отъ сей отвѣтственности не распространяется на прочія лица, неимѣющія права на пользованіе лѣсомъ въ отведенныхъ лѣсосѣкахъ».

— Къ статьѣ 1479 Уложенія о наказаніяхъ повелѣно при-совокупить слѣдующее дополненіе: «Опредѣленному въ сей статьѣ денежному взысканію подвергаются и лѣсопромышленники за каждый плотъ, или гонку, остановившіеся на зимовку въ каналахъ, или рѣкахъ, если не подадутъ о такой остановкѣ немедленно надлежащаго объявленія ближайшему начальнику судоходной дистанціи».

— Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволить: со всѣхъ Евреевъ, обязанныхъ рекрутскою повинностію, брать рекрутъ, при каждомъ очередномъ частномъ наборѣ, объявляемомъ въ Имперіи, по десяти человекъ съ тысячи душъ; штрафныхъ же за недомочныхъ къ сроку набора рекрутъ взыскивать съ Евреевъ, по Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату въ 27 й день декабря 1850 года.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: Въ городскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ Москвы обыкновенное срочное свидѣтельство денежныхъ суммъ и казеннаго имущества должно быть производимо непременно въ теченіе первыхъ трехъ присутственныхъ (нетабельныхъ) дней каждаго мѣсяца; распределеніе же дней для произведенія такового свидѣтельствующанія въ означенныхъ мѣстахъ предоставляется усмотрѣнію Начальника губерніи.

— Высочайше-утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, относительно совершеннолѣтія лицъ женскаго пола по Литовскому Статуту, постановлено: объяснить, что какъ Литовскій Статутъ не лишаетъ совершеннолѣтнихъ дѣвицъ права владѣть, не только движимою, но и недвижимою собственностію (Разд. V-й, Арт. 14), и означая несовершеннолѣтнихъ дѣтей въ числѣ лицъ, коимъ отказывается въ правѣ дѣлать завѣщанія, потому-что сіи лица не имѣютъ ничего свободнаго (Разд. VIII-й Арт. 1-го), не именуетъ однакожъ незамужнихъ женщинъ; то и устанавливаемая Лит. Стат. въ Разд. V Арт.

9, въ Разд. III Арт. 40 и въ Разд. V. Арт. 11 § 4-го, опека не стѣсняетъ дѣвицъ въ распоряженіи ихъ собственнымъ имуществомъ, а потому и давность земская по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ лишь тяжбъ и исковъ о приданомъ, а также тяжбъ и исковъ, относящихся къ четвертой части недвижимаго родового отцовскаго имѣнія, должна быть исчисляема для дѣвицъ со времени достиженія ими законнаго, опредѣленнаго въ Статутѣ совершеннолѣтія.

— Государь Императоръ, по случаю усилившихся съ 1849 года нападеній злоумышленниковъ на почты, внутри Имперіи, и особенно въ настоящемъ 1852 г. по Херсонской губерніи, вблизи города Одессы, — въ 6-й день апрѣля 1852 года Высочайше повелѣть соизволилъ: «впредь грабителей почтъ судить военнымъ судомъ, подобно какъ повелѣно было, въ 1842 и 1848 годахъ, судить зажигателей такимъ же судомъ».

Статью 392 Уставовъ о обезпеченіи народнаго продовольствія (Св. Зак., т. XIII) повелѣно дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: Хлѣбные запасы въ имѣніяхъ донскихъ помѣщиковъ составляютъ неотъемлемую собственность сельскихъ обществъ. Посему крестьяне, въ какомъ бы они числѣ ни были увольняемы, или отсуждаемы, по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, на свободу, или выбыли изъ семеній чрезъ продажу, уступку, дареніе или другими случаями, лишаются всякаго права на тотъ хлѣбъ, который въ магазинахъ оставляемыхъ ими обществъ находится. Изъ правила сего дѣлается исключеніе и дозволяется крестьянамъ забирать изъ запасныхъ магазиновъ всыпанный ими хлѣбъ, въ такомъ только случаѣ, когда все сельское общество выходитъ изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе, и поступивъ въ казенное вѣдомство, должно переселиться на новыя мѣста.

— По вопросу: о домашнихъ сдѣлкахъ, совершаемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ Западныхъ губерній на переходъ недвижимыхъ имѣній отъ одного лица къ другому, согласно съ заключеніемъ Сената, Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше-утвержденнымъ въ 31 день мая, положилъ: I. Въ поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1. Въ Западныхъ губерніяхъ, во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, съ владѣльцевъ домовъ и другихъ строеній, если съ симъ владѣніемъ несоединено или не переступается право собственности на землю, на которой находится строеніе, не требуется, кромѣ условій, помѣщикомъ утвержденныхъ, другихъ какихъ-либо крѣпостныхъ актовъ, и при продажѣ озна-

ченныхъ домовъ и строеній, или переходѣ инымъ образомъ къ другому лицу, не взыскивается никакихъ пошлинъ, за сію ст. 16 Высочайше-утвержденнаго 31 мая 1828 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, приведеннаго въ ст. 350 Уст. о пошл. (Св. Зак. Т. V). Упомянутыя выше условія должны быть писаны, по силѣ ст. 115, 117 и 127 Уст. о пошл., на подлежащей крѣпостной гербовой бумагѣ. 2. Въ тѣхъ случаяхъ, когда во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ Западныхъ губерній приобрѣтается кѣмъ-либо въ собственность домъ или другое строеніе съ землею, или одна земля, — на приобрѣтеніе сего рода имѣній, какъ недвижимыхъ, должны быть совершаемы крѣпостные акты, съ платежемъ въ казну пошлинъ на общемъ основаніи о приобрѣтеніи и переходахъ права собственности на недвижимыя имѣнія. II. Объявить жителямъ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ Западныхъ губерній, чтобы тѣ изъ нихъ, кои имѣютъ по частнымъ сдѣлкамъ въ вышеупомянутыхъ городахъ и мѣстечкахъ, во владѣніи своемъ, на правѣ собственности, дома съ землею, или землю, совершили на приобрѣтеніе такихъ недвижимыхъ имуществъ узаконеннымъ порядкомъ крѣпостные акты, со взносомъ въ казну установленныхъ пошлинъ, или, въ случаѣ затрудненія къ совершенію сихъ актовъ, предъявили подлежащимъ мѣстамъ частныя на недвижимыя имѣнія сдѣлки, для засвидѣтельствованія оныхъ у крѣпостныхъ дѣлъ и для взысканія, по цѣнѣ имѣнія всѣхъ тѣхъ пошлинъ, коцъ слѣдовали бы казнѣ съ крѣпостнаго на тоже имѣніе акта, и потомъ представили, куда надлежитъ, тѣ сдѣлки или крѣпостные акты, для учиненія по онымъ узаконеннаго ввода; для совершенія же таковыхъ крѣпостныхъ актовъ и для засвидѣтельствованія частныхъ сдѣлокъ назначить трехъ-лѣтній, со дня обнародованія сего постановленія, срокъ, подъ опасеніемъ взысканія штрафа, постановленнаго въ примѣчаніи къ ст. 360 Уст. о пошл. за владѣніе домами и другими недвижимыми имуществами въ городахъ безъ крѣпостныхъ актовъ.

— Государь Императоръ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, вслѣдствіе представленія Г. Министра Юстиціи, основаннаго на ходатайствѣ Виленскаго Военнаго, Гродненскаго, Минскаго и Ковенскаго Генералъ-Губернатора, Высочайше повелѣть соизволилъ: правило о сужденіи военнымъ судомъ Евреевъ того края, обвиняемыхъ въ поддѣлкѣ Государственныхъ бумагъ, или выпускѣ таковыхъ въ обращеніе, распространить отнынѣ впередъ и на лицъ христіанскихъ вѣроиспо-

вѣданій, кои окажутся виновными въ соучастіи съ Евреями въ означенномъ преступленіи.

— По одному изъ производившихся въ 1-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената дѣлъ, Господинъ Министръ Юстиціи замѣтилъ отступленіе отъ порядка, которому Губернскія Начальства обязаны слѣдовать въ представленіяхъ своихъ о поясненіи или дополненіи закона. По порядку этому всё встрѣчаемыя въ смыслѣ законовъ сомнѣнія и недоразумѣнія предварительно разсматриваются Губернскимъ Прокуроромъ, а потомъ данное имъ заключеніе обсуживается Губернскимъ Правленіемъ въ соединенномъ Присутствіи Палатъ (Св. изд. 1842 года Т. II Общ. Губ. Учр. Прил. къ 648 ст. Учр. Губ. Прав. ст. 31 въ VI Прод.). Точное исполненіе сего порядка подтверждено въ самомъ Учрежд. Правительствующаго Сената (Св. изд. 1842 года Т. I Учрежд. Сената ст. 225 пунктъ 3), гдѣ именно сказано, что представленія Губернскихъ Начальствъ о поясненіи или дополненіи закона присылаются въ Сенатъ не иначе, какъ по разсужденіи о томъ въ Общемъ Собраніи Губернскаго Правленія, Палатъ и Губернскаго Прокурора. Посему Г. Оберъ-Прокуроръ, по порученію его Г. Министра Юстиціи, и предложилъ Правительствующему Сенату о повсемѣстномъ подтвержденіи относительно исполненія порядка, установленнаго для внесенія въ Сенатъ представленій о поясненіи и дополненіи законовъ. Согласно означенному предложенію г. Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ приказалъ: всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ подтвердить, чтобъ въ случаѣ, если встрѣчено будетъ по какому-либо предмету сомнѣніе и недоразумѣніе въ смыслѣ законовъ, непрежде входили въ Правительствующій Сенатъ съ своими представленіями, какъ по исполненіи порядка, установленнаго на сей случай въ 31-й статьѣ приложенія къ 648 статьѣ II тома Св. Учрежд. Губ. по VI Продолж. къ изд. 1842 года.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Г. Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, циркуляромъ отъ 5-го августа сего 1852 года, Гг. Гражданскимъ Губернаторамъ сообщено слѣдующее:

По возбужденному Орловскою Казенною Палатою вопросу о томъ: имѣютъ ли маклера право, на основаніи 369 ст. X т. Св. Зак. Гражд., приписать къ засвидѣтельствуванію акты, совершаемые на срубъ владѣльческихъ лѣсовъ, а также на сломку и сносъ домовъ, внесено было, по сношенію съ г. Министромъ Юстиціи, представленіе въ Правительствующій Сенатъ.

Принимая въ сообщеніе, что по 353, 356 и 357 ст. X т. Св. Гражд. Зак., лѣса хотя и составляютъ принадлежность недвижимыхъ имуществъ, но лѣсъ, безъ земли проданный, и съ условіемъ вывезти оный въ извѣстное время, есть, по точной силѣ 369 ст. того-же тома, имущество движимое, подобно хлѣбу сжатому и вымолоченному и другимъ въ той статьѣ поименованнымъ предметамъ. Правительствующій Сенатъ находилъ, что по содержанію 1284, 1285 и 1286 ст. Св. Зак. Гражд., акты о продажѣ лѣса на срубъ не подлежатъ совершенію крѣпостнымъ порядкомъ, со взысканіемъ въ казну крѣпостныхъ пошлинъ, но должны быть, по вышеприведеннымъ узаконеніямъ, являемы только для засвидѣствованія у крѣпостныхъ или маклерскихъ дѣлъ, и что на томъ-же самомъ основаніи слѣдуетъ предъявлять для засвидѣствованія акты о продажѣ на сломку и сносъ домовъ; о чемъ, указомъ отъ 19 прошедшаго іюня, предписалъ Орловской Казенной Палатѣ.

Вслѣдствіе возникшихъ и по нѣкоторымъ другимъ губерніямъ недоумѣній, относительно порядка совершенія помянутыхъ актовъ, и въ видахъ огражденія городскихъ доходовъ отъ ущерба, считаю долгомъ сообщить Вашему Превосходительству объ означенномъ указѣ Правительствующаго Сената, покорнѣйше прося васъ сдѣлать распоряженіе, съ опубликованіемъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, чтобы по городамъ ввѣренной вамъ губерніи акты о продажѣ лѣса на срубъ и на сломку и сносъ домовъ были предъявленными къ засвидѣствованію у крѣпостныхъ или маклерскихъ дѣлъ.

— Высочайше утверждены слѣдующія новыя правила раздробительной продажн ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ, взаменъ прежнихъ правилъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ ст. 514 (Уст. Врач., Св. Зак. т. XIII, по прод. VIII).

§ 1. Вещества ядовитыя и сильнодѣйствующія раздѣляются на четыре разряда (прилож. А. Б. В. Г.), смотря по болѣшей или мѣншей ихъ опасности для здоровья и жизни людей,

необходимости для технического или исключительно для фармацевтического употребленія и по степени доступности ихъ для народа.

Къ первому разряду отнесены ядовитыя вещества, по преимуществу удобныя для употребленія съ злоумышленною цѣлью (спис. А.); ко второму вещества ядовитыя и сильнодѣйствующія, употребительныя въ технику и притомъ неудобныя для злоумышленнаго употребленія (спис. Б.); третій и четвертый разряды заключаютъ въ себѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, необходимыя для фармацевтического исключительно употребленія; изъ нихъ вещества, привозимыя изъ-за границы и приготовляемыя на фабрикахъ и въ аптекахъ, помѣщены въ третьемъ разрядѣ (спис. В.), а въ четвертомъ (спис. Г.) вещества туземныя, доступныя всякому на мѣстахъ, гдѣ произрастаютъ и водятся.

Примѣчаніе. Медицинскому Совѣту предоставляется подвергать списки сіи ежегодно разсмотрѣнію, и буде окажется нужнымъ, дополнять оныя, или перемѣщать изъ одного списка въ другой содержащіяся въ нихъ вещества, соображаясь въ семъ, какъ съ успѣхами химіи, такъ и съ требованіями врачебной полиціи.

§ 2. Торговля ядовитыми и сильнодѣйствующими веществами дозволяется не иначе, какъ на основаніи постановленныхъ ниже сего правилъ.

§ 3. Веществами, значащимися въ спискѣ лит. А., дозволяется торговать только купцамъ, избраннымъ для сего отъ общества, которое вмѣстѣ съ тѣмъ обязывается объ именахъ лицъ, коимъ дано такое дозволеніе, извѣщать въ тоже время мѣстное медицинское начальство, и наблюдать, чтобы избранныя лица въ точности руководствовались постановленными для сей торговли правилами.

§ 4. Въ городахъ, гдѣ между купечествомъ не окажется желающихъ заняться продажей веществъ, поименованныхъ въ спискѣ А., право продажи оныхъ предоставляется исключительно аптекарямъ.

Примѣчаніе. Аптекари, пользующіеся на семъ основаніи правомъ торговли ядами, обязаны продавать оныя по вольнымъ цѣнамъ, но не выше цѣны аптекарской таксы.

§ 5. Всякій фабрикантъ, художникъ или ремесленникъ, желающій пріобрѣсть, для промысла своего, ядовитыя вещества, значащіяся въ спискѣ А, долженъ имѣть на сіе свидѣ-

тельство отъ Ремесленной Управы, или отъ Цеха, или-же отъ Полиціи.

§ 6. Въ сихъ свидѣтельствахъ должны быть означены званіе, имя и фамилія предъавителя, съ удостовѣреніемъ, что онъ, по занятіямъ своимъ, имѣетъ право на покупку матеріаловъ, въ спискѣ А поименованныхъ.

§ 7. Художники вѣдомства Академіи Художествъ и лица, служащія при учебныхъ и другихъ казенныхъ заведеніяхъ, получаютъ установленное въ предшедшемъ § свидѣтельство отъ своего начальства.

§ 8. Фабриканты и ремесленники снабжаются свидѣтельствами отъ Ремесленныхъ Управъ и Полиціи, которыя выдаютъ оныя безъ замедленія, не входя въ изслѣдованіе, нужны-ли имъ требуемыя вещества.

§ 9. Мѣста и лица, выдающія свидѣтельства на покупку ядовитыхъ веществъ, о каждой такой выдачѣ увѣдомляютъ въ тоже время мѣстное медицинское начальство.

§ 10. Свидѣтельства, выдаваемые на покупку веществъ, значащихся въ спискѣ А, остаются въ своей силѣ въ-теченіе одного года. При возобновленіи свидѣтельствъ, по прошествіи сего срока, означенныя мѣста и лица отбираютъ предварительно прежнее свидѣтельство и отсылаютъ оное въ мѣстное врачебное управленіе.

§ 11. Отъ фабрикантовъ и купцовъ, выписывающихъ поименованныя въ спискѣ А, ядовитыя вещества изъ-за границы, также отъ покупающихъ оныя у нихъ, для внутренней продажи, не требуется другихъ свидѣтельствъ на покупку оныхъ, кромѣ обыкновенныхъ свидѣтельствъ на право торговли, по коимъ и могутъ быть вписываемы въ книгу дѣлаемые имъ отпуски для продажи внутри государства.

§ 12. Завѣдывающіе вольными аптеками, при покупкѣ ядовитыхъ веществъ, значащихся въ спискѣ А, предъавляютъ, вмѣсто свидѣтельствъ, лишь удостовѣреніе мѣстнаго медицинского начальства въ томъ, что они дѣйствительно имѣютъ такія аптеки въ своемъ управленіи.

§ 13. Лицамъ прочихъ званій, непоименованнымъ въ § 6, 8, 10 и 11 (кромѣ врачей), пріобрѣтеніе ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ вовсе запрещается.

§ 14. На записку отпуска веществъ, въ спискѣ А поименованныхъ, каждый торговецъ снабжается отъ губернскаго медицинского начальства шнуровою книгою.

§ 15. Отпускъ веществъ сихъ производится подъ росписку

покупателя въ шнуровой книгѣ. Въ роспискѣ означается годъ, мѣсяць и число покупки, званіе, имя и фамилія покупателя, свидѣтельство, по которому произведена продажа, количество проданнаго матеріала, и обязательство покупателя въ томъ, что онъ будетъ хранить оный за своимъ замкомъ и печатью, употреблять единственно на предметъ, въ свидѣтельствѣ его означенный, и ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ продавать другимъ лицамъ.

§ 16. Продавецъ, съ своей стороны, подписываетъ на свидѣтельствѣ время, количество и предметъ отпуска; за тѣмъ, утвердивъ своимъ подписомъ сдѣланную надпись, возвращаетъ свидѣтельство покупателю.

§ 17. Торговцы ядовитыми веществами, въ списокѣ А значащимися, по истеченіи года представляютъ шнуровыя книги мѣстному медицинскому начальству, для разсмотрѣнія и повѣрки.

§ 18. Торговля веществами, значащимися, въ списокѣ лит. Б., предоставляется купцамъ всѣхъ трехъ гильдій, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ:

§ 19. Вещества сіи могутъ быть продаваемы лицамъ, имѣющимъ свидѣтельства на безсрочное время, или документы-удостоверяющіе въ благонадежности покупателя, или даже и безъ документовъ, если покупатель лично извѣстенъ продавцу.

§ 20. Записка отпуска веществъ, въ списокѣ лит. Б. поименованныхъ, производится въ обыкновенныя купеческія книги, съ показаніемъ лишь количества проданнаго вещества, и лица, кому продано.

§ 21. Ядовитыя и сильнодѣйствующія средства, поименованныя въ списокѣ В, и употребляемыя только для врачеванія, дозволяется купцамъ трехъ гильдій продавать лишь въ аптеки и по каталогамъ, или требованіямъ врачей.

§ 22. Вещества, значащіяся въ списокѣ Г, и состоящія изъ веществъ дикорастущихъ и собираемыхъ въ Россіи, могутъ, въ мѣстахъ добыванія, быть продаваемы свободно; но въ городахъ и вообще тамъ, гдѣ есть аптеки или мускательныя лавки, не иначе, какъ въ аптеки или мускательныя лавки.

§ 23. Всѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества дозволяется продавать не въ смѣшеніи, но каждое порознь и притомъ неизрѣзанными, неизрубленными и неприведенными въ

порошокъ, исключая только тѣ вещества, которыя въ семь видѣ получаютъ самими торговцами.

§ 24. Торгующіе ядовитыми и сильнодѣйствующими веществами должны хранить вещества сіи въ особыхъ отдѣленіяхъ, изъ коихъ при каждомъ должны быть особыя вѣски, гири, совки и прочія потребности для укладки.

§ 25. На ярмаркахъ торговля ядовитыми и сильнодѣйствующими веществами дозволяется безъ всякихъ ограниченій, за исключеніемъ лишь веществъ, поименованныхъ въ списокѣ А, которыя должны быть продаваемы не иначе, какъ съ соблюденіемъ всѣхъ выше установленныхъ для сего разряда правилъ.

§ 26. За непремѣннымъ выполненіемъ сихъ правилъ наблюдаютъ мѣстныя медицинскія начальства совокупно съ городской и земскою полиціею. Съ сею цѣлью Врачебныя Управы, Физикаты, Медицинская Контора, независимо отъ постановленной § 17-мъ повѣрки книгъ осматриваютъ съ чинами Полиціи, въ неопредѣленное время, лавки и магазины торгующихъ ядовитыми веществами, и удостоверяются въ правильности, какъ продажи, такъ и веденія книгъ; объ оказавшемся они доносятъ Начальнику губерніи и Медицинскому Департаменту.

Примѣчаніе. Въ уѣздныхъ городахъ означенное свидѣтельство лавокъ и магазиновъ можетъ быть производимо, по порученію губернскаго медицинскаго начальства, городскими и уѣздными врачами.

§ 27. При такой повѣркѣ могутъ присутствовать и депутаты отъ торговаго сословія.

С п и с о к ъ А.

1) Мышьякъ металлическій и сѣрый (Cobaltum, матеріаллистовъ); 2) Мышьякъ сѣрнистый, желтый и красный мышьякъ (оперментъ и реальгаръ); 3) Мышьяковистая кислота (бѣлый мышьякъ); 4) Мышьякокислое кали; 5) Ртуть двухлористая (сулема); 6) Ртутная окись (красная ртуть).

С п и с о к ъ Б.

1) Азотная или селитряная кислота, обыкновенная и дымящаяся (крѣпкая водка); 2) Азотнокислый свинецъ 3); Бромъ;

4) Краски, содержащія мышьяковисто-кислую мѣдь какъ-то зелень: англійская, базельская, бриксперская, вирцбургская, вѣпская, грундиргринъ, кайзерская, кассельская, курерская, кирхбергская, королевская, лебшицкая, лейпцигская, мюнхенская, митисъ, пейвидская, пейгринъ, оригинальная, парижская, патентованная, пикельгринъ, цвикауерская швейнфуртская, шобергская, ейслебенская; 5) Спиродистое кали, по методѣ Либиха приготов.; 6) Соленая кислота; 7) Сѣрная кислота, обыкновенная и дымящаяся; 8) Уксуснокислый свинецъ (свинцовый сахаръ); 9) Фосфоръ; 10) Щавельная кислота; 11) Щавельнокислое кали (щавельная или кисличная соль); 12) Ёдкое кали (ёдикій камень).

С п и с о к ъ В.

1) Аконитинъ; 2) Атропинъ; 3) Бобовникъ жгучій (стручки глистогонные), жгучій фасоль; 4) Бобы Игнатъевы, 5) Бруцинъ; 6) Вератринъ; 7) Дигиталинъ; 8) Елатерій; 9) Кодеинъ; 10) Колоквинты. Корни: 11) Бѣло, мехоаканнѣй, 12) бѣлой чемерицы, 13) волчьяго дерева (корень волкоперечный, волколыковый), 14) каппка (корень бѣлоягодника), 15) красавицы (сонной одурь, пасліона), 16) морскаго лука, 17) песьяго языка, 18) подлѣсника (копетня, дикаго перца), 19) покрывнѣй, 20) рвотный, 21) турпетный, 22) черной чемерицы. 23) Кора волчьяго дерева; 24) Кукольванъ (рыболовныя ягоды); 25) Лактукариі; 26) Лупулинъ; 27) Морфій.—Масла: 28) кротоповое, 29) ефирное горькихъ миндалей, 30) ефирное донскаго или казацкаго можжевельника (арца), 31) ефирное руты или рутное, 32) янтарное.—33) Опій; 34) Пиперинъ; 35) Рвотная соль; 36) Сабуръ; 37) Скаммонъ; 38) Солапинъ; 39) Спорынья (хлѣбные или черныя рожки, бабій зубъ); 40) Стрихнинъ.—Сѣмя: 41) безвременника, 42) бѣлены (блекотное), 43) волколыковое, 44) гипдыши (мышьяго перца), 45) дурманное, 46) китайской чемерицы, 47) кротоповое, 48) чиллбухи (кучеляба). 49) Сѣрниокислый кадмій. 50) Травы: багуна, 51) бѣлены (блекотная), 52) болиголов (омега пестраго), 53) вѣтренница, 54) дикаго аврана (Божія милость), 55) донскаго или казацкаго можжевельника, 56) желтника ядовитаго, 57) дурмана, 58) индійскаго табаку, 59) красавицы (сонная одурь, пасліонъ), 60) латтука ядовитаго, 61) ломоноса, 62) наперстника краснаго, 63) омега ядовитаго, 64) прострѣла, (волчій

ядъ, борець). 65) Уксусъ древесный; 66) Фосфорная кислота; 67) Хлористая ртуть, (сладкая ртуть); 68) Хлористый баритъ; 69) Шпанскія мухи; 70) Эфиръ сѣрный; 71) Эвфорбій; 72) Эметинъ; 73) Япанная смола; 74) Янтарная кислота.

С п и с о к ъ Г.

1) Корни: волчьяго дерева, (волкоперечный); 2) красавицы (сонной одурь, пасліона); 3) песьяго языка; 4) подлѣсника, (копетня, дикаго перца); 5) черной чемерицы. 6) Кора волчьяго дерева; 7) Спорынья (хлѣбные или черныя рожки, бабій зубъ). 8) Сѣмяна: безвременника, 9) бѣлены (блекотное), 10) волколыковое, 11) дурманное. 12) Травы: багуна, 13) бѣлены (блекотная), 14) болиголов (омега пестраго), 15) вѣтренница, 16) дикаго аврана (Божія милость), 17) донскаго или казацкаго можжевельника (арца), 18) дурмана, 19) красавицы (сонная одурь, пасліонъ), 20) латтука ядовитаго, 21) ломоноса, 22) наперстника краснаго, 23) омега ядовитаго; 24) прострѣлъ (волчій ядъ, борець); 25) Шпанскія мухи.

— Государь Императоръ, согласно представленію г. Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ и по положенію Комитета Гг. Министровъ, о мѣрахъ къ уменьшенію нищенства въ столицахъ, Высочайше повелѣтъ соизволивъ:—1) Строго подтвердить, кому слѣдуетъ, о неуклонномъ исполненіи предписанныхъ въ XIV т. Уст. о предупрежд. и пресѣч. прест. въ гл. 5 ст. 229 и послѣдующихъ правилъ къ преслѣдованію нищенства въ городахъ, посадахъ, селеніяхъ, на ярмаркахъ, большихъ и торговыхъ дорогахъ.—2) Престарѣлымъ и увѣчнымъ крестьянамъ, а также женамъ и вдовамъ ихъ, безъ взрослыхъ сыновей, не выдавать билетовъ для слѣдованія въ столицы, равнообразно не выдавать таковыхъ и малолѣтнимъ крестьянскимъ дѣтямъ.—3) Слепымъ и калѣкамъ изъ податнаго состоянія вообще воспретить выдачу билетовъ для слѣдованія въ столицы.—4) Воспретить выдачу билетовъ тѣмъ солдатскимъ и рекрутскимъ женамъ, кои по слабости здоровья или увѣчью не могутъ работать, или-же будутъ умочены въ ниществѣ, бродяжествѣ и развратномъ поведеніи.—5) Поручить какъ Губернскимъ Попечительнымъ о тюрьмахъ Комитетамъ, такъ и уѣзднымъ Отдѣленіямъ оныхъ, производить разборъ и имѣть попеченіе о тѣхъ нищихъ, кои будутъ забраемы мѣстными Городскими и Земскими Полиціями, сообра-

жаясь въ этихъ случаяхъ, по возможности, съ правилами, изданными въ 1837 г., для руководства Комитета о разборѣ нищихъ въ здѣшной столицѣ.

По Вѣдомству Путей Сообщенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ дополненіе къ установленному во 2 примѣчаніи къ 13 ст. XII Т. Св. Зак., Уст. Пут. Сообщ., по продолж. XIV, правилу о разстояніи, на которомъ могутъ быть возводимы частныя постройки по линіи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, постановить, чтобы таковыя постройки при станціяхъ этой дороги дозволяемы были къ возведенію не ближе сорока саженъ отъ станціонныхъ зданій, и чтобы эти постройки имѣли желѣзныя крыши.

— Государь Императоръ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше-утвержденному, въ 29-й день іюля сего 1852 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: Коммерческому Агенту С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги присвоить: по должности, за урядъ, VI классъ, а по мундиру VI разрядъ.

ОПРЕДѢЛЕНЫ И НАЗНАЧЕНЫ:

Состоящій по арміи Генераль-Лейтенантъ Толмачовъ 1-й — присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ по арміи. Тайные Совѣтники: Членъ Консультациі Министрства Юстиціи Подчаскій и Оберъ-Прокуроръ 2 Департамента Правительствующаго Сената, въ званіи Каммергера Двора Его Императорскаго Величества Замятинъ — присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Состоящій въ должности Оберъ-Прокурора 4 Департамента Правительствующаго Сената, Дѣйствительный Статскій совѣтникъ Матюнинъ

быть въ должности Оберъ-Прокурора 3-го Департамента Сената.

ПРОИЗВЕДЕНЫ:

Изъ Дѣйствительныхъ Статскихъ въ Тайные Совѣтники: Членъ Консультациі Министрства Юстиціи Подчаскій, и Оберъ-Прокуроръ 2 Департамента Правительствующаго Сената, въ званіи Каммергера Двора Его Императорскаго Величества Замятинъ.

ПОЖАЛОВАНЫ ОРДЕНАМИ.

Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Ревельскій Комендантъ, Генераль отъ Инфантеріи Паткуль 7-й. Товарищъ Военнаго Министра, Членъ Военнаго Совѣта, Генераль-Адъютантъ, Генераль-Лейтенантъ, князь Долгоруковъ 1-й.

Бѣлаго Орла.

Комендантъ Новогеоргіевской крѣпости, Генераль-Лейтенантъ Федоренко. Управляющій Гатчинскимъ Дворцовымъ Правленіемъ и Комендантъ города Гатчины, Генераль-Лейтенантъ Люце. — Управляющій Петергофскимъ Дворцовымъ Правленіемъ и фонтанною частію, Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Генераль Лейтенантъ Лихардовъ.

Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени.

Директоръ Канцеляріи Военнаго Министрства, Свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ баронъ Вревскій.

Знаками ордена Св. Анны 1-й степени, Императорскою короною украшенными.

Командиръ Кавказской Резервной Бригады, Генераль-Маіоръ баронъ Врангель 2-й.

Св. Анны 1-й степени, Императорскою короною украшеннаго.

Состоящій по арміи Генераль-Маіоръ Есауловъ 1-й.

Св. Станислава 1-й степени.

Свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ
Князь Меншиковъ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Послѣ неудачнаго покушенія на плоскость Праваго Фланга Лезгинской линіи, Даниель-Бекъ отступилъ въ верхніе магалы Джаро-Бѣлокаискаго Военнаго Округа, и началъ укрѣплять селенія, на обохъ берегахъ Самура лежащія.

Дабы вытѣснить его оттуда, предписано было временно-завѣдывающему Лезгинскою линіею Генераль-Маіору барону Врангелю двинуться въ горы немедленно по оттаяніи снѣговъ, а временно-командующему войскамъ въ Прикаспійскомъ краѣ Генераль-Маіору князю Орбеліану—направить въ укр. Лучекъ свободныя войска, въ распоряженіи его состоящія, на подкрѣпленіе барону Врангелю.

Совокупное движеніе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Генераль-Маіоръ баронъ Врангель, сосредоточивъ отрядъ въ Закаталахъ, выступилъ 16-го іюня по Елисейскому ущелью, чрезъ Сарубашъ, въ Курдулу, куда въ тоже время слѣдовали изъ Лучека, чрезъ Гельмецъ отправленные Генераль-Маіоромъ княземъ Орбеліаномъ, подъ командою Генераль-Маіора Волкова, четыре батальона пѣхоты.

Угрожаемый съ двухъ сторовъ, Даниель-Бекъ вынужденъ былъ отступить далѣе къ Сахару, и 23-го числа войска наши, занявъ безпрепятственно селенія Курдуль и Гельмецъ, истребили ихъ до основанія.

26-го числа, соединенные подъ общимъ начальствомъ Генераль-Маіора барона Врангеля отряды переправились чрезъ Самуръ и заняли гору Кяшалъ; позиція эта, командуя сел. Цахуромъ, угрожала также отступленію непріятеля.

Горцы устрешенные примѣромъ строгаго наказанія двухъ ауловъ, не отважились вступить въ бой, и въ ночь съ 28-го на 29-е число Даниель-Бекъ постыдно бѣжалъ въ Ирибъ, съ

многочисленнымъ своимъ скопищемъ, въ коемъ находились партіи Джурмутскаго, Анцухо-Капучинскаго, Хпдатлинскаго и Карабахскаго папбовъ.

Горные магалы были совершенно очищены отъ мятежниковъ; всѣ жители остались на мѣстѣ, и вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ переселенію на плоскость ауловъ, представлявшихъ непріятелю удобныя сборныя пункты для вторженій въ Бѣлокайскій округъ и въ Нухинскій уѣздъ.

Мѣра эта, обезпечивающая Правый Флангъ Лезгинской Линіи, согласна и съ желаніемъ самихъ жителей, которые въ прежнемъ расположеніи подвергались безпрерывнымъ тревогамъ.

27-го іюля многочисленное непріятельское скопище вторгнулось изъ непокорнаго Дагестана въ Прикаспійскій-край, угрожая селеніямъ Большому и Малому Дженгутаю.

Управляющій Мехтулинскимъ Владѣніемъ, Маіоръ *Лазаревъ* съ сотнею Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и милиціею изъ жителей, немедленно двинулся навстрѣчу превосходнаго въ силахъ непріятеля, опрокинулъ и преслѣдовалъ его къ уроч. Харкасу, при содѣйствіи Шахмальской милиціи, прибывшей къ нему по тревогѣ.

Въ тоже время Дагестанскаго пѣхотнаго полка Маіоръ *Тихоновъ* направилъ двѣ роты изъ сел. Огловъ на уроч. Шиншерекъ, для прегражденія Лезгинцамъ пути отступленія на Араканы, а съ двумя другими ротами занялъ дорогу къ Бундукъ-Кале.

Тѣспимые Маіоромъ *Лазаревымъ*, горцы наткнулись на колонну *Тихонова*, и неожиданно встрѣченные мѣткимъ огнемъ пѣхоты, бросились къ Араканскому спуску; но тутъ найдя также наши войска, разсѣялись во всѣ стороны, потерявъ убитыми болѣе 50-ти человекъ, оставленныхъ на мѣстѣ сверхъ-того набѣжій значокъ отбить Веклемъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, *Гайдаръ-Бекомъ*, и взято нами 8 человекъ плѣнныхъ, 44 лошади и множество оружія.

Съ нашей стороны убито 8 и ранено 7 мехтулинскихъ милиціонеровъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ II, ВЪ КОЛОНИИ ЕКАТЕРИНЕНШТАТЪ. Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II, о сооруженіи котораго въ Екатериненштатѣ колонистами мы говорили въ «Сынѣ Отечества», открытъ торжественно 25 іюля, въ день рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора. На торжество это собралось въ колонию Екатериненштатъ болѣе 20,000 колонистовъ.

Наканунѣ открытія, въ 7 час. вечера, по древнему нѣмецкому обычаю, музыканты изъ колонистовъ возвѣстили съ церковныхъ колоколенъ о наступающемъ праздникѣ исполненіемъ на духовыхъ инструментахъ различныхъ религіозныхъ мелодій.

Въ день открытія изъ лютеранской церкви направилась къ памятнику торжественная процессія, открываемая шедшими впереди 12-ю дѣвицами колонистками, въ бѣлыхъ платьяхъ, коротенькихъ зеленыхъ передничкахъ, съ вѣнками на головѣ и съ корзиною цвѣтовъ въ лѣвой рукѣ. По прибытіи процессіи къ памятнику, чахолъ, покрывавшій его, по данному знаку мгновенно упалъ къ подножію пьедестала. Единодушное ура! нѣсколькихъ тысячъ человекъ огласило воздухъ и слилось съ звуками оркестра, заигравшаго «Боже Царя Храни»; потомъ, когда музыка умолкла, дѣвчье и дѣвицы пропѣли гимнъ, сочиненный для этого праздника пасторомъ Бауеромъ. По окончаніи освященія памятника по обрядамъ, сначала лютеранскому и потомъ римско-католическому, съ приличными торжеству и краснорѣчивыми рѣчами лютеранскихъ проповѣдниковъ, Конрада и Аллендорфа, и католическаго декана Спарскаго, оркестръ заигралъ концертъ Бортнявскаго: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ»; и въ это время дѣвицы, предшествовавшія въ процессіи, стали противъ памятника, и три изъ нихъ въ простыхъ короткихъ словахъ высказали чувства дѣтской благодарности къ Императрицѣ; затѣмъ дѣвицы три раза обошли вокругъ памятника, бросали на него цвѣты и вѣшали вѣнки на его рѣшетку. Въ-заключеніе г. Губернаторъ поздравилъ комиссію сооруженія памятника съ общимъ торжествомъ, и подъ звуки церемоніальнаго марша всѣ стали расходиться по домамъ. Радостные колонисты веселились до глубокой ночи, какъ въ до-

махъ, такъ и вокругъ изящно иллюминированнаго памятника, пока извѣстная нѣмецкая пѣсня ночныхъ караульщиковъ: *Höhr! Ihr Liebe Herrn etc.*, не напомнила, что праздникъ кончился, и что пора предаться покою.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ К. П. БРЮЛОВА. По смерти Карла Павловича Брюлова найдены въ мастерской его слѣдующія картины: начатый портретъ Князя Мещерскаго; неоконченный портретъ г. Абазы; начатая картина, представляющая Бахуса съ Вакханкою; картина, представляющая затмѣніе солнца, въ видѣ подалуя солнца съ луною; неоконченная картина «Дѣвица, сидящая въ лѣсу»; начатая женская голова; эскизъ «Святія со креста»; маленькій эскизъ съ портрета А. Н. Демидова.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ГОРОДѢ СТАВРОПОЛѢ. — Для пособія бѣднымъ города Ставрополя получались, въ 1851 году, различныя денежныя приношенія; въ томъ числѣ содержатель ставропольской труппы, Зелинскій, далъ представленіе, и половину сбора съ этого спектакля, 192 р. сер., пожертвовалъ для немощныхъ лицъ и семействъ; въ годовые праздники визиты приличія замѣнялись также пожертвованіями. Чтобы возбудить еще болѣе состраданіе къ бѣднымъ и познакомить ставропольскихъ жителей, расположенныхъ къ благотворительности, съ горестнымъ состояніемъ многихъ несчастныхъ, и указать имъ тѣсныя жилища ихъ, — нѣсколько состоящихъ при начальникѣ губерніи чиновниковъ посѣщали бѣдныхъ, и затѣмъ, по тщательному дознанію о поведеніи и о причинахъ, повергнувшихъ ихъ въ нищету, съ ноября 1851 года печатаются въ мѣстныхъ губерскихъ вѣдомостяхъ краткіе біографическіе очерки такихъ лицъ и семействъ, жалкое положеніе которыхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Этимъ постепенно достигается желаемая цѣль: средства къ жизни бѣдныхъ начинаютъ замѣтно улучшаться; къ нимъ нерѣдко являються добротные посѣтители съ искреннимъ участіемъ и по-сильною помощію; пожертвованія для нихъ увеличиваются: наканунѣ Новаго-Года доставлено отъ неизвѣстнаго 100 руб. сер., для раздачи двадцати бѣднѣйшимъ семействамъ; въ-началѣ Страстной-Недѣли получено, также отъ неизвѣстнаго, еще 100 руб. сер., для раздачи двадцати-пяти семействамъ въ день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Біографическіе очерки бѣдныхъ произвели особенное впечатлѣніе на кунеческое сословіе и на гражданъ, между коими увеличилось число подписчиковъ на полученіе Ставропольскихъ Вѣдомостей, и описанія эти читаются, съ пользою для нуждающихся въ помощи, не только въ

губернскомъ городѣ, по въ городахъ, уѣздахъ и даже по деревнямъ: сему послѣднему служить утѣшительнымъ доказательствомъ недавно полученное пожертвованіе отъ жителей селенія Тугулука: деньгами 34 р. сер., и до 40 пудовъ муки, собранной добрыми крестьянами изъ участія къ бѣднымъ города Ставрополя, о которыхъ біографическіе очерки прочиталъ имъ ихъ приходскій священникъ Стефанъ Боголюбовъ. Такимъ-образомъ въ Ставрополѣ положено начало Обществу посѣщенія бѣдныхъ.

ПРИМѢРЪ ДОЛГОЛѢТІЯ. Шестнадцатаго числа августа, въ Новгородсверскѣ скончалась дворянка Александра Ивановна Жадкевичева, на 106 году отъ рожденія. Она родилась 1746 года, стало-быть, пережила пять царствованій: Императрицы Елисаветы, Императора Петра III, Екатерины II, Великой, Императора Павла, Александра Благословеннаго и двадцатипятилѣтіе вышшняго царствованія. Покойница всегда отличалась добродушіемъ и религіозностію. Она любила нищихъ, и всѣмъ обращавшимся къ ней готова была оказывать возможное для нея пособіе; особенно благотворила своимъ искусствомъ снимать бѣльма съ глазъ. Когда была здорова, никогда не пропускала ни одной церковной отправки и служенія, не только въ праздники, но и въ будни, и рано утромъ, и поздно вечеромъ, и въ полночь, въ числѣ первыхъ, по звуку колокола, являлась во храмъ; въ послѣдніе даже годы жизни своей, когда ослабли ея силы, она, во-время говѣнія и въ большіе праздники, несмотря ни на какую погоду, приходила въ приходскую церковь, поддерживаемая своею дочерью. При худощавомъ видѣ покойницы, необнаруживавшемъ крѣпости силъ, она всегда впрочемъ была бодря и довольно весела, любила общество, и съ хлѣбосольствомъ принимала у себя посѣтителей, которымъ съ удовольствіемъ любила рассказывать о прежнихъ временахъ, и правда, было что ей рассказывать: это была живая лѣтопись нашего города; къ сожалѣнію, никто не успѣлъ ею воспользоваться, чтобы передать бывшее на письмѣ. Въ послѣдніе годы Жадкевичева потеряла зрѣніе, что въ особенности сокрушало ее потому, что она не могла уже, какъ бывало прежде, читать молитвы по книгѣ. До самой смерти своей она находилась при полной памяти. Въ минуты кончины, когда стали закрывать ей глаза, она перекрестилась, вздохнула и тихо почилла навѣки.

СЛѢПЕЦЪ-МЕХАНИКЪ. Слепецъ этотъ московскій мѣщанинъ, Иванъ Константиновичъ Добрынинъ, проживающій въ Москвѣ;

ему теперь тридцать лѣтъ отъ роду; зрѣнія лишился онъ на одиннадцатомъ году, отъ оспы. Лѣтъ за десять предъ симъ, ему попались старые, никуда негодные стѣнные часы. По склонности къ механикѣ, которую Добрынинъ обнаруживалъ еще до лишенія зрѣнія, онъ принялся разбирать, чистить и собирать эти часы. И что-жь? никуда негодные часы пошли, какъ нельзя лучше. Узнавъ объ этомъ, сосѣди Добрынина начали ему отдавать свои часы для поправки и повѣрки, прежде изъ любопытства, а потомъ по необходимости. Мало-по-малу Добрынинъ сдѣлался полнымъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, такъ-что теперь въ его завѣдываніи находятся башенные часы на колокольнѣ церкви св. Никиты мученика, что въ Басманной, и на колокольнѣ Новоспасскаго монастыря. Имѣя свою скромную, мастерскую, завѣдывая часами въ домахъ и башенными, Добрынинъ прокармливаетъ себя и семейство. Добрынинъ мастеръ съ рѣдкими дарованіями, которыя, не будь онъ слѣпъ, повели бы его далеко по многимъ отраслямъ механики. Онъ обладаетъ большою изобрѣтательностію. Такъ онъ придумалъ механическій календарь, который будетъ показывать годъ, мѣсяцъ, число, недѣльный день, восхожденіе и захожденіе солнца, рожденіе и ущербъ луны, долготу дня и ночи, наконецъ часы, минуты и секунды. Механическій календарь будетъ заводиться одинъ разъ въ годъ. Жалко только, что едвали Добрынинъ осуществитъ свою выдумку, по недостатку средствъ. Но въ Россіи, богатой людьми благотворительными, конечно найдется человѣкъ, который поможетъ Добрынину въ исполненіи этой выдумки, и выдумки, надобно сказать, доступной не для всякаго даже учонаго и зрячаго часовыхъ дѣлъ мастера».

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ. Въ м. Орпирі (Кутаисской губерніи), 14-го іюля, въ-исходѣ 4-го часа пополуночи, было сильное землетрясеніе, продолжавшееся 6 минутъ. Старожилы не припомнятъ такого необыкновеннаго колебанія земли въ тѣхъ мѣстахъ. Замѣчательно, что землетрясеніе это какъ-бы сосредоточилось въ одномъ мѣстѣ—вокругъ Орпирі, на разстояніи не болѣе 6-ти верстъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ПОЖАРЫ. 7-го мая, Вольнской губерніи, Ровенскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Клеванѣ, истреблены пожаромъ, деревянныя: церковь, приходское училище, костельный каменный домъ, почтовая станція, 3 еврейскія молитвенныя школы, 3 каменныхъ и 97 деревянныхъ еврейскихъ и 66 крестьянскихъ домовъ, 6 сараевъ, 32 камен-

ныхъ и 15 деревянныхъ лавокъ, скотобойня и мясные ряды. Убытку отъ этого пожара повесено на сумму 300,000 р. сер.

9-го мая (21-го по н. ст.) 1852 г. сгорѣлъ городъ Бьернеборгъ. Это одинъ изъ многочислѣннѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Финляндіи; сгорѣлъ же онъ, въ одно прекрасное утро, такъ, что сохранилось только одно изъ предмѣстій. Въ тотъ же самый день, вечеромъ, верста за полтора отъ Бьернеборга, жители деревень, лежащихъ по направленію вѣтра, дувшаго изъ Бьернеборга къ сѣверовостоку, были поражены необыкновеннымъ запахомъ дыма, который, очевидно, происходилъ не отъ пожара. Только черезъ два дня послѣ узнали они, что это былъ дымъ бьернеборгскаго пожара.

Несчастіе, постигшее Бьернеборгъ, было тогда главнымъ предметомъ разговоровъ во всей Финляндіи. Пожаръ истребилъ цѣлый городъ вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ: первое то, что въ городѣ почти совсѣмъ не было рабочихъ рукъ: войско выступило незадолго передъ тѣмъ, а жители были заняты нагрузкою судовъ, на пристани, верстахъ въ тридцати отъ города; второе—то, что, на бѣду, при самомъ началѣ пожара сгорѣлъ сарай съ пожарными трубами. При столь бѣдственномъ стеченіи этихъ двухъ обстоятельствъ понятно, что гасить было и некому, и нечѣмъ. Свѣшили, по-крайней-мѣрѣ, спасти пожитки; но груды вещей, сложенные на площадяхъ, загорались и сгорали тамъ: пожаръ гнался за бѣдными Бьернеборгцами изъ дома въ домъ, и потомъ по площадямъ и по улицамъ. Многіе остались въ одномъ легкомъ платьѣ, безъ крова и безъ пищи. Успѣвшіе спасти сколько-нибудь денегъ, закупили все продажное съѣстное, какое нашлось въ ближнихъ деревняхъ. Нужда была общая, а иныя, и даже многіе, были въ крайности.

Но куда ни приходила вѣсть о гибели Бьернеборга, вездѣ первая мысль была—какъ бы помочь погорѣвшимъ, вездѣ первымъ дѣломъ было поспѣшить съ помощью. Пожаръ случился въ субботу; вѣсть о немъ достигла до Або въ понедѣльникъ. Въ пристани абовской стоялъ одинъ изъ пароходовъ, ходящихъ, между С.-Петербургомъ и Стокгольмомъ; его нагрузили разнымъ платьемъ, бѣльемъ, посудой, всякимъ хлѣбомъ, рыбою, масломъ и пр., всѣмъ, что могло пригодиться потерпѣвшимъ отъ пожара. И пароходъ, нагруженный такими подарками, уже въ среду совершилъ переѣздъ изъ Або въ Бьернеборгъ, и привезъ помощь на первый случай. Изъ другихъ приморскихъ городовъ, какъ, на примѣръ, изъ Гельсингфорса, пустились въ

Бьернеборгъ парусныя суда съ такимъ же грузомъ, съ подаркомъ нуждающимся. Жители деревень не отставали отъ горожанъ: изъ ближнихъ мѣстъ везли съѣстное и пр., на лодкахъ и одноколкахъ; изъ дальнихъ мѣстъ высылали деньги. Безъ всякаго воззванія, по внутреннему единодушному побужденію, вся Финляндія произвела добровольный сборъ въ пользу потерпѣвшихъ несчастіе.

3—4 іюня, Казанской губерніи въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, на слѣдовавшей вверхъ по Волгѣ, ночью, коноводной машинѣ елабужскаго Почетваго Гражданина Федора Чернова произошелъ пожаръ. Когда огонь усилился до того, что не представлялось уже никакой возможности утупить его, тогда немедленно отдѣлены были отъ нея прицѣпленные къ ней подчалки и коломенка, нагруженные разнымъ хлѣбомъ. Объятая пламенемъ машина, оставленная на произволъ теченія, поплыла внизъ по Волгѣ, и миновавъ свои подчалки, наткнулась на стояшіе у нагорной стороны 4 подчалка, оставшіеся послѣ затонувшей коноводной машины ярославскаго купца Якова Полетаева, и зажгла ихъ; эти подчалки, какъ и машина Чернова, съ находившимися на ней лошадьми и со всѣмъ грузомъ, принадлежавшимъ судохозяевамъ, сгорѣли. Убытку понесено: Черновымъ на 15,668 р., и Полетаевымъ на 100,000 р. с., да сверхъ-того, съ подчалка купца Полетаева, у управляющаго судномъ Балашева пропала шкатулка съ деньгами до 515 р. сер. Настоящая причина этого пожара осталась неизвѣстною; по словамъ же судорабочихъ, онъ начался въ кормовомъ трюмѣ, вскорѣ послѣ того, какъ проплылъ мимо машины какой-то пассажирскій пароходъ, изъ трубы котораго сыпались искры. Но дѣйствительно ли вспали эти искры въ открытый трюмъ машины, никто изъ судорабочихъ не видалъ.

— 9 іюня, Пензенской губерніи въ городѣ Саранскѣ, истреблено пожаромъ, какъ полагаютъ, отъ неосторожности крестьянина Матвѣева, 445 домовъ, церкви соборная и приходская, а четыре церкви съ двумя колокольнями обгорѣли; въ мужскомъ монастырѣ сгорѣли церковь и большая часть зданій, а одна церковь обгорѣла; сверхъ-того, сгорѣло еще 109 бочекъ казеннаго снирта, въ полугарѣ до 8,991 ведра. При этомъ несчастномъ случаѣ погибли въ пламени, мѣщанинъ и сынъ дьячка, младенецъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Количество убытка, причиненнаго этимъ пожаромъ, простирается до 519,467 руб. 30 к. сер.

— 1-го протекшаго августа, въ 4 часа утра, въ 35-ти верстахъ выше Саратова, сгорѣла коноводная машина К. Штафа, нагруженная солью и пшеницею. Пожаръ открылся внутри судна, въ пшеницѣ; отсюда пламя быстро обхватило мачту, пробралось въ отдѣленіе, гдѣ лежала соль, и въ одно мгновеніе разорвало судно на три части, которыя вмѣстѣ съ грузомъ упали на дно. Изъ всего экипажа осталось только три завозни, на которыхъ успѣли спастись люди. Убытки отъ этого пожара простираются до 100,000 руб. ассигн. Ни судно, ни грузъ не были застрахованы.

СИЛЬНЫЯ БУРИ И ГРАДЪ.—20-го мая. Подольской губерніи, Гайсивскаго уѣзда, въ Терновецкомъ имѣніи помѣщицы графини Шенбекъ, въ селахъ: Серебрян, Березовкѣ, Терновкѣ, Шляховой, Черняткѣ, Серединкѣ, и Джулинкахъ, вышавшимъ градомъ съ бурей и проливнымъ дождемъ выбитъ владѣльческой и крестьянской хлѣбъ, убито значительное количество овецъ и рогатаго скота, поврежденъ въ селѣ Джулинкахъ винокуренный заводъ и уничтожено водою нѣсколько плотинъ и мостовъ; убытку понесено до 18,000 р. сер. На поляхъ мѣстечка Теплика и селеній: Ставокъ, Гайварока, Камянокъ, Вышаго и Нисшаго Ташниковъ и Саши, шелъ градъ крупнѣе курнаго яйца, сопровождаясь проливнымъ дождемъ, отчего у многихъ жителей разбиты въ домахъ окна; хлѣбные посѣвы и огородные овощи истреблены почти совершенно, на пастбищахъ убито 1,249 штукъ овецъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снесены водою, плотины. Убытокъ не приведенъ еще въ извѣстность.

— Въ Ольгополѣ, чрезвычайной величины градомъ, продолжавшимся почти цѣлый часъ, разбито въ окнахъ 1,542 стекла и переломаны въ огородахъ деревья; на поляхъ, въ окрестностяхъ города, убиты 2 вола, 26 коровъ, 45 телятъ, 280 овецъ, 145 свиней и 806 штукъ домашнихъ птицъ и истреблено хлѣба 550 морговъ, отчего городскіе жители понесли убытку на 5,000 р. сер. Въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, отъ града и проливнаго дождя также значительно пострадали хлѣбные посѣвы, но о количествѣ потерь еще не получено подробнаго донесенія. Во время этой грозы, наводненіемъ отъ дождя были застигнуты на поляхъ: крестьянскій мальчикъ села Устья, Константинъ Безкрайнюкъ, 12-ти лѣтъ, и дочь крестьянина села Стратіевки, Сергѣя Майструка, Авдотья, 10-ти лѣтъ, и оба найдены послѣ въ оврагахъ, утонувшими.

— Балтскаго уѣзда, въ государственныхъ селеніяхъ: Смолян-

кѣ, Будеяхъ и Обжилой-Сарожинкѣ градъ вѣсилъ до полуфунта и также сопровождался дождемъ и бурей. Этимъ градомъ у тамошнихъ жителей истреблено озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ 2,678 десятинъ, и убито на пастбищѣ 425 овецъ и 406 штукъ нерогатаго скота; въ то же время дождевою водою въ селѣ Сарожинкѣ разрушены 4 плотины, а въ селеніяхъ Смолянкѣ и Будеяхъ унесено изъ крестьянскихъ амбаровъ до 200 четвертей хлѣба въ зернѣ, переломаны деревья во многихъ огородахъ, и совершенно уничтожены растенія. Убытокъ, по мѣстному исчисленію, простирается, примѣрно, до 38,701 р. 60 к. сер. При этомъ случаѣ погибъ 12-лѣтній крестьянскій мальчикъ, Никита Политанскій, пасшій въ полѣ воловъ; онъ, уходя домой, скрылся отъ дождя и града въ крайнемъ при входѣ въ село сарайчикѣ крестьянина Дорощенко, но собравшеюся внезапно дождевою водою былъ унесенъ, вмѣстѣ съ сарайчикомъ, въ поле, на разстояніе до 30-ти сажень, и послѣ найденъ былъ тамъ мертвымъ.

— 19-го іюля надъ Ставрополемъ разразилась сильная гроза. Въ сумерки пачался дождь, но дождь былъ только вѣстникомъ другаго явленія, показавшагося во всемъ своемъ ужасномъ величій неравнѣ 11-ти часовъ. Въ это время проливной дождь, при неугасаемомъ блескѣ молніи, былъ гонимъ сильнымъ вѣтромъ, вскорѣ превратившимся въ бурю,—и неумолкаемые раскаты грома сливались съ отдаленнымъ шумомъ, возвѣщавшимъ о приближеніи градоваго облака, которое несло отъ юго-запада, полосою въ широту около версты, и разразилось надъ городомъ съ такою силою, что надѣлало много вреда: разбиты тысячи стеколъ въ окнахъ, незащищенныхъ ставнями, несжатый хлѣбъ, овощи, капуста въ окрестныхъ дачахъ сильно пострадали; въ садахъ и на бульварахъ нѣкоторыя деревья поломаны; даже многіе каменные заборы разрушены и самые камни отброшены на значительное пространство, вѣроятно соединенными усиліями дождевой воды и бури, наприм. часть стѣны почтоваго двора развалило, и нѣсколько камней унесло сажень на 20-ть; въ Воронцовскомъ саду градомъ побито виноградъ, цвѣты и проч., массивную стѣну напоромъ воды разломало сажень на 7, и камни разнесло сажень на 6-ть; на Николаевской улицѣ, лежавшее около дома Протоіерея Гремиченскаго, бревно, длиною 12-ти аршинъ, отнесло къ сосѣднему дому Наказнаго Атамана. Утверждаютъ, что градъ во-время ночи явленіе очень рѣдкое. По-крайней-мѣрѣ люди бывалые, прожив-

шіе лѣтъ до 60-ти, увѣряли насъ, что никогда не видали града въ ночное время.

— 24-го іюля, Пятигорскаго уѣзда, въ селеніи Новогригорьевскомъ (тоже Федоровка), во-время большаго сѣзда туда народа на учрежденную тамъ въ день св. Апостоловъ Петра и Павла ярмарку, 29-го іюня, въ 8 часовъ вечера, появились на горизонтѣ съ сѣверо-западной стороны черныя тучи, которыя, быстро двигаясь на востокъ, вдругъ закрыли весь небосклонъ. Страшная тма, при ослѣпительномъ блескѣ молніи, навела общій ужасъ на людей и животныхъ. Вскорѣ поднялась сильная буря съ пылью, опрокидывавшая всѣ легкія ярмарочныя постройки и срывавшая крыши. Затѣмъ пошелъ проливной дождь, сопровождавшійся градомъ, величиною, при началѣ, въ грецкій орѣхъ, потомъ въ куриное яйцо, а напоследокъ онъ падалъ въ видѣ льдинъ. Въ этомъ Новогригорьевскомъ селеніи и смежной съ нимъ слободѣ Александровкѣ, принадлежащей Его Свѣтлости князю Михаилу Семеновичу Воронцову, буря и градъ произвели большія опустошенія: посѣвы на поляхъ уничтожены, деревья поломаны, а нѣкоторыя вырваны съ корнемъ; крыши разнесены; лавки и повозки, на ярмаркѣ бывшія, опрокинуты, а купеческіе товары разбиты и подмочены. Градомъ убито множество птицъ, овецъ и три быка; изъ находившихся же въ степи пастуховъ—убить десяти-лѣтній мальчикъ, а одинъ взрослый человѣкъ пропалъ безъ вѣсти;—полагаютъ, что онъ тоже убитъ градомъ и унесенъ водою.

— ОТРАВІВШІЕСЯ БѢЛУЖИНОЙ И ГРИБАМИ. Въ Москвѣ, тамошній мѣщанинъ Василій Алексѣевъ, 54 лѣтъ, 5 іюня купилъ въ Охотномъ-ряду 5 фунтовъ соленой бѣлуги, и вымывши въ водѣ, онъ, вмѣстѣ съ женою Настасьею, 50, сестрой Натальей, 67, и сыномъ Александромъ, 17 лѣтъ, ѣлъ ее безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій; но 7 числа, поѣвши ту же рыбу, сырую и свареную во щахъ, всѣ они почувствовали тошноту и рвоту—сперва Наталья, потомъ Александръ, Настасья, а наконецъ и самъ Алексѣевъ; боль постоянно усиливалась, и часовъ въ 8 вечера Наталья и Александръ умерли. Вскорѣ послѣ нихъ кончила жизнь Настасья Егорова, хворавшая съ давняго времени кровотеченіемъ; мужъ же ея Василій Алексѣевъ, хотя и отправленъ былъ для пользованія въ полицейскую больницу, однакожъ, несмотря на оказанныя ему тамъ медицинскія пособія, тоже умеръ, 11 іюня, въ 7 часовъ вечера.

Гродненскаго уѣзда, въ деревнѣ Гожѣ, помѣщика Сильвестровича, сынъ крестьянина Ковальчука Иванъ, 2, и дѣвочка Антолина Миклашевичева, 7 лѣтъ, наѣвшись сморчковъ, скоропостижно умерли (20 мая).

Волынской губерніи Овручскаго уѣзда, въ деревнѣ Красилковѣ, умеръ, тоже отъ употребленія въ пищу ядовитыхъ грибовъ, крестьянинъ Николаевъ, 23 лѣтъ (17 мая).

— СМЕРТЬ ОТЪ ПРОСТОНАРОДНАГО ЛЕЧЕНІЯ.—Въ г. Каргополѣ, тамошній мѣщанинъ Федоръ Кожевниковъ, заболѣвшій лихорадкою, довѣрилъ лечить себя крестьянину Каргопольскаго уѣзда, дер. Кузнецовой, Михаилу Помпусу, который выдавалъ себѣ между простомудниками за знатока, владѣющаго искусствомъ врачеванія, и имѣлъ для этого у себя, неизвѣстно кѣмъ и какъ составленную, какую-то микстуру. Взавшись пользоваться Кожевникова, Помпусъ далъ ему принять этого лекарства внутрь; но послѣ приѣма открылась у больнаго сильнѣйшая рвота съ кровотеченіемъ изъ носа, и 4-го іюня онъ умеръ. При первоначальныхъ по сему предмету розыскахъ полиціи, открылось, что Помпусъ въ это же самое время взялся лечить одержимыхъ лихорадкою роднаго брата умершаго Кожевникова, живущаго въ отдѣльномъ домѣ, мѣщанина Осипа Кожевникова, и жену пономаря, которыхъ онъ пользовалъ однимъ и тѣмъ же лекарствомъ; дѣйствіе лекарства и у этихъ больныхъ было такое же, какъ и у перваго, только они были осторожнѣе, ибо послѣ сдѣлавшейся отъ перваго приѣма рвоты перестали принимать микстуру и остались живы. Самъ Помпусъ, послѣ смерти Кожевникова, скрылся изъ Каргополя; къ отысканію его приняты мѣры, а о поступкахъ его производится слѣдствіе.

— ПРИСУТСТВІЕ ДУХА. 27-го мая. Подольской губерніи въ Ушицкомъ уѣздѣ, государственнй крестьянинъ села Демянковецъ Иванъ Ковальчукъ, 27 лѣтъ, приготовляя въ своей клунѣ солому для нарѣза сѣчки, былъ ужаленъ скрывавшеюся въ соломѣ змѣей въ большой палецъ лѣвой руки; не потерявъ присутствія духа, этотъ крестьянинъ въ ту же минуту отрубилъ себѣ рѣзакомъ ужаленный палецъ, отчего и находится теперь внѣ опасности.

НЕКРОЛОГЪ.

27-го минувшаго августа скончался въ Петергофѣ, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, на 77-мъ году жизни, Министръ Императорскаго Двора, Генераль-Фельдмаршалъ, Свѣтлѣйшій Князь Петръ Михайловичъ Волконской. Довольно произнести это имя, чтобы почувствовать всю великость потери, понесенной Государемъ Императоромъ, Августѣйшею Его Фамиліею и Государствомъ. Посвятимъ памяти усопшаго Фельдмаршала нѣсколько строкъ въ краткомъ обзорѣнии достопамятнаго служенія его четыремъ Монархамъ, въ-продолженіе почти шестидесяти лѣтъ.

Начавъ военную службу въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, Князь Петръ Михайловичъ, вскорѣ по вступленіи на Престолъ Императора Павла Петровича, будучи Подпоручикомъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго Полка, обратилъ на себя вниманіе Государя и тогдашняго Наслѣдника Престола, Великаго Князя Александра Павловича, Который и взялъ его къ Себѣ въ Адъютанты. Въ 1800 году онъ былъ уже Полковникомъ, а въ 1801 году, при коронаціи юнаго Императора, пожалованъ въ Генераль-Маіоры, съ назначеніемъ Генераль-Адъютантомъ. Съ сей минуты сдѣлался онъ неразлучнымъ спутникомъ Александра Павловича во всѣхъ Его походахъ и путешествіяхъ, и однимъ изъ близкихъ людей къ Его сердцу. Въ кампанію 1805 года противъ Французовъ, Князь Волконской является уже Дежурнымъ Генераломъ и Генераль-Квартирмейстеромъ при Главнокомандующемъ Арміею, Генералъ отъ Инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Въ 1813 году, за отличіе въ Люденскомъ сраженіи, произведенъ въ Генераль-Лейтенанты и назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба при Его Императорскомъ Величествѣ, въ каковомъ званіи оставался и по присоединеніи къ Россійской Арміи войскъ союзныхъ державъ.

Всѣ знаютъ, что ему обязаны смѣлою мыслию идти на Парижъ въ ту рѣшительную минуту, когда внезапное движеніе Наполеона отъ Витри къ Рейну привело въ недоумѣніе всѣхъ военачальниковъ; но не всѣмъ извѣстно, что превосходное расположеніе союзныхъ армій около Дрездена, гдѣ Наполеонъ въ 1813 году сосредоточилъ свои силы, увѣнчанное блистательными побѣдами союзниковъ, и принудившее Французовъ отступить къ

Лейпцигу, было исполнено по предначертанію Князя Волконскаго, которое составилъ онъ незадолго, какъ на другой же день Рейхенбахскаго перемирія. Не всѣ также знаютъ, что успѣхъ сраженія при Фершампенуазѣ много зависѣлъ отъ предусмотрительности Князя Волконскаго въ минуту критическую.

Почти до конца царствованія Императора Александра Князь оставался Начальникомъ Главнаго Штаба, приведеннаго имъ въ отличное устройство, равно какъ квартирмейстерская часть, которой еще съ 1810 года былъ онъ Начальникомъ, и которая дала нашей арміи столько отличныхъ генераловъ и офицеровъ.

Въ день коронаціи благополучно царствующаго Государя Императора, Князь Петръ Михайловичъ назначенъ былъ Министромъ Императорскаго Двора. Составъ Министерства сего, заключавшій въ себѣ, сначала, — кромѣ разнородныхъ частей собственно придворнаго вѣдомства въ С.-Петербургѣ, въ загородныхъ мѣстахъ и Москвѣ, — изъ Кабинета, Департамента Удѣловъ и Дирекціи Театровъ, въ-послѣдствіи увеличился присоединеніемъ Академіи Художествъ, Московскаго Художественнаго Общества, Ботаническаго Сада, Капитула Орденовъ и Императорской Публичной Библіотеки, съ Румянцовскимъ Музеемомъ. Въ то же время Князь былъ Предсѣдателемъ Комиссіи: Исакиевскаго Собора, возобновленія Зимняго Дворца, возведенія Новаго и перестройки Стараго Эрмитажа. Сооруженія церквей: Троицкой въ Измайловскомъ, Введенской въ Семеновскомъ, Благовѣщенской въ Конно-Гвардейскомъ и Св. Миропа и Павла въ Егерскомъ полкахъ, а равно всѣ построенія, коими въ настоящее блистательное царствованіе украшены Петергофъ, Гатчино, Царское-Село, Красное-село и Московскій Кремль, произведены подъ главнымъ его наблюденіемъ. Несмотря на всю обширность и разнообразіе занятій, довѣріемъ Государя Императора непрестанно на него возлагаемыхъ, Князь Петръ Михайловичъ, по неограниченной своей къ Нему преданности, по высокому чувству долга, его одушевлявшему, несъ бремя сіе въ полномъ смыслѣ до послѣдней минуты жизни, съ необыкновеннымъ усердіемъ, съ неослабною дѣятельностью и совершеннымъ знаніемъ дѣла. Можно утвердительно сказать, что все, что ни поступало въ его завѣдываніе, доводилъ онъ до возможнаго совершенства. Замѣчательно также, что при такихъ тяжелыхъ трудахъ и заботахъ, онъ равно благосклонно выслушивалъ и бѣднаго крестьянина, и государственнаго сановника,

простаго ремесленника, и знаменитаго художника или артиста. Всѣ имѣли къ нему свободный доступъ.

Государь Императоръ, вполне цѣня столь необыкновенно усердную службу и высокія достоинства Князя Волконскаго, постоянно сохранялъ къ нему самое искреннее благоволеніе и осыпалъ Своими милостями. Назначеніе Генераль-Инспекторомъ всѣхъ Запасныхъ Войскъ, Шефомъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка, шефомъ роты Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка; пожалованіе трости, украшенной брилліантами, съ надписью: «Въ признательность за долговременную и вѣрную службу», портрета Его Императорскаго Величества, соединенныхъ портретовъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, осыпанныхъ брилліантами, титула Свѣтлости, и наконецъ, фельдмаршальскіи жезлъ были торжественнымъ свидѣтельствомъ и щедротъ признательнаго Монарха, и заслугъ одного изъ вѣрнѣйшихъ Его подданныхъ. Съ Своей стороны Государыня Императрица и всѣ Члены Царствующаго Дома непрестанно являли ему самые трогательные знаки Своего благоволенія, какихъ едва ли кто другой былъ ими удостоенъ. Онъ скончался почти на рукахъ Государя Императора, ежедневно посѣщавшаго его въ болѣзняхъ.

Скажемъ въ заключеніе, что имя Князя Волконскаго, неразлучное съ исторіею двухъ достопамятныхъ царствованій, займетъ на страницахъ ея почетное мѣсто.

Тѣло его, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора, предано землѣ въ церкви Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго-полка, въ которомъ началъ онъ службу и числился до конца жизни, и которая, какъ сказано выше, сооружена подъ его наблюденіемъ. Погребеніе происходило 1-го сентября.

Въ С.-Петербургѣ скончались: іюля 30-го, вдова чиновника 5-го класса Аграфена Ивановна *Гладышева*.

Въ августѣ: 5, Профессоръ Духовной Академіи, Статскій Совѣтникъ Дмитрій Федоровичъ *Вознесенскій*. 13-го, вдова чиновника 5-го класса Марья Григорьевна *Картмазова*. 16 го, вдова Тайнаго Совѣтника, графиня Аграфена Емельяновна *Салтыкова*. 27-го, Генераль-Маіоръ Никита Васильевичъ *Курловъ*.

25-го августа скончалась въ Павловскѣ вдова Генераль-Маіора Татьяна Козминична *Токмачева*.

20-го іюля, скончался въ Гельсингфорсѣ Академикъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Перротъ*.

19-го іюля, скончался въ Одессѣ, членъ Одесской Портовой Таможни, Надворный Совѣтникъ Левъ Сергѣевичъ *Пушкинъ*—

единственный братъ незабвеннаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ СТРАТИЛАТОВЪ. (*Изъ Вѣдомостей С-пб. Полиции.*) Августа 4, въ часъ пополудни, скончался въ Петербургѣ чиновникъ 5-го класса Александръ Андреевичъ Стратилатовъ, *девяноста-трехъ лѣтъ* отъ роду.

Намъ пріятно сказать нѣсколько словъ въ память усопшаго старца.

Есть люди, которыхъ мирная жизнь не ознаменовывается ничѣмъ особеннымъ, рѣзкимъ. Въ ней вы не встрѣтите блистательныхъ вспышекъ, не увидите пламеннаго стремленія къ извѣстности; въ подобной жизни нѣтъ *подвиговъ*, между-тѣмъ, какъ часто она сама есть ничто-иное, какъ *постоянный* подвигъ, какъ постоянное стремленіе къ добруму, небросающееся въ глаза, непоражающее воображеніе, но скромно и мало-по-малу создающее себѣ памятникъ въ сердцахъ многихъ и многихъ...

Къ этому разряду людей принадлежалъ и Александръ Андреевичъ Стратилатовъ.

Всю жизнь его можно очертить слѣдующими словами: *вѣрность въ службѣ, любовь къ ближнему и самоотверженіе.*

Александръ Андреевичъ родился въ Петербургѣ въ 1759 году. Родители его были бѣдны; семейство Стратилатовыхъ состояло изъ шести братьевъ и одной сестры.

Во всю жизнь свою, Александръ Андреевичъ былъ благодѣтелемъ своихъ родныхъ. Съ рѣзкимъ самоотверженіемъ отказался онъ отъ счастья супружества, чтобы посвятить всѣ свои средства, всю свою жизнь своимъ роднымъ. Постоянно вникалъ онъ въ ихъ положеніе; однимъ онъ помогалъ, другихъ просто содержалъ своими средствами. Проходили годы, могила скрывала одного брата за другимъ. Александръ Андреевичъ, схоронивъ пятерыхъ братьевъ и сестру, остался одинъ. Утѣшеніемъ въ старости служила ему родная племянница, которую онъ принялъ къ себѣ послѣ смерти одного изъ своихъ братьевъ, отца ея. Онъ замѣнялъ сиротѣ отца, по самую свою кончину.

Таковъ былъ Александръ Андреевичъ какъ семьянинъ.

Служебная дѣятельность его началась съ 1777 года; 18-ти лѣтъ вступилъ онъ на службу первымъ офицерскимъ чиномъ. Въ 1818 году поступилъ онъ на службу въ Коммиссію Погашенія Долговъ; въ 1824 году получилъ въ томъ же Вѣдомствѣ должность Главнаго Кассира, и въ этой должности оставался по самую смерть свою, то-есть — 28 лѣтъ!

Такимъ-образомъ Александръ Андреевичъ Стратилатовъ на-

ходился всего на службѣ *семьдесятъ-пять лѣтъ*... Ни болѣзнь, ничто не пренятствовало ему въ исполненіи служебныхъ обязанностей; изъ семидесяти-пятилѣтняго служебнаго періода А. А. Стратилатова можно исключить только *семьдесятъ-одинъ день!*

Болѣе тридцати лѣтъ тому Александръ Андреевичъ сломалъ себѣ ногу, чѣмъ часто страдалъ по самую свою кончину; по этому случаю онъ пролежалъ въ постелѣ двадцать-шесть дней; потомъ еще семнадцать дней болѣзни, предшествовавшей его кончинѣ, да еще, какъ-то однажды Александръ Андреевичъ рѣшился отпроситься въ отпускъ на двадцать-восемь дней... Минута въ минуту по прошествіи этого срока, А. А. Стратилатовъ сидѣлъ уже за дѣлами.

Кто не знаетъ трудныхъ, занятій кассира? Особенно такого, который, по мѣсту, имѣя занимаемому, часто долженъ выдавать въ одинъ день нѣсколько милліоновъ? Александръ Андреевичъ, всегда бодрый, дѣятельный и увѣренный въ себѣ, смѣло шелъ не только на ежемѣсячную ревизію, но и на ежегодную, лично производимую Министромъ Финансовъ.

Таковъ былъ Александръ Андреевичъ какъ чиновникъ, вѣрою и правдою служившій Государынѣ и тремъ Императорамъ.

Награды онъ имѣлъ: ордена: Св. Владиміра 4-й степени, Св. Анны 2-й степени съ короною, Св. Владиміра 3-й степени; пять Высочайшихъ денежныхъ наградъ и 1500 десятинъ земли.

Кромѣ служебныхъ занятій, А. А. Стратилатовъ часто бывалъ добросовѣстнымъ и усерднымъ исполнителемъ порученій многихъ извѣстныхъ нашихъ вельможъ, которые уважали его какъ друга, любили какъ роднаго.

Въ четвергъ, на похоронахъ маститаго старца, мы слышали многіе сердечные отзывы, которые послѣдовали за душою покойнаго ко престолу Всевидящаго и Всевознаграждающаго....

Сколько простоты и вмѣстѣ величія въ такой скромной жизни! Не обуревали страсти кроткую душу почтеннаго человека, все въ ней было благо, всѣ стремленія направлены къ одному благому, и Господь награждалъ его долгимъ вѣкомъ.

Миръ праху твоему, достойный человекъ!

П. Ф.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.

Извѣстія изъ Франціи ограничиваются только нѣкоторыми мелочными подробностями.

Перемѣна министерства, давно уже предсказанная и наконецъ совершившаяся, наиболѣе занимала парижскую публику. Гг. Тюрго, Казабланка и Лефевръ-Дюрюфле сложили портфели иностранныхъ дѣлъ, государственнаго министерства и публичныхъ работъ. Первое мѣсто занялъ Друэнъ-де-Люизъ, послѣднее г. Мань.

Впрочемъ при нынѣшнемъ непостоянствѣ французскихъ дѣлъ, эта перемѣна не имѣетъ никакого политическаго значенія. Президентъ хотѣлъ, повидимому, усилить только свой кабинетъ въ административномъ отношеніи. Назначеніе Друэна-де-Люиза принято извнѣ благопріятнымъ образомъ, а г. Мань придастъ еще больше дѣятельности исполненію предпринятыхъ работъ. Г. Лефевръ-Дюрюфле получилъ содержанія 30,000 фр., и вмѣстѣ съ двумя другими уволенными товарищами своими, назначенъ сенаторомъ. Это будетъ, вѣроятно, примѣромъ на будущее время, и всякій увольняемый министръ поступитъ въ сенатъ. Безъ этого увольненіе будетъ считаться немилостью.

Г. Казабланка замѣнитъ г. Аншелемъ-Фульдомъ, назначеннымъ государственнымъ министромъ; въ декретѣ было сказано:

«Это важное назначеніе дополняетъ составъ кабинета. Сими частными выборами Принцъ-Президентъ желалъ при-

дать правительству условія прочности въ будущемъ, согласно съ духомъ уложенія.»

Какія бы, впрочемъ, ни были перемѣны, министерство, составленное изъ людей, искренно и глубоко преданныхъ Принцу-Президенту, — будетъ всегда имѣть своимъ символомъ имя г. Персинь, который съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе-и-болѣе уваженія, и нравственное вліяніе котораго особенно увеличилось въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Послѣ Людовика-Наполеона, молодой министръ внутреннихъ дѣлъ играетъ самую важную роль въ управленіи дѣлами. Стоитъ только припомнить, сколько неудовольствій было возбуждено призваніемъ его къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ г. де-Морни оставилъ по себѣ неизгладимыя воспоминанія. Сколько времени въ политическомъ свѣтѣ носились слухи, что г. Персинь недолго удержится въ министерствѣ! Нерасположеніе къ нему товарищей, непривычка къ труду, неспособность къ серьезнымъ занятіямъ, дурной выборъ помощниковъ—вотъ упреки и обвиненія, которыми осыпали его люди, а ихъ было немало, видѣвшіе невозможность заподозрить его преданность и рыцарское мужество, а потому отрицавшіе въ немъ способности государственнаго челоука. Должно сказать, что этотъ упрекъ былъ сдѣланъ и ловко, и кстати. Съ одной стороны, внезапное образованіе министерства полиціи, съ другой расширеніе власти префектовъ, произвели замѣтное разстройство въ дѣлахъ; временныя безпорядки и замедленія были неизбежнымъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей. Но г. Персинь не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на толки своихъ недоброжелателей, и при содѣйствіи своихъ усердныхъ помощниковъ: гг. Шеврѣ, Эртъе, Ромьѣ и Монтурѣ, успѣлъ, наконецъ, достигнуть блистательныхъ результатовъ. Министерство сосредоточилось въ кабинетъ г. Персинь, и отсюда-то вышли всѣ распоряженія относительно выборовъ, всѣ перемѣны, произведенныя въ префектурахъ, мѣры касательно децентрализаціи, и множество различныхъ улучшеній, относящихся къ земледѣлію, торговлѣ и искусствамъ, устройству телеграфическихъ линий, къ общественной благотворительности, мануфактурамъ, общинному управленію, національнымъ памятникамъ, и проч. Молодой министръ, оставшійся другомъ своего предшественника—случай рѣдкій и замѣчательный—могъ, конечно, и

ошибаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но никто, вѣроятно, не упрекнетъ его въ томъ, чтобы онъ съ намѣреніемъ пожертвовалъ какою-нибудь полезною цѣлью политическимъ предубѣжденіемъ, измѣнилъ своимъ правиламъ, или обидѣлъ достойнаго челоука, ради какой-либо претензіи. Онъ все видитъ самъ, во все вникаетъ, все разсматриваетъ и сохраняетъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ хладнокровіе, спокойствіе, благосклонность и даже вѣсслость, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мнѣнія своихъ противниковъ. Прибавляемъ здѣсь новое доказательство расположенія къ нему Президента. У г. де-Персинь въ квартирѣ произошелъ пожаръ, разсказъ о которомъ былъ напечатанъ въ одномъ официальномъ журналѣ, и начинался слѣдующими словами: «Графиня Персинь, возвращаясь изъ Оперы», и проч. И такъ г. Персинь—графъ. До-сихъ-поръ еще никому не было извѣстно о пожалованіи ему этого титула.

Выборы, происходившіе по всей Франціи для назначенія членовъ генеральныхъ и муниципальных совѣтовъ, представили замѣчательное зрѣлище. Всѣ знали, что многіе избиратели не явятся на выборы, но никто не воображалъ себѣ, чтобы число этихъ равнодушныхъ было такъ велико. Есть мѣста, въ которыхъ число подававшихъ голоса не составляло и восьмой части всего числа избирателей. Это въ-особенности замѣтно въ большихъ городахъ, каковы Лионъ, Руанъ, Гавръ и др. Такое охлажденіе къ пользованію правами, которыми Французы еще недавно такъ дорожили—явленіе, конечно, весьма замѣчательное. Во многихъ большихъ городахъ необходимо придется произвести вторичныя выборы. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ выборы состоялись, восторжествовали, болѣею частію, кандидаты правительства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однакожь, перевѣсъ оказался на сторонѣ оппозиціонныхъ кандидатовъ, которые даже пріобрѣли весьма значительное большинство: это довольно удивительно, потому-что префекты повсюду дѣйствовали противъ нихъ съ такимъ рвеніемъ, которое даже министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Персинь, или графъ де-Персинь, призналъ излишнимъ, почему и сдѣлалъ нѣкоторымъ изъ префектовъ строгое замѣчаніе.

Въ Мониторѣ былъ уже напечатанъ длинный списокъ лицъ, выбранныхъ въ члены генеральныхъ совѣтовъ. Изъ 207-ми членовъ (на 26 департаментовъ) нѣтъ и двадцатой доли оппозиціонной партіи; значительныхъ же именъ по-

слѣдней—ни одного. Городъ Лилъ выбралъ съ одной стороны умѣреннаго легитимиста и бывшаго депутата, а съ другой стороны оппозиціоннаго депутата. Въ числѣ избранныхъ есть много ультра-бонапартистовъ.

Въ то же время просьбы о возстановленіи имперіи продолжаютъ, несмотря на всю досаду оппозиціи. Нижне-Альпійскій департаментъ представилъ просьбы, имѣющія до 30,000 подписей, и 200 со стороны городскихъ советовъ.

Дѣло о конфискаціи имѣній Орлеанской фамиліи не ознаменовалась до-сихъ-поръ ничѣмъ особеннымъ. Советники Орлеанской фамиліи собрались и разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли снова протестовать судебнымъ порядкомъ противъ декретовъ о конфискаціи. На этотъ счетъ было два мнѣнія. Г. Одиллонъ-Баррѣ хотѣлъ, чтобы этотъ вопросъ безпрерывно возобновляли, дабы возстановить общественное мнѣніе противъ декретовъ 22-го января; защищая свое мнѣніе, онъ говорилъ съ рѣдкимъ у него жаромъ. Г. Скрибъ былъ совершенно противнаго мнѣнія. Онъ утверждалъ, что въ этомъ дѣлѣ большинство публики всегда было на сторонѣ Орлеанской фамиліи; что все впечатлѣніе, которое можно было произвести судебными преніями, произведено уже при разсмотрѣніи дѣла объ имуществахъ Орлеанскаго дома въ нарижскомъ судѣ первой инстанціи и въ судебномъ отдѣленіи государственнаго совета; что идти далѣе, значило бы безъ всякой пользы утомлять вниманіе публики. Мнѣніе г. Скриба одержало верхъ, и Орлеанскіе Принцы приняли рѣшеніе своего совета.

Что касается до извѣстнѣйшихъ изгнанниковъ, то о нихъ получены слѣдующія извѣстія:

Викторъ Гюго получилъ объявленіе брюссельскаго бургомистра, что ему приказано выѣхать изъ Бельгіи. Мѣра эта принята въ-слѣдствіе напечатанной имъ брошюры, о которой говорили уже заранѣе. Г. Викторъ Гюго выѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ, пробывъ три дня, соблюдалъ строжайшее инкогнито. Онъ остановился въ неизвѣстной тавернѣ Hotel de Normandie, близъ Риджентсъ-Стрита, и не принималъ ни Англичанъ, ни изгнанниковъ. Вечеру отправился онъ, съ младшимъ своимъ сыномъ, на островъ Джерси. Англійскіе острова въ Каналь суть любимое мѣстопробываніе французскихъ эмигрантовъ, частію потому, что тамъ народъ говоритъ еще по французски, а частію и потому, что по

поводу беспошлиннаго ввоза колониальныхъ товаровъ, жить тамъ гораздо дешевле, чѣмъ во Франціи.

Генералы Кавеньякъ, Бедо, Ламорисьеръ и Шангарнье окончательно исключены изъ списковъ французской арміи.

Генералъ Шангарнье, пробывъ нѣсколько времени во внутреннихъ кантонахъ Швейцаріи, переехалъ во Франкфуртъ на Майнѣ, потомъ въ Мехельнъ, въ Бельгіи, гдѣ намеренъ поселиться.

Августа 8-го было объявлено прощеніе 15-ти изгнанникамъ, что произвело весьма хорошее впечатлѣніе; когда прочитано было въ числѣ помилованныхъ имя Тьера, то общій голосъ былъ: «Людовикъ-Наполеонъ чувствуетъ свою силу и хочетъ показать ее». Актъ прощенія содержимъ былъ въ такой тайнѣ, что семейства помилованныхъ, бывшія въ Парижѣ, узнали это изъ официальныхъ газетъ. Первымъ декретомъ Принцъ-Президентъ позволялъ возвратиться во Францію восьми изъ восемнадцати бывшихъ представителей; вторымъ декретомъ призвано семь представителей изъ числа шестидесяти-шести, подписавшихъ актъ обвиненія. Изъ числа помилованныхъ Тьеръ находится въ Швейцаріи—историкъ Наполеона вѣрно не откажется посвятить нѣсколько страницъ его племяннику; Кретонъ лечится въ Спа; Ремюза былъ недавно въ Остенде; Дювержье де-Гораннъ и Шамболь живутъ въ имѣніи перваго, въ кантонѣ Тейнъ; изъ числа бывшихъ монтаньяровъ: Жюли, Ренѣ и другіе оставались въ Брюсселѣ, а Теодоръ Бакъ давно возвратился въ Парижъ и теперь получилъ только формальное позволеніе.

Читатели наши, вѣроятно, помнятъ попытки которыя въ прошломъ году дѣлалъ лордъ Лондондерри у Президента Республики для освобожденія Абдъ-ель-Кадера; въ нынѣшнемъ году благородный лордъ опять возобновилъ свои старанія, и переписка его съ Президентомъ весьма любопытна. Сообщаемъ письмо Президента:

«Любезный мой Лондондерри—я получилъ ваше письмо отъ 25-го августа, въ немъ вы припоминаете мнѣ несчастія эмира Абдъ-ель-Кадера, что я нахожу весьма естественнымъ, и спрашиваете, неужели власть измѣнила мое сердце? Вы должны довольно хорошо знать меня, дабы понять, что, въ моихъ глазахъ, почести суть только ига, отнюдь неспособное ослѣпить мой умъ или ослабить благороднѣйшія побужденія моей души. И если я не дѣлаю

того добра, которое желаю сдѣлать, то потому, что не могу сдѣлать. Мои намѣренія относительно эмира не измѣнились; Порта Оттоманская также охотно принимаетъ его; но я нахожу въ эту минуту два весьма важныя препятствія къ освобожденію: одно состоитъ въ открытіи обширнаго заговора въ Алжиріи, котораго центръ въ Меккѣ; другое въ рѣшительномъ сопротивленіи совѣта министровъ, которые боятся, чтобы освобожденіе Абдъ-ель-Кадера не подняло Алжиріи. Тѣмъ не менѣе, по истеченіи 1852 года, дѣло будетъ гораздо легче. Военный министръ видѣлъ недавно Абдъ-ель-Кадера, нашелъ его вполне покорнымъ своей судьбѣ, далъ ему почувствовать необходимость подождать еще нѣсколько времени, и сдѣлалъ все, чтобы облегчить положеніе узника. Теперь позвольте мнѣ, мой любезный маркизь, сказать вамъ, что наиболее повредятъ освобожденію Абдъ-ель-Кадера толки о томъ англійскихъ палатъ и журналовъ. Я хочу, рано или поздно, выпустить эмира на волю, ибо, по моему мнѣнію, этого требуетъ честь Франціи, но мнѣ будетъ невозможно сдѣлать это, если моя страна увидитъ въ томъ вліяніе могущества хотя и дружескаго, но чужеземнаго.

«Вы видите, мой любезный лордъ, что я говорю съ вами откровенно. Знаю все благородство вашего сердца. Вы поймете мое положеніе и налагаемая имъ на меня обязанность».

10-го августа, пять арабскихъ семей, изъ числа плѣнныхъ и привезенныхъ во Францію вмѣстѣ съ Абдъ-ель-Кадеромъ, получили свободу и отправились, въ числѣ 25 человекъ, изъ замка Амбуаза, гдѣ содержались въ заключеніи, на свою родину. Въ томъ числѣ находятся 4 брата Абдъ-ель-Кадера, но нѣтъ ни одного изъ его халифатовъ. Затѣмъ арабскихъ плѣнниковъ въ Амбуазѣ осталось только 40 человекъ.

Рядомъ съ этими благотворными дѣйствіями, нельзя не упомянуть о слишкомъ ревностныхъ и неблагоразумныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ исполнителей, превратно толкующихъ получаемыя ими предписанія. Такъ напримѣръ одинъ меръ департамента Па-де-Кале издалъ узаконеніе противу пьянства; оно состоитъ въ слѣдующемъ: 1) «Запрещается папиваться допьяна. Слѣдственно всякое лицо, найденное въ пьяномъ видѣ гдѣ бы то ни было, будетъ наказано по закону. 2) Вся трактирщики и содержатели кофейныхъ и

другихъ заведеній, у которыхъ найдены будутъ пьяные люди, подвергаются тѣмъ же самымъ наказаніямъ и еще закрытію заведеній, если это будетъ найдено нужнымъ.»

Августа 14-го Президентъ былъ въ Сенъ-Клу. Во-время его отсутствія, въ Елисейскомъ дворцѣ произошелъ пожаръ. Онъ произошелъ отъ неосторожности, и начался въ самомъ кабинетѣ Принца-Президента. Около полуночи, часовой, стоявшій у запертыхъ дверей кабинета, почувствовалъ сильный запахъ дыма, и предупредилъ начальника караула; присланные нѣсколько человекъ солдатъ прорубили перегородку; едва огонь сообщился съ воздухомъ, какъ вспыхнулъ съ чрезвычайною силою, и грозилъ другимъ частямъ зданія. По прибытіи пожарныхъ, удалось, послѣ часоваго труда, съ необыкновенными усиліями отстоять остальные части зданія; но кабинетъ Президента, со всеми находившимися тамъ бумагами, сгорѣлъ совершенно; къ-счастью, за нѣсколько дней до пожара, Принцъ-Президентъ, опасаясь сырости, вынулъ изъ шкафа своего кабинета многія драгоценныя вещи, бумаги и рукописи Императора Наполеона, и заперъ ихъ въ другой комнату.

Впрочемъ сгорѣли многія важныя бумаги.

Важнѣйшая новость состоитъ въ празднествахъ 15-го августа. Не входя въ подробности, скажемъ только, что главными пунктами праздника были Елисейскія-Поля, триумфальная арка Звѣзды, площади Согласія и Вандомская, бульвары и Сена. Тутъ были и фонтаны, украшенные статуями, цвѣтами и зеленью; и газовые аппараты, украшенные орлами, буквою N и коронами; и гирлянды изъ цвѣтнаго стекла, и статуи Наполеона, и электрическое освѣщеніе, и гонки судовъ, и представленіе морскаго сраженія... Вечеру были блистательная иллюминація и нѣсколько фейерверковъ. Самый замѣчательный изъ нихъ былъ на площади Согласія, представлявшій переходъ черезъ Сенъ-Бернаръ. Особаго рода огни представляли снѣгъ, падавшій хлопьями на дѣйствующія лица; въ-заключеніе появилось конное колоссальное изображеніе Наполеона-Бонапарте, перевозящаго черезъ Сенъ-Бернаръ....

Но увы! много было предположеній и приготовленій, а между-тѣмъ—праздникъ не удался, по причинѣ дурной погоды; цѣлый день шелъ дождь и дулъ чрезвычайно сильный вѣтеръ; тѣмъ не менѣе программа была въ-точности исполнена: кромѣ молебствія въ церкви св. Магдалины, все

прочее происходило на открытомъ воздухѣ. При молебствіи въ церкви было немного народа. Г. Персиный, при своемъ появленіи, былъ всеми встрѣченъ съ большими привѣтствіями. Г. Морни, посреди членовъ законодательной палаты (ихъ было до тридцати) былъ также принятъ хорошо, но г. Фульдъ, въ богатомъ мундирѣ полу-министерскомъ и полусенаторскомъ, введенъ былъ самымъ дипломатическимъ образомъ. Предъ креслами Президента поставлена была молитвенная скамейка, служившая Наполеону; она обита краснымъ бархатомъ съ орломъ и императорскою короной. И кресла, и скамейка поставлены были на коврѣ Гобеленовой фабрики, украшенномъ лиліями съ солнцемъ и девизомъ Людовика XIV: *Nes pluribus impar*. О церемоніяхъ говорить нечего. Знаменщики національной гвардіи, послѣ благословенія знаменъ священникомъ г. Дегерри, возвратились къ своимъ баталіонамъ. Послѣ смотра войска, началось молебствіе. Въ часъ все было кончено, и можно прибавить, что публика была къ этому зрѣлищу такъ же равнодушна, какъ и самъ Президентъ. При морскихъ маневрахъ толпа была многочисленная, было много выстрѣловъ, дождя, бури, опрокинутыхъ палатокъ, но не было Президента. Это одна часть программы, удавшаяся совершенно. Потомъ былъ фейерверкъ. Оставался балъ. Но частію, по причинѣ снесенія коленкоровой крыши съ бальной залы, частію же по дурному расположенію публики, онъ отложенъ до вторника. Объ этомъ узнали во многихъ кварталахъ уже очень поздно, и толпы гостей явились въ бальныхъ платьяхъ.

Балъ былъ данъ 17 августа, на Большомъ-Рынкѣ. Балъ этотъ былъ прежалкій. Освѣщеніе, убранство залы и т. п. были очень хороши, но публика состояла изъ черни, и весь балъ походилъ на тѣ собранія у заставъ, гдѣ веселится самый простой народъ. Разумѣется, что Президента не было. Явились, было, нѣкоторыя чиновныя лица, да и тѣ скоро удалились. Случилось такъ, что празднество 15-го августа бурею началось бурею и кончилось: во-время бала дождевая туча разразилась надъ рынкомъ, и наводнила часть залы.

Такимъ-образомъ кончились празднества, о которыхъ такъ много говорили и отъ которыхъ ожидали много хорошаго. Говорили также о помилваніи многихъ лицъ,

но—и это не состоялось. Зато многія лица награждены орденомъ почетнаго-легиона.

Кстати о празднествахъ: бывало, не проходило ни одной иллюминаціи, ни одного фейерверка, чтобы любимецъ Феба—поэтъ не воспѣлъ ихъ своими стихами; безъ этихъ виршей торжество утрачивало половину цѣны, да и сами поэты необыкновенно-легко вдохновлялись блескомъ иллюминацій и фейерверковъ. Вотъ, для примѣра, исторія четырехъ стиховъ подобнаго поэта—стихи эти прошли четыре эпохи, ими привѣтствовалъ рифмоплетъ четыре совершенно различныя событія, и странное дѣло, стихи прикладывались удобно ко всему—перемѣна происходила только въ именахъ.

Извѣстно, что Томасъ Муръ, въ цвѣтушее время своей поэзіи, получалъ за каждую строфу мелкихъ стихотвореній по фунту стерлинговъ (6 р. сер.), а за сонетъ по четырнадцати фунтовъ (84 р. сер.); книгопродавецъ Муррей былъ столь же щедръ къ другу Томаса Мура—лорду Байрону, и что вообще столь любимое поэтами выраженіе: «неблагодарная толпа», есть чистый плеоназмъ.

Но слава Мура и Байрона, цѣнимая на вѣсь золота, меркнетъ передъ славою неизвѣстнаго французскаго стихотропателя, исторію котораго передаетъ г. Chégin, бывший нѣсколько десятковъ лѣтъ кассиромъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1811 году г. Chégin выплатилъ, по приказанію Наполеона—5,000 франковъ сочинителю, написавшему оду на рожденіе Римскаго Короля. Ода эта былъ наборъ общихъ мѣствъ въ плохихъ виршахъ;—хоръ, между-прочимъ, пѣлъ слѣдующую строфу:

Si l'étranger, comme un seul homme
Un jour voulait nous asservir,
Autour du noble roi de Rome
Jurons de vaincre ou de mourir,

(т. е., Еслибъ иноплеменники, возставъ единодушно, захотѣли покорить насъ,—покажемся побѣдить или умереть, вокругъ благороднаго Римскаго Короля).

Прошло десять лѣтъ. Наполеонъ былъ побѣжденъ, а династія его лишена престола. Снова весело зацвѣли бѣлыя лиліи Бурбоновъ. Въ это время, въ 1821 году, тотъ

же сочинитель вторично явился передъ конторкою кассира, съ слѣдующимъ небольшимъ измѣненіемъ приведенной выше строфы:

Si méditant notre ruine,
L'étranger veut nous asservir,
Autour du fils de Caroline
Jurons de vaincre ou de mourir!

(т. е., Еслибъ иноплеменники, замышляя на нашу гибель, захотѣли покорить насъ, поклянемся побѣдить или умереть, вокругъ сына Каролины (Герцогини Беррійской).

Династія Бурбоновъ была нестоль щедра, какъ Наполеонъ, но все-таки подарила пѣвцу за его приношеніе 3,000 франковъ.

Господинъ *Chérin* давно уже забылъ и стихотворца и его стихотвореніе, когда родился внукъ Людовика-Филиппа, графъ Парижскій, и снова примѣненные къ обстоятельствамъ, стихи были въ третій разъ предъявлены кассиру. Строфа, въ видъ хора, гласила слѣдующее:

Ah! si l'étranger dans sa haine
Un jour voulait nous asservir,
Autour du noble fils d'Hélène
Jurons de vaincre ou de mourir!

(т. е. О! еслибы иноплеменники, въ своей злобѣ, захотѣли покорить насъ—вокругъ благороднаго сына Елены (Герцогини Орлеанской) поклянемся побѣдить или умереть!)

Стихотворный хамелеонъ на этотъ разъ получилъ въ добычу только 2,000 франковъ. Спекуляція видимо клонилась къ упадку. Но кто бы могъ подумать, что спустя два послѣ 24 февраля 1848 года, господинъ *Chérin* нашелъ на своей конторкѣ стихотворнаго феникса, въ четвертый разъ возродившагося изъ пепла, и послѣдніе стихи его гласили слѣдующее:

Si l'étranger dans sa furie
Un jour voulait nous asservir,
Sur le sol de notre patrie.
Jurons de vaincre ou de mourir!

(т. е., Еслибы иноплеменники, въ своей ярости, захотѣли покорить насъ—поклянемся побѣдить или умереть на родной землѣ нашей!)

Временное правительство было само бѣдно и дарило лишь обѣщаніями, но и оно выдало неутомимому жрецу Аполлона только 200 франковъ.

А н г л и я.

Въ 1846 году, Англія, угрожаемая голодомъ, отменила хлѣбный законъ, и допустила свободный привозъ иностраннаго хлѣба. Робертъ Пиль, предложившій эту мѣру, конечно не предвидѣлъ всего зла отъ того. Онъ полагалъ, что хлѣбъ останется въ нормальной цѣнѣ, и только не будетъ подвергаться вреднымъ колебаніямъ въ цѣнахъ. Но опытъ убѣдилъ, что министръ жестоко ошибся: хлѣбъ понизился въ цѣнѣ на одну треть противъ нормальной цѣны. Всѣ горожане, всѣ потребители довольны новымъ закономъ; поселяне, производители хлѣба, много потеряли. Помѣщики принуждены сбавить плату за пользованіе ихъ землею; откупщики или фермеры лишились прежнихъ выгодъ, и только по привычкѣ продолжаютъ заниматься земледѣльствомъ, а крестьяне, съ каждымъ днемъ лишаясь работы въ селахъ, или находя недостаточнымъ содержаніе при сбавкѣ платы за трудъ, оставляютъ тысячами свою родину, и бѣгутъ въ города, или даже вовсе оставляютъ отечество, и переселяются въ чужіе края, въ дикія страны.

Многіе чувствуютъ это зло, но не всѣ готовы или не знаютъ, какъ помочь этому бѣдствію. Лордъ Дерби и его товарищъ д'Израели, по порученію Королевы, взялись залечить эту рану, и можно надѣяться, что они съ честію и славою исполнятъ высокое порученіе, вопреки всѣмъ нападкамъ либеральныхъ газетъ. Въ будущемъ парламентѣ, министры предложатъ мѣру, которая примиритъ враждебныя партіи. Въ чемъ будетъ состоять эта мѣра, никто не знаетъ, и противники министерства никакъ не могутъ догадаться, называя всѣ обѣщанія д'Израели чистымъ обманомъ. А намъ кажется, что д'Израели сдержитъ свое обѣщаніе, и спасетъ уложеніе Англіи, которое теперь въ опас-

ности отъ демократовъ. Какъ онъ за это примется, это его тайна, но каждому позволено ее угадывать.

Воротиться къ прежнимъ законамъ министерство не можетъ. Предложить постоянную, хотябы умѣренную пошлину на привозный хлѣбъ, оно также не можетъ, не имѣя большинства въ парламентъ. Но оно обѣщаетъ доставить возможность производить хлѣбъ съ мѣньшими издержками, а этого можно немнѣе достигнуть, какъ *уменьшивъ поземельный налогъ*; и вѣроятно эту самую мѣру оно предложить въ парламентъ. Противъ этой мѣры никто не можетъ возстать: горожане-потребители будутъ имѣть дешевый хлѣбъ, котораго они такъ желаютъ, и который съ такимъ упорствомъ защищаютъ, а селяне-производители будутъ освобождены отъ тягостей, на нихъ лежащихъ, и станутъ благословлять имена виновниковъ своего благополучія. При этомъ, безспорно, казна лишится части своихъ доходовъ: но если удержится на будущее время налогъ съ доходовъ, при которомъ государственные доходы уже давно превышаютъ расходы, то ущербъ въ доходахъ будетъ незначителенъ, и можетъ быть покрытъ займомъ, пока откроется новый источникъ доходовъ. А когда министерство приобрететъ большинство голосовъ въ парламентъ, что можетъ исполниться при открытїи втораго засѣданія, то-есть, осенью 1853 года, тогда оно безбоязненно можетъ предложить умѣренную пошлину на привозный хлѣбъ, для покрытїя ущерба въ государственныхъ доходахъ: отъ умѣренной пошлины хлѣбъ не можетъ вздорожать, потому-что производство внутренняго хлѣба будетъ обходиться значительно дешевле.

Когда бъ Робертъ Пиль, заботясь о дешевизнѣ хлѣба, позаботился съ тѣмъ вмѣстѣ о сохраненїи выгодъ многочисленнаго класса, тогда бы имя его всѣ благословляли; но онъ упустилъ изъ виду главное, и нажилъ непримиримыхъ враговъ. Лорду Дерби суждено залечить раны Англїи, и возвести ее на высшую степень благосостоянїя.

Нижнїй-парламентъ состоитъ нынѣ изъ 654 членовъ, вмѣсто 658-ми, потому-что два города, Сюдбюри и Сентъ-Альбанъ, лишены избирательнаго права по поводу происшедшихъ тамъ явныхъ подкуновъ. Изъ этого числа правительство считаетъ теперь на своей сторонѣ триста голосовъ. Это меньше половины, но зато эти голоса составляютъ

одну партїю, а другая половина раздроблена на нѣсколько частей. Сто или сто-пятьдесятъ голосовъ послѣдуютъ за л. Дж. Росселемъ, представляя прежнюю партїю виговъ; около ста принадлежатъ Кобдену и Брейту или, такъ-называемой, Манчестерской школѣ; около пятидесяти будутъ повиноваться ирландскому архїепископу Коллену, составляя фалангу римскую; наконецъ остаются еще нѣсколько голосовъ, которыхъ нельзя распределить, потому-что они представляютъ отдѣльныя мнѣнїя и системы. Всѣ эти партїи могутъ соединиться только на время, но не составятъ правительства. Министерство л. Дж. Росселя существовало нѣсколько лѣтъ только потому, что ни какое другое не было невозможно. Министерство д'Израели будетъ жить на такихъ же условїяхъ. И почему же не существовать ему нѣсколько лѣтъ, отправляя административныя дѣла, доколь общественный духъ не будетъ возбужденъ какимъ-нибудь внѣшнимъ или внутреннимъ потрясенїемъ? Министерство, имѣющее триста или триста-двадцать голосовъ изъ шестисотъ-пятидесяти, всегда довольно сильно для оборонительныхъ дѣйствїй, если не для наступательныхъ. Когда нѣтъ важныхъ политическихъ вопросовъ, какъ, на примѣръ: избирательная реформа, или хлѣбные законы, почти всѣ министры стоятъ другъ-друга. Виги должны пересоздать свою партїю въ рядахъ оппозиціи. Всегда было замѣчаемо, что виги гораздо лучше занимаютъ дѣлами, когда не управляютъ ими. Такимъ-образомъ всѣ мѣры общественныхъ пользы, преобразованїя въ законахъ и въ администраціи, утвержденныя въ концѣ послѣдняго засѣданія, приготовлены были и обсуждены партїею виговъ, но только при министерствѣ тори получили законную силу. Должно замѣтить также, что если партїя виговъ не будетъ имѣть на своей сторонѣ числа членовъ, то будетъ имѣть качество. Кромѣ л. Дерби и д'Израели, въ министерской партїи мало отличныхъ людей. Если когда-нибудь противъ д'Израели возстанутъ вмѣстѣ л. Дж. Россель, с. Джемсъ Грегамъ, Гладстонъ, Кобденъ, Маколей и Осборнъ, онъ, при всемъ своемъ умѣ, не въ состоянїи будетъ противиться. Въ этомъ отношенїи новый парламентъ можетъ, какъ кажется, пожалѣть о всеобщемъ упадкѣ умственныхъ способностей въ своихъ членахъ. Въ немъ будетъ правительственная партїя, сильная числомъ, но слабая способностями, и противъ нея будетъ вся образованная и дѣятельная часть націи. Съ

этимъ можно долго вести административную часть, но нельзя долгое время владеть умами. Г. д'Израели, какъ важнейшій членъ кабинета, принужденъ будетъ прибѣгать къ временнымъ мѣрамъ. Онъ теперь притворяется демократомъ, и отступаетъ отъ протекціонизма, который дѣйствительно отжилъ уже свой вѣкъ. Программа его состоитъ теперь въ томъ, что какъ переворотъ былъ нѣкогда сдѣланъ въ пользу промышленности и городовъ, то теперь должно произвести его въ пользу земледѣлія и сельскихъ жителей. Онъ предполагаетъ совершенно измѣнить финансовую систему. Можетъ-быть, у него есть тайная мысль, но во-всякомъ-случаѣ мудрено обѣщать философскій камень. Мы не назначили мѣста л. Пальмерстону, потому-что нельзя подвести его подъ разряды: онъ лично составляетъ значительную силу, которую старается задобрить всякая партія. Вѣроятно, онъ не станетъ торопиться пристать къ которой-либо изъ нихъ, и выждетъ случая, чтобъ предложить свои условія, которыя будутъ тогда, конечно, соответствовать значительнѣйшей популярности этого лица, наиболѣе потворствовавшаго всемъ народнымъ предразсудкамъ. Слѣдственно, всѣ вообще думаютъ, что министерство безпрепятственно окончитъ кратковременное засѣданіе парламента въ октябрь и обыкновенный періодъ, начинающійся съ февраля. Оппозиція рѣшилась, кажется, выжидать. Ей самой нужно исчислить свои силы, и составить элементы для будущаго управленія дѣлами. Религіозный вопросъ будетъ всегда камнемъ преткновенія, и въ Англіи этотъ вопросъ очень важенъ. Министерство при выборахъ опиралось не на протекціонизмъ, а на протестантскую реакцію, и только, благодаря религіознымъ страстямъ, выиграло оно столько голосовъ. Оттого очутилось оно въ борьбѣ съ Гладстономъ, л. Абердиномъ, герцогомъ Нью-Кастлемъ и Сиднеемъ Гербертомъ, тогда-какъ эти лица мнѣніями своими сблизали ихъ съ охранителями, но возставали противу религіозныхъ гоненій. Это самое отдѣляетъ л. Дж. Росселя отъ виговъ охранителей. Религіозныя пренія будутъ, въ новомъ парламентѣ, самыя жаркія. Католическая фаланга столько же враждуетъ противъ л. Дж. Росселя, какъ и противъ л. Дерби: она будетъ защищать въ парламентѣ только собственныя свои выгоды.

Весьма важенъ вопросъ о рыбной ловлѣ, поднятый съ Соединенными-Штатами. Онъ произвелъ сильное впечатлѣ-

ніе въ Лондонѣ. Читатели найдутъ подробности въ извѣстіяхъ изъ «Америки».

Выборы въ Ирландіи представляли истинно печальное зрѣлище—приверженцы духовенства хотѣли устрашить общее мнѣніе всеми возможными средствами: для этого употреблялись ночные разбои, поджоги, принуждавшіе мирныхъ жителей запираются въ своихъ домахъ, посреди бѣлаго дня и стрѣлять оттуда по разъяреннымъ толпамъ, осаждавшимъ ихъ убѣжища; часто предпринимались экспедиціи для опустошенія земель неговорчивыхъ избирателей—духовенство открыто съ кафедръ возбуждало къ тому народъ, и даже были случаи, что священники въ церквахъ, у самыхъ алтарей раздавали билеты для выборовъ—все это требуетъ скорого и дѣятельнаго преобразованія, для предохраненія мирныхъ жителей отъ насилія. Число англійскихъ войскъ въ Ирландіи увеличено до 22,000 человекъ.

Артиллерійскій департаментъ приказалъ осмотрѣть берега Англіи, для точнаго узнанія, въ какомъ состояніи находятся различные береговые форты, служащіе къ оборонѣ страны.—Полковнику с. Фредеріку Смиту, начальнику инженеровъ въ Портсмутѣ, даже поручено осмотрѣть берега у Госпорта, и избрать на нихъ пункты для постройки цѣпи новыхъ укрѣпленій.

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о расходахъ Великобританіи по военной части:

Въ 1822 г. расходы на армію, флотъ и артиллерию, простирались до 13,889,336 ф. ст., въ томъ числѣ 9,335,051 ф. ст. на дѣйствительную службу и 4,564,336 ф. ст. на резервъ; въ 1835 г. этотъ расходъ понизился до 11,657,487 ф. ст., въ томъ числѣ 7,146,952 ф. ст. на содержаніе войскъ, состоящихъ въ дѣйствительной службѣ. Съ 1835 г. по 1848 эти расходы постоянно увеличивались, и дошли въ послѣднемъ году до небывалой, въ-теченіе тридцати лѣтъ, суммы—18,746,695 ф. ст. Изъ этой суммы миллионъ ф. ст. назначенъ былъ на войну съ Кафрами. Въ 1849, 1850 и 1851 г. расходы уменьшились на сумму около двухъ миллионновъ. Въ 1849 г. они простирались до 15,823,537 ф. ст., въ 1850 до 13,392,944, въ 1851 до 14,573,857 ф. ст., въ томъ числѣ 300,000 ф. ст. на войну съ Кафрами.

Для исполненія послѣдняго рѣшенія парламента о наборѣ милиціи, всѣ домохозяева и лавочники получаютъ особыя бланкеты, на которыхъ они должны написать лѣта и

къ какому классу принадлежить мужское народонаселеніе дома или лавки; сверхъ-того учреждены будутъ особыя бюрò, для записыванія желающихъ добровольно вступать въ службу. Милиція получитъ красные мундиры, съ желтымъ воротникомъ, отворотами и обшлагами, и бѣлыми матовыми пуговицами.

Въ-концѣ прошедшаго іюля происходило, въ Тамвортѣ, тихо и безъ церемоній, открытіе памятника сирю Роберту Пилю. Городъ этотъ обязанъ былъ выразить свою благодарность знаменитому мужу, избравшему его мѣстомъ своего жительства. Памятникъ, изваянный Ноблемъ, поставленъ на рыночной площади. Знаменитый министръ представленъ какъ бы говорящимъ рѣчь. Сходство лица удивительное. До открытія статуи говорены были рѣчи сиромъ К. Кларкомъ, сиромъ Робертомъ Пилемъ (старшимъ сыномъ) и Фредерикомъ Пилемъ (младшимъ). По открытіи памятника, публика осматривала Дрейтонъ-Меноръ, замокъ фамиліи Пила, и великолѣпную картинную галерею.

Г Е Р М А Н І Я.

Штутгартъ. 11-го августа послѣдовало открытіе конференцій министровъ Союза: Гг. фонъ-дерь-Пфордтенъ (со стороны Баваріи), Бейстъ (Саксоніи), баронъ Рюдтъ (Бадена), бароны Дальвицъ и Шенкъ (Гессенскаго Великаго Герцогства), Баумбахъ (Гессенскаго Курфиршества), князь Витгенштейнъ (Нассау) и баронъ Нейратъ (Виртемберга). Говорятъ, что составлена будетъ общая нота въ отвѣтъ на послѣднее объявленіе Пруссіи.

Мильтенбергъ. 9-го августа происходило крещеніе новорожденной дочери Инфанта дона Мигеля, въ церкви гейбахскаго замка; обрядъ совершенъ былъ епископомъ Вюрцбургскимъ, который, со всею своимъ духовенствомъ, встрѣтилъ новорожденную при входѣ въ церковь. Восприемниками были Инфанта Дона Марія Изабелла Португальская и князь Карлъ Левенштейнъ Вертгеймъ. Въмѣсто первой приняла новорожденную отъ купели юная Принцесса Изенбургъ-Бирштейнская. Новорожденной дано тринадцать именъ и титуло принцессы Беирской.

Карлсруе, 11-го августа. За снятіемъ осаднаго положенія послѣдовалъ временный законъ о дальнѣйшемъ обезоруженіи края. Носить оружіе дозволено только служащимъ, гражданской стражѣ, лѣсничимъ и охотникамъ (послѣднимъ съ позволенія своихъ окружныхъ начальствъ и притомъ такимъ, которые не были замѣшаны въ революціи).

А В С Т Р І Я.

О путешествіи Императора Австрійскаго по Венгріи, пишутъ слѣдующее: «Зимою, въ дождь и въ пыль, днемъ и ночью—Императоръ всегда путешествуетъ не иначе, какъ въ открытомъ экипажѣ. Здоровье его одинаково способно къ перенесенію суровости различныхъ временъ года: и сильнаго холода, и сильнаго зноя. Теперешнее его путешествіе по Венгріи должно быть очень утомительно, потому-что дорога въ Венгріи въ настоящее время года очень пыльна. Къ этому должно прибавить восторгъ дворянства и крестьянъ, которые сопровождаютъ Императора верхомъ, иногда въ числѣ до 3,000 человекъ: можно себя представить, какова при этомъ пыль! Свита Императора состоитъ изъ 120 человекъ и 40 экипажей. Въ первомъ ѣдетъ Императоръ съ первымъ своимъ генералъ-адъютантомъ, графомъ Грюние, однимъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ и отличнѣйшихъ людей Австрійской Имперіи. Въ другихъ экипажахъ находятся секретари, казначей, важнѣйшіе чиновники Императорскаго двора. Затѣмъ слѣдуютъ фуры съ багажемъ и съѣстными припасами. Кохмейстерскій или поварской штатъ, сопровождающій Императора, по причинѣ скудныхъ способовъ некоторыхъ округовъ Венгріи, состоитъ изъ трехъ отдѣленій, которыя первый кохмейстеръ или метрд'отель, Французъ изъ Тараскона, г. Мартень, каждый день заставляетъ работать съ такимъ знаніемъ дѣла, что Императоръ и его свита, куда бы ни пріѣхали, всегда находятъ исправный обѣдъ съ лучшими французскими винами.

— Часто случается—говорилъ г. Мартень въ Пестѣ—что первое мое отдѣленіе, прибывъ на мѣсто, гдѣ Императоръ долженъ обѣдать, не находитъ рѣшительно ничего

заготовленнымъ. Живность ищетъ себѣ еще сѣмяцъ въ полѣ, бараны щиплютъ траву на лугу, а телята жуютъ сѣно въ клеу. Но четыре часа спустя, столы уже накрыты и оба наши сервиза изготовлены со всею роскошью столицы.

Каждое утро всякій принадлежащій къ свитѣ, и самъ Императоръ, получаютъ въ оловянномъ ящичкѣ дневный рационъ, состоящій изъ холоднаго мяса, окорока и разнаго хлѣбнаго, съ бутылкою бордо и бутылкою шампанскаго. Изъ 120 человекъ свиты Императора нужно исключить кохмейстерскій штатъ. По прибытіи куда-либо на мѣсто, Императоръ прежде всего приводитъ въ порядокъ свой туалетъ, и затѣмъ принимаетъ депутацію и просьбы жителей. Представленія часто продолжаются до полуночи. Императоръ никогда не спитъ болѣе пяти часовъ, но часто случается, что онъ въ теченіе дня велитъ закрыть всѣ двери и окна комнаты, въ которой остановился, и ложится на диванъ. Черезъ полчаса онъ встаетъ такимъ свѣжимъ и бодрымъ, какъ-будто спалъ цѣлую ночь. Неутомимый въ работѣ, онъ во все входитъ и все дѣлаетъ самъ. Молодой 21-лѣтній Государь сей имѣетъ въ себѣ все, чтобъ быть великимъ человекомъ.

Путешествіе Императора въ Венгрію приближается къ концу, но съ нимъ не кончится его значеніе и вліяніе, обширность которыхъ была столь справедливо оцѣнена противниками «соединенной и могущественной Австріи» что они нашли нужнымъ открыть весь арсеналъ лжей и искаженій истины, дабы противодѣйствовать уналку духа, овладѣвшаго ихъ уже рѣдкими рядами.

Великія физическія труды, которымъ подвергаетъ себя Императоръ Францъ-Иосифъ, съ силами здраваго юношескаго тѣла и твердой воли, и то, что объ этомъ сказано было въ статьѣ одного личнаго свидѣтеля (историка *Valleydier*), совершенно справедливо. Но трудамъ соответствуютъ и результаты: въ каждомъ изъ множества мѣстъ посѣщаемыхъ императоромъ, династическія чувства Мадьярскаго народа, лишь усыпленные, но не угасшія въ минувшія тяжелыя времена, пробуждаются съ новыми свѣжими силами, либо изливаются въ простыхъ но душевныхъ радостныхъ кликахъ вѣрныхъ Сербовъ, Румыновъ и Саксонцевъ. Взоры и надежды милліоновъ народа обращены на него на него одного; народъ чувст-

вуетъ и сознаетъ, что правительство желаетъ его блага, и твердо увѣренъ, что голосъ его будетъ услышанъ Императоромъ и обрѣтетъ у него справедливый судъ и защиту. Оттого и власть императорская въ Венгерскихъ земляхъ никогда еще не была такъ велика и сильна, какъ теперь, и потому недолжно удивлять и неудовольствіе того меньшаго числа людей, которое нѣкогда раздѣляло эту власть и имѣло изъ нее болѣе нежели *львиную долю*, которую однако во-время революціи поставило на карту и — проиграло. Кто теперь въ Венгріи и Трансильваніи не станетъ на сторонѣ своего Государя и Императора? Мы хотимъ откровенно отвѣчать на этотъ вопросъ: сверхъ ежедневно уменьшающагося числа радикаловъ и мечтателей о независимости, состоящихъ, по болѣшей мѣрѣ, изъ «опасныхъ» классовъ городскихъ жителей и изъ посѣтителей кофейныхъ домовъ — мадьярская часть дворянства, которую несовсѣмъ правильно зовутъ «старою охранительною» ибо болѣе число оной само содѣйствовало къ разрушенію до основанія сеймовъ 1847 — 1848 годовъ, той «старинь», которую оно нынѣ хочетъ «охранять», но которая уже не существуетъ и сохранена быть болѣе не можетъ. Не взирая на опасность, грозящую каждому который не принадлежитъ этой партіи, а именно: быть названу «демократомъ» и «коммунистомъ», мы спрашиваемъ: не безразсудно ли было бы требовать отъ правительства, чтобы оно для привлеченія къ себѣ совершенно отдѣлившейся отъ народа горсти людей, насильно (ибо для того необходима была бы сила) снова ввело политическія и гражданскія права, которыя *отжили свое время*, — чтобы оно для услышанія снова восторженныхъ *Еліенъ!* изъ онемѣвшихъ устъ нѣсколькихъ сотенъ людей, отвергло милліоны другихъ, радостные крики которыхъ раздаются нынѣ въ этихъ благословенныхъ странахъ, но устраненіе которыхъ составляетъ счастье и надежду этой партіи?

«Выборъ былъ бы слишкомъ неровный, и несмотря на то, мы видимъ, что этого именно требуетъ одна партія.

«Императорское правительство столько доказало свои охранительныя начала, и еще недавно, въ основныхъ правахъ 31 го декабря прошлаго года, явило такую заботливость о постановленіи дворянства въ Австріи въ достойное и историческимъ, съ современностію согласнымъ требованіямъ исполнѣе соответствующее положеніе, что не можетъ под-

вергнуться подозрѣнію, будто оно *непріязненно* мадыарскому дворянству. Тѣмъ не менѣ слышимъ мы и это безразсудное обвиненіе — потому-что правительство, послѣ побѣды, одержанной имъ надъ революціею, предоставленное собственнымъ своимъ силамъ и средствамъ, *ими исключительно* и въ короткое время сдѣлало для Венгріи, или проложило пути въ ея пользу, гораздо болѣе, нежели сколько могло быть сдѣлано при прежнемъ сеймовомъ правленіи, въ-теченіе нѣсколькихъ вѣковъ — и потому, что оно этимъ разрушило мнѣніе, будто въ Венгріи не можетъ существовать и дѣйствовать никакое правительство, которое не исходитъ отъ дворянства и не лежитъ на одной извѣстной части послѣдняго. Мы возлагаемъ наши надежды на силу монархическаго начала, на твердую волю Императора и на могущество событій.

«Мы увѣрены, что лѣтъ черезъ десять большинство теперешнихъ противниковъ правительства въ Венгріи будетъ на его сторонѣ, и убѣдится, что лучше и похвальнѣе, дѣйствовать на пользу своего отечества согласно съ благонамѣренными видами своего законнаго Государя, и занимать почетное мѣсто у престола или въ рядахъ административныхъ, чѣмъ вполне предавшись лишь воспоминаніямъ минувшаго времени и господства, не разумѣть современныхъ требованій, и нѣкогда быть вынуждену внутренно сознаться, что все благое и великое совершено безъ насъ. Тѣ, которые поступаютъ такъ, какъ мы разумѣемъ, и безъ того будутъ не въ дурномъ обществѣ: члены благородныхъ фамилій Зичи, Алмазій, Надаши, Циракій и др., которые уже участвуютъ въ трудахъ и заботахъ правительства, занимая высшія административныя званія, и хвалятся милостію своего Государя и видимыми знаками оной, да послужатъ для этихъ господъ живымъ доказательствомъ, что венгерскій дворянинъ можетъ еще оставаться Венгерцемъ, и правдоушно служа своему Государю, всего лучше служить своему отечеству».

Всѣ извѣстія о путешествіи Императора въ Венгрію согласно и справедливо называютъ оное *мирнымъ завоеваніемъ* этой страны и истиннымъ *тріумфомъ*. Разказы про юнаго Императора, про его умныя рѣчи и отвѣты, благородныя черты и присутствіе духа — неистощимы и еще бо-

лѣе располагаютъ въ его пользу всѣ умы и сердца. Вообще отъ всего этого путешествія ожидаютъ самой благодатной для Венгріи будущности.

Августа 14, около половины шестаго часа пополудни, Императоръ возвратился въ Ввну, привѣтствуемый тысячекратными возгласами народа, стоявшаго по всей дорогѣ. Императоръ выслушавъ рѣчь бургомистра, и удостоивъ его отвѣтомъ, сѣлъ въ карету съ генераль-адъютантомъ, графомъ Грюнне, и повзды тронулся при звонѣ всѣхъ колоколовъ и громѣ пушекъ, отъ городскаго вала, чрезъ тріумфальныя ворота, въ соборную церковь св. Стефана, гдѣ ожидали Императора всѣ министры и члены государственнаго совѣта. Архіепископъ совершилъ торжественное молебствіе. Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминированъ. Во всѣхъ церквахъ совершены были на другой день, въ воскресенье, благодарственныя молебствія о благополучномъ возвращеніи Императора.

Недавно обнародованный договоръ, заключенный между Австріею, Герцогствами Пармскимъ и Моденскимъ, Тосканою и Церковною-Областью, по предмету построения желѣзныхъ дорогъ, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ общее вниманіе.

Великая идея австрійской коммерческой политики, состоящая въ томъ, чтобы какъ можно болѣе соединить всѣ государства центральной Европы, служила основаніемъ и этому предпріятію, столь же полезному, какъ и многообъемлющему. Дѣло въ томъ, чтобы свести въ одинъ общій бассейнъ всѣ притоки торговли средней Италіи и привести ихъ въ постоянное сообщеніе съ сѣтью австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Потребность такого сообщенія такъ очевидна, что объ этомъ излишне было бы и распространяться.

Замѣтимъ только, что взаимныя торговыя сношенія между сѣверомъ Европы и Италійскимъ полуостровомъ будутъ такимъ-образомъ облегчены и ускорены, что, конечно, умножить и увеличить ихъ важность. Ливорно будетъ въ прямомъ сообщеніи съ Гамбургомъ, Анкона съ Штетиномъ. Очевидно, что это сообщеніе должно рано или поздно находить множество весьма выгодныхъ политическихъ предпріятій.

Кромѣ-того, это прямое сообщеніе будетъ способствовать сближенію италіянскихъ народовъ между собою съ одной

стороны, и съ жителями Австріи и Германіи съ другой, и къ уничтоженію нерасположенія, ни на чемъ неоснованнаго.

Италія, безъ сомнѣнія, будетъ признательна зато, что италіанскія правительства дѣлаютъ для возвышенія матеріальнаго благосостоянія своихъ подданныхъ.

Когда центральная италіанская желѣзная дорога будетъ существовать въ предполагаемомъ нынѣ объемѣ, то послѣдствія этого соединенія будутъ проявляться въ разныхъ видахъ, и пяти союзнымъ державамъ будетъ принадлежать честь, что онѣ возымѣли и привели въ исполненіе мысль, которая будетъ имѣть огромные результаты, какихъ теперь еще и предусмотрѣть нельзя.

Венеція. Коммиссія, учрежденная въ Мантуѣ для производства слѣдствія по открытому въ последнее время политическому заговору, съ недѣлю назадъ приступила къ своимъ дѣйствіямъ. Досель число лицъ, взятыхъ вообще подъ стражу, простиралось до 80. Большинство народонаселенія видимо довольно энергическими мѣрами правительства къ искорененію этого пагубнаго зла, и громко одобряетъ намѣреніе коммиссіи поступить съ преступниками весьма строго. Вообще расположеніе умовъ въ ломбардо-венеціанскихъ провинціяхъ совершенно удовлетворительно.

П р у с с і я .

Можно надѣяться, что Пруссія, сдѣлавшая въ послѣдніе годы слишкомъ много уступокъ для сохраненія мира, съ твердостью поддержитъ теперь выгоды народной своей промышленности, то-есть, не вступитъ съ Австріею въ переговоры, прежде нежели Таможенный-Союзъ не будетъ возобновленъ. По этому случаю въ Zeit приводятъ въ примѣръ Англію, которая, при всей своей уступчивости въ чисто-политическихъ вопросахъ, не уступитъ ни шага тамъ, гдѣ дѣло идетъ о выгодахъ націи. А какъ монополія и тарифы Австріи нейдутъ къ намъ, то таможенный съ нею союзъ убилъ бы нашу промышленность. Касательно рѣшенія союзныхъ государствъ, въ Zeit предсказываютъ, что при возобновленіи конференцій, Виртембергъ и Баденъ приступятъ къ Пруссіи, и что прочія державы также наконецъ пой-

мутъ, что здравая коммерческая политика Германіи не должна имѣть ничего общаго съ Австріею, иначе Таможенный-Союзъ будетъ разрушенъ.

Въ «Прусскомъ Монитерѣ» напечатанъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ ко всемъ первымъ президентамъ (губернаторамъ) провинцій, отъ 6-го августа; о созваніи, въ началѣ сентября, провинціальныхъ сеймовъ, въ качествѣ «временныхъ представителей» провинцій. Доказательствомъ, до какой степени прусское правительство увѣрено въ прочности всеобщаго мира, служить (возвѣщенное уже нами) разоруженіе при-рейнскихъ крѣпостей. Ремесленникамъ, путешествующимъ для своего окончательнаго усовершенствованія въ мастерствѣ, запрещено посѣщать Бременъ и Швейцарію; тѣ же, которые останутся тамъ послѣ запрещенія, потеряютъ право возвратиться въ Пруссію.

Б е л ь г і я .

Королева Англійская посѣтила Антверпенъ. Многіе журналы предполагаютъ, что это посѣщеніе имѣетъ политическую причину. Всѣ квартиры въ гостинницахъ Антверпена были заняты съѣхавшимися туда иностранцами и Англичанами. Стеченіе народа было чрезвычайное. Прибытіе Королевы возвѣщено было не только пушечными выстрѣлами, продолжавшимися полчаса, но и восторженными криками толпы, которая тоже полагаетъ, что пріѣздъ этотъ имѣетъ политическую цѣль. Король Леопольдъ, котораго ожидали цѣлый день, прибылъ въ восемь часовъ вечера, и тотчасъ же въ шлюбкѣ пріѣхалъ на королевскую яхту; пробывъ тамъ до одиннадцати часовъ, возвратился во дворецъ.

Ш в е й ц а р і я .

Въ парижской газетѣ l'Union исчисляють, какія опустошенія можетъ произвести новый взрывъ революціи: «Швейцарія должна обратить на себя все вниманіе Европы. Мы приближаемся къ событіямъ, которыя поставятъ насъ въ

такое же положеніе, въ какомъ мы были во-время Зондер-бунда. Радикалы, господствуя въ союзномъ совѣтѣ, директоріи и правленіи кантоновъ, кажется, хотятъ вывести народъ изъ терпѣнія, угнетая его религіозныя мнѣнія, лишая всякой свободы, грабя его неслыханнымъ и безсовѣстнымъ образомъ. Несмотря на единогласное рѣшеніе въ Позьѣ, въ Фрейбургскомъ кантонѣ, епископъ Марильи все еще изгнанъ, священники лишены мѣстъ и подвержены всемъ гоненіямъ, внушеннымъ самымъ ожесточеннымъ нечестіемъ; личная свобода не имѣетъ никакого ручательства; собственность не уважается. Въ Валлійскомъ кантонѣ известная всей Европѣ обитель монаховъ на Сень-Бернарѣ истреблена, несмотря на требованія Франціи, которая не умѣла оградить ни своихъ собственныхъ правъ, ни правъ человечества. Въ Тессинѣ радикалы преслѣдуютъ католическое духовенство, истребляютъ и грабятъ монастыри, торопясь, какъ разбойники, въ этомъ дѣлѣ, прежде нежели человеческое правосудіе исторгнетъ добычу изъ ихъ рукъ. Если бездѣйствіе европейскихъ правительствъ дозволитъ и въ 1852 г., чтобъ революція, какъ въ 1848, сосредоточилась въ нѣдрахъ Швейцаріи, они потеряютъ плоды трудовъ и борьбы, предпринятыхъ въ-теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, для возстановленія порядка, власти и благоденствія. Вулканъ снова вспыхнетъ, и лава его, ринувшись съ высоты Альпъ, опустошитъ всю Европу, наказавъ ее еще разъ за эгоизмъ, бездѣйствіе и виновную непредусмотрительность».

Въ той же газетѣ пишутъ о Нешателѣ: «Со времени лондонскаго протокола, и въ особенности съ-тѣхъ-поръ, какъ почти все землевладѣльцы обратились къ Королю съ просьбою о прекращеніи безначалія, терзающаго ихъ съ марта 1848 г., революціонная партія удвоила свои насильства противу мирныхъ гражданъ, и требуетъ, чтобъ клубы владычествовали надъ ними безусловно: известно что это значитъ. Административная власть уже заранѣе дѣйствуетъ такимъ-образомъ: агенты ея самовольно забираютъ людей подъ стражу, производятъ домовые обыски, допрашиваютъ и разыскиваютъ. Это верхъ притѣсненія и безпорядка. Зло сдѣлалось невыносимо; все оно истекаетъ изъ Берна. Тамъ у главныхъ радикаловъ требуютъ совѣта наши мелкіе радикалы. Терроризмъ въ княжествѣ сдѣлался системою; угрожаютъ многими мѣрами самоуправства. Хотятъ захватить имущества жителей Валанжена, пребывшихъ

вѣрными Королю, и наконецъ напугать роялистовъ, чтобы прекратить ихъ сношенія съ Королемъ. Еще неизвѣстно, до чего дойдутъ наши страданія, но что бы тамъ ни дѣлали, Нешательцы были и останутся вѣрными Королю Прусскому. Только посредствомъ иностранцевъ и клубовъ поддерживается нынѣшняя власть; мирнымъ гражданамъ грозитъ изгнаніемъ, если они не изъявятъ согласія на нынѣшнюю притѣснительную систему правленія».

Въ нешательскомъ дѣлѣ возникъ новый случай. Главный совѣтъ этого кантона, имѣвшій экстраординарное засѣданіе 29-го и 30-го іюля, для принятія мѣръ, требуемыхъ положеніемъ сей области, началъ съ того, что послѣ продолжительныхъ и сильныхъ преній рѣшилъ большинствомъ 69-ти противъ одиннадцати голосовъ уничтожить политическое общество, составившееся изъ приверженцевъ Короля Прусскаго, и известное подъ названіемъ общества валланженскихъ гражданъ.

Г р е ц і я .

На время отъѣзда его величества Короля Оттона изъ Греціи, регентство снова поручено Королеви. Вѣроятно, еще не забыли той энергіи, которую выказала эта Государыня во-время перваго своего управленія; она представила теперь новое доказательство своей твердости, потребовавъ, чтобы члены кабинета не давали дальнѣйшаго хода распрѣ, возникшей между ними по поводу различнаго толкованія 6-й статьи закона о святѣйшемъ синодѣ. Эта распря угрожала министерскимъ кризисомъ, а Королева хочетъ попытаться управлять государственными дѣлами, во-время отсутствія Короля, при содѣйствіи нынѣшнихъ министровъ. Эта рѣшимость привела въ замѣшательство парламентскія партіи, и говорятъ, что ежели палата депутатовъ приметъ положеніе, рѣшительно враждебное министерству, то Королева не замедлитъ распустить ее.

Процессъ по дѣлу объ убійствѣ сенатора Корфіотаки, конченъ. Въ этомъ дѣлѣ навлекали на себя подозрѣніе нѣкоторые знатныя и сильныя лица, между-прочимъ семейство Мавромихали. Судъ объявилъ виновнымъ только того

изъ подсудимыхъ, который собственноручно совершилъ убійство; а трое другихъ, обвиненныхъ въ сообщничествѣ съ нимъ, были оправданы.

Т у р ц и я.

По извѣстіямъ изъ Александріи, тамъ все совершенно спокойно; возвращеніе двухъ посланныхъ къ Константинополю комиссаровъ Едемъ-Паши и Каиръ-Еддинъ-Паши показываютъ, что Диванъ согласился на всѣ предложенія. Работы по желѣзной дорогѣ продолжаютъ, и хотя носились слухи о какомъ-то заговорѣ Саидъ-Паши, но они опровергнуты положительными извѣстіями о совершенномъ согласіи Египетскихъ Принцевъ съ Вице-Королемъ. Въ Сиріи дѣла остаются все въ одномъ положеніи.

Въ Константинополѣ происходятъ страшныя опустошенія отъ пожаровъ. На одной недѣлѣ ихъ было пять, слѣдовавшихъ каждый день одинъ за другимъ; двумя изъ этихъ пожаровъ истреблено по 400 домовъ. Наконецъ послѣдній былъ такъ великъ, что старики не припомнятъ подобнаго. Онъ произошелъ отъ загорѣвшагося склада строеваго лѣса. Дѣйствія для потушенія пожара были медленны и слабы, а вредъ, нанесенный огнемъ—огромный.—Здѣсь назначена коммиссія изъ военныхъ лицъ различныхъ чиновъ, для обсужденія вопроса о преобразованіи турецкой арміи по образцу армій европейскихъ.

А з і я.

Китай. Въ Кантонѣ прибылъ гонецъ съ письмомъ изъ Квангъ-Си, въ которомъ увѣдомляютъ, что Цовъ (вице-губернаторъ), Ганъ-Говъ (мандаинъ перваго учонаго класса) и Чунгъ-Фанъ-Іенъ (втораго класса), съ тремя другими чиновниками, отправились къ горѣ Цингъ для переговоровъ съ Королемъ Тинъ-Тихъ, чтобы склонить его къ покорству. Ганъ-Говъ и товарищи его боялись за себя, и послали сперва просить у Тинъ-Тиха, въ какой день онъ можетъ

принять ихъ въ главной своей квартирѣ. По полученіи отвѣта они побѣжали, и были встрѣчены у подошвы горы людьми, высланными къ нимъ навстрѣчу. Среди горы наши они ворота, охраняемые стражею. Далѣе видѣли они еще трое такихъ же воротъ; при четвертыхъ явились къ нимъ десять офицеровъ, въ мундирахъ временъ мингской династіи, и проводили посольство въ назначенный для него домъ. По донесеніи Королю Тинъ-Тиху о прибытіи ихъ, онъ объявилъ, что приметъ ихъ на другой день. Наутро отправились они, и у пятыхъ воротъ объявилъ имъ одинъ евнухъ, что они должны снять свою одежду, и надѣть другую, временъ мингской династіи. Послы со страха исполнили это требованіе. Когда ихъ привели къ ступенямъ трона, Король вышелъ къ нимъ навстрѣчу, принялъ ихъ ласково, и спросилъ о цѣли прибытія. Когда они сообщили ему свое посольство, онъ отвѣчалъ:

Учители! вы ошибаетесь. Какъ можетъ властитель повиноваться министрамъ? Я одиннадцатый потомокъ Богды-Хана Цунгъ-Чинга великой мингской династіи, и выставилъ теперь законное свое войско въ надеждѣ вступить опять во владѣніе древнимъ моимъ достояніемъ. Нѣкогда, при возмущеніи цингскаго дома Ву-санъ-Квей, поручено было министру мингской династіи содѣйствовать къ покоренію возмущившихся Чанда и Ли: не довольствуясь этимъ, они овладѣли самою областію, и предки мои мингской династіи, видя, что домъ Цинговъ оказалъ услуги при потушеніи возмущенія, не хотѣли въ то же время изгнать его, а дозволили ему, въ видѣ награды, пробить на престолѣ двѣсти лѣтъ. Не довольно ли они награждены? Теперь я набираю войска, для возвращенія себѣ своихъ правъ и достоянія предковъ. Домъ Цинговъ былъ бы обязанъ уступить и возвратиться въ свои области. И войско, и народъ жили бы въ мирѣ, и всякій владѣль бы своею собственностью. Учители! Вы мужи Серединнаго-Государства, и знаете ученіе Конфуція и Менція. Можете ли вы забыть истиннаго властителя и быть подданными чужеземцевъ?

Послѣ этого пожаловалъ онъ посланниковъ мандаринами, и пригласилъ ихъ къ обѣду. Пять дней сряду угощалъ онъ ихъ на горѣ. Возвратившись, они нашли, что платье ихъ сожжено, и Тинъ-Тихъ провожалъ ихъ за укрѣпленія, гдѣ и простился съ ними. Прибывъ въ провинціальный городъ Квей-линъ-Фу, рассказали они вице-губернатору Цову всѣ

подробности своего путешествія. Цовъ пришелъ въ ярость, занемогъ, и долго не могъ ни пить, ни есть.

Остъ-Индія. Англійская пароходная экспедиція въ Бирманію вполне достигла своей цѣли: взяла Рангунъ, потопила множество непріятельскихъ судовъ и завладѣла 58-ю пушками. Семитысячная армія Бирмановъ лишилась при этомъ 800 человекъ убитыми и ранеными. Увѣряютъ, будто бы она находится подъ командою двухъ европейскихъ офицеровъ. Рангунъ взятъ приступомъ, но губернаторъ его успѣлъ бѣжать. Англичане хотѣли его казнить немедленно по взятіи въ плѣнъ, въ наказаніе зато, что онъ, безъ всякаго слѣдствія и суда, самовольно приказалъ умертвить многихъ лицъ, находившихся подъ покровительствомъ Англіи. Добыча была весьма значительная. Особенно упоминаютъ о множествѣ драгоценныхъ камней и металловъ, которыми были украшены капища и самые идолы.

Но при всѣхъ этихъ успѣхахъ англійское войско сильно страдаетъ отъ усиленныхъ маршей, нездороваго климата и холеры. Впрочемъ, послѣдняя одинаково пагубна Англичанамъ и туземцамъ. Несмотря на климатъ и холеру, Англичане, кажется, хотятъ завести постоянную осѣдность въ Рангунъ и уже приняли мѣры къ изученію бирманскаго языка тѣми лицами, которыя назначаются для мѣстнаго управленія. Немудрено, что Рангунъ въ англійскихъ рукахъ сдѣлается вторымъ Хонгъ-Конгомъ. Весьма важно также возмущеніе Пагу противъ Бирмановъ, и немудрено, что при заключеніи мира съ Бирманами, Рангунъ и весь Пагу останутся въ рукахъ Англичанъ. Весьма замѣчательно, что послѣ парламентскаго постановленія, состоявшагося въ 1784 г. и воспрепятствовавшаго всякое увеличеніе территоріи Остъ-Индской Компаніи, владѣнія послѣдней увеличились съ-тѣхъ-поръ впятеро. Гдѣ же остановится это стремленіе къ завоеваніямъ?

На сѣверо-восточной границѣ, въ землѣ Сваатовъ, сирѣ Колинъ Кембль съ 4,000 человекъ войска, 10 пушками и 2 гаубицами, одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ туземцами и овладѣлъ многими укрепленными мѣстами.

Естественнымъ образомъ, эти успѣхи британскаго оружія составляютъ главный предметъ разговоровъ въ Остъ-Индіи. Неменьше, однакожъ, интересуются возникающимъ въ Парламентъ вопросомъ о возобновленіи или измѣненіи привилегій Остъ-Индской Компаніи. Въ «Bombay Gazette»

доказываютъ, что при непосредственномъ управленіи отъ короны, расходы сократятся на 4 милліона фунт. стел. ежегодно. Само-собою разумѣется, что противъ этого мнѣнія возстало множество возраженій.

По послѣднимъ извѣстіямъ, Англичане подвинулись еще на 60 англійскихъ миль впередъ по Иравади, разрушая встрѣчавшіяся имъ укрѣпленія Бирмановъ и разгоняя отряды ихъ войскъ. По взятіи Рангуна, англійское правительство потребовало отъ Авскаго Короля, въ вознагражденіе за военныя издержки, 15 лакъ рупій (около милліона рублей серебромъ), съ прибавкою по 3 лака за каждый мѣсяць промедленія, считая съ 1-го мая. Главное затрудненіе состоитъ во вступленіи въ прямое сношеніе съ Королемъ, отъ котораго царедворцы обыкновенно скрываютъ непріятныя извѣстія о проигранныхъ сраженіяхъ, или по-крайней-мѣрѣ представляютъ дѣла въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ они дѣйствительно находятся. Въ этомъ отношеніи Бирманцы очень похожи на Китайцевъ. Часто самыя побѣды Англичанъ они приписываютъ собственнымъ войскамъ, такъ-что Авскій Король, имѣя самое превратное понятіе о положеніи дѣлъ, едва-ли согласится на требованія Англичанъ. Онъ не узнаетъ истины, пока англійскія пушки не загремятъ подъ стѣнами его столицы.

Главное для Англичанъ въ томъ, что они доказали возможность подняться по Иравади на значительное разстояніе. Теперь оказывается ненужнымъ затруднительный походъ по *джонглямъ*, болотистымъ окраинамъ рѣки. Настоящее положеніе Англичанъ въ Рангунъ довольно удовлетворительно и болѣзни не производятъ сильнаго опустошенія въ ихъ войска. Сношеніе съ Президентствомъ обезпечено и подкрѣпленія могутъ приходиться не позже, какъ чрезъ двое сутокъ. Пегуанцы, живущіе вдоль по Ирравади, недовольны владычествомъ Авскаго Короля и охотно покоряются Англичанамъ. Вспомнимъ при этомъ, что прежде Пегу было самостоятельнымъ королевствомъ и что даже Ава зависѣла отъ Пегу.

А Ф Р И К А.

Триполи. Несогласія съ Триполи, по которымъ присутствіе французской эскадры оказалось тамъ нужнымъ,

теперь прекращены. Два французскіе дезертира бѣжали въ Триполи; ихъ хотѣли принудить къ принятію исламизма; они отказались, и прибѣгли къ защитѣ французскаго консула. Одному изъ нихъ удалось скрыться въ домъ консула, и когда онъ вышелъ изъ дома, народъ бросился на него, и осыпалъ его побоями. Турецкія начальства посадили обоихъ дезертировъ въ тюрьму, не вникая усиленнымъ требованіямъ французскаго консула. Подобное нарушеніе народнаго права не могло быть допущено. Эволюціонная эскадра отправилась 20-го іюля изъ Тулона въ Триполи, съ приказаніемъ вытребовать обоихъ дезертировъ, или разрушить городъ. Она прибыла 28-го къ Триполи, и начальникъ эскадры вошелъ тотчасъ же въ сношенія съ консуломъ. Паша, при началѣ переговоровъ ухалъ во внутреннія провинціи. Объявлено было коменданту, чтобъ онъ къ утру выдалъ обоихъ арестантовъ. Но какъ, въ—продолженіе всего дня, 29-го числа, требованіе не было выполнено, то консулъ спустилъ свой флагъ, и отправился на эскадру съ христіанскими фамиліями разныхъ націй. Купеческіе корабли вышли изъ гавани, чтобъ удалиться на пушечный выстрѣлъ. Эскадра должна была, повторивъ требованія еще разъ, открыть огонь. Вдругъ начальникъ оной получилъ увѣдомленіе, что арестанты будутъ выданы. Дѣйствительно, ихъ привезли къ адмиралу въ четыре часа, а 30-го іюля эскадра вышла изъ гавани Триполи. Еслибъ триполійское правительство не удовлетворило справедливымъ требованіямъ, Франція принудила бы его къ тому силою.

Марокко. Пятитысячная колонна французскихъ войскъ вступила, недалеко отъ Мелильи, въ мароккскія владѣнія, для устрашенія и укрощенія мароккскихъ морскихъ разбойниковъ, имѣющихъ тамъ главный притонъ. Недовольствуясь этимъ, французское правительство положило совершенно очистить сѣверные берега Африки отъ этихъ разбойниковъ. Съ этою цѣлю начальствующій французскою эскадрою въ Лиссабонъ, флота капитанъ де-Мезоневъ, извѣстный своею энергіею и рѣшимостію, былъ вызванъ въ Парижъ, для полученія надлежащихъ наставленій отъ самаго морскаго министра. Мезоневъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и самимъ Президентомъ, и 18-го іюля отправился въ Брестъ, гдѣ онъ получилъ въ подкрѣпленіе нѣсколько военныхъ судовъ и съ ними немедленно отправится къ мароккскимъ берегамъ.

Такъ—какъ онъ и прежде уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи довольно сильную эскадру, то теперь ему и можно будетъ крейсировать во всѣхъ направленіяхъ вдоль мароккскихъ береговъ. Онъ снабженъ самыми обширными полномочіями—дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ морскихъ разбойниковъ, гдѣ бы ни открылъ ихъ, и разрушать ихъ притоны. Людовикъ-Наполеонъ предположилъ себѣ цѣлю—доставить французскому флагу рѣшительное превосходство на морѣ у сѣверныхъ береговъ Африки, ибо это неминуемо должно имѣть самое выгодное вліяніе на покореніе арабскихъ племенъ въ Алжиріи.

Мысль Доброй-Надежды. Взаимныя извѣстїи о всѣхъ частныхъ неудачахъ Англичанъ на Мысь Доброй-Надежды, сообщаютъ извѣстіе о взятїи, послѣ упорнаго боя, и совершенномъ разрушеніи готтентотскаго лагеря; но Готтентоты, сбивше съ одной высоты, тотчасъ укрѣпляются на другой, и англійскія войска по нѣскольку разъ брали подобныя лагеря для возведенія которыхъ нужно лишь нѣсколько дней, и которые, будучи разъ разрушены, снова возникаютъ изъ пепла. Генераль Каткартъ оячь долженъ былъ прибѣгнуть къ голландскимъ колонистамъ и просить ихъ содѣйствія. Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣла его прокламація.

Англійскій главнокомандующій долженъ былъ рѣшиться на другую мѣру, которая можетъ считаться какъ бы невольнымъ признаніемъ Англии въ безсилїи окончить эту войну. — Извѣстно, что значительное число колонистовъ голландскаго происхожденія, избѣгая ига Англичанъ, удалились за рѣку Ваальъ, на сѣверъ страны, называемой «Владѣнія Оранскія»; что для удержанія этихъ колонистовъ въ повиновенїи, англійскія власти объявили притязанія на побережья р. Ваальъ. Теперь генераль Каткартъ признаетъ трактатомъ независимость всѣхъ колонистовъ, поселившихся на сѣверномъ (правомъ) берегу Ваала. Англійскій главнокомандующій обязывается предоставить колонистамъ вѣдать, по собственному ихъ произволу, виѣшними дѣлами и внутреннимъ управленіемъ, безъ повѣрки и вмѣшательства англійскихъ властей; позволить эмигрантамъ или колонистамъ Мыса Доброй-Надежды переселяться, по ихъ произволу, за р. Ваальъ и не заключать никогда союзовъ съ туземцами; съ своей стороны обитатели побережья въ Ваала

должны не вводить у себя невольничества и не продавать туземцамъ пороху.

Подобный трактатъ есть полное опроверженіе тѣхъ притязаній, которыя дѣлала Великобританія на Бойерсовъ, она отказывается отъ надежды подчинить своей власти это непокорное племя, и оставляя имъ совершенную независимость, разсчитываетъ на ихъ содѣйствіе противъ Кафровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что множество колонистовъ голландскаго происхожденія не преминутъ воспользоваться этимъ позволеніемъ и поспѣшатъ переселиться на берега р. Ваала, что совершенно прикроетъ съ юга Оранскія владѣнія отъ вторженія Кафровъ. — Если подобная уступка нанесла ударъ британской гордости, то, съ другой стороны, она послужила прикрытіемъ значительнаго пространства границъ, которыя Англичане, по собственному признанію, прикрывать не могутъ.

А М Е Р И К А.

Соединенные-Штаты. Между американскимъ и великобританскимъ правительствами возникли несогласія, по поводу рыболовства у береговъ Нью-Фондленда. Рыбная ловля у Нью-Фондленда и береговъ Сѣверной Америки была предметомъ нѣсколькихъ трактатовъ, изъ коихъ нѣкоторые восходятъ даже къ временамъ утрехтскаго договора 1713 года. Въ тринадцатой статьѣ онаго опредѣлены права и границы рыбной ловли. Статьи эти подтверждены парижскимъ трактатомъ 1763 года, заключеннымъ герцогомъ Бедфордомъ. Лордъ Джонъ Россель, обнаруживавшій переписку своего предка, герцога Бедфорда, описалъ нѣсколько подробностей сихъ переговоровъ. Касательно рыбной ловли въ заливѣ св. Лаврентія, Французы имѣютъ право по сему договору производить рыбную ловлю въ трехъ льѣ отъ береговъ. Версальскимъ трактатомъ, подписаннымъ г. Верженнемъ и графомъ Манчестеромъ, возобновлены эти условія. Этимъ трактатомъ дано наконецъ подобное право и Американцамъ. Въ заключеніе, конвенціею, подписанною 20-го октября 1818 года между Соединенными-Штатами и Англіею, лордомъ Рейпономъ и г. Гульборномъ, со стороны сей послѣдней, и гг. Галлатиномъ и Рюшемъ со

сторонъ Америки. постановлены слѣдующія правила для рыбной ловли: «Условлено также, что американскіе рыболовы будутъ имѣть всегда право ловли въ заливахъ и бухтахъ южной, необитаемой части Нью-Фондленда и Лабрадорскаго берега; но какъ скоро эти мѣста или часть ихъ будутъ заселены, нельзя уже будетъ производить близь нихъ рыбной ловли безъ предварительнаго соглашенія съ обитателями сей страны и владѣльцами береговъ. Сею статьею Соединенные-Штаты отказываются навсегда отъ права рыбной ловли на берегахъ, въ заливахъ и бухтахъ владѣній, принадлежащихъ его британскому величеству въ Америкѣ, внѣ вышеупомянутыхъ границъ, да и при этихъ неближе трехъ миль отъ берега».

Въ министерство виговъ, конвенція 1848 г., на основаніи которой Американцы не допускаются въ лучшія для ловли мѣста, не исполнялась, хотя колоніи настоятельно требовали ея примѣненія къ дѣлу. Кабинетъ тори удовлетворилъ желаніе колоній и объявилъ имъ, что для наблюденія за исполненіемъ конвенціи прислана будетъ небольшая пароходная эскадра. Три парохода дѣйствительно пошли къ берегамъ Нью-Фондленда. Г. Вебстеръ протестуетъ противъ этого и объщаетъ Американцамъ, отъ имени правительства, поддержать ихъ права.

Споръ этотъ еще нерѣшенъ; только, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, онъ начинаетъ утрачивать свою важность и все понемногу успокаивается.

Мехика. Мехиканская Республика достигла, наконецъ, послѣдней степени слабости и запутанности дѣлъ, при которыхъ существованіе независимаго государства еще кое-какъ возможно. Впрочемъ, что за государство безъ денегъ и всякихъ источниковъ къ поправленію финансовъ, государство безъ положительныхъ законовъ, безсильное защищать себя отъ внешнихъ враговъ и управлять внутренними дѣлами? Президентъ Ариста съ своими министрами составляютъ только тѣнь исполнительнаго правительства, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ собственное его признаніе конгрессу, что ему остается только исполнить послѣднюю печальную обязанность — присутствовать при смертной борьбѣ отечества. Одна твердая власть можетъ спасти страну, а конгрессъ отказалъ этой власти въ необходимомъ полномочіи, и разошелся на неопредѣленное время,

оставивъ правительство безъ всякихъ средствъ къ управленію. Пресловутое республиканское законодательное собраніе само повергнуло страну во все ужасы безначалія.

Президентъ послалъ приказаніе въ торговые порты Веракруца и Мазатлана о высылкѣ ему денегъ, собранныхъ таможеннымъ ведомствомъ. Это единственный источникъ, къ которому онъ можетъ прибѣгнуть въ настоящую минуту; но сомнительно, послушаютъ ли приказанія мѣстныя власти. А между-тѣмъ индійскія племена грабятъ и разбойничаютъ на северныхъ границахъ; провинцію Сонору разоряютъ французскіе выходцы изъ Калифорніи, ворвавшіеся туда вопреки запрещенію мексиканскихъ властей; а въ южныхъ провинціяхъ готовится возстаніе противъ Президента. Соединенные-Штаты въ явной враждѣ съ Мехикою по вопросу о проложеніи дороги чрезъ Техуантепекскій перешеекъ, и въ добавокъ къ тому, мѣстныя власти въ Акапулько оскорбили американскаго консула и посадили его въ тюрьму, куда онъ пошелъ въ полномъ мундирѣ и съ американскимъ флагомъ въ рукѣ. Французскій посланникъ въ раздорѣ съ мексиканскимъ правительствомъ, по поводу уплаты англійскимъ владѣльцамъ облигацій, въ которой отказано французскимъ владѣльцамъ. Самая армія, которая вездѣ должна быть главною опорою власти, совершенно лишилась духа, позабыла дисциплину и предается ропоту противъ начальства. Нетолько она не въ состояніи противостать внѣшнему врагу, но даже безсильна сохранять порядокъ внутри государства. Республиканская форма правленія довела дѣло до того, что нація изъ 8-ми милліоновъ чело-вѣкъ, обладающая обширными, плодородными странами, впала въ совершенную анархію и нищету.

Трудно найти другой примѣръ такого быстраго распада всѣхъ началъ государственной администраціи. Три вѣка испанскаго владычества, несмотря на все его недостатки и злоупотребленія, не могли сдѣлать и десятой доли того зла, которое сдѣлало республиканское правленіе меньше чѣмъ въ четверть вѣка. Злоупотребленіе свободы привело богатое государство на край пропасти.

Сѣверо-Американскіе Штаты зорко слѣдятъ за ходомъ разрушенія Мехики, которая не будетъ въ состояніи управлять сама-собою, и невольно бросится въ объятія сосѣда, умоляя о помощи. Нельзя сомнѣваться въ скоромъ присоединеніи Мексиканской Республики къ Американскому-Союзу.

Ясно, что Англія неочень хладнокровно смотритъ на эту сцену. Отложивъ даже въ сторону политическій вопросъ, она не можетъ забыть, что Мехика должна британскимъ подданнымъ огромныя суммы. Любопытно, какъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, Англичане успѣютъ обезпечить свои капиталы, ввѣренные этой несчастной державѣ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, Президентъ Арвста рѣшился созвать мексиканскій конгрессъ въ чрезвычайное засѣданіе и требовать отъ него необходимыхъ полномочій и денегъ. Въ-случаѣ новаго отказа, онъ рѣшился объявить себя диктаторомъ и принять самыя строгія мѣры.

Калифорнія. Изъ Санъ-Франциско увѣдомляютъ, что въ мартѣ текущаго года не только исчезли почти все слѣды бывшихъ въ маѣ и іунѣ 1851 года пожаровъ, но что даже городъ чрезъ это много выигралъ въ красотѣ и правильности зданій. Такая быстрота построекъ удивляетъ даже тѣхъ, которые коротко знакомы съ твердостью, настойчивостью и терпѣніемъ американскихъ промышленниковъ. Каменные зданія растутъ здѣсь, по пословицѣ—какъ грибы; и тамъ, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ бушевали морскія волны, стоятъ прекрасныя, прочныя зданія. Городъ все больше-и-больше вдается въ заливы; низменности, прежде обнажавшіяся при отливѣ, теперь подняты и застроены. Это способствуетъ къ упроченію въ городѣ здороваго климата.

Утѣшительно видѣть, что не все жители Калифорніи думаютъ только о быстромъ обогащеніи: церкви, школы, больницы, богадельни и другія заведенія подобнаго рода возникаютъ одно за другимъ, и представляютъ залогомъ будущаго благосостоянія страны. Устройство новыхъ улицъ, площадей, рынковъ, корабельныхъ верфей свидѣтельствуютъ о полезной дѣятельности народонаселенія. Вообще во всемъ замѣтенъ значительный успѣхъ и стремленіе къ лучшему.

Цѣны товаровъ въ Санъ-Франциско, главномъ рынкѣ Калифорніи, все-еще весьма непостоянны. По отдаленности отъ мѣстъ отпуска товаровъ, привозимыхъ изъ-за моря, городъ то терпитъ въ нихъ нужду, то бываетъ заваленъ ими; да и самая быстрота развитія здѣшней торговли много способствуетъ сильному колебанію цѣнъ на товары. Одно только время можетъ установить ихъ.

Поденный работникъ требуетъ все еще неменѣе 3 или

4 долларовъ за день (отъ 4 до 5½ р. сер.). Хорошему повару платятъ отъ 75 до 120 долларовъ (отъ 100 до 170 р. сер.), а слугу нельзя нанять дешевле 50—80 долларовъ въ мѣсяць (отъ 70 до 110 р. сер.). Женской прислуги почти невозможно достать. Цѣна квартирамъ также весьма высока. Жизненные припасы хотя еще дороги, но цѣна на нихъ непрерывно уменьшается, благодаря развитію земледѣлія и огородничества. Едва-ли гдѣ можно найти такіе прекрасные огородные овощи, какъ въ Санъ-Франциско.

Жителей во всей Калифорніи считается отъ 200 до 250 тысячъ душъ обоюго пола, изъ которыхъ 30,000 выпадаетъ на долю Санъ-Франциско, и отъ 15 до 20 тысячъ на городъ Сакраменто. Остальное разсыяно по всей области.

Золотыя россыпи не утратили понынѣ своего богатства, и непрерывно открываются новыя. Въ-теченіе прошлаго года добыто золота на 70 милліоновъ долларовъ, то-есть, почти на 100 милліоновъ рублей серебромъ. Должно замѣтить, что на пріискахъ невозможно работать большую часть года, за недостаткомъ воды для промывки песка. Обработка золотосодержащаго кварца помощію машинъ, введенная нѣсколькими компаніями, дала уже самые удовлетворительные результаты.

Число переселенцевъ въ Калифорнію не только не уменьшается, но въ-теченіе послѣдняго полугодія значительно увеличилось. И все-таки недостаетъ рукъ для работы.

Буенось-Айресъ. Генераль Уркиса произвелъ государственный переворотъ, и подвергъ Буенось-Айресъ диктаторской власти, которой послѣдствій нельзя теперь предвидѣть. Палата депутатовъ распущена, а четыре депутата высланы за границу. Торговля прекратилась. Буенось-Айресъ и прочіе города негодуютъ на Уркису, но губернаторы провинцій держатъ, повидимому, его сторону. Опасаются новыхъ междоусобій. Британскій повѣренный въ дѣлахъ, г. Робертъ Горъ, получилъ два официальныхъ сообщенія отъ 23-го и 24-го іюня о семъ переворотѣ, оправдываемомъ тѣмъ, что демагоги нарушали спокойствіе области.

Отити.—На островъ Отити вспыхнула междоусобная война; провозглашена республика и избранъ президентъ. После нѣсколькихъ сраженій между республиканцами и роялистами, послѣдніе были побѣждены, и Королева По-

маре принуждена была искать убѣжища на французскомъ кораблѣ, но вскорѣ потомъ, при помощи французскихъ военныхъ судовъ, Королева Помаре восстановлена.

Вся американскія газеты наполнены описаніями одного печальнаго и одного радостнаго событій—погребенія тѣла Генри Клея и празднованія дня независимости Американскихъ Штатовъ. А впрочемъ, особенно-важныхъ извѣстій нѣтъ, равно какъ и изъ Вестъ-Индіи (Ямайки, отъ 27-го іюля). Здѣсь между плантаторами все еще большое неудовольствіе. На Ямаикѣ еще оспа, а на Мартиникѣ желтая горячка. Изъ Ла-Платы извѣстія постоянно хороши. Договоръ съ Бразиліей ратификованъ, и бразильскія войска находятся на обратномъ походѣ въ Бразилію, а аргентинскія наполовину распущены.

АВСТРАЛІЯ.

Въ-теченіе пяти мѣсяцевъ, то-есть съ октября по апрѣль, въ округѣ Викторіи добыто 653,270 унцій золота на сумму 2½ милліоновъ фунт. стерл. Въ округѣ Батурста добыто почти то же самое количество. Ежедневно открываются новыя пріиски. Число выходцевъ изъ Англіи здѣсь непрерывно увеличивается.

Въ одномъ письмѣ изъ Аделаиды сообщаютъ о неслыханномъ варварствѣ туземцевъ. Англійскій бригъ «Blak Eagle» бросилъ якорь противъ острова «Turtle Dove», съ цѣлью заpastись прѣсною водою, и выслалъ для того большую часть экипажа на берегъ. Вдругъ неожиданно напали на бригъ до 300 челноковъ, наполненныхъ дикими. Слабая команда, оставшаяся на суднѣ, не могла имъ противиться и была мгновенно истреблена, а корабль ограбленъ и зажженъ. Когда огонь достигъ пороховой камеры, то при взрывѣ погибли до 80 челноковъ и 200 человекъ дикихъ. Вслѣдъ затѣмъ дикіе напали на отрядъ, бывшій на берегу, и, перебивъ людей, немедленно сжарили и съѣли ихъ трупы.

Другой корабль съѣлъ на мель у берега, въ 50 англійскихъ миляхъ отъ Аделаиды. Дикіе взяли его приступомъ, ограбили и захватили экипажъ, который погибъ въ ужас-

ныхъ мукахъ: людицы выстроили живыхъ людей, и воткнувъ ихъ на колья, зажарили на угольяхъ и съѣли. Большая часть несчастныхъ еще живыми попали на уголья.

При извѣстїи объ этихъ варварствахъ, начальство Сиднея выслало отрядъ войска, съ цѣлью прогнать туземцевъ изъ окрестностей колонїи.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

ТЕПЛОТВОРНАЯ ДВИГАТЕЛЬНАЯ МАШИНА. Между-тѣмъ какъ въ Америкѣ и Англїи стараются большими пожертвованїями поддержать заатлантическія плаванїя, въ видахъ не частнаго обогащенїя, а развитїя благосостоянїя государствъ, изъ Бостона пишутъ, что новое изобрѣтенїе, нетакъ сложное и немного стоящее, угрожаетъ паденїемъ парходамъ. Надняхъ публика видѣла въ дѣйствїи корабль, устроенный шведскимъ инженеромъ г. Эриксономъ, двигавшійся расширительною силою атмосфернаго воздуха.

Главныя основанїя устроенной машины въ 60 силъ: четыре цилиндра въ 108 дюймовъ, въ діаметрѣ, а поршни высотой въ 72 дюйма. Два изъ этихъ цилиндровъ служатъ для сжиманїя холоднаго воздуха, а другїе два для его расширенїя посредствомъ согрѣванїя. Подъ каждымъ изъ этихъ послѣднихъ двухъ цилиндровъ находятся небольшїя чугуныя рѣшетки, на которыхъ горитъ каменный уголь тихо и безъ пламени, и одна небольшая металлическая труба служитъ проводникомъ угольнаго газа, непродводящаго дыма.

Выгоды этого новаго двигателя въ сравненїи съ парами безчисленны и очевидны: во-первыхъ совершенная безопасность отъ взрыва; потомъ весьма большое сбереженїе сгораемыхъ матеріаловъ. Корабль съ теплотворнымъ приборомъ (*machine calorifique*), такъ назвалъ ее изобрѣтатель г. Эриксонъ, менѣе издержитъ каменнаго угля на продолжительное плаванїе по океану, чѣмъ обыкновенный пароходъ при самомъ ограниченномъ плаванїи, и сверхъ-того, онъ не останавливается для снабженїя

себя топливомъ, довольствуясь землянымъ углемъ, менѣе стоящимъ горнаго, употребленїе котораго необходимо на пароходѣ, и наконецъ не имѣетъ почти никакихъ расходовъ на исправленїе принадлежностей теплотвора, которыхъ такъ много при паровыхъ машинахъ. Устроенное судно г. Эриксономъ въ Бостонѣ въ-продолженїи восьмимѣсячнаго плаванїя на исправленїя не потребовало франка.

Частная компанїя строитъ теперь въ Нью-Йоркѣ корабль въ 2,200 тоннъ съ теплотворной машиной большаго размѣра, въ честь изобрѣтателя Эриксона; къ октябрю мѣсяцу онъ будетъ готовъ и будетъ изъ Ливерпуля перевозить путешественниковъ и товары за весьма умѣренную цѣну.

Теплотворная машина, безъ всякаго сомнѣнїя, войдетъ въ общее употребленїе по всемъ отраслямъ промышленности, тѣмъ болѣе, что она нетакъ сложна, мало занимаетъ мѣста и для глазъ представляетъ видъ величественный и вмѣстѣ прїятный.

НОВЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ. Въ Парижѣ, на ипподромѣ были произведены опыты управленїя воздушными шарами посредствомъ прибора, изобрѣтеннаго гражданскимъ инженеромъ Генрихомъ Жиффаромъ. Приборъ состоитъ изъ огромнаго шара въ 15 метровъ длины ($7\frac{1}{2}$ сажень), имѣющимъ фигуру рыбы. Подъ шаромъ, на пяти метрахъ разстоянїя ($2\frac{1}{2}$ сажени), находится паровая машина, приводящая въ движенїе винтъ. По словамъ изобрѣтателя, этотъ винтъ быстрымъ своимъ движенїемъ будетъ направлять шаръ. Опыты не удались. Хотя шаръ и былъ наполненъ газомъ, какъ слѣдовало, но не былъ въ состоянїи поднять паровую машину.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТІЕ. Изъ Афинъ увѣдомляютъ, что И. В. Король и Королева ѣздили въ Акрополь, для обозрѣнїя важныхъ открытїй, слѣданныхъ тамъ членомъ Афинской школы, г. Беле (Beulé)

Разрытая имъ мѣстность, длиною въ 10 и глубиною въ 4 сажени, открыла насыпь, устроенную въ среднїе-вѣка передъ Пропилеями. Г. Беле нашелъ ступени большой лѣстницы изъ бѣлаго мрамора, ведшей по Пропилеямъ, дверь цитадели, дотолѣ неизвѣстную, стѣну, закрывавшую входъ въ Акрополь, также сложенную изъ бѣлаго мрамора и увѣнчанную карнизами древнихъ дорическихъ храмовъ, разрушенныхъ Ксерксомъ. Стѣна сохранилась во всей своей вышинѣ (3 сажени), и на карнизахъ видны еще слѣды красокъ.

Эпоха возведенїя этихъ зданїй возбуждаетъ множество исто-

рическихъ и археологическихъ вопросовъ, въ которые мы не можемъ здѣсь входить. Говорятъ, что подробное описаніе этихъ остатковъ древняго зодчества и учное разсмотрѣніе ихъ будетъ представлено г. Беле въ Парижскую Академію надписей.

Въ числѣ открытій г. Беле находится еще стѣна, построенная во времена Пелазговъ, залы, нынѣ подземныя, превосходно сохранившіяся, и нѣсколько надписей, обломки барельефовъ, и статуя. Между послѣдними особенно замѣчательны три отломка статуи «Побѣды» и превосходный барельефъ, изображающій пиррическую пляску.

Ихъ Величества въ-теченіе полутора часовъ осматривали открытія г. Беле, который имѣлъ честь лично объяснять возникашіе при этомъ осмотрѣ вопросы. Учоный археологъ пожалованъ кавалеромъ ордена Спасителя.

НАСОСЪ БЕЗЪ ПОРШНЯ И КЛАПАНА. Всѣмъ конечно извѣстно, что если быстро погрузить въ сосудъ, наполненный водою, обыкновенную воронку, открытую съ обоихъ концовъ, изъ которыхъ широкій обращенъ внизъ, то вода бросится въ воронкѣ къ-верху, къ узкому концу; но едва ли замѣтилъ кто-нибудь, что, если воронку, уже прежде погруженную въ воду и тоже широкимъ концомъ внизъ, быстро поднять вверхъ, то сначала горизонтъ воды въ воронкѣ понижается, а потомъ поднимается и даже сильнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ при извѣстномъ устройствѣ воронки. На этомъ-то явленіи и основывается дѣйствіе изобрѣтеннаго насоса безъ поршня и клапана.

Цилиндрическая труба длиною въ $6\frac{1}{2}$ фут., діаметромъ въ 3,44 дюйма, припаяна къ вершинѣ конической трубы, почти той же длины, съ наибольшимъ діаметромъ въ 98 дюймовъ. Обѣ части дѣлаются изъ цинковыхъ листовъ № 13 и составляютъ одно цѣлое. Къ вершинѣ цилиндрической трубы съ внутренней части припаяна петля, къ которой прикрѣплена веревка, такъ-что эта трубка свободно ходитъ вверхъ и внизъ въ цилиндрической трубѣ, утвержденной неподвижно въ кадкѣ, въ которой налита вода. Эта неподвижная труба служитъ направляющей для подвижной трубки и препятствуетъ выбрасываемой изъ нея водѣ возвращаться назадъ въ сосудъ по наружной сторонѣ ея. Подвижная трубка на веревкѣ привѣшена къ одному изъ концовъ рычага, а другой приводится въ движеніе работникомъ посредствомъ обыкновеннаго насоса.

Когда трубка поднимается, то въ воронкѣ образуется кони-

ческая кольцеобразная пустота, въ-слѣдствіе чего горизонтъ воды падаетъ. Но вслѣдъ за этимъ онъ опять поднимается выше воды въ сосудѣ, въ которомъ отчасти погружена труба. Когда коническая трубка наполнится водою, если трубу продолжаютъ поднимать, то понятно, что она можетъ дѣйствовать на эту воду, находящуюся въ движеніи нанодобіе всасывающаго насоса. Это, можетъ-быть, самый интересный моментъ въ ходѣ прибора. При концѣ подниманія трубы, работникъ отдыхаетъ, пока набравшаяся въ нее вода вытекаетъ изъ верхняго отверстія. Едва только она начинаетъ падать въ боченокъ, что слышно по шуму), нужно опустить трубу, которая и падаетъ отъ собственнаго вѣса, горизонтъ воды въ ней колеблется, и потомъ при поднятіи повторяются тѣ же явленія.

Качаніе рычага есть такая работа, при которой работникъ имѣетъ постоянный, періодичный отдыхъ, а это какъ извѣстно очень выгодно въ отношеніи сбереженія рабочей силы человека. Въ минуту бываетъ 30 такихъ періодовъ; впрочемъ это число не составляетъ необходимости и можетъ измѣняться сообразно съ устройствомъ прибора.

Если хотятъ поднять воду выше, чѣмъ можетъ сдѣлать это такой приборъ, то столбъ воды выходитъ отдѣльными каплями, разбивается и это составляетъ очевидную потерю, потому-что вода поднимается выше, чѣмъ нужно. Чтобы избѣжать этого неудобства, уменьшенъ уголъ схода конической трубы, и удлинень почти на половину. Но это не уменьшило почти вовсе раздробленія воды, а между-тѣмъ, въ такомъ случаѣ необходимо увеличить глубину вмѣстилища, изъ котораго нужно вычерпать воду.

Такого рода устройство принято было при постройкѣ насоса для колодца въ одномъ изъ муниципальныхъ заведеній Версаля; первоначальные же размѣры сохранены для поднятія жидкихъ удобреній въ Канизи, близъ с. Ло, у г. Кергорла, гдѣ глубина жидкости гораздо менѣе.

Если воду поднимать только на высоту отъ 4,6 до 6,6 футовъ, то столбъ ея сверху раздробляется очень слабо; при подъемѣ ниже 4,6 ф. это почти незамѣтно. Понятно впрочемъ, что это зависитъ отъ отношенія между длинной трубой къ діаметрамъ цилиндрической части. Г. Калинья устроилъ нѣсколько приборовъ, болѣе толстыхъ, но зима прекратила опыты. Тѣ трубы, о которыхъ говорено выше, слишкомъ малы для того, чтобы къ нимъ приставлять взрослыхъ работниковъ: ра-

ботникъ выгонялъ бы воду изъ трубы съ такою сплюю и на такую высоту, что она мѣшала бы работѣ. Силы ребенка для этого достаточны.

Одинъ такой снарядъ употребленъ былъ для наполненія водою корыта въ огородѣ; изъ корыта работникъ постоянно вычерпывалъ черпакомъ воду на глубинѣ на 7 фут. ниже горизонта въ колодезь; но нельзя было выкачать всей воды изъ колодца до дна: необходимо, чтобы подъ приборомъ всегда была достаточная глубина, въ которой бы могла двигаться свободно коническая труба и вода могла свободно вытекать изъ нижняго отверстія ея, когда она поднята. Для всякой глубины есть извѣстный предѣлъ длины діаметра, чрезъ который недолично переступать, и это обстоятельство очень важно, несмотря на то, что съ увеличеніемъ діаметра треніе уменьшается.

Если хорошо вести работу этимъ приборомъ, то онъ болѣе выкачиваетъ воды, чѣмъ обыкновенный насосъ; дальнѣйшіе опыты должны еще впрочемъ подтвердить это. Главное въ томъ, что этотъ приборъ гораздо дешевле, легче устанавливается и переносится, и что при немъ не могутъ испортиться или засориться ни поршень, ни клапанъ: здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго. Такой насосъ можно устроить вездѣ, въ короткое время, и установить тотчасъ, если есть четыре доски и достаточный грузъ. Г. Камины въ заключеніе обращаетъ еще вниманіе и на примѣненіе этихъ насосовъ къ кораблямъ, чтобы замѣнить или ускорить работу прочихъ насосовъ, если они испортились или если ихъ мало; впрочемъ онъ не утверждаетъ еще, чтобы это было вполнѣ удобоисполнимо: только опытъ можетъ рѣшить вопросъ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ПАРОВОДСТВО.

ФРАНЦІЯ. Августа 12-го, Парижско-страсбургская желѣзная дорога открыта для публики на всемъ своемъ протяженіи. Первый поѣздъ, долженствовавшій отправиться изъ Страсбурга въ 5 ч. 45 м. утра, ожидали въ Парижѣ въ 8 ч. 50 м. вечера, слѣдовательно, всего переезда считаютъ 15 часовъ, между-тѣмъ

какъ второй поѣздъ, составленный изъ вагоновъ 1-го класса и ѣдущій прямо въ Парижъ, отправляется въ 10 ч. 25 м. утра, а пріѣхать долженъ въ 10 ч. вечера, слѣдовательно, проѣдетъ всего менѣе 12 часовъ.

Эта желѣзная дорога увеличиваетъ оборонительныя средства Франціи, а въ-случаѣ наступленія—доставляетъ ей большое удобство при наступательной войнѣ. Франція можетъ во всякое время перевести свои войска черезъ Рейнъ въ Германію, а оттуда вторгнуться въ Швейцарію. На обоихъ концахъ этой желѣзной дороги сосредоточены значительныя корпуса войскъ, которые, посредствомъ ея, легко могутъ подкрѣплять другъ-друга. Европа не можетъ не обращать вниманія на эту желѣзную дорогу, въ то время, когда воспоминанія объ императорскихъ временахъ и даже политика, нелюбившая Рейна и Пиренеевъ, снова ожила во Франціи. Теперь, благодаря этой дорогѣ, облегчающей перевозку войскъ, Франція могла бы даже уменьшить комплектъ своей арміи; но такая мѣра, весьма выгодная для финансовъ, была бы весьма нехорошо принята во Франціи, гдѣ власть нынѣ исключительно поддерживается военною силою. Страсбургская желѣзная дорога, которая, за исключеніемъ Нанси, не проходитъ ни чрезъ одинъ большой городъ, слѣдается станвою жилою прекрасной земледѣльческой страны, богатой въ окрестностяхъ Эперне лучшими французскими винами и хлѣбомъ всѣхъ родовъ, между Баръ-ле-Дюкомъ и Нанси. Въ Нанси, котораго жители ревностные приверженцы Бурбонскаго дома, производится обширная фабрикація тонкихъ бумажныхъ матерій и есть весьма хорошія бѣлыя вина. Перерѣзавъ Эльзасъ, желѣзная дорога облегчитъ въ этой провинціи нищету, разсѣетъ много предразсудковъ и навсегда убьетъ демагогію. Можно сказать, что крайній пунктъ страсбургской желѣзной дороги, которая продолжена до Базеля, находится въ Лондонѣ. Нашимъ туристамъ стѣитъ только доѣхать до конца Лондонскаго-моста, тамъ они найдутъ непрерывную желѣзную дорогу, по которой могутъ проѣхать и къ границамъ Швейцаріи, и въ Баденъ-Баденъ. Стутгартъ, въ срединѣ Виртемберга, теперь, можно сказать, у нашихъ воротъ, а Констанцское озеро въ двухъ почтовыхъ дняхъ отъ Лондона.

АВСТРІЯ. Желѣзныя дороги въ Австріи принимаютъ огромныя размѣры: въ-концѣ прошлаго года онѣ были устроены на 300 географическихъ миль, въ томъ числѣ 260 миль для локомотивовъ и 43 для перевозки лошадыми. Издержки на постройку дорогъ простирались до 190 милліоновъ флориновъ: изъ нихъ

70 были издержаны компаніями, а 120 милліоновъ правительствомъ; если приведутся въ исполненіе вновь проектированныя дороги въ Венгріи и Италіи, то общая длина всѣхъ австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ простирается до 400 миль.

НИДЕРЛАНДЫ И БЕЛЬГИЯ. 9-го іюля заключенъ трактатъ между Нидерландами и Бельгіею, имѣющей цѣлю облегченіе промышленныхъ сношеній между этими странами посредствомъ устройства желѣзной дороги. Оба правительства обязались въ возможно-скорѣйшемъ времени устроить желѣзную дорогу отъ Антверпена чрезъ Голландшъ-Діепъ, Роодеваартъ или Мѣрликъ на Роозендалъ или Бреду; дорогу эту предположено продолжить черезъ Дортрехтъ до Роттердама, а до-тѣхъ-поръ сообщеніе между Голландшъ-Діепъ и Роттердамомъ будетъ происходить лѣтомъ посредствомъ пароходовъ, а зимою омнибусами и дилижансами. — Обмѣнъ ратификацій трактата послѣдовалъ 4-го августа.

ПРУССІЯ. Открыта желѣзная дорога отъ Бромберга до Данцига; Е. В. Король, окруженный министрами и генералами, самъ находился на первомъ почетномъ поѣздѣ. — Дорога эта, соединившая одинъ изъ первѣйшихъ портовъ королевства со столицею и внутренними областями, несомнѣнно будетъ имѣть вліяніе на благосостояніе Пруссіи.

АМЕРИКА. Въ американскихъ и англійскихъ газетахъ много пишутъ о желѣзной дорогѣ, пересѣкающей Панамскій-перешеекъ, и такимъ-образомъ, соединяющей оба океана. Сообщаемъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній объ этомъ новомъ пути сообщенія, имѣющемъ не только мѣстное, но и всемірное значеніе.

Вновь проложенная желѣзная дорога ведетъ отъ гавани Чагресъ, на Атлантическомъ океанѣ, до города Панамы, лежащаго на берегу Тихаго моря. Гавань Чагресъ хороша и просторна, и ей назначена блестящая будущность; но самое селеніе, лежащее близъ ней, весьма бѣдно: оно состоитъ изъ полусотни сараевъ, занимаемыхъ харчевнями и питейными домами, въ которыхъ за пару долларовъ (около 3 р. сер.) едва можно добыть скудный обѣдъ и уголокъ для ночлега. Почва влажная, низменная и климатъ нездоровый. Немного подалѣе, за рѣкою, находится деревушка, обитаемая неграми. Эти бѣдняки укрываются въ бамбуковыхъ хижинахъ, покрытыхъ пальмовыми листьями. Ясно, что для путешественника здѣсь еще менѣе удобствъ, чѣмъ въ Чагресѣ.

До открытія желѣзной дороги, для путешествія изъ Чагреса въ Панамъ требовалось неменѣе трехъ или четырехъ дней,

хотя разстояніе между обоими пунктами немного болѣе ста верстъ. Теперь перелетаютъ весь этотъ путь въ 4 часа. Но такъ-какъ, въ-слѣдствіе сношеній съ Калифорніею, проѣздъ по новой дорогѣ очень великъ, то спекуляторы, управляющіе дорогою, берутъ съ пассажировъ неслыханно-высокую цѣну за проѣздъ. Увѣряютъ, будто бы пассажиръ обязанъ заплатить за одинъ конецъ отъ 50 до 70 р. сер.!

Вновь проведенная желѣзная дорога до половины идетъ берегомъ р. Чагреса, покрытымъ богатою, хотя и дикою растительностію. Чагресъ, по которому, до открытія желѣзной дороги, путешественники плавали въ челнокахъ, окаймлена поморанцовыми, лимонными и кокосовыми рощами, кое-гдѣ представляющими чашу дѣвственнаго лѣса. Мѣстами разбросаны хижины негровъ-плантаторовъ, окруженные садами и воздѣланными полями. Индѣйцевъ весьма немного; но цвѣтные люди попадаются довольно часто.

Въ водѣ рѣки изобиліе рыбы и множество крокодиловъ. Туземцы часто занимаются ихъ ловлею.

Подъѣзжая къ Панамѣ, встрѣчаешь предмѣстіе, тянущееся сажень на полтора и застроенное двухэтажными домиками съ балконами. Большая часть домовъ находится въ жалкомъ состояніи полуразрушенія. Самый городъ—тоже очень некрасивый, хотя и построенъ еще за два столѣтія тому назадъ. Жители его преимущественно Французы и Американцы, занимающіеся исключительно промышленностью. Жизненные потребности всѣ чрезвычайно дороги, ибо въ окрестностяхъ почти все нѣтъ земледѣлія и всѣ пряности привозятся издалека. За плохой обѣдъ платятъ по два доллара съ человѣка, а за наемъ квартиры изъ трехъ или четырехъ комнатъ, скорѣе похожихъ на клѣтки, чѣмъ на жилые покои, должно заплатить не менѣе ста долларовъ въ мѣсяцъ (т. е. около 150 р. сер.). Все прочее дорого въ той же соразмѣрности.

Почти всѣ жители Панамы принадлежатъ къ цвѣтнымъ или смѣшаннымъ племенамъ, и въ числѣ 6,000 человѣкъ народонаселенія едва-ли найдешь десятка два чисто-бѣлыхъ, да и тѣ заѣзжіе, оставшіеся здѣсь по какому-либо случаю.

Желѣзная дорога быстро оживитъ эти мѣста. Чрезъ десять лѣтъ нельзя будетъ узнать ни Чагреса, ни Панамы,—вмѣсто жалкой деревни и городишка возникнутъ богатые торговые города.

ШВЕЦІЯ И ПРУССІЯ. Между этими двумя державами заключена недавно почтовая конвенція, въ силу коей должно быть учреж-

лено пароходное сообщеніе между Стокгольмомъ и Штетинномъ. Нынѣ для сего назначенъ одинъ шведскій пароходъ, а въ 1853 г. будетъ дѣлать рейсы и прусскій пароходъ, такъ-что между Стокгольмомъ и Штетинномъ установится еженедѣльное сообщеніе.

АНГЛІЯ. На Соутемптонскомъ рейдѣ произведены были чрезвычайно удовлетворительные опыты съ колоссальнымъ пароходомъ Лаплата. Онъ произвелъ четыре пробныя поѣздки, совершая кругомъ по 14½ морскихъ миль въ часъ. На палубѣ едва ощутительно было волненіе моря. Первый рейсъ Лаплаты произведенъ будетъ въ Вестъ-Индію.

ФРАНЦІЯ. Опыты, произведенные надъ вновь отстроенымъ винтовымъ кораблемъ «Наполеонъ», имѣли полный успѣхъ. Скорость машины составляла отъ одиннадцати съ половиною до двѣнадцати узловъ въ часъ. Машинный аппаратъ состоитъ изъ четырехъ твердыхъ цилиндровъ; движеніе же передается винту посредствомъ зубчатаго колеса. Машина устроена въ тысячу двѣсти силъ. Въ Мониторѣ прибавляютъ, что «Наполеонъ» теперь сильнѣйшій корабль на морѣ. На немъ лежаносто пушекъ, на два мѣсяца провіанта и на одинъ мѣсяць воды, для девяносто человѣкъ экипажа. Запасъ горючаго матеріала, простирающагося до двухъ милліоновъ фунтовъ, достаточенъ, чтобъ въ десять съ половиною дней корабль прошелъ тысячу французскихъ миль. По быстротѣ хода и вооруженію, Наполеонъ можетъ, въ военное время, служить вѣрнымъ сообщеніемъ съ американскими колоніями Франціи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ТЕЛЕГРАФЫ. Недавно одинъ изъ комитетовъ нижняго парламента, занимавшійся разсмотрѣніемъ просьбъ о составленіи акціонерныхъ обществъ, захотѣлъ удостовѣриться въ дѣйствительности быстроты сообщеній посредствомъ электрическаго телеграфа, и въ точности, съ которою передаются ими депеши между Лондономъ и Йоркомъ.

Для этого проволоки телеграфа, помѣщенные въ сѣняхъ дома

парламента и сообщающіяся съ главною телеграфическою конторою на Страндѣ, были проведены въ залу собранія комитета и сообщены съ приборомъ, стоявшимъ на столѣ посреди комнаты. Вслѣдъ затѣмъ дано было, по телеграфу же, приказаніе прекратить передачу всѣхъ постороннихъ извѣстій и дать полную свободу ходу *особенной* депеши. Президентъ комитета, взявъ въ руку номеръ газеты «Times» того дня, приказалъ телеграфисту потребовать отъ товарища его, находящагося въ Йоркѣ, чтобы онъ передалъ четвертое объявленіе, напечатанное на четвертомъ столбцѣ газеты. Разстояніе между Лондономъ и Йоркомъ составляетъ 290 миль или 435 верстъ. Черезъ четверть минуты послѣ посланки депеши изъ Лондона, прибылъ отвѣтъ изъ Йорка и члены комитета прочли на циферблатѣ прибора требуемое объявленіе, переданное безъ ошибки въ теченіе двухъ минутъ. Должно замѣтить, что еслибы приказаніе отдано было не столь послѣдно, то отвѣтъ можно было бы передать въ одну минуту.

Передача депеши, по тарифу стѣитъ не дороже, чѣмъ напечатаніе ея въ газетѣ.

Прибавимъ къ этому, что проволоки электрическаго телеграфа вѣроятно вскорѣ будутъ протянуты чрезъ Атлантическій-Океанъ, между Ирландіею и Нью-Фоундлендомъ. Извѣстно, что не только Франція сообщена теперь съ Англіею подводнымъ телеграфомъ, проведеннымъ по дну Ламанскаго пролива, но 1-го минувшаго іюня проведенъ каналь съ электрическими проволоками чрезъ каналь св. Георгія, отдѣляющій Англію отъ Ирландіи. Теперь Голигидъ въ Англіи сообщенъ съ Дублиномъ.

НОВЫЕ ПРИСКИ ДРАГОЦѢННЫХЪ КАМНЕЙ. — Изъ Торнау (въ Венгріи) пишутъ отъ 2-го августа, что тамъ открыты новые приски драгоцѣнныхъ камней: «Выдавшаяся часть склона Куцаковской горы, близъ Торнау, имѣвшая давно уже нѣсколько разсѣлинъ, въ которыхъ въ послѣднее время замѣтно было какое-то внутреннее движеніе, вчера вдругъ обрушилась, и обнажила нѣсколько слоевъ халцедона, агата и аметиста, существованія которыхъ до-сихъ-поръ и не подозрѣвали, а какъ Куцаковская гора находится на казенной почвѣ, то сіи копи драгоцѣнныхъ камней принадлежатъ казнѣ».

ОСУШКА ГАРЛЕМСКАГО ОЗЕРА. Коммиссія, управляющая работами по осушкѣ Гарлемскаго озера, объявила, что оно уже *совершенно осушено* и что въ немъ остается только нѣсколько небольшихъ лужъ воды.

ПШЕНИЦА ИЗЪ ГРОБНИЦЪ МУМІЙ. Въ журналѣ «Акбаръ» напечатана любопытная записка маіора Дюпоте, извѣстнаго своими изысканіями по части африканской археологіи и естественной исторіи, о произведенныхъ имъ опытахъ посѣва зеренъ пшеницы, взятыхъ изъ гробницы одной муміи. Изъ двадцати-четырехъ зеренъ, посѣянныхъ въ 1850 году въ деревнѣ Нови, взошли только семь, но и изъ нихъ только два стебля выколосились. Полученные колосья значительно разнятся отъ обыкновенныхъ. Каждый стебель приноситъ отъ десяти до пятнадцати колосевъ, и въ каждомъ колосѣ содержится отъ 70-ти до 90 зеренъ.—Несмотря на авторитетъ г. Дюпоте, трудно повѣрить возможности сохраненія въ зернахъ растительной силы въ-теченіе столь продолжительнаго времени.

НЕУГАСАЕМАЯ ЛАМПА. — Въ Италіи и въ Греціи по временамъ находимы были въ гробницахъ горящія лампы, но до сихъ-поръ ни одинъ изъ химиковъ не могъ отыскать причинъ сего явленія. Надняхъ, въ Лангрѣ, во Франціи, сдѣлано подобное открытіе. Работники, копая землю подъ фундаментъ новаго зданія, наткнулись на сводъ, отъ времени необыкновенно окръпшій, котораго они не могли пробить долгое время. Наконецъ сводъ уступилъ усиліямъ рабочихъ, и они съ удивленіемъ замѣтили мерцавшій подъ сводомъ свѣтъ. Отверстіе было расширено, и нѣкоторые изъ работниковъ, спустившись въ склепъ, нашли бронзовую погребальную лампу, удивительной отдѣлки, которая висѣла прикрѣпленною къ верхней части свода, на цѣпяхъ изъ того же металла. Лампа была еще наполнена горючимъ веществомъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что свѣтильня въ ней горѣла уже нѣсколько столѣтій. Хорошо было бы, еслибъ открытіе этой лампы дало способъ нашимъ химикамъ опредѣлить точнымъ образомъ составъ горючаго вещества, найденнаго въ лампѣ.

НОВЫЙ БРОНЗИРОВАННЫЙ ИКАРЪ. Въ Парижѣ, какой-то человекъ въ костюмѣ бронзированнаго орла, съ движущимися крыльями въ восемь или десять метровъ длины, пытался пролетѣть съ высоты Монмартра надъ станціею страсбургской желѣзной дороги по пріѣздѣ Президента; но новый Икаръ имѣлъ участь своего предмѣстника.

БОЛѢЗНЬ ВИНОГРАДА. Острову Мадерѣ угрожаетъ большое несчастіе: небывалая бѣлая роса, въ видѣ густой бѣлой пыли, ложится на виноградъ, и уничтоживъ нынѣшній сборъ винограда, повидимому смертельно поражаетъ и самое дерево. Жители острова, опасаясь за свою будущность, подають во мно-

жествѣ просьбы Португальскому правительству, о дозволеніи имъ заняться воздѣлываніемъ табаку.

ЧИСЛО ПРЕСТУПНИКОВЪ. — Вотъ статистическія данныя о числѣ преступниковъ, осужденныхъ на смерть въ 1851 г., въ разныхъ государствахъ Европы: въ Испаніи изъ 120,000 жителей казненъ одинъ; въ Швеціи одинъ изъ 172,000; въ Ирландіи, одинъ изъ 200,000; въ Англии одинъ изъ 250,000; въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ одинъ изъ 300,000; во Франціи одинъ изъ 470,000; въ Баваріи одинъ изъ 200,000.

НАЧАЛО ГАЗЕТЪ. — Въ Венеціи прежде всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ появились газеты. Первая была издана въ 1563 году, и роздана по приказанію и подъ надзоромъ правительства. Говорять, что при изданіи этихъ листковъ, венеціанское правительство имѣло цѣлю отвлечь вниманіе публики отъ внутреннихъ происшествій и заставить народъ заниматься иностранною политикою и торговыми дѣлами. Каждый номеръ стоилъ одну *газетту*: мелкая монета, давно уже вышедшая изъ употребленія. Названіемъ этой монеты стали обозначать въ Испаніи и Франціи всѣ листки съ новостями, появлявшіеся въ-послѣдствіи наподобіе венеціанскаго образца, и слово *газета* сохранилось до-сихъ-поръ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

СТРАННЫЙ ПОДАРОКЪ. — Съ американскою почтой привезенъ въ Ливерпуль странный подарокъ Королевѣ Англійской Викторіи. Это прекрасной отдѣлки ящикъ орѣховаго дерева, обитый съ обѣихъ сторонъ тяжелыми серебряными бляхами и гвоздями, съ надписью, вырѣзанною на серебрѣ: «Отличные окорока Варренъ-Стагга, запеченные въ сахарѣ. Подарокъ отъ В. Стагга ея величеству Королевѣ Викторіи. Черезъ благосклонное посредничество нашего посланника, почтеннаго Лоренса. Цивцинати, Огайо.—Соединенные Штаты».

ГРОЗА. — Крестьянинъ изъ Бренда (во Франціи), возвращавшійся съ женою домой, съ возомъ сѣна, застигнутъ былъ въ дорогѣ грозою. Онъ остановился и легъ подъ телегу, а жена стала подъ дерево. Вскорѣ гроза и дождь утихли. Поселянинъ вышелъ изъ-подъ телеги, и звалъ жену, которая лежала подъ деревомъ. Она не отвѣчала. Подлѣ нея стояла, прислонясь къ дереву, другая женщина, и крестьянинъ, принявъ молчаніе за

шутку, приблизился къ нимъ: обѣ онѣ были мертвы. Тѣла ихъ обуглены (carbonisés), безъ малѣйшихъ признаковъ какой-нибудь раны; платье осталось въ совершенной цѣлости. Двѣ коровы, находившіяся вблизи того же дерева, были равномерно убиты молніею.

ПОТОМОКЪ КОРНЕЛЯ. Директоръ театра Французской Комедіи получилъ записку съ просьбою подарить билетъ для входа въ театръ. Письмо подписано было «Петръ Корнель». Директоръ немедленно отправился по адресу, и въ одной изъ бѣднѣйшихъ улицъ Парижа, въ лицѣ публичнаго писца, нашелъ семидесятилѣтняго потомка великаго поэта. Извѣстіе о томъ быстро перешло отъ директора къ министру внутреннихъ дѣлъ, г. Персиньи, а отъ послѣдняго къ Президенту. Спустя два дня, Петръ Корнель получилъ, изъ собственныхъ суммъ Президента, 2,000 франковъ (500 руб. сер.) пенсіи.

ДВОРЕЦЪ ВЫСТАВКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СКАНДИНАВСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ оконченъ. Это обширное зданіе построено по планамъ придворныхъ архитекторовъ гг. Гансена и Мёллера; оно все изъ жельза; внутреннимъ расположеніемъ походить на кристалльный дворецъ въ Лондонѣ и занимаетъ почти весь открытый манежъ Христианбургскаго замка въ Копенгагенѣ, гдѣ живетъ Король, и прямо противъ оконъ большихъ апартаментовъ королевской фамиліи.

Назначеніе этого мѣста доказываетъ участіе, принимаемое Королемъ въ успѣхахъ и развитіи промышленности не только въ Даніи, но и въ Швеціи и Норвегіи, странахъ, которыя, по одинаковости языка, нравовъ и характера жителей, составляютъ съ Даніею какъ-бы одно государство.

Открытіе первой промышленной скандинавской выставки назначено 1-го сентября. Освѣщеніе этого званія будетъ происходить съ большою пышностію, въ присутствіи многочисленныхъ депутацій отъ промышленныхъ классовъ Даніи, Швеціи и Норвегіи.

НЕКРОЛОГЪ.

ФРАНЦІЯ. Остатки фалангъ Имперіи со-дня-на-день исчезаютъ. Скончался вице-губернаторъ инвалиднаго дома, генералъ Пети. Наполеонъ, при прощаніи въ Фонтенблo съ войскомъ, въ 1814 г., обнялъ генерала Пети, желая въ лицѣ его обнять всю гвардію.

Графъ д'Орсей, старинный другъ Президента Республики, извѣстный въ модномъ и богатомъ свѣтѣ, скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни. Онъ недавно назначенъ былъ главнымъ директоромъ художествъ, съ значительнымъ содержаніемъ.

Художества понесли новую потерю: знаменитый рисовальщикъ Тони Жоанно скончался отъ апоплексическаго удара, на сорокъ-девятомъ году отъ роду.

Со-времени кончины Прадье, смерть похитила у искусства еще трехъ скульпторовъ: Годда, Кумберворта, и Фёшера, изваявшаго знаменитую статую «Центаврики». Всѣ трое были учениками Прадье.

— Промышленный міръ Франціи понесъ важную потерю: въ Парижѣ скончался, на 65 году своей жизни, г. Повельсъ (Pauwels), бывшій депутатъ и членъ генеральнаго совѣта земледѣлія, мануфактуръ и торговли.

Онъ былъ еще весьма молодъ, когда, вышедши, при Наполеонѣ, изъ военной службы, пріѣхалъ въ Парижъ безъ всякаго состоянія, и своимъ умомъ, трудами и въ-особенности энергіею, приобрѣлъ одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ въ промышленномъ мірѣ. Онъ былъ попеременно фабрикантомъ химическихъ продуктовъ, строителемъ большихъ машинъ, учредителемъ огромныхъ компаній для рѣчнаго судоходства, и въ каждой изъ этихъ отраслей промышленности выказалъ смѣтливость и способности, тѣмъ болѣе замѣчательныя, что для этого рода дѣятельности онъ не былъ приготовленъ воспитаніемъ и вообще былъ человекъ неочень образованный.

Но въ-особенности г. Повельсъ прославился своими дѣйствіями по газовому освѣщенію.—Онъ одинъ изъ первыхъ ввелъ во Францію этотъ способъ освѣщенія, впоследствии сдѣлавъ по этой части многія открытія, придумавъ новые приборы, кото-

рые произвели въ этой отрасли промышленности совершенный переворотъ.

АНГЛІЯ. 5 августа внезапно скончался членъ парламента (города Дургамъ) г. Гранджеръ. Онъ былъ адвокатомъ, и въ 1841, 1847, и 1852 былъ избираемъ въ Дургамъ.

— 13 августа скончался вице-канцлеръ сиръ джемсъ Паркеръ въ своемъ помѣстьѣ, въ Лестерширѣ, на 50-мъ году отъ рожденія, отъ воспаления въ груди. Онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ въ октябрѣ прошлаго года.

— Въ Вулицѣ скончался генераль-лейтенантъ сиръ Томасъ Доунменъ. Онъ служилъ въ британской арміи 59 лѣтъ. Патентъ артиллерійскаго поручика выданъ ему былъ 24-го апрѣля 1793 года. Онъ храбро сражался во Фландріи, Вестъ-Индіи и Испаніи.

ДАНИЯ. Датская армія понесла чувствительную утрату: начальникъ главнаго штаба, генераль-маіоръ фонъ-Фленсбургъ, скончался отъ болѣзни сердца, на 48-мъ году жизни. Онъ былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ датской арміи.—Имъ составлены были предположенія къ бою при Фридеріци и при Идстедтѣ.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЛАДИКАВКАЗСКІЕ КАЗАКИ.

Тише всадникъ, не лети,
 Дай вздохнуть коню на волѣ; —
 Слышишь, пѣсня на пути
 Раздалась въ широкомъ полѣ.
 Тише всадникъ молодой,
 Ты послушай пѣсни той!
 Пѣль ее по бѣлу-свѣту
 Сынъ Украины—казакъ;
 Помнилъ прежде пѣсню эту
 И Татаринъ, и Полякъ.
 Кто же звуки эти нынѣ
 Перенесъ такъ далеко,
 Повторяя на чужбинѣ
 Ихъ свободно и легко, —
 Гдѣ одни лишь Осетины
 Пѣли праотцевъ своихъ,
 Гдѣ раскинулись равнины
 Кабардинцевъ удалыхъ?

Знать простору пѣснь этой, —
 И отвагою согрѣтой,
 И взлелѣянной въ бою, —
 Не было въ родномъ краю!
 Знать налеты-запѣвалы
 На чеченскіе завалы,
 На кавказскій грозный бой
 Прилетѣли съ пѣсней той!
 Ихъ Украина снарядила,
 Саблей дѣдовскою снабдила,
 Иззубренною не разъ, —
 И увидѣлъ ихъ Кавказъ.
 Здѣсь роскошной вереницей
 Ихъ станица, за станицей
 Потянулась съ-этихъ-поръ,
 До ущелья грозныхъ горъ.
 Вотъ давно ужъ на чужбинѣ
 Терекъ буйный поитъ нынѣ
 Тѣхъ украинскихъ сыновъ;
 Все у нихъ какъ прежде было:
 Та же удалъ, та же сила,
 Та же насмурная бровь;
 И какъ встарь, у нихъ, у новыхъ
 Пара длинныхъ и суровыхъ,
 Къ-низу выющихся усовъ.
 И отвѣдалъ злой Чеченецъ,
 Что не дешево въ бою
 Продаетъ переселенецъ
 Жизнь казачью свою! —

Н. ДЕМИДОВСКІЙ.

1851 года.

Владикавказъ.

ПРІЯТЕЛЬ.

(ПОСВЯЩЕНО НАДЕЖДѢ ЛЬВОВНѢ ГУРЬЕВОЙ).

Въ одно прекрасное утро, Павелъ Александровичъ всталъ съ постели веселѣе обыкновеннаго; слуга подаль ему съ городской почты письмо, которое заставило его сильно задуматься. Задумавшись, онъ опустился въ свои мягкія кресла, съ твердымъ намѣреніемъ не разставаться съ ними и въ особенности съ Петербургомъ, потому-что и кресла, и Петербургъ были ему равно дороги: въ однихъ онъ находилъ самое безмятежное отдохновеніе, въ другомъ бездну самыхъ разнообразныхъ развлеченій. А ему предлагали въ замѣнъ этого.... Но посудите сами, что ему предлагали вмѣсто креселъ и Петербурга.

— Странно, право странно, говорилъ Павелъ Александровичъ, почтенный дядюшка пишетъ мнѣ, что пріѣхалъ сюда по дѣламъ, — какія тутъ у него дѣла? Онъ, просто, затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы предложить мнѣ мѣсто въ своемъ тарантасѣ и увезти меня изъ Петербурга. Что я буду дѣлать въ деревнѣ или, пожалуй, хотя въ самомъ городѣ. Въ Петербургѣ можно жить дѣятельно, весело, разнообразно, жить настоящею жизнію, какъ живу, на примѣръ, я, какъ живутъ Жоржъ, Мишель и большая часть моихъ пріятелей.

Занятый такими размышлениями, онъ не слыжалъ, какъ въ передней пронзительно зазвѣнелъ колокольчикъ, и даже не обернулся, когда въ кабинетъ вошелъ какой-то молодой человѣкъ, въ черномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ. Видя, что хозяинъ не обращаетъ на него никакого вниманія, онъ безъ церемоніи усѣлся на диванъ и закурилъ свою папирску, въ ожиданіи что будетъ дальше.

Павелъ Александровичъ бормоталъ между-тѣмъ какія-то, несвязныя слова, сначала тихо, потомъ все громче и громче.

.....Онъ требуетъ такъ настойчиво.... Неужели и въ-самомъ-дѣлѣ мнѣ придется сѣсть въ тарантасъ? И то сказать не вести же здѣсь такую жизнь, какъ Жоржъ ведетъ! Вѣдь вотъ человѣкъ, подумаешь,—и молодъ еще, кажется, а куда-какъ правдоподобно умѣетъ передавать всякой вздоръ, и вретъ, и самъ себѣ вѣритъ....

Молодой человѣкъ, сидѣвшій на диванѣ, громко захохоталъ. Павелъ Александровичъ оглянулся, и бросилъ на своего собесѣдника такой взглядъ, который очень ясно говорилъ, что его присутствіе не доставляетъ удовольствія.

Пріяель понялъ этотъ взглядъ и замолчалъ. Разговоръ между-ними какъ-то не клеился. Павелъ Александровичъ сидѣлъ, нахмурившись, и казалось, разрѣшалъ вопросъ: быть или не быть? ѣхать или не ѣхать?

По достаточномъ размышленіи, вопросъ былъ разрѣшенъ положительно. Пріяель, повертѣвъ еще нѣсколько минутъ въ рукахъ свою шляпу, сказалъ что ему пора отправляться, и вышелъ, взявъ съ Павла Александровича обѣщаніе повидаться передъ отъѣздомъ.

Павелъ Александровичъ заранѣе воображалъ себѣ скуку, ожидавшую его въ губерніи, а мѣста черезъ которыя лежала дорога въ помѣстье его дяди, представлялись ему самою однообразною пустынею, — несмотря на то, что въ этихъ мѣстахъ были и села и города, черезъ которые онъ про-

ѣзжалъ неболѣе какъ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, на пути въ Петербургъ. Но что дѣлать! Таково уже свойство разстроеннаго воображенія. А въ воображеніи Павла Александровича рисовались теперь попеременно:

«За горами, за долами
Горы да лѣса,
А за тѣми за лѣсами
Лѣсъ да гора,
А за тою, за горою
Трынъ да трава.»

Эта дикая трава, по мнѣнію Павла Александровича, росла именно на предѣлѣ его путешествія, въ ожидавшей его деревнѣ.

Тутъ онъ крѣпко-крѣпко зажмурилъ глаза, потому-что картина была черезъ-чуръ поразительна и рисовалась предъ нимъ какъ наяву. Чтобы освободиться отъ этого тягостнаго впечатлѣнія, которое давило его, какъ кошмаръ, онъ обратился къ воспоминаніямъ о быломъ, счастливомъ времени. Тогда воображеніе, принужденное сдѣлать неожиданный прыжокъ, нѣчто въ родѣ *tour de force*, переключило вдругъ и кисти и краски, и стало рисовать картины совершенно въ другомъ родѣ. Сначала изъ рамки выдвинулись два портрета: одинъ, его старушки матери, съ задумчивымъ и кроткимъ выраженіемъ лица; другой, бѣлокураго, миловиднаго ребенка, которому всѣ улыбались, котораго всѣ ласкали, называли рѣзвымъ и умнымъ. Известно, что въ послѣднемъ качествѣ никто не отказываетъ дѣтямъ, не только родители, но даже посторонніе — явное доказательство людскаго безпристрастія. Дѣло другое взрослые. Тутъ умъ подвергается строгой критической оцѣнкѣ, и встрѣчаетъ на каждомъ шагу столько неліцеприятныхъ суждѣній,—что по неволѣ возникаетъ сомнѣніе, не существуетъ-ли между увеличеніемъ человѣческаго черепа и уменьшеніемъ ума обратной пропорціи. Но не объ этомъ

дѣло. Ребенокъ дѣйствительно былъ рѣзовъ и довольно уменъ. Мало-по-малу, онъ выросъ, преуспѣвая во многихъ шалостяхъ, которыя дѣти такъ охотно перенимаютъ другъ у друга, и во всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ уѣздномъ училищѣ, особенно во французскомъ языкѣ, которому учила его мать, такъ что изъ ребенка онъ сдѣлался юношей, и стали его звать уже не Павлушей, а Павломъ Александровичемъ.

Около этого же времени воротился изъ чужихъ краевъ богатый дядя Павла Александровича, отставной гвардіи полковникъ, о которомъ болѣе десяти лѣтъ не было ни слуху ни духу, и поселился въ своей деревнѣ. Мать Павла Александровича, узнавъ объ его пріѣздѣ, поспѣшила явиться къ нему вмѣстѣ съ сыномъ. Онъ принялъ ихъ ласково, и изъявилъ готовность помогать вдовѣ своего брата и заботиться объ ея сынѣ. Когда же послѣдній сталъ говорить о своемъ желаніи служить въ Петербургѣ, то дядюшка былъ такъ добръ, что доставилъ ему всѣ средства къ осуществленію этого желанія, любимой мечты всѣхъ провинціальныхъ юношей, обуреваемыхъ стремленіемъ къ славѣ и почестямъ и глубоко сочувствующихъ прелестямъ столичной жизни.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, господинъ Пучтовскій, такъ назывался Павелъ Александровичъ, убѣдился на опытѣ, что жизнь въ этомъ обѣтованномъ городѣ гораздо благополучнѣе, чѣмъ въ провинціи—и веселѣе, и удобнѣе, и почетнѣе. Первымъ его стараніемъ по пріѣздѣ было сбросить съ себя видъ провинціала, и принять наружность благовоспитаннаго столичнаго обывателя. Это преобразование совершилось въ весьма короткое время и очень удачно, при помощи портныхъ, парикмахеровъ и другихъ искусныхъ людей, въ которыхъ Петербургъ никогда не терпѣлъ недостатка. Такимъ образомъ Павелъ Александровичъ сдѣлалъ важный шагъ впередъ, подвинувшій его къ самому преддверію въ новую жизнь, которая представлялась ему, какъ волшебная сказка, разцвѣченная, раз-

украшенная всѣми прихотливыми красками воображенія, полная надеждъ и очарованій, почестей и успѣховъ въ большомъ свѣтѣ, на этомъ обширномъ и блистательномъ поприщѣ, гдѣ столько счастливецъ пожинаятъ самые лучшіе и самые свѣжіе лавры, и одерживаютъ побѣды. Вслѣдъ за тѣмъ ему улыбнулись двѣ неразлучныя спутницы молодости, — дружба и любовь—одна въ образѣ отставнаго господина Ключникова, его ментора на новомъ поприщѣ; другая въ чертахъ одной молодой особы, коротко знакомой Ключникову и рекомендованной имъ съ самой лучшей стороны. Съ самимъ же Ключниковымъ Павелъ Александровичъ познакомился безъ всякихъ рекомендацій, въ кондитерской на Вознесенскомъ-проспектѣ, и несмотря на то, что одинъ изъ нихъ былъ отставной и уже въ лѣтахъ, а другой семнадцатилѣтній юноша, между ними установилась вскорѣ совершенная и полная свобода въ обращеніи. Но такъ какъ это обращеніе дошло наконецъ до того, что Ключниковъ пересталъ даже дѣлать различіе между своимъ пустымъ кошелькомъ и тугонабитымъ бумажникомъ своего питомца, и нерѣдко принималъ послѣдній за свой собственный, то юный Телемакъ счелъ нужнымъ уволить его отъ исправленія должности Ментора, и даже совершенно съ нимъ разошелся, вслѣдствіе чего разгнѣванный наставникъ назвалъ его неблагодарнымъ и перессорилъ съ вышеупомянутою молодою и прелестною особою. Съ-тѣхъ-поръ Павелъ Александровичъ видѣлъ господина Ключникова только два или три—и то во снѣ. Однако съ легкой руки этихъ первыхъ знакомыхъ, любовь и дружба не покидали его ни на минуту; танцовали съ нимъ *vis-à-vis* на вечерахъ, сидѣли бокъ о бокъ въ театрахъ и концертахъ, и прогуливались рука объ руку по петербургскимъ окрестностямъ, упиваясь прохладною итальянскихъ ночей, или любуясь изверженіями Везувія. Такая привязанность трогала его иногда до слезъ, и неудивительно: они невольно исторгались изъ глазъ Павла Александровича вмѣстѣ съ ассигнаціями

изъ его кармана, но господинъ Пучтовскій не унывалъ, потому-что аккуратно въ началѣ каждой трети года ему высылались изъ деревни его дядюшки новыя ассигнаціи, взамѣнъ исторгнутыхъ у него дружбой и любовью. Сначала рабскій подражатель своихъ столичныхъ друзей, поникавшій въ прахъ передъ ихъ неисчерпаемымъ остроуміемъ, великосвѣтскими привычками и модными жилетами, онъ мало-по-малу, не только сравнялся съ ними во всѣхъ этихъ преимуществахъ, но даже успѣлъ превзойти во многомъ, что прежде казалось ему рѣшительно недоступнымъ. Короче, все улыбалось Павлу Александровичу, все льстило надеждамъ на постоянное благоволеніе къ нему знакомыхъ и богатаго дядюшки, какъ вдругъ, среди самага разгара этихъ надеждъ, онъ получаетъ письмо, которое, какъ мы видѣли, повергло его въ непріятное положеніе. Особенно поразило его то обстоятельство, что дядюшка упоминалъ между-прочимъ въ своемъ письмѣ о какомъ-то общемъ ихъ знакомомъ, нетакъ давно оставившемъ Петербургъ и описавшемъ ему всѣ столичныя похождения его любезнаго племянника. Черезъ два часа послѣ полученія письма, онъ вышелъ изъ квартиры и отправился въ гостинницу, гдѣ остановился его дядюшка.—«Кто жъ этотъ знакомый? думалъ дорогой Павелъ Александровичъ. Кто этотъ шпионъ, которой выдалъ меня головою? И что онъ нашелъ такого предосудительнаго въ моихъ поступкахъ? — Странно! право странно! Впрочемъ.... все еще успѣемъ объясниться.... а между-тѣмъ надобно приготовиться. Я впередъ отдаюсь на судъ и милость дядюшки».

Дядюшка принялъ его радушно, почти съ радостію, и только на прощаньи сказалъ съ легкой улыбкой: «Ну, любезнѣйшій, ты видѣлъ какъ люди живутъ въ Петербургѣ; теперь посмотри, какъ они живутъ въ деревнѣ».

Спустя двѣ недѣли, тяжелый дорожный тарантасъ, покачиваясь съ боку на бокъ, выѣзжалъ изъ Петербурга черезъ Московскую заставу. Дядюшка читалъ листокъ какой-то газеты; племянникъ молчалъ и хмурился....

II.

Былъ теплый іюльскій вечеръ, когда тарантасъ, послѣ долгаго и утомительнаго странствованія, приблизился наконецъ къ деревнѣ, знакомой Павлу Александровичу. На свѣтло-голубое небо уже начинали ложиться легкія, прозрачныя полу-тѣни сумерекъ, но воздухъ былъ еще напоенъ жаркимъ дыханіемъ дня; полевые цвѣты еще впивали въ себя это дыханіе, и пчелы роями кружились между ними,— а въ природѣ цвѣты и пчелы раньше всѣхъ предаются покою. За полверсты до деревни путешественники вышли изъ тарантаса и пошли полемъ, по узкой тропинкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой дремала зернистая рожь, склоняясь почти до земли своими колосьями; влѣво лежала большая дорога, направо обширное село, еще за нѣсколько минутъ освѣщенное послѣднимъ отблескомъ заходящаго солнца, а теперь лучи его озаряли только темнозеленую опушку дальняго лѣса да края серебристаго облака, остановившагося надъ золотымъ крестомъ скромной деревенской церкви. Въ нѣсколькихъ шагахъ за церковью, на скатѣ небольшого холма, видѣлся двухъ-этажный деревянный домъ съ мезониномъ. При видѣ этого дома, лицо полковника, до тѣхъ-поръ задумчивое и почти угрюмое, просіяло радостію; на лицѣ племянника не выразилось ровно ничего, но онъ ускорилъ нѣсколько шаги, какъ человѣкъ, который, уставъ отъ дороги, занятъ только одною мыслию — о хорошемъ ужинѣ и крѣпкомъ снѣ.

На крыльцѣ деревяннаго дома съ мезониномъ встрѣтила вновь-прибывшихъ женщина среднихъ лѣтъ въ темномъ ситцевомъ капотѣ и чепчикѣ. Это была ключница.

— Слава Богу! сказала она: наконецъ-то вы пріѣхали, батюшка, Осипъ Николаевичъ. А Марья Павловна совсѣмъ

было по васъ соскучилась. И ей и мнѣ все снились такіе странные сны....

— А гдѣ же Маша? перебилъ полковникъ, и въ глазахъ его мелькнула легкая тѣнь безпокойства. Я думалъ, что она прежде всѣхъ выйдетъ мнѣ навстрѣчу; ужъ не больна ли она? Или, можетъ-быть, опять у предводителя? прибавилъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ.

— Точно такъ, батюшка, отвѣчала ключница. Супруга предводителя изволили сами приѣзжать сегодня за Марьей Павловной, и обѣщались привезти назадъ къ сумеркамъ; пожалуйста, что пора бы и воротиться.

Павель Александровичъ не слыхалъ этого разговора, потому-что былъ уже въ передней и снималъ съ себя свой дорожный костюмъ.

Онъ остался вполне доволенъ дялюшкинымъ ужиномъ, и черезъ часъ по приѣздѣ покоился самымъ непринужденнымъ сномъ; это происходило въ мезонинѣ, который дялюшка предоставилъ племяннику въ полное распоряженіе. На другое утро Павель Александровичъ проснулся довольно рано, и не зналъ какъ убить время до чаю, спустился во второй этажъ, въ комнаты, занимаемыя самимъ дялюшкой, чтобы пройти въ его библіотеку и достать тамъ какую-нибудь книгу. Въ этихъ комнатахъ все было тихо, повидимому всѣ еще спали глубокимъ сномъ, и утренній свѣтъ едва пробивался слабымъ мерцаніемъ, сквозь опущенныя занавѣски. Павель Александровичъ тихо прошелъ въ библіотеку, взялъ изъ шкафа первую попавшуюся ему на глаза книгу, и сталъ разсѣянно перелистывать страницы. Хотя онъ и не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые любятъ въ чтеніи исключительно самый процессъ этого занятія, но тѣмъ неменѣе у него никогда не доставало ни терпѣнья, ни охоты читать, что-бы то ни было, со вниманіемъ; и неудивительно, — жизнь въ столицѣ научила его дорожить своимъ временемъ, и не тратить его на подобные пустяки. Правда, эта жизнь была ничтожна, даже слишкомъ ничтожна, но вмѣстѣ съ тѣмъ

такъ полна мелочной дѣятельности, что у Павла Александровича перѣдко голова шла кругомъ отъ множества заботъ и занятій: вечера, театры, панорамы, живыя картины, преферансъ, дружба, любовь—и мало ли что еще—отнимали у него послѣднія свободныя минуты; даже въ тишинѣ кабинета, для него не всегда умолкалъ отголосокъ внѣшняго шума; всѣ бубенчики, побрякушки, гудки и свистки, изъ которыхъ обыкновенно составляется этотъ нестройный концертъ, непрерывно звучали въ его ушахъ, не давали ему засыпать поздно вечеромъ, будили раньше свѣту поутрамъ. Поэтому теперь онъ читалъ безъ вниманія, и глаза его поминутно переходили отъ страницъ книги то къ одному, то къ другому изъ окружавшихъ его предметовъ. Въ одну изъ такихъ минутъ, взоръ его, черезъ растворенныя двери столовой, гдѣ было почти совсѣмъ темно, упалъ на полосу яркаго свѣта, освѣщавшую простѣнокъ между двумя окнами. Этотъ свѣтъ проникалъ въ столовую черезъ полураскрытыя двери боковой комнаты, изъ которой до слуха Павла Александровича долеталъ какой-то легкой шорохъ, и тихій, чуть слышный шѣпотъ, потомъ на свѣтлой полосѣ мелькнула какая-то тѣнь, и снова скрылась; но черезъ минуту она опять показалась, и на этотъ разъ обрисовала ясно стройный женскій силуэтъ, которому воображеніе Павла Александровича не замедлило придать всѣ необходимые атрибуты молодости и красоты. У него, какъ видите, была довольно пылкая фантазія. Впрочемъ въ двадцать-пять лѣтъ тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго, а господинъ Пучтовскій только что вступилъ въ сей благополучный возрастъ.

Кто бы ни была эта женщина или дѣвушка, разсуждалъ Павель Александровичъ: только ужъ навѣрное не дялюшкина ключница; та и низка ростомъ, и слишкомъ широка въ плечахъ, а эта стройна и высока, какъ муза. Посмотримъ, какой прелестный пустынный цвѣтокъ поселился въ степной деревнѣ моего дялюшки.

Онъ положилъ книгу въ шкафъ, на прежнее ея мѣсто, прокрался чуть слышными шагами изъ своей комнаты, черезъ другую, въ столовую и прислонился къ окну, возлѣ высокаго китайскаго розана, листья котораго почти совершенно скрывали его отъ постороннихъ глазъ, но позволяли ему видѣть все происходившее въ боковой комнатѣ.

Вотъ чтò увидѣлъ Павелъ Александровичъ чрезъ полу-раскрытую дверь;

Въ боковой комнатѣ шторы были подняты, и утреннее солнце, обливая своими лучами всѣ находившіеся въ ней предметы: цвѣты, мебель и картины,—отражало въ зеркалѣ стройную талію и прелестный профиль молодой дѣвушки, Ея маленькія бѣлыя ручки были слегка прижаты къ полузакрытой груди; бѣлокурая головка нѣсколько наклонилась къ правому плечу и изъ-подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ падалъ взглядъ, придававшій какое-то особенное выраженіе ея лицу.

Павлу Александровичу показалось также, что еслибы этотъ кроткій взглядъ обратился нечаянно въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ, закрытый листьями розана, и разсмотрѣлъ бы сквозь темную зелень его нескромную физиономію, то онъ не выдержалъ бы и струсилъ — это настоящее слово—онъ покраснѣлъ бы такъ, какъ никогда еще не случалось ему краснѣть.

На лицѣ его и въ-самомъ-дѣлѣ начиналъ выступать легкій румянецъ.

Это былъ румянецъ удовольствія. Увѣренный, что можетъ безпрепятственно продолжать свои наблюденія, онъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку.

Полюбовавшись нѣсколько минутъ этимъ пріятнымъ зрѣлищемъ, Павелъ Александровичъ нашелъ весьма приличнымъ ретироваться заблаговременно въ свой мезонинъ, такъ какъ, по всѣмъ его соображеніямъ, до чаю оставалось не болѣе получаса; а въ кружкѣ, который образуется утромъ около

домашняго самовара, можно видѣть всѣхъ членовъ семейства, ночующихъ подъ одной кровлей.

Надежда его однакоже не оправдалась. Когда черезъ полчаса старый слуга полковника доложилъ ему, что его просятъ кушать чай, то онъ, сойдя въ столовую, встрѣтилъ тамъ одного только дядюшку, того самаго, на котораго онъ уже вдоволь насмотрѣлся во-время проѣзда отъ Петербурга до настоящаго мѣста своего пребыванія. Если дорогою физиономія полковника бывала нерѣдко серьезна и задумчива, то теперь она была едва ли не пасмурнѣе самаго ненастнаго изъ всѣхъ ненастныхъ петербургскихъ дней. Онъ видимо былъ не въ духѣ. Племянникъ искоса посматривалъ на боковую комнату.

Въ это время дверь боковой комнаты отворилась и на половину изъ-за нея высунулась голова ключницы.

— Осипъ Николаевичъ, барышня проситъ васъ пожаловать къ ней на одну минуточку.

Полковникъ всталъ и оставилъ племянника одного, приперевъ за собою дверь въ боковую комнату. Но спустя нѣсколько минутъ, онъ возвратился въ столовую, бормоча про себя какія-то слова, изъ которыхъ Павелъ Александровичъ могъ разобрать только слѣдующія: — ей еще хуже, чѣмъ вчера.... докторъ.... Боже мой, да скоро ли?...

Изъ этихъ словъ и изъ словъ ключницы Павелъ Александровичъ вывелъ весьма основательное заключеніе, что въ боковой комнатѣ и была барышня, что послѣдняя была больна, и что дядюшка посылалъ за докторомъ.

Въ-теченіе дня онъ узналъ сверхъ-того отъ слугъ, что больная барышня была воспитанница полковника, и что онъ, какъ засвидѣтельствовала лично сама ключница,—души въ ней не слышалъ.

Въ дополненіе къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ, мы, съ своей стороны, можемъ сообщить читателямъ еще слѣдующее.

Лѣтъ за восемь или за девять до того времени, къ кото-

му относятся описываемыя здѣсь происшествія, вскорѣ послѣ прїѣзда полковника изъ-за границы, онъ получилъ однажды записку, въ которой приглашали его побывать въ домѣ одной сосѣдней помѣщицы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его деревни. Онъ исполнилъ это приглашеніе съ необыкновенною поспѣшностію, и часа черезъ два по прочтеніи записки, сидѣлъ уже у постели умирающей женщины. Слезы показались на его мужественномъ, загорѣломъ лицѣ, и для умирающей—то была сама помѣщица—онѣ служили залогомъ глубокой искренности чувствованій и словъ человѣка, бесѣдовавшаго съ нею въ послѣдній разъ передъ прощаньемъ съ жизнью. «Вотъ полковникъ, говорила она, я умираю, послѣ меня остается дочь сирота, у которой нѣтъ родныхъ.... вы добры, полковникъ, и благородны.... въ душѣ вашей найдется мѣсто состраданія къ ней....»

Это были послѣднія слова умирающей. Полковникъ всталъ и безмолвно поднялъ взоръ къ образу, висѣвшему у изголовья смертной постели. Никакая клятва, никакая мольба, переданная словами, не могли быть краснорѣчивѣе этого безмолвнаго взора.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой сцены,—въ домѣ полковника, къ немалому удивленію всей прислуги,—одна изъ комнатъ была обращена въ дѣтскую; въ ней поселилась девятилѣтняя Марія, на которой полковникъ сосредоточилъ всю свою любовь, всѣ свои попеченія и заботы. Она росла у него на глазахъ, ея воспитаніе быстро подвигалось впередъ подъ его надзоромъ, и лѣтъ черезъ шесть онъ уже могъ любоваться своимъ созданіемъ: прелестный цвѣтокъ почти распустился. И какъ простодушно трогательна была признательность Маріи къ ея благодѣтелю. Какъ она умѣла угадывать его малѣйшія желанія, угождать его привычкамъ и даже капризамъ. Когда полковникъ бывалъ веселъ, что впрочемъ случалось съ нимъ неслишкомъ часто, — то Марія приходила въ восхищеніе почти отъ каждой бездѣлицы, отъ первой игрушки, попадавшей ей подъ руки, и

звонкій, серебристый смѣхъ ея могъ бы показаться отголоскомъ самой радости. Когда же, напротивъ, въ минуты тоски или безотчетнаго раздумья, онъ становился пасмуренъ и хмурилъ свои густыя брови,—Марія тихо садилась у его ногъ, и ждала перваго глубокаго вздоха, облегчающаго грудь, перваго взгляда, ищущаго вокругъ себя утѣшенія; тогда она быстро вскакивала къ нему на колѣна, и долго, съ грустною улыбкой смотрѣла ему въ глаза, но никогда, въ подобныя минуты, ей не приходило въ голову спросить: что съ вами? о чемъ вы скучаете? — Привязанность къ ней полковника возрастала почти съ каждымъ днемъ, и потому неудивительно, что малѣйшая ея болѣзнь, малѣйшее безпокойство, ей причиненное, повергали его въ совершенное отчаяніе. Такъ случилось и въ день его прїѣзда изъ Петербурга, когда Марія возвратилась отъ предводителя съ явными признаками хотя неопасной, но довольно сильной простуды.

Болѣзнь Маріи продолжилась нѣсколько дней; въ-теченіе этого времени съ лица полковника почти ни на минуту не сходили угрюмыя морщины, и Павелъ Александровичъ, не зная, какъ убить время, занялся осматриваніемъ владѣній своего дядюшки.

III.

Въ это утро Павелъ Александровичъ, весьма довольный самимъ-собою, сидѣлъ въ гостиной, и прислонясь головою къ спинкѣ кресель, не то дремалъ, не то думалъ Богъ знаетъ о чемъ.... Вдругъ онъ вздрогнулъ, будто отъ прикосновенія гальваническаго столба, и вскочивъ съ кресель, выпрямился весь знакомъ удивленія.

Передъ нимъ, изгибаясь вопросительнымъ знакомъ, стоялъ низенькій худощавый человѣчекъ, и говорилъ сладкимъ, ласкающимъ голосомъ:

— Имѣю честь.... честь имѣю.... Позвольте спросить, кого я имѣю честь видѣть?

Какъ ни страненъ былъ этотъ вопросъ, но наружность худоцаваго человѣчка, которому было, повидимому, лѣтъ подь сорокъ, казалось еще страннѣе. Въ ней соединялось все, что только нужно вообразить себѣ сухаго, желтаго и угловатаго. Цвѣтъ лица этого индивидуума былъ рѣшительно ненатуральный, или, по-крайней-мѣрѣ, онъ сильно полинялъ, потому-что былъ желтъ, какъ поблеклая капуста. Маленькіе, подслѣповатые глаза почти совершенно закрывались вѣками, что впрочемъ нисколько не мѣшало имъ видѣть все какъ слѣдуетъ.... есть же такіе странные люди, которые умѣютъ смотрѣть даже сквозь опущенныя вѣки. Что касается до цвѣта этихъ глазъ, то привычка ихъ безпрестанно прищуриваться и закрываться не позволяла опредѣлить его съ точностію; итакъ, не оскорбляя истины, можно предположить, что глаза его были цвѣта неопредѣленнаго, не то сѣрые, не то зеленые.

Павелъ Александровичъ зналъ эту физіономію наизусть, но тѣмъ неменѣе счелъ нужнымъ, подобно ей, прищуриться, желая увѣрить себя, что передъ нимъ стоитъ живой человѣкъ, а не призракъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ взаимнаго осмотра, худоцавый человѣкъ и Павелъ Александровичъ бросились другъ-другу въ объятія, и воскликнули въ одинъ голосъ:

— Павлуша!

— Ключниковъ!

Затѣмъ, между старыми друзьями послѣдовало объясненіе, изъ котораго Павелъ Александровичъ узналъ, что его бывшій менторъ давно уже имѣетъ жительство въ этихъ мѣстахъ; причемъ господинъ Ключниковъ присовокупилъ, что дядя Павла Александровича ему короткій знакомый, съ которымъ онъ состоитъ на самой дружеской ногѣ и аккуратно два раза въ недѣлю, по средамъ и пятницамъ, играетъ въ вистъ или преферансъ.

Господинъ Ключниковъ говорилъ чистую правду, потому-что дѣйствительно находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ старымъ полковникомъ, который готовъ былъ даже отдать ему руку своей воспитанницы,—разумѣется, съ согласія самой Марьи Павловны. Но, по несчастію, этого-то согласія и не доставало господину Ключникову. Марья Павловна, выслушавъ однажды его страстное признаніе, расхохоталась такъ громко, такъ непринужденно, что бѣдный вздыхатель, приведенный въ крайнее смущеніе, счелъ всего приличнѣе ретироваться въ самой тайный уголокъ гостиной, гдѣ происходила эта сцена, и извинить свой поступокъ молодостію и неопытностію. Потомъ, изъ темнаго угла гостиной, онъ пробрался въ столовую, изъ столовой въ бібліотеку, и оттуда въ кабинетъ полковника, которому и рассказалъ все съ нимъ случавшимся. Чтобы утѣшить господина Ключникова, полковникъ отвѣчалъ ему, что не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе отъ первой неудачи, что время и привычка все могутъ преодолѣть, и проч. и проч., однимъ-словомъ, посоветовалъ ему ждать и надѣяться. Господинъ Ключниковъ поневолѣ долженъ былъ послѣдовать этому совѣту. Но какъ человѣкъ нрава тихаго и осторожнаго, онъ умолчалъ въ разговорѣ съ Павломъ Александровичемъ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ; зато ученикъ рассказалъ своему наставнику все, что только зналъ или думалъ о себѣ, дядюшкѣ и Марьѣ Павловнѣ, и объяснивъ ему свой знаменитый планъ, чтобы жениться на Марьѣ Павловнѣ, попросилъ своего друга употребить въ его пользу все свое вліяніе на дядюшку.

Павелъ Александровичъ говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ, а господинъ Ключниковъ, по обыкновенію, слушалъ, потупивъ взглядъ и закрывъ вѣками свои подслѣповатые глаза. Когда же тотъ кончилъ, онъ бросился къ нему на шею, и сказалъ, голосомъ, въ которомъ чуть не дрожала слеза: «Павлуша! Съ этой минутой располагай мною какъ хочешь, а тамъ....»

— А тамъ, перебилъ достойный ученикъ, мы заживемъ также весело, какъ прежде живали.

Въ тотъ же день вечеромъ, господинъ Ключниковъ, играя съ полковникомъ въ преферансъ, сообщилъ ему о намѣреніяхъ его племянника и о подозрѣніи своемъ, чтобы онъ, бывши всегда съ Машей, не понравился бы ей. Дядюшка усмѣхнулся, и дружески пожавъ ему руку, сказалъ: «Будьте покойны, Петръ Прохоровичъ, ему не удастся... Не забудьте только вашего обѣщанія выхлопотать какое-нибудь мѣсто этому пустоголовому господину... Ну, а за Машу, я ручаюсь: она у меня не вѣтренница».

Господинъ Ключниковъ обѣщалъ употребить все усилія, чтобы угодить почтенному полковнику, и дѣйствительно, возвратясь въ уѣздный городъ, принялся за дѣло съ необыкновеннымъ рвеніемъ.

Между-тѣмъ частыя свиданія Павла Александровича съ Машей обратили полное вниманіе его на прекрасную дѣвушку. Правда, фізіономія Павла Александровича была совсѣмъ не изъ мудреныхъ, но она была вполне приличная, оживлялась блескомъ молодыхъ глазъ, и далеко не походила на фізіономію господина Ключникова, почти единственнаго посторонняго человѣка, котораго Марья Павловна встрѣчала у своего воспитателя. Хотя воспитанница полковника и гостила иногда въ домѣ уѣзднаго предводителя, но и тамъ она встрѣчалась чаще всего опять съ тѣмъ-же господиномъ Ключниковымъ, который также частенько навѣщалъ предводителя, чтобы поиграть съ нимъ въ шахматы. Г. Ключниковъ, какъ видите, былъ вполне истинно-услужливый человѣкъ. Понявъ тайныя струнки каждаго, онъ тотчасъ-же смекалъ въ чемъ дѣло, и изъ всего успѣвалъ извлекать себѣ пользу.... Зная, что любимый конекъ предводителя—игра въ шахматы, господинъ Ключниковъ находилъ вѣрный предлогъ и въ домѣ предводителя постоянно встрѣчался съ Марьей Павловной. Удивительно-ли послѣ этого, что она непримѣтно, день за день, все болѣе и болѣе

находила удовольствія въ частыхъ, иногда даже намѣренныхъ встрѣчахъ съ Павломъ Александровичемъ, и хотя разговоръ его не блисталъ особеннымъ умомъ, но не былъ лишенъ ни лоска свѣтскости, ни поддѣльнаго чувства, которое она не умѣла еще отличить отъ настоящаго. Эти встрѣчи, эти разговоры, разумѣется, не укрылись отъ вниманія полковника, но онъ напрасно старался предупредить ихъ. Правда, онъ могъ бы рассказать Марьѣ Павловнѣ о разсѣянной жизни, какую велъ племянникъ его въ Петербургѣ; но онъ надѣялся, что молодой человѣкъ исправится. Притомъ же думалъ: Если Маша полюбитъ этого вертопраха, то, разумѣется, не повѣритъ одному голословному разсказу, сообщенному мнѣ Ключниковымъ. Если-же она не будетъ чувствовать къ нему никакой привязанности, то подобный разсказъ не поведетъ ровно ни къ чему. Во всякомъ случаѣ надобно подождать мѣста, которое дастъ возможность удалить шалуна изъ моего дома. Это разсужденіе нѣсколько успокоило полковника, а черезъ полтора мѣсяца господинъ Ключниковъ сообщилъ ему давно ожидаемое извѣстіе. Но, къ сожалѣнію, оно пришло слишкомъ поздно. Марья Павловна уже любила, и притомъ любила искренно, глубоко. Счастливый Павелъ Александровичъ, не зная ничего объ услугѣ, оказанной ему пріятелемъ, лишь только замѣтилъ расположеніе къ нему Марьи Павловны, рѣшился не медлить, и поспѣшилъ къ дядюшкѣ, чтобы просить у него руки его воспитанницы. Представьте-же себѣ удивленіе и печаль молодаго человѣка, когда полковникъ отвѣчалъ ему:

— Нѣтъ, любезнѣйшій, этому не бывать. Я лучше совѣтую тебѣ отправиться на службу; мѣсто уже готово: нашъ уѣздный судья выхлопоталъ его для тебя по моей просьбѣ.

Съ отчаяніемъ въ груди возвратился Павелъ Александровичъ въ свой мезонинъ, написалъ тамъ наскоро записку къ господину Ключникову, и увидѣвшись въ тотъ же день съ Марьей Павловной, разсказалъ ей, въ самыхъ трогательныхъ

ыраженіяхъ, послѣдствія своего объясненія съ дядюшкой.

Выслушавъ этотъ разсказъ, Марья Павловна слегка поблѣднѣла, но черезъ минуту румянецъ ярче прежняго вспыхнулъ на ея щекахъ, и она сказала съ веселой улыбкой:

— Я сама пойду просить его. Вѣрно онъ не откажетъ мнѣ!

Павелъ Александровичъ съ восхищеніемъ поцѣловалъ протянутую ему прекрасную ручку, и назвалъ себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Между-тѣмъ записка Павла Александровича къ пріятелю, въ которой онъ откровенно говорилъ ему, что не имѣетъ особенной привязанности къ Марьѣ Павловнѣ, имѣла свое значеніе, и заставила господина Ключникова смутиться отъ радости. Прочитавъ ее нѣсколько разъ со вниманіемъ, и положивъ бережно на свой письменный столъ, онъ засуетился, запрыгалъ, какъ-будто въ ногахъ у него была ртуть, и наконецъ залился продолжительнымъ, удушливымъ смѣхомъ. Еслибы въ эту минуту предъ нимъ предсталъ печально самъ Павелъ Александровичъ, онъ бросился бы къ нему на шею и расцѣловалъ бы его. Но Павелъ Александровичъ былъ отъ него ровно за десять верстъ, а потому господинъ Ключниковъ, не теряя понапрасну времени, присѣлъ къ столу и написалъ небольшое письмо къ своему брату, и снова захохоталъ. О, онъ былъ въ восторгѣ! Потомъ, наскоро одѣвшись, онъ взялъ со стола оба письма, и положивъ одно изъ нихъ въ боковой карманъ своего сюртука, немедленно отослалъ другое, адресованное на имя брата.

Спустя два часа, онъ былъ уже въ кабинетѣ полковника, и стараясь казаться покойнымъ, говорилъ своимъ сладкимъ, ласкающимъ голосомъ:

— Я имѣю сообщить вамъ, Осипъ Николаевичъ, сегодня

нѣчто чрезвычайно важное.... дѣло видите-ли деликатное....

— Что такое? спросилъ полковникъ.

— Нѣтъ-съ, прежде прикажите позвать Марью Павловну.

— Какъ вамъ угодно.

Съ этими словами полковникъ всталъ съ креселъ и пошелъ къ двери кабинета,—но она сама отворилась и Марья Павловна явилась на порогѣ.

Бѣдняжка! она пришла переговорить съ полковникомъ наединѣ, и увидѣвъ посторонняго человѣка, немного смутилась и покраснѣла. На нѣсколько минутъ въ кабинетѣ воцарилось глубокое молчаніе....

— Садись, Маша, ты пришла очень кстати. Петръ Прохоровичъ хочетъ, въ твоёмъ присутствіи, сообщить намъ что-то важное.

Молодая дѣвушка посмотрѣла на Ключникова съ удивленіемъ и почти со страхомъ; въ одну минуту краска исчезла съ ея лица, и сердце сжалось тяжкой, непонятной тоскою.

Господинъ Ключниковъ еще медлилъ; казалось, онъ не зналъ, какъ лучше приступить къ дѣлу. Наконецъ, поправивъ свой высокій галстухъ онъ откашлянулся, и рѣчь его полилась рѣкою, рѣчь тихая, убѣдительная, задушевная.

Въ-продолженіе этой рѣчи Марья Павловна нѣсколько разъ измѣнялась въ лицѣ; щеки ея то покрывались яркимъ румянцемъ, то снова блѣднѣли, какъ полотно.

Когда Ключниковъ кончилъ, двѣ крупныя слезы выкатились изъ ея прекрасныхъ глазъ, двѣ слезы стыда и негодованія.

— Послушайте, милостивый государь, сказала она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ: если все, что вы теперь говорили, вы можете подтвердить доказательствомъ,—то я готова сознаться, что несправедливо предпочла вамъ этого человѣка.... О, тогда, продолжала она, съ трудомъ пода-

вляя въ груди болѣзненный вздохъ,—тогда мнѣ все-равно... Но, милостивый государь,—ваши доказательства, гдѣ же они?

— Вы сейчасъ ихъ получите, отвѣчалъ Ключниковъ: но Марья Павловна, могу-ли я надѣяться, что тогда уже не будетъ никакого препятствія съ вашей стороны?

— Я вамъ говорю, что тогда мнѣ все-равно, за кого ни выйти.... пожалуй хоть за васъ, въ награду за вашу услугу.

Господинъ Ключниковъ сдѣлалъ какую-то гримасу, въ родѣ улыбки, и вынувъ изъ бокового кармана конвертъ, подаль его Марьѣ Павловнѣ.

Она крѣпко, судорожно сжала въ своей маленькой ручкѣ поданное ей письмо, и попросила у полковника позволенія удалиться на минуту въ свою комнату.

Потомъ она возвратилась въ кабинетъ блѣдная, но спокойная, и передавая полковнику конвертъ, пригласила господина Ключникова въ столовую, гдѣ уже поданъ былъ самоваръ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ присоединился полковникъ, и вслѣдъ за тѣмъ явился и Павелъ Александровичъ.

Менторъ и его достойный ученикъ дружески пожали одинъ другому руки.

— Пожалуйста, господа, не церемоньтесь, сказалъ полковникъ, замѣтившій, что оба пріятели стараются занять мѣсто возлѣ Марьи Павловны,—садитесь гдѣ случится, за круглымъ столомъ нѣтъ почетныхъ мѣстъ.

Потомъ, обращаясь къ своему племяннику, онъ продолжалъ съ насмѣшливой улыбкой:

— Ты просилъ у меня сегодня руки Маши. Я отказалъ тебѣ, и признаюсь, поступилъ несправедливо. Я бы никогда не зналъ настоящей тебѣ цѣны, еслибъ почтеннѣйшій Петръ Прохоровичъ не помогъ моему недоумѣнію. Я ему очень, очень благодаренъ.

Павелъ Александровичъ взглянулъ на своего пріятеля съ умилениемъ. Ключниковъ засѣменилъ на своемъ стулѣ, и закрывъ вѣками подслѣповатые глаза, пробормоталъ сквозь зубы: помилуйте съ! не стоить благодарности....

— Сдѣлайте милость, продолжалъ полковникъ, подавая господину Ключникову письмо: прочтите это всѣмъ намъ въ поученіе; повѣрьте, мы будемъ слушать съ удовольствіемъ.

— Но, помилуйте, продолжалъ Ключниковъ,—мнѣ право совѣстно.... я совѣмъ не ожидалъ....

— Полноте, что за церемоніи у васъ съ пріятеlemъ. Впрочемъ, какъ вамъ угодно, если вы отказываетесь, то я и самъ могу прочесть.

И развернувъ сложенную вчетверо бумажку, которая была у него въ рукахъ, полковникъ прочелъ слѣдующее:

Любезный другъ!

Спѣшу тебя увѣдомить, что мой планъ неожиданно разстроился, и что всего досаднѣе, разстроился именно въ самую минуту, когда я считалъ дѣло почти конченнымъ. Дядюшка, съ которымъ я сегодня объяснился, отвѣчалъ мнѣ на отрѣзъ, что онъ слышать не хочетъ о моей женитьбѣ на Марьѣ Павловнѣ, и совѣтуетъ мнѣ выѣхать изъ дому, подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ пора ѣхать въ городъ, гдѣ твой братъ выхлопоталъ для меня мѣсто. Если твой неловкій братецъ дѣйствительно сослужилъ мнѣ эту службу, то пожалуйста, любезный другъ, постарайся поправить его ошибку, и уговори его написать дядюшкѣ, что мѣсто, которое онъ мнѣ выхлопоталъ, противъ ожиданія уже занято. Такимъ-образомъ я успѣю еще выиграть нѣсколько времени, что для меня очень важно. Марья Павловна употребляетъ всѣ средства, чтобъ бракъ нашъ устроился; съ моей стороны, говоря откровенно, особенной привязанности къ ней не чув-

ствую и очень радъ буду если не женюсь на этой дѣвицѣ. Впрочемъ, когда не уѣду изъ деревни, постараюсь принудить себя полюбить ее, потому то и желалъ бы отсрочить отъѣздъ; въ чемъ вѣрно ты поможешь

искренно-преданному тебѣ

II. Пучтовскому.

Какое впечатлѣніе произвело чтеніе этого письма на Павла Александровича, вообразить нетрудно. Въ эту минуту онъ ничего такъ искренно не желалъ, какъ провалиться вмѣстѣ со стуломъ, если несквозъ землю, то, по-крайней-мѣрѣ, въ нижній этажъ, гдѣ была дядюшкина кладовая и гдѣ хранился между прочимъ его дорожный костюмъ. Но стулъ крѣпко стоялъ на своемъ мѣстѣ, а самъ онъ будто приросъ къ этому гадкому стулу, и только бормоталъ себѣ подъ носъ: шпіонъ, предатель.... о, ты дорого заплатишь-ся за свои происки.

Положеніе господина Ключникова было то же довольно затруднительно, но онъ нашелся гораздо скорѣе, чѣмъ его пріятель. Лишь только полковникъ кончилъ, Ключниковъ съ достоинствомъ поднялся съ своего мѣста и сказалъ:

— Да, полковникъ, я счелъ своею обязанностію изобличить притворныя чувства. вашего племянника. Вы давно знаете мой образъ мыслей и ту нелицемѣрную преданность, которую я питаю къ вамъ и къ Марьѣ Павловнѣ. Повѣрьте, что при всей моей скромности....

— О, что вы скромны, перебилъ его полковникъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но вы, видите-ли, немножко расфѣянны и, кажется, имѣете привычку вкладывать въ одинъ конвертъ по двѣ записки. Племянникъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Павлу Александровичу, чтобы тебѣ не

остаться въ убыткѣ противъ твоего пріятеля, я совѣтую тебѣ прочесть вотъ это письмо.

Дядюшка подалъ своему племяннику лоскутокъ какой-то бумаги.

Павелъ Александровичъ взялъ его, какъ говорится, машинально, и прочелъ слѣдующее:

Любезный братецъ и благодѣтель,

Илья Прохоровичъ!

Спѣшу увѣдомить васъ, что извѣстное вамъ дѣло приближается къ благополучному окончанію: вертопрахъ, для котораго вы недавно выхлопотали мѣсто, чуть было не захватилъ въ свои руки приданнаго Марьи Павловны, но кажется, устраивается все иначе, къ моему удовольствію. Сегодня я получилъ отъ моего пріятеля записку, которую спѣшу представить на милостивое благоусмотрѣніе моей будущей невѣсты, и надѣюсь, что старанія мои увѣнчаются достожднымъ успѣхомъ: недаромъ-же я, вотъ уже третій годъ, ѣзжу каждую среду и пятницу играть съ полковникомъ въ безденежный преферансъ. Вѣдь сами вы знаете, что это скука.... скука! Благоволите, любезнѣйшій братецъ, сжечь сію записку немедленно по прочтеніи.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ имѣю честь пребыть вашимъ наипокорнѣйшимъ слугою и преданнѣйшимъ братомъ.

Петръ Ключниковъ.

Окончивъ чтеніе, Павелъ Александровичъ съ торжествующимъ видомъ обратился въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Ключниковъ. Но его уже не было въ столовой. Онъ въ это время сходилъ съ лѣстницы, и говорилъ, кусая свои блѣдныя губы: Вѣдь вотъ, подумаешь, какой случай казусный вышелъ;

братецъ-то, значить, получилъ пустой конвертъ,—пожалуй еще разсердится.... О, я дуракъ, дуракъ!

Послѣ его ухода дядюшка сказалъ своему племяннику:

— Ты можешь отправляться пожалуй хоть сегодня. Въ дорогу собраться недолго. Мѣсто, которое тебѣ выхлопотано, вѣроятно, остается за тобою. Желаю тебѣ счастливаго пути.

— Но, любезный дядюшка, прежде отъѣзда позвольте мнѣ испросить чистосердечно ваше прощеніе, что я рѣшился просить руки Марьи Павловны, прежде чѣмъ узналъ ее, позвольте испросить въ томъ прощенье и отъ Марьи Павловны. Тогда уѣду отъ васъ съ сознаниемъ, что простили мои ошибки.

Ф. ФЕДОРОВЪ.

ПОѢЗДКА НА ОСТРОВЪ ОЛЬХАНЪ.

Кто не знаетъ въ южной Сибири, по дорогѣ въ Кяхту, между высочайшими горами, озера Байкаль. Жители называютъ свое огромное озеро моремъ.

Въ то же время, въ народной фантазіи Байкаль олицетворился въ образъ капризнаго, честолюбиваго старика; его можно разсердить, озлобить невѣжливымъ словомъ, а потому въ давнопрошедшія времена возлагалось на путешественниковъ, плывущихъ черезъ Байкаль, запрещеніе: не произносить бранныхъ словъ, называть Байкаль не озеромъ, а моремъ, не измѣрять его глубины, и тому подобное. Байкаль озеро длинное, изогнутое серпомъ, по берегу простирается верстъ на тысячу, а въ ширину отъ 30 до 100 верстъ. На площади воды, столь обширной, возвышается одинъ только значительный островъ *Ольханъ*; прочіе острова лежатъ подле береговъ, и вообще малы и низки.

Изъ Иркутска лежитъ къ Байкалу три пути. По главной заморской дорогѣ считается до озера 60, по кругоморской, сухопутной, ровно 100 верстъ. Можно попасть на Байкаль и съ якутской дороги, лежащей отъ Иркутска прямо на востокъ. Проѣхавъ 30 верстъ до села Аёка, поворачиваютъ направо, и чрезъ деревни Еливку, Куяду, Тугутуй и Харать выѣзжаютъ къ Байкалу, на устьѣ рѣчки Голоустной.

На островъ Ольханъ можно попасть или водою по морю, или сухимъ путемъ съ якутской же дороги.

Иркутскіе ботаники рѣшились однажды, среди прекраснаго лѣта, посѣтить островъ Ольханъ. Никто изъ нихъ не бывалъ на этомъ островѣ, а потому все надѣялись открыть что-нибудь новенькое, неизвѣстное изъ царства прозябаемаго. Въ сопровожденіи казака, въ двухъ почтовыхъ повозкахъ отправились мы изъ Иркутска по якутской дорогѣ, переѣхали вбродъ черезъ рѣчку Ушаковку, и лихо неслись по широкой улицѣ Девичьяго-монастыря, такъ называется предмѣстье Иркутска, по-имени Знаменскаго женскаго монастыря, стоящаго на высокомъ берегу рѣки Ангары. За предмѣстьемъ дорога пошла вправо по возвышенію, покрытому березникомъ невысокимъ и нечастымъ. — Стой! закричалъ кто-то изъ передней повозки. Остановились и мы, вышли—и что же? ботаниковъ остановило необыкновенное множество растений, ярко цвѣтущихъ между кустами. Кто видѣлъ только бѣдную петербургскую и даже русскую флору, тотъ изумится сибирской, и невольно скажетъ: какая сильная растительность! Пышно цвѣли лазоревые колокольчики (*Aquilegia*) и дракоцефалы, между-ними ярко бѣлѣлись анемоны.—Прелестные розовые орхисы, густооранжевые, махровые трапѣсы ярко выказывались между синими и бѣлыми цвѣтами. Ближе къ землѣ цвѣли скромныя пироли, а еще ниже зеленѣлась аметистя, обещающая отличную синюю либо зеленую краску для фабрикъ. По упавшимъ колодамъ тянулась душистая линія барсались. Мы полуневѣжды въ ботаникѣ, привыкшіе къ петербургскимъ растеніямъ, не могли насытить любопытства, рвали съ жадностію прелестные цвѣты, и вскорѣ наполнили ими себя горсти, но ботаники настоящіе хладнокровно смотрѣли на знакомыя уже имъ давно растенія, а на насъ взглядывали съ улыбкою, будто на дѣтей, понавшихъ въ цвѣтникъ безъ надзора. Полноте задориться, говорили они намъ, пора

вхаты! Мы сѣли въ повозки, махнули во весь апоръ, и по гати переѣхали черезъ безбрежную рѣчку, образовавшую большое болото или топъ.

За этимъ болотомъ возвышается Веселая-Гора, на которую лошади стали подниматься шагомъ. Любо нестись на лихой тройкѣ по равнинѣ; скучно подниматься на той-же тройкѣ на гору. Какой-то внезапный переходъ отъ живости къ флегматизму, отъ разнообразія къ однообразію. Отъ скуки, мы принялись разсматривать собранные цвѣты, удивлялись ихъ яркости, величинѣ цвѣтовъ, и сожалѣли, почему онѣ безъ запаха, кромѣ орхиса, отъ котораго пахло слабо гіацинтомъ; вскорѣ наскучили намъ цвѣты, и мы безъ сожалѣнія выкинули ихъ изъ повозки.—Таковъ человекъ: всемъ хочетъ завладѣть, и покидаетъ то, что имѣлъ.

Когда идетъ рѣчь о горахъ сибирскихъ, тогда выкинуть должно изъ головы все русскія горы, даже знаменитую Дудоровскую,—она ушла бы въ составъ любой сибирской горы, и потерялась бы въ ней. О сибирскихъ горахъ можетъ имѣть понятіе тотъ, кто видѣлъ горы швейцарскія или кавказскія.

Мы вышли изъ повозки съ тѣмъ, чтобы пѣшкомъ подняться на веселую гору, но силъ достало у весьма немногихъ, слабые лѣзли опять въ повозки, съ тѣмъ, чтобы добрые, послушные кони помогли имъ достигнуть цели. Наконецъ мы поднялись на самую вершину горы, и все вышли изъ повозокъ. За нами внизу лежалъ городъ Иркутскъ, на краю горизонта рисовались въ отдаленіи Тункинскіе гольцы, красноватый цвѣтъ обнаруживалъ ихъ гранитный составъ, а бѣлыя площадки убѣждали, что они покрыты еще снѣгомъ, хотя до нихъ было не меньше 100 верстъ; видопись превосходная.

Въ Европѣ такое мѣстоположеніе давно бы нарисовано было, выгравировано и красовалось бы въ нашихъ комнатахъ на стѣнахъ, на посудѣ и т. п., но въ Сибири хотя и бывали рисовальщики-любители, однакожъ никто не ви-

дить сибирскихъ видописей: онѣ покоятся въ альбомахъ; издавать ихъ нѣтъ возможности, потому—что работа будетъ стоить дорого, а выручка за труды не искупитъ расходовъ. Иностранныя гравюры наводняютъ старый и новый свѣтъ, а наши путешествуютъ по большимъ городамъ Россіи, но и здѣсь дорогая цѣна отталкиваетъ покупателей. Я говорю не въ укоръ настоящему поколѣнію: времени не опередишь.—Внуки наши будутъ смѣяться надъ западною Европою, одряхлѣвшею, спискивающею пропитаніе фокусами, лонкою тѣла, шарлатанствомъ и другими средствами, которыми предаются обыкновенно народы, обдѣнѣвшіе отъ недостатка земель.

Веселая-Гора есть кряжъ Богъ знаетъ какихъ горъ, назовемъ ихъ Иркутскими; онѣ тянется отъ сѣвера на югъ и покрытъ березникомъ, слѣдовательно, имѣетъ черноземную почву, богатую урожаемъ хлѣба; но теперь нѣтъ на немъ ни одной пашни. Учоный агрономъ вздохнулъ бы, смотря на ужасную полосу неподобной земли, оставленную безъ обработанія. Что бы сдѣлали въ Европѣ изъ земли такого качества?—сказалъ бы онѣ. Но позвольте, милостивый государь, въ Европѣ нѣтъ пустопорожнихъ земель потому, что тамъ недостаетъ земли для количества народа, а въ Иркутскомъ уѣздѣ приходится жителямъ на одну квадратную милю 55 человекъ, между-тѣмъ, какъ въ Англіи на то же пространство приходится около 5,000, а во Франціи, Пруссіи и Австріи болѣе трехъ тысячъ. Могутъ ли при такомъ народонаселеніи оставаться необработанныя земли? Я люблю смотреть на сибирскую пустоту, какъ на богатый запасъ для будущихъ поколѣній, и радуюсь величію Россіи въ грядущемъ. Вирей сказалъ: Россія поглотитъ Европу; эту же мысль повторилъ и великій Наполеонъ, а ему, кажется, можно повѣрить.

Съ Веселой-Горы мы спустились къ рѣчкѣ и деревнѣ Кажлуку; тутъ опять стали подниматься на гору, съ вершины которой мы увидѣли передъ собою безконечную ра-

внину, на которой виднѣлись деревни, табуны скота и пашни; тутъ же струилась рѣка Кудѣ, небольшая и небыстрая.

Вотъ и обработанная земля! Ямщикъ нашъ разсказалъ, что внизу подъ горою деревня Кудѣ, прямо за рѣкою Хомутова, налѣво Познякава, и что ниже по рѣкѣ Кудѣ лежатъ большія деревни Гранавшина, Урикъ и Усть-Куда, все они принадлежатъ къ волости Кудинской, въ которой болѣе четырехъ тысячъ ревизскихъ душъ.

Въ Хомутовой мы перемѣнили лошадей и поскакали впередъ по равнинѣ безлѣсной, и не видали ни пашень, ни сѣнокосовъ, однакоже скотъ бродилъ тамъ-и-сямъ въ безпорядкѣ. Мы обратились къ ямщику съ вопросомъ: почему равнина, столь прекрасная, запущена безъ обработки? Нельзя, сударь, отвѣчать онѣ, здѣсь скотскій выгонъ трехъ деревень!

Скотскій выгонъ—слово неизвѣстное въ Россіи, а въ Сибири общая принадлежность городовъ и селеній. Тамъ каждый городъ имѣетъ пяти, а каждая деревня $2\frac{1}{2}$ верстную округность, единственно для подножнаго корма скота, и площадь эта окружена городьбою изъ длинныхъ жердей; городьба называется *поскѣтиною*; за нею лежатъ пашни и сѣнокосы; въ Сибири, подѣзжая къ деревнѣ, остановитесь за $2\frac{1}{2}$ версты у воротъ поскѣтины, сторожъ отворитъ ихъ. Выѣхавъ изъ деревни, опять встрѣтите поскѣтину. 1-го октября снимаютъ въ поскѣтинѣ ворота, и скотъ гуляетъ по зеленымъ озимямъ до глубокихъ снѣговъ. 1-го мая ворота навѣшиваютъ, и скотъ довольствуется однимъ только выгономъ—вотъ первая черта, характеризующая сибирскія селенія. Вторая—тамъ нѣтъ сплошныхъ домовъ, нѣтъ глухихъ темныхъ дворовъ, нѣтъ курныхъ избъ, но главное, Сибирячки необыкновенно опрятны: мало-того, что въ избѣ у нихъ полъ, стѣны, лавки, столы, косяки у оконъ вымыты до желтизны дерева, нѣтъ, у нихъ вымыты мостки во дворѣ и стѣны дома съ улицы. Последнимъ дѣломъ занимаютъ

только передъ большими праздниками, и то необыкновенныя опрятницы. Сибирячки и Малороссіянки опрятны, какъ чистые Славяне. Опрятность въ Сибири начинается съ Пермской губерніи; но если въ деревнѣ поселился хохоль, домъ его вы тотчасъ узнаете: онъ выбѣленъ известкою.

Мы перѣехали деревню Турскую, и въѣхали въ большое село Оёкъ; въ немъ болѣе 300 домовъ, изъ нихъ нѣкоторые выстроены на городской манеръ. Оёкская волость считается второю въ губерніи, по населенности; въ ней 5,000 ревизскихъ душъ. Жители промышляютъ земледѣіемъ и извозомъ. У одного изъ крестьянъ болѣе 100 десятинъ подъ пашнею, но подобныя примѣры въ Сибири не рѣдкость. Земля здѣсь черноземная, не требуетъ удобренія, и при трехпольномъ земледѣіи существуетъ въ разработкѣ болѣе ста лѣтъ. Навозъ кидается въ рывины и овраги, какъ матеріалъ ни къ чему негодный. Только малая часть его идетъ для удобренія грядъ въ огородахъ подъ огурцы и капусту. Изобиліе въ земляхъ даетъ возможность имѣть большіе огороды; не только въ деревняхъ, но даже въ городахъ при каждомъ домѣ непременно огородъ съ овощами, а потому огородничество здѣсь неизвѣстно. На рынки овощи привозятъ крестьяне. Картофель стали разводить съ половины прошедшаго столѣтія; онъ такъ распространился и пришелъ по вкусу, что составляетъ главную пищу въ посты. За картофелемъ слѣдуетъ табакъ простой или тютюнъ съ желтыми цвѣтами, выписанный бывшимъ здѣсь губернаторомъ, незабвеннымъ Кличкою. Табакъ этотъ грубъ, съ дурнымъ запахомъ и въ грядкахъ гибнетъ отъ перваго мороза, а потому Сибирячки ломаютъ его незрѣлымъ, около 15 августа, урочнаго времени для ищеевъ, или утреннихъ морозовъ. Табакъ американскій, съ розовыми цвѣтами, не боится морозовъ, но удивительно, почему не распространился между народомъ, хотя сѣмяна и были нѣсколько разъ даны крестьянамъ.

Рождается вопросъ, куда жители сбываютъ свой табакъ?

Во-первыхъ рѣдкій Сибирякъ не курить или не нюхаетъ табаку. Во-вторыхъ Тунгусы, Буряты, Якуты, словомъ, всѣ инородцы—страстные курители. Даже прекрасный полъ не уступаетъ моднымъ дѣвицамъ въ куреніи вредной травки, столь удачно располагающей къ чахоткѣ, особливо же при содѣйствіи корсета. Табакъ въ Иркутскѣ, на рынкѣ, изъ первыхъ рукъ, стоитъ иногда 5 рублей серебромъ за пудъ, а такія деньги, при дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, не бездѣлица для женщины. Въ Петербургѣ существуетъ пристрастіе къ кофе, а въ Сибирячкахъ гнѣздится склонность къ чаю, тамъ чай подаютъ гостямъ въ каждое время, днемъ и ночью. Въ укоръ хозяину говорятъ: онъ не наполнилъ даже чаемъ! Въ купеческихъ домахъ кипитъ самоваръ съ утра до глубокой ночи: одинъ пусть, подаютъ другой. Можно ли охуждать подобное обыкновеніе? Говорятъ, что теплая вода ослабляетъ желудокъ, располагаетъ къ простудѣ,—можетъ-быть, но съ другой стороны, чай отнимаетъ охоту къ пьянству, имѣетъ питательность, и зимою скоро согреваетъ. Чай имѣетъ менѣе наркотическаго свойства, нежели кофе; говорятъ, что онъ сушитъ, но если допустить въ немъ питательность, останется ли мѣсто сушенію? Народъ въ Сибири пьетъ чай съ китайскимъ леденцомъ; положивъ за щеку леденецъ, пьютъ по десятку чашекъ.

Крестьяне въ Сибири одѣваются лѣтомъ въ шинели изъ сукна своей работы; цвѣтъ его обыкновенно коричневый. На этой шинели узкій крагенъ, какъ у нашихъ плащей. Кушакъ шерстяной, своей же работы, у богатыхъ шелковый, разноцвѣтный, полосами. Ихъ ткутъ въ Иркутскѣ особенныя мастерицы, изъ китайскаго кручонаго шолка. На головѣ шляпа нижегородская, поярковая, съ широкими полями. У небогатыхъ шляпа своедѣлка, изъ овечьей шерсти; узкія поля у нея загнуты къ тульѣ. Удивительно! Точно такія же валеныя шляпы у мужиковъ бѣлорусскихъ. Неужели какой-нибудь Бѣлорусъ передалъ Сибирякамъ фа-

сонъ своихъ шляпъ. А можетъ-быть, при этомъ случаѣ подтверждается истина, что одна и та же идея, одно и то же открытіе могутъ проявляться у народовъ, раздѣленныхъ неизмѣримымъ разстояніемъ.

Лаптей Сибиряки не знаютъ, во-первыхъ потому, что въ Сибири нѣтъ липы, а во-вторыхъ, почти каждый изъ нихъ умѣетъ выдѣлывать сапожныя кожи, у каждаго есть коровы и быки, а потому Сибирякъ носитъ или чарки, родъ котовъ, или йчиги, обувь татарская, въ родъ нашихъ домашнихъ сапоговъ, только йчиги обвиваются около берца ремнями, вѣроятно для того, чтобы плотнѣе сидѣли. Чарки также привязываются къ ногъ обѣрами, или узкою шерстяною тесьмою. Чулки обыкновенно шерстяные, онучь не знаютъ. Рубашки у Сибиряковъ не всегда холщевыя, но чаще изъ дабы, синяго бумажнаго холста изъ Китая. Выше дабы стоитъ полущелковица, тоже китайская ткань изъ шолка и хлопчатой бумаги, рѣдкая, узловатая, цвѣтомъ блѣднокрасная. Наконецъ, верхъ щегольства есть рубашки изъ фанзы, шолковой китайской матеріи, похожей на лучшую тафту.

Въ домашнемъ быту видно всеобщее изобиліе. Хорошій домъ, нѣрѣдко съ чистою горницею назади, во дворѣ амбары и сарай, за домомъ большой огородъ съ овощами. У рѣдкаго нѣтъ солонины для щей лѣтомъ, у каждаго молоко и густой творогъ, яйца, картофель, рѣдка, морковь, рѣпа и капуста. Хлѣбъ всегда сѣянный сквозь частое сито. Пшеничный похожъ на петербургскій пеклеванный. Въ воскресеніе каждая хозяйка печетъ шанги или кисля ватрушки съ творогомъ, и это печенье носитъ названіе *мякихъ* въ-продолженіе цѣлой недѣли. Баба, встрѣтаясь съ другою, говоритъ: мы сегодня пекли *мякія*, тутъ разумеются *шанги*, булки и пр.

Языкъ здѣсь вологодскій, старинный, потому-что первые поселенцы пришли сюда изъ Вологды, Тотмы, Устюга и другихъ городовъ. Языкъ, ими занесенный, сохраняется до-

нынѣ, съ прибавкою мѣстныхъ словъ; вышедшія изъ употребленія слова здѣсь въ ходу и силъ; напр: слово *дивно*, значить и порядочно, и довольно много. Если спросите у Сибиряка: много ли у тебя скота? Онъ скажетъ: дивно! Это значить немало. Далеко ли до такого-то мѣста? *Дивно!* т. е. недалеко. Сколько лѣтъ прошло, какъ былъ у васъ головою такой-то? *Дивно!*—это значить нѣсколько годовъ. Слово *однако* значить здѣсь сомнѣніе; напр: Однако ты, братъ, взялъ,—значить: Чуть ли не ты, братъ, взялъ. *Ну*, значить нѣрѣдко да.

За деревнею Оёкомъ другая жизнь, нравы и физіономія. Здѣсь, на широкой степи, по теченію рѣчекъ Куду, Дзонь-Мурана, Куяды и другихъ кочуютъ Буряты, племя монгольское, поселившееся здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Китайскіе историки намекаютъ о народахъ, здѣсь обитавшихъ въ VI столѣтіи послѣ Рождества Христова. Буряты не живутъ деревнями, но улусами. Нѣсколько юртъ, разбросанныхъ однакъ на большомъ пространствѣ, составляютъ улусъ. Въ нихъ живутъ временно, напр. лѣтомъ; настала осень, и Буряты разсѣваются кому-куда любо, по зимнимъ улусамъ. Такой образъ жизни есть слѣдствіе необходимости: пастухъ гоняется за травою, и на одномъ мѣстѣ жить не можетъ.

Юрты у здѣшнихъ Бурятъ не войлочные, какъ за Байкаломъ или въ Монголіи, но бревенчатыя восьмиугольныя. Внутри посрединѣ горитъ вѣчно огонь; дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ кровль, прямо надъ огнемъ. Двери на полдень. Ни столовъ, ни стульевъ нѣтъ; Буряты сидятъ на полу, сложивъ ноги кренделемъ, и отъ нечего дѣлать курятъ табакъ. На степи между селомъ Оёкомъ и рѣкою Леною считается ихъ тысячъ до пятнадцати мужескаго пола. Окруженные Русскими, они давно переняли отъ нихъ земледѣліе, и чуть ли не превзошли въ этомъ дѣлѣ своихъ учителей. Древнее обыкновеніе наводнять искусственно луга и пашни въ большомъ употребленіи у Бурятъ. Они запру-

жаютъ какую-нибудь рѣчку фашишникомъ, и проводятъ изъ нея каналы, которые, въ свою очередь, раздробляются на множество другихъ каналовъ, и вода разливается по лугамъ и пашнямъ. Русскіе не могутъ въ этомъ дѣлѣ подражать Бурятамъ, потому-что пашни свои располагаютъ по возвышенностямъ и скатамъ горъ. За-всѣмъ-тѣмъ здѣшніе Буряты бѣдны, между ними нѣтъ такихъ богачей скотомъ, какіе есть за Байкаломъ. Многіе пустились въ спекуляціи, гоняютъ въ Иркутскъ скотъ. Другіе торгуютъ пушнымъ товаромъ по домамъ въ городѣ, Въ Иркутскѣ они появляются зимою, и квартируютъ около мясныхъ рядовъ, гдѣ бойни; тутъ за ничтожную плату получаютъ они кишки, требушину и кровь, на снѣдь. Квартиру занимаютъ самую грязную, напр. баню, избу, давно брошенную. Тутъ они располагаются для ночлега и ѣды, остальное время проводятъ въ движеніи по домамъ и рынкамъ. Зиму и лѣто ходятъ они въ шубахъ изъ овчинъ; рукава у шубы широкія, но въ кисти узкія; въ нихъ помѣщаютъ они соболей, бѣлку, лисицъ и другія шкуры. Буряты приходятъ въ домъ купца и предлагаетъ соболей; въ рукахъ у него нѣтъ ничего; но лишь вы изъявили согласіе купить, Буряты вытаскиваютъ изъ рукава соболя, другаго, третьяго и такъ далѣе; иногда мѣняютъ они свой товаръ на старое платье, мѣдный и оловянный ломъ, а деньги серебряныя покупаютъ какъ товаръ, для женскихъ украшеній и разныхъ подѣлокъ.

Буряты дома питаются преимущественно пареною рожью: насыпаютъ зеренъ въ чугунную чашу, нальютъ воды, закроютъ деревяннымъ колпакомъ и поставятъ на огонь. Когда рожь упрѣетъ, подливаютъ молока, смѣтаны, масла, что случится, и хлѣбаютъ деревянными ложками своей работы, а чаще просто рукою. Хлѣбовъ печь не умѣютъ, да и негдѣ. Муку мелютъ на русскихъ мельницахъ только для продажи.

Языкъ сильно отсталъ отъ монгольскаго, такъ что Буряты забайкальскій съ трудомъ понимаетъ иркутскаго.

Удивительно, какъ животныя умѣютъ различать Русскаго отъ Буряты. Русская лошадь не позволитъ сѣсть на себя Буряту. Когда Буряты придеть во дворъ къ Русскому, всѣ собаки залаютъ и бросатся на пришлеца, тоже бываетъ и при входѣ Русскаго въ бурятскій улусъ. Вероятно, животныя привыкаютъ къ испаринѣ своихъ хозяевъ, и чувствуютъ испарину другаго поколѣнія.

Здѣшніе Буряты не имѣютъ никакой религіи, а слѣдуютъ однимъ преданіямъ. Въ болѣзни, несчастіи, неудачѣ призываютъ шамана.—Онъ пѣніемъ, криками, возліяніями умоливаетъ или прогоняетъ духа, озлобленнаго и мстительнаго. Человѣкъ, непросвѣщенный религіей, вездѣ и всегда создавалъ духовныя существа по своимъ понятіямъ, надѣлялъ ихъ страстями, помѣщалъ на небѣ, подъ землею, словомъ, тамъ, гдѣ не бывалъ самъ, и духи эти требуютъ пищи, подарковъ, они больше злы, нежели добры, ихъ легко разсердить, но трудно умоливать. У Буряты каждое мѣсто, чѣмъ-нибудь необыкновенное, даже высокая сосна, лиственница или кедръ, стоящія гдѣ-нибудь отдѣльно, есть обиталище какого-нибудь духа. Буряты подѣзжаютъ верхомъ къ священному кедру, слѣзаетъ съ лошади, кланяется и бросаетъ какую-нибудь вещицу, даже волосы изъ гривы лошади. Подлѣ каждаго священнаго мѣста возвышается куча хламу.—Это обо или жертвенная куча. Иногда возрастаетъ она до величины копны сѣна; но до столь счастливаго возраста весьма трудно ей достигнуть: какой-нибудь русскій шалунъ мимоходомъ выкинетъ изъ трубки горящій табакъ, и на мѣстѣ обо остается одно пепелище. Буряты не заботятся объ отысканіи истребителя, и снова начинаютъ возетавливать обо, какъ муравьи свой муравейникъ. Удивительно, обо существуетъ во всемъ монгольскомъ народѣ, вы увидите его въ верховьяхъ рѣки Лены, увидите за Байкаломъ до великой-стѣны, увидите у астраханскихъ Калмы-

ковъ.—Значить, въ древности народы эти жили на пространствахъ незначительномъ, исповѣдая одну вѣру.

Равнина, занятая Бурятами, представляетъ какую-то патриархальность. Вы видите разбросанныя юрты, онѣ напоминаютъ вамъ кущи Израильскаго народа. Утромъ изъ каждой юрты струится къ небу дымокъ. Лошади, коровы и овцы наполняютъ промежутки на полѣ; въ воздухъ трепещутся жаворонки и воспѣваютъ утреннюю пѣснь Творцу. Представьте, что въ этихъ юртахъ обитаетъ беззаботность, довольствіе малымъ и здоровье. Сравните степное человечество съ жителями какой-нибудь европейской столицы напр. Парижа, и вы изумитесь алчности человѣка, покинувшего природу и предавшагося развращенію. У насъ толкуютъ о комфортѣ, а что такое онъ? удобность выполнять все привычки и прихоти развращенія. Простъ образъ жизни у Бурятъ, но Тунгусъ еще ближе его къ природѣ. Все дикіе народы удивительно честны и гостеприимны.

Подлѣ станціи Шведово-Зимовье или Усть-Ордынской, рѣчка Кудá есть уже ручеекъ, чрезъ который однакожь перезжаютъ по мосту. Она выходитъ недалеко отсюда изъ ключей. Горъ невидно, а степь въ иныхъ мѣстахъ сливается съ горизонтомъ. Это большая рѣдкость въ Восточной Сибири, покрытой горами.

До станціи Хойготъ мы ѣхали все по якутской дорогѣ. Отсюда направо лежитъ проселочный путь къ острову Ольхану. Проселочный путь—мысль непріятная; воображеніе рисуетъ все неудобства первобытныхъ путей, все лишенія, все недостатки.—Однакожь на проселочномъ пути есть станціи, есть даже селеніе, а у людей есть и пища и кровь отъ непогоды. Чего же бояться!

Лошади уже въ повозкахъ, мы съѣли. Садись! закричалъ одинъ изъ мужиковъ, стоявшихъ у воротъ. Ямщикъ прыгнулъ на козлы, ворота распахнулись, и бышенная тройка бросилась во весь опоръ. Такъ водится почти въ цѣлой Сибири. Лошади все льто ходятъ въ полѣ, отъѣдаются и ди-

чаютъ, а если и попадутся въ упряжку, то до старости сохраняютъ степныя привычки. Какъ скоро увидятъ ямщика на козлахъ, а ворота настѣжъ, бросаются со всехъ ногъ, и тогда никакая сила не удержитъ ихъ.

Въ Германіи, напр., лошадь родится и умираетъ въ конюшнѣ, и такъ привыкаетъ къ человѣку, что повинуется его голосу; выведенная на улицу, къ станціи, сама становится подлѣ дышла кареты, и спокойно ожидаетъ запряжки, управляется на бѣгу одною возжею, и не разбѣжится, не испугается ни въ какомъ случаѣ. Шагъ у нея ровенъ, какъ нѣмецкая точность. Какое сравненіе лошади нѣмецкой съ сибирскою!

Дорога шла по равнинѣ, до горы, чрезъ которую мы перевалились, и спустились къ рѣчкѣ Мánзуркѣ. Еще на горѣ замѣтили мы ожидаемую проселочность: корни, камни и рытвины. Подъ горою же присоединились къ нимъ мокретины и оводы съ комарами и мошкою. 13 верстъ терпѣли мы горе, до станціи Унгуры, и думали тамъ найти какой-нибудь обѣдъ. Но увы! станція Унгура состояла изъ одной избы и бурятской юрты. У ямщиковъ былъ хлѣбъ и солонина. Есть ли у васъ молоко, яйца? спрашивали мы.— Ни коровъ, ни куръ не держимъ, некому ходить за ними.— А есть ли вблизи селеніе? Есть, Косая-Степь, куда вы поѣдете, а до нее 40 верстъ!

Мы велѣли подать воды, и съ дорожными сухарями она составила вкусный обѣдъ. Тутъ мы убѣдились въ справедливости пословицы, что голодъ самая лучшая приправа ко всякому кушанью.

Сѣли въ повозки и, перекрестясь, пустились по сорокаверстному разстоянію. Дорога шла, что называется, съ горки на горку; настоящихъ горъ не встрѣчали. Повсюду возвышался сосновый и лиственничный лѣсъ; тетери и глухари безпрестанно слетали съ земли, испуганные нашимъ приближеніемъ; полуобнаженные корни лежали поперегъ дороги и производили въ экипажахъ несносные толчки и по-

трясенія, и каждый изъ толчковъ непостижимо ударялъ какъ-то въ мозгъ. Къ нимъ присоединились камни въ обломкахъ и круглякахъ. Кто не согласится, что при такихъ условіяхъ непріятно путешествовать.—Наконецъ возвышенія миновались, мы спустились на сырую долину, къ рѣчкѣ Адъ; тутъ сѣнокосы. Долго мы колыхались по кочкамъ, вязли въ грязи, ужъ конечно не по ступицу, а такъ себѣ, марили только колеса; наконецъ пріѣхали къ *черемховому кусту*. Это не мѣстечко, не деревня, а буквально черемховый кустъ, примѣчательный тѣмъ, что изъ-подъ него выходитъ рѣчка Бугульдѣиха, ключикомъ, вершка въ два шириною. Тѣ, которые видѣли рѣчку эту въ устьѣ при впаденіи въ Байкаль, задумались, размышляя, какъ изъ ничтожества происходятъ большія вещи. Да, рѣчка представляетъ намъ подобіе возраста человѣческаго: слабый Чингисъ-Ханъ младенецъ, возмужавъ, сдѣлался завоевателемъ вселенной. Рѣчка чѣмъ ближе къ смерти, къ уничтоженію, тѣмъ шире и глубже становится, но теряетъ быстроту и соединяется съ водами ненасытнаго чудовища океана. И человекъ тишѣетъ подъ старость и соединяется съ землею, изъ которой взять.

Рѣчка Бугульдѣиха известна всему Иркутску, потому-что передъ устьемъ ея въ Байкаль ловятъ подледныхъ омулей, вкуснѣйшихъ изъ всѣхъ сортовъ омулей байкальскихъ. Другая примѣчательность:—между устьемъ этой рѣчки съ одной и устьями рѣчки Селеньги съ другой, самое узкое мѣсто въ Байкаль; его полагаютъ нешире 30 верстъ.

Наконецъ пріѣхали мы въ Косую Степь. Деревня эта лежитъ между горами, на рѣчкѣ Бугульдѣихѣ.—На улицахъ грязь, а въ воздухѣ сырость. Деревянная церковь, десятка два, три домовъ, и все тутъ. Далѣе къ Байкалу нѣтъ русскихъ селеній, нѣтъ ихъ и по сторонамъ. Косая-Степь словно сирота на чужой сторонѣ. Трудно понять, какія выгоды привлекли сюда человека, вѣрно онъ существовали прежде, иначе не распространилось бы селеніе. Теперь хлѣбъ родится не каждый годъ хорошо, звѣриные промы-

слы неважны, только ловъ подледныхъ омулей въ Байкаль сколько-нибудь удовлетворителенъ.

Отъ Косой Степи дорога идетъ на востокъ, по горамъ, обросшимъ густымъ лѣсомъ. Здѣсь мы встрѣтили дикую козу, или по здѣшнему козулю, она лежала почему-то на дорогѣ и подпустила насъ къ себѣ довольно близко, но вдругъ вспрыгнула и бросилась въ лѣсъ. Ямщикъ на козлахъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія. Ахъ какъ бы ружье! вскричалъ онъ, а мы смотрѣли на исчезавшую между высокими соснами козу, какъ на явленіе неожиданное и занимательное. Вскорѣ мы спустились въ глубокую ложбину, по здѣшнему падь, и вдругъ насъ обдало холодомъ. Ямщикъ объяснилъ, что эта падь идетъ отъ самаго Байкала, а какъ вѣтеръ дуетъ теперь съ другой стороны моря, то и холодъ съ Байкала несетъ по пади. Отсюда дорога идетъ на сѣверъ, до станціи Еланцы. Здѣсь былъ некогда желѣзный заводъ иркутскаго купца Ланина, но давно брошенъ, такъ что теперь и признаковъ нѣтъ.—На станціи намъ подали кусочекъ минерала, это было самородное желѣзо; значить руды здѣшнія весьма богаты.

Природа совершенно перемѣнилась; вмѣсто горъ, покрытыхъ лѣсомъ, тянутся голые невысокіе хребты изъ глыбъ или плитъ кварца, полеваго шпата; иногда попадаетъ и гранитъ. Между горами тянутся узкія лощины, покрытыя скудною травою. Нѣтъ ни ручья, ни рѣчки, вездѣ голо и пустынно. Трудно сыскать въ Сибири подобное мѣстополюженіе и природу, столь тощую. Окрестности Іерусалима походятъ на здѣшнее мѣсто; недостаетъ только палящихъ жаровъ.

Отъ станціи до Степной-Думы ольханскихъ Бурятъ 30 верстъ, и природа точно таже. Кое-гдѣ виднѣются бурятскія юрты, кое-гдѣ бродитъ скотъ, вездѣ голыя, каменистыя горы. Скучно смотрѣть на бесплодную землю, такъ точно жителю тучныхъ равнинъ скучно смотрѣть на какой-нибудь Парижъ, составленный изъ камней, воздвигнутыхъ утесами,

въ пустотѣ которыхъ живутъ люди, вдыхающіе испорченный воздухъ.

Ольханскіе Буряты переселились сюда съ рѣки Лены едвали не въ XVI столѣтіи; однакожъ все они помнятъ свое происхожденіе. Въ XVII столѣтіи нашли ихъ Русскіе и обложили ясакомъ.

Скотоводство, звѣриные и рыбные промыслы поддерживаютъ ихъ бытѣ. — О хлѣбопашествѣ нечего и думать. Жилища Бурятъ разбросаны по узкимъ, сухимъ долинамъ, гдѣ юрта, гдѣ двѣ. Часть ихъ живетъ на островѣ Ольханѣ. Кое-гдѣ есть бѣднѣйшіе ключики воды; въ иныхъ мѣстахъ выкопаны глубокіе колодцы, а въ иныхъ мѣстахъ скотъ ходитъ пить изъ Байкала, верстѣ за пять. Волки каждую ночь похищаютъ скотъ, а на день прячутся между камнями такъ мастерски, что Буряты не могутъ отыскать ихъ съ собаками. Весьма удобно здѣсь овцамъ и козамъ: они лазаютъ по каменнымъ горамъ и щиплютъ питательныя для нихъ однихъ травы. Шерсть ольханскихъ овецъ считается лучшею въ цѣлой губерніи. Каждый годъ продаютъ ее на Тельминскую сукоинную фабрику до 700 пудовъ, по 2 р. 50 к. за пудъ.

Двѣнадцатый годъ продолжается здѣсь засуха, и только снѣжная вода напаяетъ землю на все лѣто. Засуха близъ моря или большаго озера дѣло невѣроятное, но здѣсь дожди бывають при вѣтрахъ сѣверо-западныхъ, югъ и востокъ всегда сухи, а здѣшняя сторона надъ вѣтромъ.

Скотъ перевелся отъ засухи; теперь у самаго богатаго Бурята лошадей до 30, столько же рогатаго скота и овецъ; у самаго богатѣйшаго штукъ до 300. Обыкновенная пища арса, т. е. осадокъ въ котлѣ послѣ гонки вина изъ молока; его сушатъ на солнцѣ и запасаютъ къ зимѣ. Для употребленія разводятъ водою и подбавивъ муки, ѣдятъ. Многіе вмѣсто чаю пьютъ сухіе листья бадьяна (*saxifraga crassifolia*).

Доятъ кобылъ, коровъ, овецъ и козъ. Все молоко безъ раз-

личія льютъ въ одну кадку, и мѣшаютъ особеннымъ инструментомъ. Опрокинутая деревянная чашка насаживается на длинный черенъ, на чашкѣ нѣсколько отверстій; взявши за черенъ чашку, погружаютъ въ молоко до самаго дна; — молоко, пробиваясь въ отверстія чашки, сильно волнуется и окисаетъ. Когда составъ достигаетъ до желанной степени кислоты, ставятъ на огонь чугунный котелъ, наполняютъ его квашенымъ молокомъ и накрываютъ деревяннымъ колпакомъ, изъ котораго идетъ изогнутая дугою деревянная труба; конецъ ея погружается въ кубикъ, стоящій въ водѣ. Когда молоко будетъ кипѣть въ котлѣ, пары изъ него спускаются по трубѣ въ кубокъ, охлаждаются, и даютъ такъ-называемый архи, а по-русски тарасунъ, напитокъ слабый, вкусъ молочно-спиртовый, пахнетъ дымомъ. Если передвонить первый взгонъ, выйдетъ водка. Буряты не пускаются вдаль и пьютъ первый взгонъ.

Степная-Дума есть домъ, въ которомъ постоянно живетъ писарь и ведетъ письменныя дѣла, и гдѣ тайша и шуленьги собираются въ важныхъ случаяхъ потолковать о дѣлахъ бощества.

Изъ Думы отправились мы верхами къ Байкалу; до него 15 верстѣ. Буряты проводникъ ѣхалъ впереди и служилъ намъ какъ бы компасомъ. Дороги нѣтъ, каждый Буряты ѣдетъ какъ ему вздумается. Природа таже, т. е. безлѣсная, каменистыя горы. Въ одной лощинѣ, покрытой изрядною травою, мы увидѣли множество чаекъ, расхаживающихъ по травѣ, съ опущенными внизъ головами. До моря оставалось верстѣ десять; зачѣмъ залетѣли такъ далеко отъ воды чайки, и съ какой стати ходитъ имъ по землѣ покрытой травою? Буряты разрѣшили наше недоумѣніе. Чаекъ привлекаетъ сюда кобылка, большое насекомое въ родѣ саранчи; она питается травою и прыгаетъ далеко, но летать не можетъ, чирикаетъ какъ сверчокъ, и цвѣтомъ бываетъ оранжевая, зеленая и разноцвѣтная. Чайки ловятъ ихъ и цѣликомъ глотаютъ: вѣрно кобылка вкуснѣе рыбы!

Мы въехали все черезъ отроги невысокихъ горъ; по сторонамъ горы, вдали горы, такъ что ни малѣйшихъ признаковъ моря не было въ виду. Вдругъ мы остановились на краю утеса; внизу волновался проливъ, а за нимъ возвышался гористый островъ Ольханъ, цѣль нашего путешествія. Какъ исковеркана здѣсь природа! На матерой землѣ горные мысы выдаются въ море и образуютъ заливы, тоже самое и на островѣ Ольханъ, который есть видимое продолженіе матерой земли. Вода изъ моря какъ бы вторгнулась и заняла низкія мѣста. Проливъ въ воротахъ болѣе двухъ верстъ шириною, далѣе онъ расширяется. Долго мы смотрѣли съ высокихъ горныхъ мысовъ, то на волнующійся проливъ, то на гористый Ольханъ. Ни одной живой души не было на островѣ, онъ какъ неприступная пустыня возвышался передъ нами, и горы его волновались одна изъ-за другой; ни одна изъ нихъ не спускалась однакожь въ море стѣною или утесомъ, но всегда крутою розсыпью, означавшею разрушеніе горно-каменныхъ породъ. На отдаленныхъ горахъ примѣтенъ лѣсъ, чего нѣтъ на матерой землѣ.

Мы спустились внизъ на берегъ моря, и нашли тамъ лодку, а въ ней Бурята гребца. Въ водѣ плавали какіе-то шары грязно-зеленаго цвѣта. Мы доставали ихъ руками, и не могли понять, что это за вещество. Шарикъ величиною былъ менѣе куриного яйца, совершенно круглый, разрѣзанный пополамъ представлялъ въ срединѣ ядро; мы заключили что это моллюскъ, никѣмъ неописанный, а слѣдовательно неизвѣстный.

Надобно было переправляться на другую сторону пролива. Буряты размахнули веслами; на кормѣ никого не было. Вода въ Байкалѣ прозрачна какъ хрусталь, мы смотрѣли въ глубину, и видѣли какіе огромные камни на днѣ моря и какъ они безпорядочно взгромождены одинъ на другой. Наконецъ глубина увеличилась и дно исчезло. Проливъ волновался порядочно, лодка сильно качалась, а Буряты гребъ безъ всякой сноровки. Мы немножко призадумались. Нача-

ли совѣтовать ему держать въ разрѣзъ волнамъ, оказалось, что Буряты не понимаютъ русскаго языка. Хорошо, что казакъ бывшій при насъ говорилъ кое-какъ по-монгольски и облегчилъ наши объясненія. Каждый изъ насъ хотѣлъ править кормою, но весла не было, не было даже шеста. Буряты худые мореплаватели; лодка у нихъ русская и приобрѣтена не позже, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Перевозчикъ избранъ цѣлымъ обществомъ изъ самыхъ смѣлѣйшихъ и отважнѣйшихъ.—Вода и море не въ характеръ Буряты; со времени глубокой древности они принадлежатъ къ народамъ степнымъ.—Имъ даже лѣсъ не по вкусу: монгольская степная лошадь ни за что не пойдетъ въ лѣсъ; она боится каждаго дерева, куста сколько-нибудь значительнаго.

Наконецъ мы переправились на островъ Ольханъ, и по узкой ложбинѣ, между каменистыми горами, пошли пѣшкомъ къ ближайшему бурятскому улусу, гдѣ и остановились на ночлегъ.

Островъ Ольханъ въ длину простирается верстъ на сто, а въ ширину верстъ на пятьдесятъ. Отъ матерого берега лежитъ въ двухъ верстахъ, а мѣстами далѣе. Онъ весь покрытъ горами, которыя возвышаются по мѣрѣ приближенія къ южному берегу. Бѣольшая часть этихъ горъ покрыта лѣсомъ, лиственничнымъ и сосновымъ. На немъ нѣтъ значительныхъ рѣчекъ, но кое-гдѣ текутъ ключики. Ясное доказательство, что горы здѣшнія состоятъ не изъ гранита, который тянетъ изъ воздуха влагу, и пропустивъ ее сквозь волосяныя свои трубочки, выпускаетъ уже водою. Ольханъ слово монгольское, значитъ *сухой*,—названіе совершенно характеристическое. На немъ обитаетъ два рода ольханскихъ Буряты, чрезвычайно разсѣянно, по узкимъ ложбинамъ. Иногда подобная ложбина тянется между двумя перпендикулярными утесами, какъ бы между двумя стѣнами. Живущіе вдали отъ береговъ копаютъ колодцы для пойма скота. Здѣшніе Буряты необыкновенно дики; между ними най-

дется много такихъ, которые не бывали на матерой землѣ, не видали Русскихъ. Скотоводство, звѣриные и рыбные промыслы даютъ небогатое содержаніе, о земледѣліи нечего и думать.—Многіе изъ Бурятъ зимою переходятъ по льду со всѣмъ имуществомъ, и поселяются на другомъ берегу Байкала, гдѣ кочуютъ сородцы ихъ, Буряты кударинскіе.

Восточный конецъ острова оканчивается рядомъ камней, высоко-поднимающихся изъ воды, наподобіе столбовъ. Само-собою разумѣется, что Буряты поселили здѣсь духа и при случаѣ клянутся этимъ камнемъ.

Здѣсь Буряту нѣтъ возможности приготовить на зиму сѣна, а потому и покупаютъ его на другой сторонѣ Байкала, у Бурятъ кударинскихъ.

Рыбу омулѣй промышляютъ подо льдомъ неводами съ 1-й недѣли великаго-поста до мая мѣсяца, когда Байкаль разбивается вѣтрами. Рыбу отвозятъ въ Иркутскъ, для продажи. Недавно стали отпрапляться на верхнюю Ангару, артелями человекъ по 10 и по 20, ловить омулѣй. Нѣкоторые нанимаются у крестьянъ косить сѣно, для чего нужно проѣхать верстъ 80 до русскихъ жилищъ.

Островъ Ольханъ съ противоположащаго берега, отъ Туркинскихъ горячихъ водъ, представляется громадою высокихъ горъ, неутесистыхъ однакожъ, но довольно отлогихъ; видны и камни на верхней или восточной изголови, торчащіе изъ воды. Ольханъ видѣнъ и съ водянаго пути отъ листовичной станціи къ Посольскому Монастырю, на ту сторону Байкала. Тутъ примѣтно даже его отдѣленіе отъ матерой земли.

Русскіе узнали островъ Ольханъ въ 1643 году. Казачій пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ отправленъ былъ изъ Якутска съ 75-ю человекъ, по большей части промышленниковъ, къ Байкалу. Онъ шелъ по рѣкѣ Ленѣ вверхъ, до крайней возможности.—Отъ кочевавшихъ Бурятъ узналъ онъ о морѣ Байкаль, нашелъ его, и увидѣвъ большой островъ Ольханъ, переправился на него на плотахъ, нашелъ Бу-

рятъ, разбилъ ихъ въ первомъ сраженіи, и обложилъ ясакомъ. Бурятъ было тогда болѣе тысячи душъ, но Ивановъ не разсудилъ строить на Ольханѣ острогъ; даже не было поставлено зимовье, вѣроятно потому, что не нашли удобнаго мѣста. Это покореніе ольханскихъ Бурятъ было первое и послѣднее,—по-крайней-мѣрѣ въ архивахъ нѣтъ свидѣтельствъ о другихъ предпріятіяхъ противъ Ольханцовъ.

У Бурятъ забайкальскихъ есть преданіе, что на одной высочайшей горѣ острова Ольхана стоитъ большой таганъ, принадлежащій Чингисъ-Хану, а какъ онъ попалъ туда, никто не берется объяснить. Чингисъ-Ханъ не бывалъ даже на берегахъ Байкала, а объ островѣ Ольханѣ даже не слышалъ, будучи занятъ войною съ сильнѣйшими народами. Для Бурятъ все отдаленное, невѣдомое носитъ печать таинственности и населяется чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ.

Мы провели на островѣ Ольханѣ цѣлыя сутки, вздрили верхомъ по узкимъ ложбинамъ, поднимались на горы, спрашивали Бурятъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, но получили отвѣты неудовлетворительные, во-первыхъ потому, что имѣли плохаго переводчика, а главное Буряты не понимали нашихъ вопросовъ,—понятія ихъ весьма ограничены. Ботаники мало нашли любопытнаго на Ольханѣ; одна только трава измоденъ (*Baltaa lunata*) удовлетворила ихъ. Травка эта растетъ и на матерой землѣ. Она выбираетъ возвышенныя равнины, а пересаженная въ огородъ засыхаетъ. Измоденъ походитъ на ерань, такіе же многоразрѣзные, толстые, мохнатые листы, такіе же блѣдо-желтоватыя цвѣты, только нѣтъ запаха. Травка эта, лѣтъ 20 назадъ сильно вошла въ употребленіе, какъ единственное средство отъ водяной болѣзни, потомъ брошена; теперь Германія опять принялась за измоденъ и выписываетъ изъ Сибири сѣмяна этой травы.

Мы сѣли въ лодку; въ воздухъ совершенная тишина, что большая рѣдкость на Байкалѣ, солнце склонилось къ западу, и лучи его скользили по гладкой поверхности моря.

Только изрѣдка появлялась рябь на водѣ полосами и чрезъ нѣсколько минутъ исчезала. Воздухъ въ глубокихъ стремнинахъ, примыкающихъ къ озеру, безпрестанно измѣняется въ температурѣ отъ солнечныхъ лучей, и нарушившееся равновѣсіе обнаруживается теченіемъ холода, падаетъ на воду и производитъ легкую рябь.

Намъ захотѣлось полюбоваться живописными пустынными берегами Байкала; пустились вдоль подлѣ берега, и были удовлетворены сверхъ ожиданія: — на мысь, выдававшаяся въ море, мы замѣтили какъ бы движущихся людей и скоть. Обратились съ вопросомъ къ нашему гребцу. — Онъ посмотрѣлъ и тотчасъ отвѣчалъ: Тунгусы. Тунгусы! закричали мы, гребите сильнѣе и приваливай къ нимъ. Тунгусы были отъ насъ почти въ верствѣ. Мы боялись, чтобъ они, увидя насъ, не откочевали, а всемъ намъ хотѣлось видѣть Тунгусовъ, лѣсныхъ обитателей, почти дикихъ, питающихся мясомъ добытыхъ звѣрей. — Тунгусъ рѣдкость въ Сибири, не каждому приведется видѣть его. Они бродятъ въ горахъ и рѣдко приближаются къ русскимъ селеніямъ.

Наконецъ мы доплыли до Тунгусовъ и вышли на землю. При устьѣ рѣчки стояли двѣ берестяныя юрты, около которыхъ бродили олени. Тунгусы стояли подлѣ юртъ и глядѣли на насъ безъ робости, безъ свирѣпости, но спокойно—равнодушно.

Здорово! сказали мы имъ. *Дорово!* отвѣчалъ одинъ Тунгусъ. — Что вы здѣсь дѣлаете? Отвѣтъ былъ на тунгузскомъ языкѣ, котораго никто не понималъ. — Тунгусъ, примѣтивъ наше незнаніе, заговорилъ по-бурятски; тогда, при помощи бурята гребца и нашего казака, мы поняли, что тунгусы пришли на берегъ Байкала для рыбной ловли. Какъ же вы ловите рыбу? спросили мы. — Сѣтями отвѣчалъ Тунгусъ. Нужда первая учительница. Тунгусы плетутъ сѣти изъ тонкихъ оленьихъ жилъ, которыя сучатъ какъ нитки; иногда для сѣтей покупаютъ они нитки у Русскихъ, разумѣется мѣною на шкурки бѣлокъ, лисицъ и т. п. Рыба изъ моря идетъ

въ каждую рѣчку; Тунгусы погружаютъ свою сѣть въ самый устьѣ, и вынимаютъ ее за концы, какъ заборъ, вверхъ по рѣчкѣ. Иногда попадетъ пары двѣ сига, харюзовъ, окуней и т. п.; иногда ровно ничего.

Бѣтъ нечего, Тунгуска беретъ желѣзный совокъ, идетъ по берегу, или поднимается на гору, и выкапываетъ луковицы сарины, корни полигонумъ, піоновъ и т. п., — все это обмоетъ, положитъ въ котелъ, нальетъ воды и кипятитъ. Корни увариваются, Тунгуска растираетъ ихъ чумичкою и дѣлаетъ родъ каши, прибавляетъ оленьяго молока, и вся семья сыта. — Природа вездѣ готова удовлетворять первыя наши потребности, на каждомъ шагу для насъ пища. — Вольно жъ было намъ удалиться отъ нея?

А какъ простъ домъ Тунгуса, какъ легко и скоро построить его. Тунгусъ останавливается на избранномъ мѣстѣ и тотчасъ срубаетъ десятокъ шестовъ, связавъ ихъ вверху веревкою изъ витой березы или ивы, расширяетъ нижніе концы и ставитъ на землю; выходитъ конусъ. Его одѣваетъ онъ оленьими кожами, или берестою, наверху оставляетъ отверстіе; домъ готовъ; внутри посрединѣ вбиваетъ въ землю три камня, ставитъ на нихъ котелъ, подъ которымъ разводитъ огонь, — кухня готова.

Мы заглянули въ юрту, тамъ валялось нѣсколько звѣринныхъ шкуръ, на которыхъ сидѣла Тунгуска и кормила грудью ребенка; тутъ же стояли кожаныя сумы, сдѣланныя наподобіе ящичковъ. Тутъ все имущество Тунгуса. Два ящика соединены широкимъ ремнемъ, и когда нужно перекочевать, ихъ кладутъ на спину оленя.

Одежда на Тунгусахъ была русская крестьянская, а на Тунгускѣ что-то бурятское.

— Долго ли вы здѣсь простои́те? спросили мы.

— Покуда будет попадаться рыба, а тамъ пойдёмъ къ другой рѣчкѣ. Бабы станутъ ловить рыбу, а мы съ ружьями пойдёмъ въ лѣсъ. Богъ дастъ что-нибудь.

— Неужели вы довольны образомъ вашей бродячей жизни? Вы терпите голодъ, холодъ, снѣги, дожди, вѣтры, а Русской, смотрите, живетъ въ теплой избѣ и не боится непогоды; у него скотъ, пашня, хозяйство.

— Тунгусъ веселъ, соскучилось — онъ идетъ на другое мѣсто; не знаетъ трудовъ, ему Богъ даетъ все, онъ не запасаетъ ни пищи, ни дровъ, у него все готово на каждомъ шагу. — Въ лѣсу звѣри и птицы, въ водѣ рыба, а въ землѣ коренья. Мы привыкли къ этой жизни, а въ русской избѣ жарко, душно, мы умремъ.

— А зимою, въ трескучіе морозы, во-время сильныхъ вѣтровъ, юрта не защититъ васъ.

— Зимою мы становимся въ густомъ лѣсу, гдѣ нѣтъ вѣтра, покрываемъ нашу юрту двумя рядами кожъ, разводимъ большой огонь, а спать ложимся подъ шкуры; лишь бы нашлось что поѣсть, а морозы сытому бездѣлица.

— Ну, а случается, напримѣръ, ничего не ѣсть сутки двой, трой?

— Рѣдко, не каждый годъ. Тунгусъ терпитъ голодъ три сутки, а когда Богъ ничего не дастъ на четвертыя, тогда колемъ оленя. Эта бѣда случается зимою. Море замерзло, въ лѣсахъ глубокіе снѣга, не поднимаютъ человѣка на лыжахъ; тогда мы подкочевываемъ къ русскимъ деревнямъ и беремъ съѣстное въ долгъ, подъ бѣлку, подъ лисицу.

— Бываетъ ли вамъ когда скучно?

— Бываетъ, когда ѣсть нечего!

Мы слушали Тунгуса съ удивленіемъ и раздѣлились на партіи—одна половина ободряла его философію, другая отвергала. Вообще не нравилась она всемъ любившимъ поѣсть, попить и пороскошничать. У насъ былъ порядочный запасъ булокъ, чаю и сахару; мы наградили Тунгусовъ этимъ лакомствомъ. Въ простотѣ сердца, они не только не благодарили насъ, но видя нашу щедрость, попросили курительнаго табаку. Мы дали сколько могли, и Тунгусы тутъ же закурили изъ своихъ деревянныхъ трубокъ. Дымъ поглощали весь, и когда начинали говорить, онъ валилъ у нихъ изо рта и ноздрей, какъ изъ трубокъ.

— Каковъ нашъ табакъ?

— Хорошъ, только слабъ, совсѣмъ не забираетъ, будто сѣно; мы куримъ черкасской, и на половину прибавляемъ къ нему крошеной пихтовой коры.

Тунгуска, доселѣ скрывавшаяся въ юртѣ, почувствовала табачный запахъ, вышла изъ дверей и смиренно прижалась къ юртѣ. Мы удѣлили и ей частицу табаку. Не теряя времени, она вынула откуда-то свою трубку и тотчасъ закурила. Такъ не одинъ же наши дамы и дѣвицы любятъ курить табакъ. Дикарки не уступаютъ имъ въ этой забавной модѣ. Надобно согласиться, что табакъ перешелъ къ образованнымъ европейцамъ отъ дикихъ Американцевъ, следовательно, наши дамы и дѣвицы подражаютъ дикаркамъ. Удивительно, какъ могло распространиться употребленіе этой вредной травы, которая съ перваго разу производитъ тошноту и рвоту!

Въ любопытномъ разговорѣ съ Тунгусами, мы не примѣтили, что солнце закатилось, насталъ вечеръ. Мы не разсудили плыть обратно, а рѣшились почевать на берегу рѣчки. Казака нашъ срубилъ два кола съ развилками наверху, вбилъ ихъ въ землю на сажень разстоянія одинъ

отъ другаго, положилъ въ развилины перекладину, потомъ нарубилъ вѣтвей и покрылъ ими сѣверный бокъ; одинъ конецъ лежалъ на землѣ, другой на перекладинѣ. Вышелъ наметъ; передъ нимъ развели огонь. Мы напильсь чаю и, завернувшись въ шинели, легли подъ наметъ. Правда, что съ моря дышалъ холодъ, но огонь не допускалъ его до насъ. Вскорѣ мы уснули крѣпкимъ сномъ, и когда пробудились, солнце было высоко. Теперь только мы замѣтили, что весла отъ нашей лодки лежали у насъ въ головахъ. Это для чего? спросили мы у казака.

— Для того, отвѣчалъ онъ, чтобы гребецъ нашъ Бурятъ не уплылъ одинъ назадъ, когда мы спали.

— Да какъ онъ смѣетъ покинуть насъ здѣсь однихъ?

— У нихъ свои понятія; наскучило—онъ идетъ домой, не заботясь о другомъ.

Все наше имущество и съѣстные припасы были съ нами; возвращаться назадъ въ Степную Думу было не зачѣмъ. Одинъ изъ насъ подалъ мнѣніе: не лучше ли будетъ плыть въ Иркутскъ водою, сперва подлѣ берега Байкала, а потомъ рѣкою Ангарою. Мнѣніе это было одобрено всѣми. Плыть хорошо, только на чемъ? Ольханскую лодку нельзя было угнать въ Иркутскъ, откуда она возвратилась бы мѣсяца черезъ два, и Буряты, остались бы безъ перевоза. Казакъ разрышилъ наше недоумѣніе.—Отсюда, говорилъ онъ, верстъ 30 до устья рѣчки Бугульдейхи. Если море будетъ такъ же тихо, какъ было вчера и теперь, мы къ вечеру приплывемъ къ устью рѣчки, а тамъ непременно есть русскіе рыбаки, они два или три раза въ недѣлю плаваютъ съ рыбою въ Иркутскъ, и вотъ вамъ попутчики. Только надобно уговорить нашего гребца Бурята, дайте ему пятирублевую ассигнацію и дѣло будетъ слажено.

Бурятъ недолго сопротивлялся; пятирублевая произвела на лицъ его улыбку.—Только дайте же мнѣ записку, что вы заставили меня плыть до рѣчки Бугульдейхи, а то въ Степной Думѣ не повѣрятъ мнѣ.

Мы напильсь чаю, простились съ Тунгусами и поплыли на гребляхъ по Байкалу, въ полуверстѣ отъ берега.—Природа пустынна и дика, весь берегъ состоитъ какъ бы изъ одной сплошной горы, разрѣзанной мѣстами глубокими стремнинами, или, по здѣшнему, падами, на днѣ которыхъ непременно текла рѣчка или ключъ. Въ иныхъ мѣстахъ горы спускаются прямо утесами въ море, въ иныхъ мѣстахъ есть отлогіе, узкіе берега. Съ часъ мы сидѣли въ лодкѣ, сдѣлалось скучно: вода и гора все одно и то же. Мы велѣли привалить къ берегу и пошли пѣшкомъ; кто ботанизировалъ, кто поднималъ камушки съ берегу.—Между ними находили мы нефриты зеленоватые и черные. Но всего занимательнѣе была бодяга (*spangia baikalensis*.) Она походила на вѣтвистый кораллъ, но состояла изъ ноздреватаго сѣрожелтаго вещества. На глубинѣ пяти сажень видно, какъ растетъ она на днѣ моря, по большимъ камнямъ.—Волнами отрываетъ ее и выкидываетъ на берегъ.

Въ полдень мы остановились, вскипятили чайникъ, напильсь чаю и растянулись въ лодкѣ какъ мертвые, и когда проснулись, устье рѣчки Бугульдейхи было у насъ въ виду. Какое счастье! мы нашли здѣсь рыбаковъ, которые съ лодками, полными харицовъ и сига, отправлялись завтра поутру въ Иркутскъ. На завтра мы встали до восхожденія солнца; дулъ баргузинъ, вѣтеръ намъ попутный, сѣли въ двѣ лодки, подняли парусъ, и маршъ впередъ. Въ иныхъ мѣстахъ мы шли въ полуверстѣ отъ берега, въ другихъ далѣе, если впереди былъ какой-нибудь мысъ. Качка была самая ничтожная, и никто изъ насъ не почувствовалъ морской болѣзни. У станціи Голоустной видна широкая равнина, горы удалились отъ рѣчки и морскаго бе-

рега; въ 19 верстахъ отсюда стоять на берегу пустынная станція Кадильная; она содержится только зимою, когда путь черезъ Байкаль лежитъ по льду. Мы не плыли, а летѣли. — Часа черезъ три зачернѣль вдали мысъ Листвяничный; мы его обогнули, увидѣли на берегу станціонный докъ и этапъ для препровожденія арестантовъ. Отсюда увидѣли истокъ Ангары. Море какъ бы раздѣлилось на два пролива: правой пошелъ въ Ангару, а лѣвой въ Култукъ или югозападное окончаніе Байкала; высокій горный мысъ стоять какъ неприступная твердыня и раздѣляетъ воды на два отдѣленія. Налѣво, на другой сторонѣ моря, видны горы, покрытыя снѣгомъ, онѣ возвышаются недалеко отъ устья рѣчки Снѣжной. Среди лѣта снѣгъ не стаиваетъ, но садится и темнѣетъ.

Отъ Листвяничной станціи мы вышли изъ вѣтра и должны были плыть на гребляхъ. Вскорѣ оказалось теченіе моря въ Ангару, и это называется по сибирски поносомъ, отъ слова нанесло. Болѣзнь же поносъ называютъ Сибиряки мутомъ. Быстрина увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ истоку рѣки Ангары. Вдругъ мы увидѣли порогъ; гряда камней, высунувшаяся изъ воды, стлалась отъ одного берега до другаго. Рыбаки держали нашу лодку ближе къ правому берегу; тутъ въ порогъ есть ворота, называемыя Береговыми, глубина въ нихъ полтора аршина. Далѣе въ Ангару есть другія ворота; ихъ зовутъ Ангарскими; глубина болѣе двухъ аршинъ. Почти посрединѣ порога возвышается изъ воды огромный камень конусомъ. Его называютъ шаманскимъ камнемъ, какъ и все необыкновенное. Бакланы избрали его мѣстомъ отдохновенія и окрасили въ бѣлый цвѣтъ.

Едва мы приблизились къ воротамъ и кормовой прочиталъ молитву, какъ вдругъ насъ промахнуло черезъ порогъ, такъ что едва успѣли мы рассмотреть камни, лежащія подъ водою, на днѣ и по сторонамъ. Трудно представить что-нибудь быстрѣе Ангары ниже порога, трудно представить силу,

которая могла бы остановить стремленіе воды. Ангара здѣсь шириною двѣ версты, и двухъверстная масса воды рвется черезъ камни, даваемая сзади цѣлымъ озеромъ. Въ Америкѣ рѣка Орекоко течетъ въ моръ около 30 верствъ, быстрота необыкновенная, но еслибы Ангара изъ пороговъ падала въ море, теченіе ея видно было бы верствъ на 50.

Не успѣли мы освободиться отъ страха, какъ лодки наши повернули къ берегу и остановились у Никольской-пристани, гдѣ возвышается деревянная церковь. Эта пристань есть заливъ рѣки Ангары; теченіе въ немъ очень умѣренное. Ни въ какіе морозы не замерзаетъ здѣсь Ангара, однакожъ въ народѣ сохраняется преданіе, что годовъ сто назадъ, ледъ рѣки Ангары, сомкнулся съ байкальскимъ. Этому повѣрить трудно, потому-что въ продолженіе ста лѣтъ непременно повторилось бы подобное явленіе. Теперь Ангара не замерзаетъ верствъ на 20 до Байкала, и служитъ убѣжищемъ запоздавшимъ уткамъ. Говорятъ, что зимою утка, изнуренная плаваніемъ по быстрѣйшей рѣкѣ, выходитъ на ледъ, чтобъ отдохнуть, и примерзаетъ лапками.

Ангара—слово монгольское, значить щель, трещина. Въ-самомъ-дѣлѣ, горы какъ бы треснули въ томъ мѣстѣ, гдѣ выходитъ изъ Байкала Ангара, и слѣды этой трещины видны въ подводныхъ камняхъ. Слово Ангара есть въ языкахъ манжурскомъ и якутскомъ.

Изъ Никольской-пристани пустились мы внизъ по Ангарѣ; быстрота ужасная, лодка наша колыбалась какъ бы отъ волнъ; по правому берегу тянули бичевою судно.—Работники падали на колѣна отъ усилій, а судно едва, едва подавалось впередъ.

Берега Ангары худо населены. На разстояніи 60 верствъ до Иркутска, мы видѣли на правой сторонѣ только четыре деревни; въ одной изъ нихъ деревянная церковь; на лѣвой

же двѣ деревушки безъ церквей. Лѣвой берегъ гористъ и неудобенъ къ населенію, зато горы эти покрыты дремучимъ лѣсомъ, который легко плавить въ Иркутскъ. 60 верстъ мы пролетѣли въ 5 часовъ: теперь судите какова быстрина рѣки. Говорятъ, что на этомъ пространствѣ Ангара имѣетъ паденія 60 сажень.—Мало! судя по быстринѣ; что значить сажень склопенія на одной верствѣ! ее не почувствуетъ даже вода и останется въ спокойномъ состояніи.

Иркутскъ показался намъ великолѣпнымъ городомъ послѣ пустоты, къ которой присмотрѣлись наши глаза.

Н. ЩУКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ФРАСКАТАНА.

(Сцены изъ жизни Римлянъ.)

ПОВѢСТЬ ПОЛЯ-ДЕ-МЮССЕ.

И.

Сицилиецъ отъ природы восторженъ, Неаполитанецъ комедіантъ, а еслибы необходимо было охарактеризовать однимъ словомъ Римлянина, я бы охотно сказалъ, что онъ отъ природы—ораторъ. Въ цѣломъ свѣтѣ ни въ одномъ городѣ народъ такъ не владѣетъ своимъ языкомъ, какъ въ Римѣ. Краснорѣчіе и сила выраженія столь общенародны въ этой странѣ, что они тамъ нипочемъ. Въ разговорѣ госпожи и въ нарѣчій ея камеристки нѣтъ большой разницы. Факкино (уличный носильщикъ) выражается подобно человѣку хорошаго общества; чи-

чероне во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ этого названія, и показывая вамъ знаменитости вѣчнаго города, изъясняется цвѣтистымъ слогомъ и выраженіями, достойными поэта; даже нищій вопрошаетъ вашу благотворительность словами, которыя напоминаютъ вамъ Велизарія, — дотого строгость и величіе отличаютъ характеръ Римлянъ!

Всякая крайность вызываетъ противоположную крайность. Чѣмъ болѣе Римлянинъ кажется серьезнымъ и величавымъ въ обыкновенной, ежедневной своей жизни, тѣмъ болѣе онъ веселъ и забавенъ въ нѣкоторые, особенные дни года. Забавы карнавала доходятъ до безумія, и во вторникъ этой недѣли, когда толпа наводняетъ улицы Рима, чтобы лакомиться своими *tossoli* и *confetti*, вы приняли бы Римъ за населеніе весельчаковъ.

Въ послѣдній годъ правленія Папы Григорія, 18 октября, въ день св. Луки, десять или двѣнадцать молодыхъ людей собрались въ одной изъ комнатъ *café у Corso*. По ихъ одушевленнымъ лицамъ видно было, что они приняли твердое намѣреніе повеселиться какъ нельзя болѣе въ этотъ день. Передъ ними въ почтительномъ ожиданіи, молча, стояли многіе *facchini*, для исполненія приказаній господъ. На столѣ были разставлены многіе рога, которые въ Неаполѣ считаются эмблемой изобилія и счастья. Эти эмблемы были различной величины, однѣ совершенно маленькія изъ агата или коралла, другія изъ раковинъ или изъ слоновой кости; самыя большія составляли настоящіе бычачьи рога, отдѣланные и украшенные какъ-будто предметы роскоши. Одинъ изъ молодыхъ людей писалъ списокъ лицъ, которымъ предназначались эти почетные сюрпризы. При каждомъ имени молодые люди разсуждали и потомъ выбирали изъ подарковъ тотъ, который по своему достоинству и величинѣ, казалось, соотвѣтствовалъ состоянію даримаго, — вообще, повидимому, они строго хотѣли соблюсти возможное безпристрастіе въ распредѣленіи подарковъ. Иногда мнѣнія молодыхъ людей раздѣлялись. Иной человѣкъ, который въ прошедшемъ году имѣлъ права на значительный подарокъ, казался теперь несовсѣмъ достойнымъ того украшенія. Справлялись съ хроникой изустной и анекдотами, и когда наконецъ соглашались всѣ насчетъ кого-нибудь изъ вписанныхъ въ реестръ, — живой и звонкій смѣхъ

оглашалъ комнату веселостью, любезною и чистосердечною. *Факкины* укладывали подарки въ футляры, и желая показать, что можно положиться на ихъ память и разсудокъ, повторяли безъ ошибки и безъ замѣшательства имена и адреса лицъ, которымъ они должны были вручить подарки.

— Помните ли вы хорошо данныя вамъ приказанія? спросилъ ихъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Синьоръ, отвѣчалъ старшій изъ *факкиновъ*, мы лишились бы своихъ заработковъ, еслибъ не умѣли выполнять данныхъ намъ порученій. Положитесь на нашу опытность. Начнемъ мы съ маленькаго комплимента, самаго лестнаго, какой только можемъ придумать. Мы скажемъ, представляя подарокъ, что это приношеніе въ знакъ симпатіи и дружества отъ компаніи весельчаковъ; въ ней все молодые люди. Мы прибавимъ, что всѣ они соберутся сегодня же у Папа-Джуліо, показавъ эмблему своего украшенія; послѣ этого мы удалимся, пожелавъ всѣмъ подобной же чести въ будущемъ году....

Факкины взяли корзины на головы, и вышли торжественнымъ шагомъ. За стѣнами Рима, между воротами и мостомъ *Molle*, есть любимое мѣсто гулянья, называемое *Papa-Giulio*; здѣсь же выстроено большое *café*. Здѣсь въ пять часовъ былъ накрытъ огромный столъ. Сюда-то были приглашены всѣ получившіе подарки. Ни одинъ изъ приглашенныхъ, не опоздалъ къ назначенному сроку, — всѣ собрались. Тотъ, который получилъ наиважнѣйшій подарокъ, занялъ и самое почетное мѣсто. Ъли много и съ большимъ аппетитомъ, пили вино изъ *Orbiemto*, но умѣренно, такъ что вино нисколько не прибавило веселости пикнику; сдѣлали тостъ (*brindisi*) за здоровье всѣхъ, и веселые крики далеко были слышны. Нѣсколько пѣсенъ, приличныхъ случаю, дополнили десертъ; затѣмъ весельчаки встали изъ-за стола, закурили сигары, и вышли въ общій салонъ.

Въ общемъ салонѣ, молодой человѣкъ, съ пріятной физиономіей, платилъ за карту своего обѣда. Вошедшіе окружили его.

— Эге! вскричалъ занимавшій почетное мѣсто: это любезный Эмиліо! Какими судьбами обѣдаете вы сегодня въ трактирѣ? Семейство мое въ Фраскати, отвѣчалъ Эмиліо.

— Господа, отладимъ почтеніе примѣрному счастью нашего друга!

Въ углу залы послышался насмѣшливый хохотъ.

— О! сказалъ почетный весельчакъ, вотъ дерзновенный! Обратимъ къ нему наши талисманы.

Въ одно мгновеніе всѣ рога обратились къ подозрительной особѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ щедушныхъ, морщинчатыхъ, истощенныхъ климатомъ людей, взглядъ на которыхъ ужасенъ на югѣ. Онъ былъ одѣтъ въ черное платье и носилъ очки. Носъ его былъ столь длиненъ, что доходилъ до подбородка. Въ рукахъ онъ перебиралъ пальцами табакерку, крышка которой отъ поворачиванья издавала звуки, хотя и не столь острые, какъ его пискливый голосъ.

— Что тутъ дѣлаетъ этотъ скелетъ? сказалъ одинъ изъ присутствующихъ.

Маленькій человекъ приблизился, кланяясь почти до земли, почтительно и вмѣстѣ съ тѣмъ иронически.

— Signori, началъ онъ, я бы возгордился отъ смущенія въ которомъ васъ вижу! Но передъ этими ужасающими рогами, я ухожу, бѣгу, скроюсь.

— Я его знаю, вскричалъ одинъ изъ пировавшихъ. Это онъ, это донъ Синонимъ! Худая встрѣча, друзья мои!

— Такъ что же, перебилъ старикашка. Это беспокоитъ, волнуетъ, интересуетъ васъ, господа? Надо же однако, чтобъ я былъ гдѣ-нибудь, вѣдь куда же мнѣ дѣваться? не испарится же, какъ газъ, туманъ или дымъ, и исчезнуть, чтобы нигдѣ не быть. Что разумѣете вы подъ худою встрѣчей? Значитъ ли это то, что вы, господа, боитесь преувеличеннаго разсказа моего о вашемъ пребываніи въ гостинницѣ? Не отчаявайтесь, господа: праздникъ вашъ будетъ блистателенъ также въ будущемъ году какъ и въ нынѣшнемъ. Я вижу здѣсь только одну особу, которая можетъ быть недовольна встрѣчей со мною: это милостивый синьоръ Емиліо.

— Изъ какой матеріи будетъ мое первое новое платье, гадатель спросилъ Емиліо?

— Изъ руна барановъ варварійскихъ дѣлаютъ очень теплыя платья.

— Что это значитъ, гадатель?

— Возлюбленный ягненокъ своей супруги имѣетъ золотое руно. Въ одинъ прекрасный день его остригутъ, и трепещущій заблестъ и пойдетъ туда, гдѣ бы не хотѣлъ быть.

— Вы полагаете, что я разоряюсь, проницательный ораторъ; но я богаче, чѣмъ вы полагаете.

— Ему скажутъ слова грубыя, неприятныя, художныя, — ему, нѣжному барашку.

— И эти слова, будутъ ли они синонимами, предвѣстникъ злополучія?

— Они будутъ долги, варварскія, гнусныя и разстроенныя, какъ звукъ Zampogna *. До свиданія, нѣжноласкаемый супругъ! Прощайте, почтеннѣйшіе господа! Мое почтеніе, уваженіе, всей честной компаніи.

— До свиданія, милый воронъ! прощай, зловѣщій болтунъ и враль! кричали молодые люди.

Донъ Синонимъ исполнилъ родъ комедіи посреди свистковъ и смѣха. Общество веселыхъ друзей не имѣло расположенія опечалиться встрѣчей съ jettatore. Это приключеніе осталось незамѣтнымъ во-время удовольствій вечера. Синьоръ Емиліо послѣдовалъ за своими друзьями въ бильярдную залу, и сыгралъ съ ними партію. Къ полночи, компанія разошлась. Когда синьоръ Емиліо вышелъ изъ кафѣ, ночной воздухъ и тишина, разсѣявъ одушевленіе, причиненное шумнымъ весельемъ друзей, игрою и свѣтомъ, навѣяли на него какую-то мрачную мысль. Подбородокъ его прикоснулся къ груди. Онъ шелъ медленно и произносилъ отрывистыя слова. Не доходя до Рима, онъ присѣлъ на каменную скамью у воротъ, и вздохнулъ.

— Дошелъ ли я уже до того, говорилъ онъ, что какой-нибудь незнакомецъ думаетъ имѣть право насмѣхаться надо мной публично? Я раскаюсь.... я переменяю платье... мнѣ скажутъ слова грубыя, художныя. Если этотъ человекъ имѣетъ какія-нибудь основанія говорить это, — я потерянный человекъ. Кто знаетъ, что думаютъ обо мнѣ, какъ судятъ о моихъ глупыхъ издержкахъ? Тотъ, кому не въ чемъ упрекать себя, не будетъ имѣть случая неприятныхъ встрѣчъ въ кафѣ. Но вѣдь это были рѣчи jettatore. Не знаютъ положенія моихъ дѣлъ; да и не

* Родъ волынки.

узнаютъ его никогда. Еще годъ, и счастье мое упрочено навсегда.

Синьоръ Емилио, немного утѣшившись, всталъ и пошелъ къ своему отелю, расположенному на *Via del Babuino*, возлѣ Испанской площади. Молодая женщина въ бѣломъ платьѣ, смотрявшая на него съ балкона, сходила съ лѣстницы къ нему на встрѣчу. Супруги, разставшіеся еще съ утра, кинулись въ объятія другъ-другу, и мрачныя мысли молодого мужа мигомъ улетѣли; но для того, чтобы были понятны мрачныя слова синьора Емилио, необходимо рассказать нѣкоторыя происшествія, предшествовавшія празднику веселыхъ друзей.

III.

Фраскати, какъ извѣстно, есть римскій Версаль. Сюда стекается римское мѣщанство, которое, не имѣя дачъ, здѣсь ищетъ лѣтомъ удовольствія загородныхъ прогулокъ, и я не былъ бы удивленъ тѣмъ, что красота *Фраскатанокъ*, которыя гораздо свѣжѣе и граціознѣе женщинъ Альбано или Тиволи, также составляетъ одну изъ причинъ пристрастія Римлянъ къ этой окрестности. Въ *Фраскати* жилъ бѣдный токарь *Николо Барлетти*, который съ трудомъ зарабатывалъ себѣ на пропитаніе, вырѣзывая разныя украшенія для римскихъ мебельныхъ мастеровъ. Хотя онъ былъ несовсѣмъ искусенъ въ своемъ ремеслѣ, но любилъ его чрезвычайно. Ничто въ мірѣ не казалось ему столь прелестнымъ, какъ кусокъ дерева, тщательно округленный, гладкій и полированный. Онъ свободно дышалъ послѣ того дня, когда ему удавалось хорошо выточить или округлить ножку рабочаго столика. Послѣ пяти или шести лѣтъ неутомимыхъ трудовъ, *Николо* слѣлалъ столько успѣховъ, что выработалъ даже весьма тщательно шахматы. Сумма въ три паола, за которую купилъ у него это произведеніе одинъ купецъ изъ города, не могла уничтожить его грусти при разлукѣ съ первымъ изящнымъ произведеніемъ. Однако искусный *Николо* наработалъ такое множество башенъ, коней и пѣшекъ, что нищета его мало-по-малу исчезала. Макароны, съ очарова-

тельнымъ для Итальянца запахомъ, испускали пріятный паръ каждый день въ положенный часъ. *Николо*, проведя юность въ долгомъ воздержаніи, — теперь пользовался каждый день вкусными обѣдами. Дочь точильщика имѣла уже ситцовое платье для воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Антонія Барлетти, дочь вдовца *Николо*, достигла пятнадцати лѣтъ въ ту эпоху, когда геній ея отца уже началъ возникать и отличать. Она была прелестнѣйшая и увлекательнѣйшая изъ *Фраскатанокъ*, ума совсѣмъ невозвышеннаго, но разумная, что еще гораздо важнѣе для женщинъ. Ея сердце было кротко, горячо, почтительно, способно къ привязанности къ любимому предмету, передъ которымъ, подобно плющу, она готова была преклоняться, виться и принимать направленіе, какое только угодно будетъ дать рукѣ любимаго предмета. Въ выраженіи ея лица, благосклонность принимала значеніе нѣжности; но она обращала вниманіе только на молодыхъ людей; и нужно было, чтобы они были очень хороши, для того чтобы *Антонія* замѣчала ихъ присутствіе. Человѣкъ благоразумный и трусливый побоялся бы изжариться въ огнѣ ея большихъ очей; этотъ огонь рано или поздно долженъ былъ иссушить или поглотить лучшаго друга, безъ всякаго худаго намѣренія, изъ одного излишка признательности и сочувствія. Еще невинное дитя, *Антонія* чувствовала, что она не можетъ любить немного или вполнину; она понимала, что сердце ея, разъ данное, невозвратно для нея самой. Вотъ почему она желала отдать его въ добрыя руки, и самолюбіе, которое наследственно перешло ей отъ отца, вмѣстѣ съ этимъ романическимъ желаніемъ, совѣтовали ей желать богатаго замужества.

Маэстро *Николо*, поощренный успѣхомъ, размыслилъ, что пребываніе въ *Фраскати* недостойно для талантливаго артиста; онъ переселился въ Римъ искать выгоды и славы, подобно тому, какъ нѣкогда слѣлали это *Микель-Анджело* и *Рафаэль*. Онъ нанялъ двѣ большія комнаты въ первомъ этажѣ, близъ фонтана *Треви*, одну для своей дочери, другую для себя. Его талантъ, поощряемый успѣхами, производилъ удивительныя вещи. Отъ краснаго и орховаго дерева онъ перешелъ къ кости, и выработывалъ безъ труда ежедневно полъ-эку. Вечеромъ онъ

ходилъ ужинать въ *trattoria* *, бывшую неподалеку отъ его жилища, потому-что Антонія, мечтающая о своей будущей любви, не была расположена къ хозяйству и кухнѣ. Въ воскресенье, чтобы отдохнуть отъ работы, маэстро Николо водилъ свою дочь на гулянье подъ тѣнь деревь виллы Боргезе. Несмотря на безчисленное множество красивыхъ лицъ, попадающихся въ этомъ общественномъ саду, Антонія была здѣсь отличена и замѣчена по своей цвѣтистой еще юности, своему прекрасному сложенію и по головному убору своего роднаго города. Уборъ этотъ составлялъ особаго рода наколку, называемую *rapno*, въ дни холодные, или букетъ лентъ, распущенныхъ въ волосахъ, въ лѣтніе дни. Изъ каретъ и колясокъ бинокли удостоивали своими взглядами Антонию, и знатоки хорошенькихъ личикъ отличили ее отъ другихъ именемъ прекрасной Фраскатанки (*La bella Frascatana*), а чтобы узнать, кто она, слѣдили за ней до дверей ея жилища.

Разъ утромъ, точильщику слѣдали визитъ многіе римскіе франты, прекрасно одѣтые, съ тросточками, у тросточекъ золотые набалдашники. Подъ предлогомъ, что они хотятъ заказать шахматы и шары для билльярда, они разговорились съ Антоніей, и наговорили ей кучу комплиментовъ. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, болѣе серьезный или осторожный, чѣмъ другіе, распространился насчетъ таланта Николо, изящества и тонкости искусства его фантастической руки. Маэстро точильщикъ тотчасъ угадалъ въ немъ умъ солидный, вкусъ изящный, и оказалъ ему наибольшее вниманіе и честь, показавъ изъ коммоды самыя лучшія свои произведенія. Молодой синьоръ болѣе и болѣе восхищался, выражая удовольствіе и хвалу такими восклицаніями, которыя можно услышать развѣ только въ музеяхъ. Картины Ватикана не одушевили бы его бѣльшимъ энтузіазмомъ. Антонія очень хорошо поняла эту военную хитрость. Другой молодой человекъ, не такъ хитрый, какъ первый, и, вѣроятно, не любившій попусту терять время, синьоръ Помпео, занялся особенно дочкой, слѣдовалъ за ней шагъ за шагомъ, и изъявлялъ ей тѣ же знаки удивленія, хвалы и комплиментовъ, какіе его товарищъ, любитель раз-

* Родъ второстепеннаго трактира въ Римѣ.

ныхъ украшеній, расточалъ предъ маэстро точильщикомъ. Антонія вовсе не была безчувственна къ вѣжливостямъ щеголя Помпео; но такъ, какъ всѣ эти молодые люди были прекрасны, умны и потому опасны, то она разсудила до-поры-до-времени придержать свое сердце обѣими руками.

Молодые денди не замедляли своими посѣщеніями, — то вмѣстѣ, то порознь. Маэстро Николо, видя, что они не столько удивляются ему, сколько его дочери, болѣе не обращалъ на нихъ никакого вниманія, кромѣ молодаго синьора, безъумолка восхищавшагося его произведеніями. — Сидя позади магазина, въ рабочемъ уголку, отецъ предоставлялъ молодой стаи денди терять попусту время, цѣну которому онъ хорошо зналъ. Мастерская точильщика превратилась въ гостинный салонъ. Антонія, благодаря врожденному инстинкту своего пола, скоро переняла тонъ свѣтскаго общества, такъ-что къ концу недѣли можно было подумать, что она ничѣмъ другимъ не занималась съ самаго дѣтства, какъ толками и разсужденіями. Въ то время, когда станокъ маэстро Николо давалъ грубому матеріалу формы самыя произвольныя, юный любитель рѣзныхъ украшеній нашель, наконецъ, случай объявить шопотомъ Антоніи, что на самомъ-то дѣлѣ онъ болѣе въ восхищеніи отъ нея, чѣмъ отъ шахматовъ и шаровъ ея батюшки.

— Вашъ маневръ не ускользнулъ отъ моего глаза, отвѣчала ему молодая дѣвушка. Теперь остается узнать, есть ли это уловка только для того, чтобы обмануть довѣрчивость моего отца, или невинное и умное средство для того, чтобы приобрести мою дружбу. Если у васъ нѣтъ другаго намѣренія, кромѣ того, чтобъ только обмануть молодую дѣвушку, вы бы лучше слѣдали подражая вашему другу Помпео, который, по-крайней-мѣрѣ, заслуживаетъ снисхожденія хотя тѣмъ, что не скрываетъ своихъ намѣреній.

— Прекрасная Антонія, сказалъ съ важностью молодой человекъ: ваше подозрѣніе мнѣ обидно. Прогоните всякую мысль о худыхъ намѣреніяхъ. Когда Помпео и всѣ прочіе ваши почитатели переговариваютъ вамъ все, что есть у нихъ на языкѣ, и ваше сердце выдержитъ такую осаду съ разныхъ сторонъ, тогда придетъ и моя очередь говорить. До-тѣхъ-поръ знайте

только, что я васъ люблю, а объ остальномъ дозвольте мнѣ хранить молчаніе.

— Увы! отвѣчала Антонія: я не думаю, чтобъ вы тронули мое сердце, говоря тѣмъ же языкомъ, какъ и ваши друзья.

— Я не знаю, что вамъ говорятъ другіе, возразилъ молодой человѣкъ. Мои же слова къ вамъ будутъ слова любящаго васъ человѣка съ благородными намѣреніями и уважающаго васъ слишкомъ, чтобы желать вашего паденія, хотя бы въ собственную пользу.

— *Santa Virgine* *, вскричала Фраскатана, трепеща всѣмъ тѣломъ. Хорошо ли, такъ-ли я поняла? Мнѣ кажется... надо полагать, что ваша милость бросила благосклонный взглядъ на бѣдную, незнатную дѣвушку, чтобъ сдѣлать изъ нея....

— Графиню? перебилъ молодой человѣкъ. Отчего же нѣтъ? Это пойдетъ къ вамъ такъ же, какъ и ко всякой другой женщинѣ.

— Ахъ! говорите же, если это такъ. Не дожидайте, пока эта вѣтреная молодежь, для которой и сердце и уши мои закрыты, истощитъ свой запасъ любезностей и выдумокъ. Ни одинъ изъ нихъ не выразится такъ, какъ вы, и если мнѣ суждено быть счастливѣйшею изъ женщинъ, къ-чему отлагательства?

— Итакъ! не будемъ медлить, прекрасная Антонія. Я вамъ предлагаю свою руку и свое имя.

Синьоръ графъ Эмиліо вскочилъ на стулъ, и просунувъ голову въ окошечко рабочей каморки, сказалъ маэстро точильщику:

— Николò, прошу у васъ дочь вашу въ замужство.

— Она ваша, отвѣчалъ отецъ. Дайте только окончить этотъ шаръ, и мы поговоримъ объ этомъ. Ваше предложеніе нисколько меня не удивляетъ. Мнѣ и нуженъ былъ зять такой, какъ вы.

Когда шаръ изъ кости былъ совершенно выточенъ, маэстро Николò вышелъ изъ своей каморки. Онъ засталъ дочь и плачущую и смѣющуюся вмѣстѣ, скачущую, хлопающею въ ладоши, бросающеюся на шею своему любезнаго, которому она на-

• Пречистая Дѣва.

сказала въ эти нѣсколько минутъ тысячу бредней, въ которыхъ чувствовалась любовь, воспламенявшаяся въ сердцѣ подобно селитрѣ.

— Видно, что она расположена къ вамъ, сказалъ отецъ. Вижу, что вы составите прекраснѣйшую пару. Вы знаете, любезный Эмиліо, что у меня во владѣніи нѣтъ ни гроша; но съ моимъ искусствомъ я никому и никогда не буду въ тягость. — Устройайте дѣла какъ знаете. Женитесь когда вамъ угодно; лучше, если вы хотите, чтобъ откровенно вамъ сказать, какъ можно скорѣе.

— Я бы хотѣлъ, чтобъ въ сію же минуту, отвѣчалъ Эмиліо.

Не прошло и двадцати дней, какъ дочь точильщика сдѣлалась графиней. Бракосочетаніе ихъ происходило въ церкви Святыхъ Апостолъ, въ присутствіи немногихъ приглашенныхъ и любопытныхъ.

Роскошное угощеніе ожидало супруговъ въ одномъ изъ отелей улицы del Babuino; при десертѣ пропѣто болѣе тридцати сонетовъ; молодые супруги привѣтствовали другъ-друга комплиментами, поздравленіями, обѣщаніемъ вѣчной радости, какъ будто бы золотой вѣкъ ниспалъ на землю. Маэстро Николò ни въ комъ не возбуждалъ ни удивленія, ни смѣха, такъ онъ ни въ чемъ не затруднялся и ничто его не удивляло. Бенгальскіе огни блистали предъ фасадомъ отеля, во все время вечера; праздникъ заключился баломъ, и около полуночи почтовая карета мчала супруговъ въ деревню, куда стремился Эмиліо, утомленный шумомъ собственнаго счастья, и чувствовавшій необходимость спокойствія и совершеннаго уединенія отъ свѣта, въ невыразимо-сладостныя минуты своего счастья. — Медовый мѣсяцъ молодыхъ супруговъ имѣлъ двѣнадцать четвертей, то-есть, они пробыли въ тишинѣ сельской жизни три мѣсяца. Они бы остались еще долѣе, еслибы молодой мужъ не получилъ писемъ отъ своихъ родныхъ, которые ему совѣтовали, для пользы его жены, поторопиться своими брачными визитами. Антоніи не хотѣлось покинуть сельскую жизнь; она бы охотно отказалась отъ свѣта и удовольствій большихъ городовъ, заманчивыхъ для людей пресыщенныхъ и сердецъ безчувственныхъ. Зачѣмъ отдѣляться отъ мѣстъ блаженства любви, когда любовь выше всего на свѣтѣ? Но Эмиліо хотѣлъ

также, чтобъ жена его знала и понимала тѣ преимущества, которыми счастье и блестящее положеніе надѣляютъ своихъ любимцевъ, и такъ-какъ онъ говорилъ, что удовольствія города должны только служить дополненіемъ блаженства любви, а не ущербомъ ей, то влюбленная Антонія со вздохомъ согласилась оставить свое первое незабвенное убѣжище.

Римскій свѣтъ восхищался взаимною нѣжностью двухъ голубковъ, нѣжною угодливостью и предупредительностью мужа, постоянными взорами жены; ихъ замѣчали съ улыбкой, когда они шопотомъ говорили другъ-съ-другомъ, среди шума свѣтскаго общества, подобно влюбленнымъ, которые ловили случай перемолвиться нѣсколькими словами, и приводили эту юную чету въ примѣръ рѣдкій и поразительный счастья браковъ по склонности. Друзья Эмиліо часто приходили къ молодымъ супругамъ, и эти молодые денди, которые въ мастерской маэстро точильщика остерегались говорить про замужство, теперь смѣло утверждали и клялись, что ихъ другъ имѣлъ только ту заслугу, что предупредилъ ихъ. Антонія замѣтила это, также какъ и то, каково было вообще общественное мнѣніе Рима и цѣлой Италіи.

Синьоръ Помпео терялся въ изобрѣтеніи энергическихъ выраженій, чтобъ изъяснить отчаяніе и безнадежность, въ которую повергла его громовая вѣсть этого брака.

— Любезный Помпео, отвѣчала Антонія, очень можетъ быть, что вы меня любите и что мой бракъ васъ приводитъ въ отчаяніе. Замѣтите, прошу васъ, что я не сомнѣваюсь въ этомъ отношеніи.—Вы очень милый и любезный молодой человекъ, и вы не перестанете мнѣ нравиться; но этотъ ужасающій васъ бракъ уже заключенъ, и я должна васъ предупредить, что вы опоздали предложить мнѣ выдти за васъ за-мужъ. Я не при-му даже труда вамъ доказывать, что правила мои и выгода моя требуютъ сохраненія въ особенности репутаціи въ томъ свѣтѣ, которому я принадлежу, но для котораго нерождена. Скажу вамъ, однимъ словомъ, что я безъ ума отъ моего Эмиліо. Не изъ добродѣтели и не изъ расчета хочу остаться ему вѣрною, но въ особенности потому, что я люблю его страстно, страстно, до забвенія самой-себя.

III.

Эмиліо только и глядѣлъ на свою жену; любовь его показывала всѣ признаки страсти постоянной и неизлечимой. Ни одного облачка, ни тѣни его на счастливомъ горизонтѣ двухъ супруговъ, ни одного разлада чувствъ, ни одной ссоры, съ неизбѣжными примиреніями, которыя суть предвѣстники разрыва или холодности. Антонія только и думала о томъ, чѣмъ бы угодить мужу и исполнить его желанія, и тѣмъ доставляла ему безконечные случаи удовлетворять ея собственныя прихоти. Однако, привыкнувъ къ свѣтской жизни и развлеченіямъ, она стала къ нимъ выказывать даже пристрастіе, высказывала желаніе веселиться, и Эмиліо тотчасъ устраивалъ блестящіе балы. Графиня любила музыку и комедію;—Эмиліо абонировалъ годовыя ложи въ трехъ театрахъ. Однажды Антонія восхищалась, разсматривая коллекцію бронзовыхъ статуй въ Ватиканѣ;—мужъ ея не могъ спокойно отдохнуть до-тѣхъ-поръ, пока не приобрѣлъ по заказу коллекцію бронзовыхъ антиковъ. Антонія замѣтила амазонку, которая красовалась на конѣ въ аллеяхъ виллы Боргезе;—на другой день пара отличныхъ осѣдланныхъ лошадей были въ ея распоряженіи. Во-время маленькой прогулки по озеру Фучино, въ недалекомъ разстояніи отъ Субіака, графиня заглядѣлась на превосходную виллу въ сельскомъ вкусѣ, среди живописнаго мѣстоположенія;—Эмиліо освѣдомился объ имени владѣльца; вилла не продавалась, но стоило пожертвовать деньгами, и вилла куплена, и къ-концу прогулки по озеру Фучино она уже подарена графинѣ внимательнымъ ея мужемъ.

Еслибы искусный и честный управитель завѣдывалъ достояніемъ Эмиліо, онъ нашелъ бы въ немъ тридцать тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода; интендантъ же графа доставлялъ ему только половину этой суммы. Антонія и не подозрѣвала, что мужъ ея раззоряется. Да и какъ она могла это постичь? Графъ, всегда веселый и обворожительно-довольный, былъ совершенно беззаботенъ. Лишь бы жена была счастлива, все шло хорошо, и когда онъ думалъ о затрудненіи денежныхъ дѣлъ, то общалъ

вознаградить убытки своего достоянія предпріятіемъ въ какой-либо отрасли промышленности. Одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ вся жизнь проходитъ въ мечтахъ о милліонахъ, предложилъ однажды Эмилію устроить сахарный заводъ. Это было чудное предпріятіе. Проекты предсказывали удивительные результаты. Стоило только купить какое-нибудь старое зданіе въ Транстевера и матеріалъ для фабрикаціи.—Имя синьора графа не должно было высказываться въ этомъ предпріятіи; отъ него требовался только капиталъ и протекція для учреждаемаго заведенія. Эмилію продалъ одну изъ своихъ земель, въ убѣжденіи, что такому важному господину, какъ онъ, стѣитъ только начать, для того чтобы выиграть слитки золота. Онъ заключилъ условіе съ предпримчивымъ человѣкомъ и двумя или тремя другими особами.

Съ самаго начала дѣло, худо понятое и еще хуже веденное, не имѣло нисколько успѣха; участники, управители, кассиръ, прикащики и рабочіе взаимно воровали другъ-у-друга. Это былъ разбой. Эмилію, въ ожиданіи прибылей, увеличилъ еще болѣе расходы своего дома; онъ ни разу не былъ самъ на фабрикѣ, и когда узналъ, что вмѣсто получки дивиденда, онъ потерялъ свой капиталъ, то рассказалъ такъ весело о своей неудачѣ, что Антонія нисколько не была опечалена. Такъ-какъ вслѣдствіе этихъ уступокъ, издержки, ничѣмъ неумѣряемыя, все возрастали, — то графиня нашла, что это ужъ черезчуръ по философски, такъ весело и наивно сносить неудачи; однажды она спросила мужа, не считаетъ ли онъ необходимымъ немного ограничить свои расходы. Графъ ее обнялъ, поцаловалъ и отвѣчалъ, что любовь и денежныя дѣла никакъ не могутъ устраиваться вмѣстѣ, и что потому онъ проситъ ее не думать ни о чемъ, кромѣ его самого; и Антонія, повинувшись, перестала заботиться.

Въ маленькой виллѣ Субіако, Эмилію посѣтили четыре человека очень незавидной фізіономіи, съ которыми онъ имѣлъ долгій разговоръ. Немного спустя, Антонія показалось, что ночью будто она слышала подземный шумъ, довольно правильный, точно отъ дѣйствія машины. Открывъ окно, рано утромъ, она увидѣла въ паркѣ двухъ человѣкъ, несшихъ за концы мѣшокъ съ какимъ-то металломъ; они встряхивали мѣшокъ, от-

куда выходила угольная пыль, высыпали изъ мѣшка въ яму куски зачерпнннаго металла, и засыпали яму пескомъ. Графиня освѣдомилась о томъ, чѣмъ занимаются эти люди. Мужъ отвѣчалъ ей, что это опыты новаго предпріятія, болѣе выгоднаго и вѣрнаго, чѣмъ прежде, и Антонія было этого достаточно.

Спокойствіе между супругами продолжалось до вышеописаннаго дня праздника *cognutelli*, гдѣ въ первый разъ въ душу Эмилію занало безпокойство отъ словъ донна Синонима, впрочемъ совершенно разсѣянное однимъ поцалуемъ Антоніи. Синьоръ Эмилію отдалъ отчетъ женѣ въ проведенномъ вечерѣ; онъ живописно описалъ ей праздникъ веселыхъ *cognutelli*, и упомянулъ въ особенности о сдѣланномъ ему прекрасномъ почетѣ. Остальное вылетѣло изъ его памяти, и онъ не говорилъ больше объ этомъ.

Между-тѣмъ, странныя рѣчи *jettatore* затронули чувствительно Эмилію. Въ тотъ же день вечеромъ, одинъ купецъ изъ *Corso*, которому въ уплату доставили мѣшокъ байковъ, призналъ ихъ фальшивыми. Носильщикъ этого мѣшка съ монетою тотчасъ былъ арестованъ, и назвалъ синьора Эмилію. Это обстоятельство, случившееся при донѣ Синонимѣ, дало ему возможность предвѣщать злополучіе.

Однажды Антонію, возвращаясь домой, на дворѣ своей виллы нашелъ сборовъ, съ приказаніемъ арестовать его. Антонія, убѣжденная въ невинности своего мужа, сочла его сначала за жертву коварной злобы; но когда она услышала собственное признаніе Эмилію въ преступленіи, даже прежде допроса, ему сдѣланнаго, глазамъ ея раскрылась бездна, въ которую несчастный былъ увлеченъ своимъ легкомысліемъ.

Тотчасъ послѣ ухода сборовъ, графиня обѣгала весь городъ, умоляла всѣхъ, и проливала столько слезъ, что сжалились надъ ея отчаяніемъ. Ей позволили видѣться съ мужемъ ежедневно, въ крѣпости Святаго Ангела, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ просторной и чистой комнатѣ. Когда дверь темницы растворилась, Эмилію бросился на встрѣчу Антоніи; онъ ее

сжалъ въ объятіяхъ, спрашивая ее, любитъ ли она его искренно. И она клялась любить его до гроба.

У моста Сикстинскаго, десять осужденныхъ въ работы на галеры, въ шерстяныхъ платяхъ, шли медленнымъ шагомъ, окруженные солдатами. Молодая и прекрасная дама, очень хорошо одѣтая, ѣхала верхомъ на ослѣ, возлѣ осужденныхъ, разговаривая съ однимъ изъ нихъ. При выходѣ изъ города, у воротъ св. Панкратія, конвой остановился передъ лавочкою торговца лимонадомъ, который предложилъ осужденнымъ напитокъ. День былъ знойный. Дама сошла съ осла; командовавшій офицеръ также взялъ стаканъ лимонада, а солдаты въ ожиданіи, когда офицеру будетъ угодно пуститься въ дорогу, сѣли отдохнуть. Изъ подъѣхавшей щегольски-роскошной коляски вышелъ молодой человѣкъ, привѣтствовавшій даму и пожавшій руку одному изъ галерниковъ: это былъ Помпео, пріѣхавшій нѣжно проститься съ своимъ другомъ Эмилио и съ оборожительной графиней. Офицеръ посмотрѣлъ на свои часы, чтобъ напомнить объ отправленіи, и конвой снова тихо потянулся по дорогѣ въ Чевитта-Веккію. Антонія не разставалась съ мужемъ ни на минуту.

Въ-продолженіе года своего наказанія, Эмилио каждый день видѣлся по нѣсколько часовъ съ своею женою. Въ-продолженіе втораго года онъ узналъ, что конецъ его пребыванію на галерахъ приблизился, и уже молодые супруги составляли новые проекты счастливой жизни, болѣе благоразумные, чѣмъ прежде, какъ вдругъ воспаленіе въ мозгу похитило Эмилио въ нѣсколько часовъ. Онъ почувствовалъ передъ концомъ жизни необходимость раскаянія и чистосердечной мольбы; священникъ пріобщилъ его святыхъ таинъ, и черезъ мгновеніе, въ объятіяхъ Антоніи былъ холодный и безчувственный трупъ.

Когда первая минута удара судьбы прошла, графиня заглянула въ свою душу и нашла въ ней безутѣшную печаль. Она еще слишкомъ сильно чувствовала, для того, чтобъ имѣть силы плакать. Слезы ея полились только въ Римѣ, когда она снова увидѣла тѣ мѣста, гдѣ на каждомъ шагу ей представлялись воспоминанія счастія, исчезнувшаго навѣкъ. Ей осталось еще весьма довольно изъ разстроеннаго, но огромнаго состоянія графа; несмотря на это,

она возвратилась къ маэстро Николò, и въ печальной мастерской своего отца, при однообразномъ шумѣ станка, жила, съ утра до вечера, неподвижная и молчаливая. Она умоляла Бога взять ее, какъ можно скорѣе, изъ этого мрачнаго и пустыннаго для нея свѣта. Но смерть приходитъ въ свое время, а не тогда, когда ее зовутъ; вмѣсто нея явилась другая физіономія, — синьора Помпео. Далекій отъ того, чтобъ разсѣивать грусть прекрасной вдовы, Помпео распространился краснорѣчивымъ надгробнымъ словомъ своему дорогому Эмилио, до того патетическимъ и трогательнымъ, что Антонія назвала его добрымъ молодымъ человѣкомъ и благороднымъ другомъ.

— Вы сами видите, прибавилъ Помпео, вы сами это говорите и вы не обманываетесь: я другъ благородный. Еслибъ я могъ цѣною моей крови, цѣною всѣхъ моихъ интересовъ и надеждъ возвратить жизнь несчастному, котораго судьба у насъ похитила, я бы это сдѣлалъ сію минуту. Я бы разбилъ это сердце, вамъ принадлежащее, еслибъ я не чувствовалъ его уже растерзаннымъ, какъ это и должно быть, отъ одного взгляда на вашу тоску.

Въ жару своей декламации, Помпео билъ кулаками свою широкую грудь, которая дрожала, какъ звукъ колокола.

— Но, продолжалъ онъ, приговоръ судьбы уже произнесенъ. Надо склонить голову. Смѣшивая свои слезы съ вашими, я все помню, что мы живы оба, что вы свободны и что я васъ люблю. Прекрасная Антонія, вспомните тотъ день, когда я вписался первымъ въ списокъ вашихъ почитателей. Считите малое число вашихъ лѣтъ, рассмотрите въ зеркалѣ ваши черты, которыя горестъ только еще болѣе красить, и скажите, возможно ли въ восемнадцать лѣтъ и съ этимъ лицомъ посвятить себя навсегда грусти и слезамъ, когда однимъ словомъ можно найти снова счастье и сердце львиное, которое обливалось кровью, видя васъ принадлежащею другому, и которое теперь у вашихъ ногъ.

Говоря такимъ-образомъ, басъ юнаго Помпео возвысился до трагическаго, стекла мастерской дрожали при звучныхъ и громовыхъ словахъ его брачнаго предложенія. Станокъ маэстро Николò притихъ и пересталъ кружиться. Черезъ знакомое намъ

окошко просунулось спокойное родительское чело артиста, который внимательно смотрѣлъ на свою дочь.

— Добрый другъ, сказалъ онъ, вѣрный молодой другъ, одаренный такимъ могучимъ органомъ. Отвергать столько блага — грѣшно. Вотъ ужъ три дня, какъ ты плачешь, довольно этого, дочь моя?

Мы замѣтили вначалѣ, что величіе есть отличительный признакъ римскаго характера. Вотъ почему величіе исключаетъ всякую пошлость. Сердце человѣческое высказывается въ Римѣ героическимъ образомъ и все заразъ; отсюда происходитъ то, что не представляя въ себѣ ничего сложнаго, оно болѣе удобно для завладѣнія, чѣмъ въ нашемъ холодномъ климатѣ. Ненужно удивляться, что страстная организація мало понимаетъ въ этомъ родѣ тонкостей, столь свойственныхъ Французамъ. Но зато, уступая въ тонкости чувства, Итальянцы имѣютъ преимущество, перевѣсъ въ его силѣ. Антонія употребила только три минуты на размышленіе; въ три минуты она привела свои разстроенныя чувства въ порядокъ, и уже управляла ими, какъ и своими страстями. Щеки ея, покрытыя блѣдностью отъ горя, оцвѣтили живительнымъ розовымъ отблескомъ. Она протянула руку Помпею, съ такими словами: Пусть будетъ такъ, я ваша.

И по внезапному переходу, она, погруженная дотолѣ въ грустное отчаяніе, предалась живѣйшей радости. Языкъ ея, скованный горемъ, развязался; веселыя мысли, радость жизни, желанія и любовь встрепенулись въ ней, подобно дремавшимъ птицамъ, которыхъ утренній лучъ солнца застаеъ еще въ гнѣздѣ, и маэстро Николò, видя свою дочь здоровою и веселою, бодро принялся за работу, оставивъ двухъ влюбленныхъ устроить свои дѣла. «Ну, слава-Богу, говорилъ онъ про себя, наконецъ моему ребенку есть забава; это очень просто, она не можетъ жить безъ того, чтобъ не любить».

IV.

Весьма ошибся бы читатель, еслибы подумалъ, что прекрасная Фраскатанка отдала случайно свое сердце, и что послѣ

перваго увлеченія она впала въ холодность или тщетное раскаяніе. Новая любовь поглотила прежнюю. Еслибы не невозможность стать къ брачному алтарю прежде траурнаго года, что ей напоминало ея вдовство, то Антонія охотно бы повѣрила, что никогда она не любила никого другаго, кромѣ Помпею. Она находила обычай и правило траурнаго года слишкомъ строгими, и перспектива цѣлаго года казалась ей слишкомъ длинною; то, что нисколько бы не ужаснуло нѣмецкихъ невѣстъ, ей казалось невыносимымъ; однако она покорила необходимости, и ждала; чувства гордости и самолюбія и тутъ отличили Римлянку. Услужливыя друзья прекраснаго Помпея тихонько увѣдомили его невѣсту, что у него есть другія сердечныя привязанности. Антонія наговорила много упрековъ своему жениху, и угрожала ему, что она откажется отъ своего обѣщанія. На первый разъ Помпею укротилъ бурю, но южная любовь не можетъ питаться долго надеждами и обѣщаніями, и тѣмъ еще менѣе фразами и мадригалами. Съ довѣрчивостью улетѣли радость и смѣхъ; съ ревностью явились скука, несогласіе, подозрѣнія, вздохи и слезы. Сцены эти начали повторяться весьма часто.

Посреди шума ссоръ между помолвленными, молодежь снова стала выказывать свой вкусъ къ искуснымъ издѣліямъ точильщика. Любезная вдова снова неутѣшна, и шахматы маэстро Николò стали опять предметомъ общаго удивленія. Первый изъ удивлявшихся былъ двадцати-пятилѣтній Нарциссъ, старый другъ умершаго мужа и почитателя прекрасной Фраскатанки. Случай скоро представился синьору Танкреду говорить съ Антонією наединѣ, не было никого, кромѣ отца, разсѣянно вертѣвшаго свой токарный станокъ.

— Что я слышалъ? вскричалъ онъ, обворожительная Антонія? Правда ли, что счастливый смертный, которому вы отдали свое сердце, не понимая цѣны такому безцѣнному сокровищу, безумно попираетъ его своею вѣтренностью? А теперь я вижу, облако печали затемняетъ вашъ ликъ; слѣды слезъ еще замѣтны на вашихъ щекахъ. Помпею виновенъ.

— Ахъ! да, любезный Танкреду, отвѣчала прерывистымъ голосомъ Антонія:—этотъ шалунъ приводитъ меня въ отчаяніе. Хорошую будущность готовитъ онъ мнѣ! Если теперь, будучи его невѣстою, я отъ него грущу, что же будетъ со мной, ко-

гда сдѣлаюсь его супругой? Къ несчастію я его люблю, какъ онъ ни вѣтренъ, и боюсь скоро умереть, если онъ не переменитъ своего поведенія.

— Какъ! возразилъ Танкреди, вы все-таки идете къ своей цѣли, несмотря на эти печальныя предзнаменованія! Вы доверяете заботу о вашемъ благополучіи вѣтренику, который грозитъ вамъ уже и теперь огорченіями! Какъ! вмѣсто того, чтобъ радоваться, что вы не принадлежите еще ему, вы хотите связать себя вѣчными цѣпями съ этимъ неблагодарнымъ. Ахъ! прекрасная Антонія,—это болѣе чѣмъ слабость, это жестокость въ отношеніи къ самой-себѣ и несправедливость въ отношеніи къ тѣмъ, которые умѣютъ цѣнить вашу красоту и умѣютъ васъ обожать въ грустномъ безмолвіи. Вы не повѣрите, быть-можетъ, что огонь любви, самой кипучей, возженъ въ моей душѣ при первомъ взорѣ вашихъ очей, конечно случайно на меня брошенномъ. Я могъ уважать вашу привязанность къ мужу, достойному васъ, и который васъ сдѣлалъ счастливою; но ничто не обязываетъ меня молчать теперь, когда вы свободны. Вы собираетесь умирать, обворожительная графиня, а вы ни разу не подумали, что вотъ уже цѣлые два года я умираю отъ любви къ вамъ!

Граціозный Танкреди говорилъ теноромъ сладкимъ и нѣжнымъ, прямо лившимся въ душу, и эхо его словъ походило на музыкальный отголосокъ. Антонія разчувствовалась, какъ-будто она прослушала трогательную каватину. Уже три минуты, какъ станокъ токаря замолкъ, и маэстро Николо, взгромоздившись на стулъ, глубокомысленно посматривалъ на свою дочь. Вотъ, сказалъ онъ, новая комбинація, измѣняющая порядокъ вещей. Слезы не поправляютъ, а только еще больше портятъ дѣло. Такъ-какъ синьоръ Танкреди влюбленъ и хорошаго нрава, то лучше выдти за него, чѣмъ за другаго.

— Но, сказала покраснѣвъ Антонія, правду ли онъ говоритъ это?

— Да будутъ дни мои сумрачны, какъ зимнія ночи, а ночи страшны, какъ муки подземныя, если я не люблю васъ! вскричалъ Танкреди.

— Молодой человекъ, сказалъ отецъ, вы спасли, подобн о

Цицерону, отечество одною рѣчью. Обнимите мою дочь, я ее знаю и ручаюсь вамъ за нее,—она ваша.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Фраскатана, трепеща отъ радости, неожиданности и любви, кинулась въ объятія миловиднаго Танкреди. Толпа молодыхъ людей, пришедшая утѣшать прекрасную Антонію, нашла ее веселою и воркующею съ своимъ новымъ женихомъ.

Годовой праздникъ *cornutelli* насталъ. Помпео, ничего еще не подозревавшій, примѣрялъ новое платье передъ зеркаломъ, какъ вдругъ факкино вручилъ ему маленькій рожокъ изъ коралла, почтительно кланяясь и говоря слѣдующій комплиментъ: Хотя *есселенза*, вы не супругъ, но только женихъ, однако общество веселыхъ *cornutelli* имѣетъ честь препроводить къ вамъ этотъ подарокъ, приглашая и васъ, въ видѣ исключенія въ пользу общества, отужинать сегодня вечеромъ въ отелѣ *Джулио*; оно весьма довольно, что хоть разъ въ жизни, прекрасная Фраскатана доставила еще одного собрата веселымъ *согнутелли*.

Однако Танкреди былъ немного ошеломленъ своимъ быстрымъ успѣхомъ. Отъ нечего дѣлать, въ надеждѣ разсѣянія и удовольствія, онъ заходилъ въ мастерскую токаря. По привычкѣ, онъ говорилъ о любви, и произносилъ цѣликомъ тирады, которыя носилъ всегда въ запасѣ, въ услугу кому угодно было ихъ слушать. Каватина его обыкновенно очень всѣмъ нравилась по своимъ звукамъ, и вдругъ онъ узрѣлъ себя связаннымъ обѣщаніемъ жениться. Это важное и затруднительное положеніе безпокоило его. Прежде чѣмъ рѣшиться покинуть Фраскатану, онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ забылъ это приключеніе. Танкреди счелъ благоразумнымъ освѣдомиться предварительно о приданомъ Антоніи. Круглыя цифры ея достоянія нѣсколько успокоили его. Подобно Помпео, Танкреди имѣлъ на сторонѣ возлюбленныхъ; но онъ не тщеславился своими побѣдами и скрывался отъ завистниковъ. Траурный годъ прошелъ безъ приключеній и безъ ссоръ между женихомъ и невѣстою.

Въ назначенный день совершенъ бракъ Танкреди съ Антонією, и молодая чета, по обыкновенію, вступила на порогъ своей новой жизни при шумѣ похвалъ, криковъ удивленія, пѣсенъ, сонетовъ, въ которыхъ Гименей, Венера, Грація, солнце,

звѣзды и прочія необходимыя принадлежности итальянскаго брачнаго пиршества, конечно были рады еще разъ встрѣтиться.

Антонія освободилась отъ вдовства, какъ-будто отъ тяжелой болѣзни; полнота ея сердца выражалась на одушевленномъ ея лицѣ, въ блескъ ея глазъ, въ живости ея движеній и въ мелодически-страстномъ тонѣ ея разговора. Прекрасная Антонія окружила своего мужа нѣжностью, какъ будто сѣтью, заранѣе придуманною. Съ своей стороны, добрый Танкреди не могъ самъ себѣ дать отчета, какимъ невольнымъ превращеніемъ, безъ всякаго старанія и желанія заслужить похвалы, онъ сдѣлался, самъ не отъ себя, изъ эгоиста, какимъ былъ прежде, — великодушнымъ, безкорыстнымъ человѣкомъ и мужемъ услужливымъ, вѣрнымъ, сердечно расположеннымъ къ своей женѣ и въ восторгѣ отъ своего рабства.

Однажды, въ сентябрскій прекрасный день, римская молодежь собралась на охоту въ болотахъ понтинскихъ, гдѣ весьма много дичи; они предложили Танкреду и принять участіе въ этой охотѣ. — Антонія не безъ труда согласилась отпустить своего мужа. — Въ-продолженіе цѣлаго года, это былъ первый случай супружеской разлуки. — Такое пожертвованіе дорого стоило влюбленной Антоніи, но ей хотѣлось показать свою уступчивость. — Она съ объятіями страстно-нѣжными простилась съ своимъ Танкредомъ, какъ-будто онъ уѣзжалъ въ Остъ-Индію. Охота должна была продолжаться только два дня. На третій день, около полудня, почтовая карета въ-самомъ-дѣлѣ въѣхала въ улицу Condotti, и съ высоты балкона, Антонія увидала издали охотниковъ. Вдругъ она вскрикнула, набожно перекрестившись: Великій Боже! его нѣтъ между нами! Несчастные, они его ранили, быть-можетъ убили!

Она побѣжала, трепеща отъ страха, навстрѣчу кареты.

— Не бойтесь нисколько, сказалъ ей одинъ изъ молодыхъ людей, ничего не случилось и никакого несчастья отъ оружія не было. Танкреди легъ вчера совершенно здоровымъ, поужиналъ весьма хорошо; сегодня утромъ мы застали его въ сильнѣйшей лихорадкѣ, и несмотря на наши просьбы, онъ не хотѣлъ

покинуть постель. Вы сдѣлаете весьма хорошо, если поѣдете къ нему въ Восса-di-Fiume. Время лихорадочное (malaria) прошло, однако дни еще темлы, и неблагоприятно спать въ болотныхъ испареніяхъ.

Антонія взяла тотчасъ-же наемную карету и немедленно поѣхала къ болотамъ понтинскимъ. Въ скверной деревенской харчевнѣ, она нашла бѣднаго Танкреди, въ припадкахъ безумія, съ сжатыми зубами, судорожнымъ лицомъ, со всеми признаками отравы болотнаго воздуха южныхъ странъ. Онъ былъ одинъ и безъ всякой помощи, потому-что люди боялись къ нему приближаться. Маэстро Николѣ, спустя часъ послѣ своей дочери, привезъ съ собою доктора въ Восса-de-Fiume. При первомъ взглядѣ на лицо больнаго, докторъ отступилъ до порога двери, и поднося къ носу флаконъ уксуса, онъ сказалъ: развѣ вы не видите, что болѣзнь этого человѣка прилипчива. Берегитесь провести ночь въ этомъ домишкѣ, если дорога вамъ ваша жизнь!

Докторъ вскочилъ въ карету и поскакалъ въ Римъ. Но онъ обманулся: болотная лихорадка въ Италіи имѣетъ свойство эпидеміи, но она доступна излеченію; докторъ однако благо разумно совѣтовалъ Антоніи и ея отцу, не оставаться въ зараженномъ воздухѣ. Наступилъ вечеръ, и Николѣ умолялъ дочь уѣхать съ нимъ въ Виллетри. Она ни за что не хотѣла согласиться. Если воля Провидѣнія, сказала она, такова, чтобы раздѣлить то, что оно соединило, я буду неотлучно при Танкредѣ, до самой могилы, и если то возможно, буду рада за нимъ послѣдовать и туда. Поѣзжайте, батюшка, въ Виллетри, васъ долгъ ничѣмъ здѣсь не обязываетъ. Повторивъ разъ двадцать безуспѣшно: Andiamo via (поѣдемъ-же), Николѣ отправился одинъ въ Виллетри. На другой день, когда онъ снова сюда приѣхалъ, Танкредѣ уже не было. Антонія, рыдая, сжимала въ своихъ объятіяхъ холодный трупъ мертвеца и покрывала поцѣлуями обезображенное смертію его лицо, съ глубочайшимъ чувствомъ отчаянія и любви. Только силою и съ трудомъ оторвали ее отъ мертвеца. Маэстро Николѣ успѣшилъ погребсти умершаго, и уѣхалъ съ дочерью въ Фраскати, чтобы здѣсь поправить ея разстроенное здоровье, чистымъ воздухомъ ея родины; но на дорогѣ, Антонія почувствовала слабость, судо-

роги и лихорадочный трепеть,—вѣрные признаки смертельной болотной лихорадки.—Мы не изгонимъ ее, сказала она, я уже ношу въ себѣ тотъ же ядъ, который похитилъ у меня любезнѣйшаго, наилучшаго изъ супруговъ, и я должна теперь радоваться, что этотъ драгоценный ядъ приведетъ меня къ моему несравненному Танкреду. Мы вмѣстѣ будемъ васъ ожидать, дорогой батюшка. Не отчаивайтесь и живите спокойно до того счастливаго дня, который соединитъ насъ всѣхъ.

— Не говори такъ и лучше слушай меня, вскричалъ Николѣ, я научу тебя знать самое-себя, потому-что твое сердце для меня открытая книга, въ которой я очень хорошо все читалъ и читаю. Ты получила отъ неба расположеніе къ нѣжности, которая не дозволяетъ тебѣ жить безъ любви. Когда предметъ твоей страсти исчезаетъ, тебѣ кажется, что ты чувствуешь холодъ смерти, но представься другой предметъ, и тотчасъ жаръ и жизнь возбуждаются вмѣстѣ съ любовью. Припомни бѣднаго Эмилію, который хотя въ-послѣдствіи сдѣлался преступникомъ, однако, надо сознаться, до того времени былъ прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Совсѣмъ не за ихъ прекрасныя качества любила ты двухъ твоихъ мужей. Твои ласки, страсть твоя, твоя власть надъ ними измѣнила ихъ и переработала въ прекрасныхъ, почитавшихъ тебя людей. Помпео, также какъ и другіе, въ свой чередъ, былъ-бы образцомъ для мужей, еслибъ дождался безъ приключеній свадебнаго дня. Танкреду до брака не былъ нисколько благоразумнѣе.—Онъ только былъ счастливѣе и ловчее, вотъ и все, и я смѣялся, когда услышалъ, что онъ тщеславится своими двумя годами любви ожиданія и молчанія.

Предоставь твоей молодости по прежнему привлекать къ тебѣ красивыхъ молодыхъ людей. Хорошенькая и нравственная женщина всегда найдетъ развлеченія и удовольствія; утѣшенія будутъ ждать ее, а не она ихъ. Смотри на молодыхъ людей, и выбирай ихъ своими хорошими глазами. Тотъ, кто тебѣ понравится, непременно будетъ отличнымъ мужемъ, недолѣе какъ послѣ перваго мѣсяца, будь это хоть слабый человѣкъ, какъ Эмилію, или вѣтренникъ, какъ Помпео, или расчетливый себялюбецъ, какъ Танкреду. Кто бы онъ ни былъ, онъ полюбитъ тебя страстно, и потому самому приобрѣтетъ всѣ другія хорошія качества.

Прочь же изъ головы мысли о смерти, и покорись требованіямъ природы, живи для отца твоего, для новаго супруга и для самой себя.

— Не хочу болѣе жить, отвѣчала энергически Фраскатана, не хочу и слышать утѣшенія. Быть-можетъ, я дѣйствительно такова, какою вы меня считаете; но если вы не обманываетесь, какъ я возрадуюсь оставить этотъ свѣтъ и перенести въ лучшей свѣтъ мою любовь къ бѣдному Танкреду! Ахъ! тогда вы убѣдитесь, что мои сожалѣнія здѣсь были ненасправны, что я не могла забыть моего Танкреду, и что никто другой не можетъ мнѣ замѣнить его. Одна мысль о другомъ комъ-либо меня ужасаетъ, и вы напрасно мнѣ ее высказали. Я не буду ожидать этой ужасной минуты. Я сыщу убѣжище противъ собственной моей слабости и отъ вашихъ философскихъ разсужденій; я вамъ покажу въ этой открытой книгѣ (сказала она положивъ руку на сердце), въ которой вы такъ скоро считаете, послѣднюю страницу, которой вы еще не знаете.

Маэстро Николѣ тщетно старался возобновлять подобныя увѣщанія и укротить чувство своей дочери. Антонія слушала его разсѣянно и не отвѣчала на его размышленія. Прибывъ въ Фраскати, она слегла въ постель, больная лихорадкой, и уже болѣе не вставала. Когда ее спрашивали, что и какъ она себя чувствуетъ, она отвѣчала: все идетъ такъ, хорошо, какъ я этого желала. Скоро поняли важность зла, которое причинили ей болотныя испаренія Понтины. Когда она почувствовала приближеніе конца жизни, то просила къ себѣ своего отца.

— Простите меня, батюшка, за мою радость въ ту минуту, когда вы плачете. Мы свидимся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ скуки и печали. Послѣдняя моя воля состоитъ въ томъ, чтобъ меня погребли рядомъ съ лучшимъ изъ людей, котораго я такъ любила.

— Котораго? спросилъ отецъ.

— И вы можете еще это спрашивать? возразила Антонія: онъ одинъ добродѣтельный, единственный нѣжный, одинъ достойный моихъ сожалѣній и моей любви, неподражаемый, обворожительный, несравненный Танкреду!

Черезъ нѣсколько часовъ, она угасла, повторяя тихо, среди молитвъ искреннихъ и горячихъ:— да благословенъ во вѣки Господь! я умираю христіанкой, и свижусь съ нимъ.

Николò исполнилъ послѣднее желаніе своей дочери, она была перенесена въ Восса-di-Fiume, гдѣ погребена рядомъ съ единственнымъ человѣкомъ, единственнымъ для нея по добротѣ души, по нѣжности, единственнымъ котораго она любила. Несчастный отецъ возвратился тотчасъ въ Римъ. Его преобладающій вкусъ къ занятіямъ воспрепятствовалъ ему часть отъ ударовъ судьбы и горя, и трудъ, этотъ вѣчный утѣшитель истиннаго артиста, возвратилъ маэстро Николò прежнее спокойствіе въ трудолюбивой жизни.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ГАЛВАНИЗМЪ И ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЕГО.

СТАТЬЯ 3 *.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ.

Если гальваническая баттарей будетъ замкнута тонкой проволокой изъ какого бы то ни было металла, то эта проволока нагрѣвается, накаливается и даже плавится; степень нагрѣванія зависитъ отъ способа соединенія элементовъ баттары, напр. желѣзная проволока длиною 6 футъ, а толщиною $\frac{1}{4}$ линіи, накаливается докрасна отъ 48 элементовъ Грове, соединенныхъ одинъ за другимъ; при всякомъ другомъ соединеніи она нагрѣвается уже не такъ сильно.

Желѣзная проволока, накалившись до бѣла, горитъ и разбрасываетъ раскаленные шарики; платина просто плавится, т. е. проволока распадается на двѣ части.

* Статьи 1 и 2 см. въ V и VII книжкѣ С. О.

Когда нужно расплавить толстую короткую проволоку, тогда элементы батареи должны быть соединены въ одинъ или въ нѣсколько большихъ, какъ объ этомъ упомянуто было въ первой статьѣ.

Однимъ-словомъ, расположивши приличнымъ образомъ батарею, можно накалывать и плавить проволоки различной длины и толщины.

При плавленіи отдѣляется сильный свѣтъ, который тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе батарея; особенно замѣчательна яркость, если замкнуть цѣпь двумя углями, изъ которыхъ одинъ соединенъ проволокой съ крайнимъ цинкомъ батареи, другой съ крайнею мѣдью или платиною батареи; этотъ опытъ первый разъ произвелъ Гомфри Деви (Davy).

Свѣтъ происходитъ отъ накалыванія углей и начинается только при прикосновеніи ихъ, не равнѣе; какъ-скоро угли накалились, тогда ихъ можно развести на нѣкоторое разстояніе (иногда до 4 дюймовъ, а въ безвоздушномъ пространствѣ и болѣе), не прерывая тѣмъ тока; въ пространствѣ между накаленными концами углей образуется блестящая дуга электрическаго свѣта.

Этотъ опытъ удается уже при 6 парахъ Грове; при 48 элементахъ Грове или Бунзена (описаніе ихъ въ первой статьѣ) свѣтъ, сосредоточенный на оконечностяхъ углей такъ яркъ, что замѣняетъ свѣтъ отъ 500 до 600 стеариновыхъ свѣчей.

Эта дуга свѣта, какъ первый показалъ Деви, притягивается или отталкивается полюсами магнита, смотря потому, какъ его держимъ—сверху или снизу; отталкиваніе бываетъ иной разъ такъ сильно, что пламя совершенно угасаетъ.

Кстати сказать, что Стургонъ (Sturgeon) сдѣлалъ опытъ, что если ввести въ цѣпь магнитъ, такъ, чтобы употребить его вмѣсто одного изъ углей, то образующаяся дуга свѣта начинаетъ вращаться около линіи, соединяющей магнитъ и уголь.

Красота и яркость гальваническаго свѣта заставили изыскивать способы употреблять его въ общежитіи.

Первое затрудненіе при рѣшеніи этого вопроса заключалось въ томъ, что свѣтъ, отдѣлявшійся при накалываніи углей, не былъ постояненъ; онъ то ослабѣвалъ, то усиливался, по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что сила гальваническаго тока въ

батареѣ непостоянна, а вторая причина та, что угли сгораютъ, и пространство между ними увеличивается.

Мы видѣли уже въ первой статьѣ, что въ строгомъ смыслѣ постоянныхъ батарей нѣтъ, что лучше другихъ въ этомъ отношеніи батарея Даниеля, а во второй статьѣ было упомянуто о земляныхъ батареяхъ, которыя употребляются въ Англіи при электрическихъ телеграфахъ.

Англичанинъ Виксъ (Weekes) попалъ на мысль употребить эти батареи для гальваническаго освѣщенія; весной 1844 года онъ врылъ вертикально въ землю 36 паръ пластинокъ цинка и желѣза, каждая въ $2\frac{3}{4}$ дюйма шириной и въ 35 дюймовъ длиной; каждая пластинка отстояла отъ другой на полдюйма. Потомъ онъ соединилъ цинкъ первой пары съ желѣзомъ второй, цинкъ второй пары съ желѣзомъ третьей и т. д., отъ крайнихъ пластинокъ цинка и желѣза провелъ въ свою лабораторію двѣ проволоки, обмотанныя шолкомъ и покрытыя лакомъ, и придѣлалъ къ этимъ проволокамъ угли; при прикосновеніи угли накалились и свѣтъ былъ довольно значителенъ для комнаты, такъ-что Виксъ могъ читать мелкую печать въ разстояніи около аршина.

Виксъ не сдѣлалъ сравненія этого свѣта съ пламенемъ свѣчи и не объявилъ опредѣлительно, какъ долго можетъ служить такая батарея; впрочемъ онъ упоминаетъ, что отъ подобной батареи въ 50 паръ цинка и мѣди, химическія дѣйствія производились постоянно въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Эти батареи дѣйствуютъ чрезвычайно постоянно, и издержки на нихъ значительны только для первоначальнаго обзаведенія, но онѣ слишкомъ огромны; напримѣръ, эта батарея въ 36 паръ потребовала 210 квад. футъ желѣза и столько же цинка.

Соединеніе нѣсколькихъ такихъ батарей можетъ-быть дастъ весьма сильный свѣтъ и можетъ-быть будетъ найдено возможнымъ употреблять ихъ на маякахъ; во-всякомъ-случаѣ объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго по недостатку опытовъ.

Этотъ же Виксъ пробовалъ освѣщать комнату рядомъ искръ индуктированныхъ токовъ, происходившихъ отъ безпрестаннаго прерыванія главнаго тока въ 8-ми вращающихся электромагни-

тахъ; но этотъ свѣтъ, по его словамъ, былъ слишкомъ слабъ даже для комнаты.

Когда Грове обогатилъ науку, устроивъ свой элементъ, а Бунзенъ измѣнилъ его, употребивъ вмѣсто платины уголь, тогда оказалось возможнымъ съ небольшою (относительно) батареею производить весьма яркій свѣтъ; такъ Бунзенъ нашелъ, что напряжение свѣта отъ 48-ми-парной его батареи равнялось 576 стеариновымъ свѣчамъ; къ сожалѣнью, онъ не былъ постояненъ и сила его непрерывно измѣнялась.

Не будучи въ состояннн устроить постоянную батарею, физики занялись приготовленіемъ угля и регуляторовъ гальваническаго тока. Деларивъ, раскаливши древесный уголь, вдругъ погружалъ его въ воду; онъ говоритъ, что приготовленный такимъ образомъ уголь давалъ свѣтъ болѣе, чѣмъ коксъ (прокаленный каменный уголь).

Бунзенъ совѣтуетъ уголь насыщать растворомъ глауберовой соли; по его опытамъ такой уголь накаливается вдвое сильнѣе, чѣмъ ненасыщенный.

Кассельманъ испытывалъ угли, которые предварительно были погружаемы въ растворы различныхъ солей, и нашелъ, что уголь, напитанный бурюю и сѣрною кислотою, даетъ наилучшее освѣщеніе.

Но изъ какого бы вещества ни состояла часть прибора, накаливаемая гальваническимъ токомъ, она или сгораетъ, или плавится, и хотя токъ не прерывается, если разстояніе между углями, образующими концы батареи, увеличивается до нѣкотораго предѣла, однако сила свѣта ослабѣваетъ по мѣрѣ увеличенія этого разстоянія.

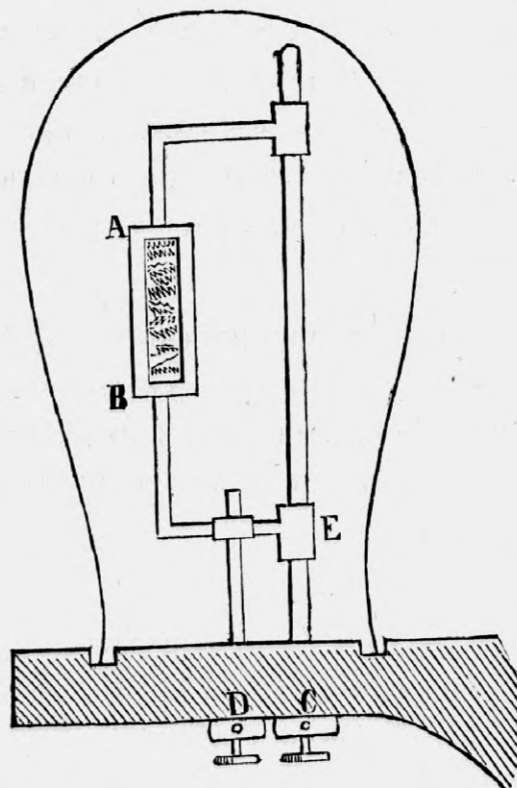
Такъ-какъ уничтоженіе углей происходитъ оттого, что они сгораютъ насчетъ кислорода воздуха, то стали помѣщать ихъ въ стеклянныхъ сосудахъ, сквозь стѣнки которыхъ продѣты металлическія оправы для углей; предъ началомъ опыта, изъ сосуда вытягивали воздухъ посредствомъ хорошаго воздушнаго насоса. Разумѣется, что въ этомъ случаѣ горенія уже не происходило, но отъ механическаго дѣйствія тока, частицы угля переносились съ одного на другой и разбрасывались во все стороны, такъ-что разстояніе между-ними все-таки измѣнялось, а

если стеклянный шаръ былъ невеликъ, то частицы угля, осаждаясь на стѣнкахъ его, дѣлали ихъ тусклыми.

Для избѣжанія увеличенія разстоянія между концами батареи, Англичанинъ Эдуардъ Кинъ (King) придумалъ способъ, на который онъ взялъ привилегію въ 1845 году. Кинъ употребляетъ для накаливанія или губчатую платину, какъ металлъ, пеизмѣняющійся въ кислородѣ воздуха, или палочку угля, которую онъ помѣщалъ въ стеклянномъ сосудѣ, вытянувши оттуда воздухъ. Губчатая платина, та самая, которая употребляется въ водородныхъ огнивахъ, есть ничто иное, какъ платина въ видѣ тончайшихъ пластинокъ, составляющихъ родъ губки; Кинъ бралъ такую рыхлую платину, и вставлялъ ее въ металлическую рамочку, длиною около 3 дюйм., шириною въ 2 дюйма, а толщиною въ $\frac{1}{4}$ дюйма.

АВ представляетъ эту пластинку въ приборѣ, представленномъ на чертежѣ 1.

С и D два зажима, въ которые вставляются проволоки отъ

(фиг. 1.) батареи, такъ что токъ идетъ напр. отъ С вверхъ, потомъ чрезъ АВ внизъ къ D; E отдѣлена отъ металлическаго прута С деревянной подкладкой. Весь приборъ прикрывается стекляннымъ колпакомъ, для того, чтобы движеніе воздуха не охлаждало платины.

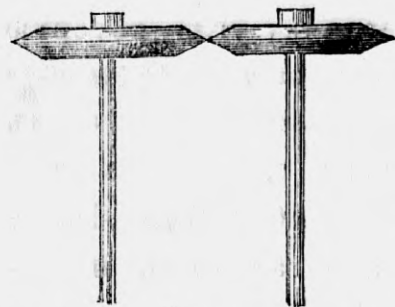
Для угля онъ употреблялъ приборъ такого же устройства, только изъ стекляннаго сосуда вытягивалъ воздухъ.

Въ учономъ журналѣ, откуда взятъ этотъ чертежъ и описаніе,

ничего не сказано о напряженнн и постоянствѣ свѣта съ этимъ

приборомъ, но, какъ кажется, онъ неудовлетворителенъ, тѣмъ-болѣе, что послѣ объ немъ ничего не было слышно.

Въ 1848 году, Лемольтъ въ Англии придумалъ приборъ, въ которомъ онъ употреблялъ два кружка изъ угля съ острыми ободами, посаженные на металлическихъ осяхъ, которыя были со- (фиг. 2) единены съ концами баттарей; ободы въ точкѣ прикосновенія накаливались, потомъ посредствомъ пружины разводились на небольшое разстоянiе; часовой механизмъ, придѣланный къ осямъ, равномерно поворачивалъ эти кружки, и такимъ-образомъ сгорѣвшiя мѣста по ободу замѣнялись новыми.

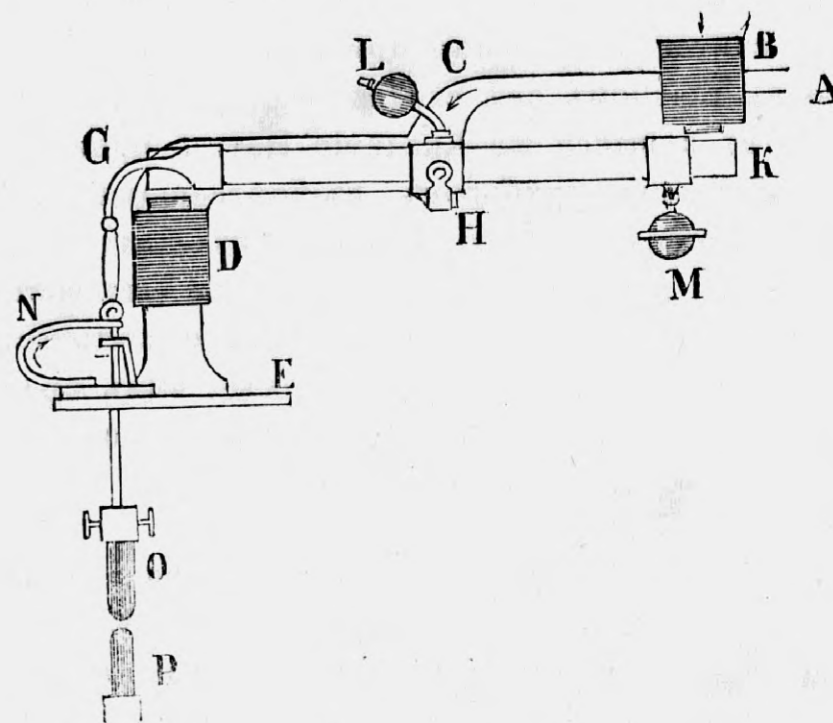

Въ 1849 году, въ Англии Стетъ, во Франціи Фуко, а у насъ въ Россіи Якоби, построили регуляторы. Фуко описываетъ приборъ для сближенія углей такъ: угли побуждаются къ сближенію пружинами, которыя не могутъ двигаться иначе, какъ приводя въ движеніе систему колесъ; послѣднее изъ нихъ можетъ тронуться тогда, когда электромагнитъ подниметъ желѣзную полосу, скрѣпленную съ этимъ колесомъ; смотря по силѣ тока, а слѣдовательно и магнетизма, нажимъ зазубня дѣлается сильнѣе и тѣмъ замедляетъ движеніе колесъ, т. е. сближеніе углей.

Регуляторъ Якоби, устроенный имъ при гальваническомъ освѣщеніи Адмиралтейской-площади, также состоялъ изъ системы зубчатыхъ колесъ, управляемой движеніемъ электромагнита, который замкнутъ въ цѣпи. Оба эти прибора хотя и достигаютъ своей цѣли, но слишкомъ велики и тяжелы.

Въ Англии, въ сентябрѣ 1848 года, а въ Россіи два года позже, Альманъ получилъ привилегію на устройство своего регулятора; въ лондонскомъ журналѣ (London journal of arts, 1849), было описано ихъ нѣсколько; здѣсь прилагаемъ рисунокъ одного изъ нихъ.

ABCDE чугунная подставка, къ которой съ боку придѣланы два электромагнита В и D; стальной постоянный магнитъ

нить GK можетъ вращаться на оси H, тяжести L и M дѣлаютъ его похожимъ на вѣсы, такъ-что когда отъ дѣйствія тока электромагниты начнутъ отталкивать концы G и K, тяжести L и M стараются привести полосу GK въ прежнее положеніе, и слѣд. въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ электромагнитовъ будетъ равновѣсіе стального магнита. На концѣ его G надѣта оправа и колѣнчатый стержень съ углемъ O; пружинка N однимъ концомъ вдѣлана въ неподвижную подставку, другимъ же къ стержню, на которомъ надѣтъ уголь, такъ-что она, вмѣстѣ съ тяжестью L, уравниваетъ тяжесть M. Токъ проходитъ, начиная отъ В, чрезъ электромагнитную спираль, потомъ по СН входитъ въ спираль D, далѣе по проволоку въ пружину N, отъ нея въ стержень и уголь O; другой конецъ баттарей соединяется съ оправою P, такъ-что когда оба угля прикоснутся, тогда баттарей замкнута.

Въ прошедшемъ году, въ нашей Академіи Наукъ были произведены опыты съ подобнымъ приборомъ, привезеннымъ сюда Весселемъ, соучастникомъ Альмана, и потомъ въ «С.-Петербург-

скихъ Вѣдомостяхъ» былъ помѣщенъ одобрителный отзывъ академика Э. Х. Ленца объ этомъ снарядѣ.

Въ 1851 году, Моаньо дѣлалъ опыты съ регуляторомъ Дюбоска, и отзывается объ его устройствѣ съ большою похвалою, но мы не считаемъ нужнымъ помѣщать здѣсь его описаніе, потому-что въ главномъ онъ сходенъ съ приборомъ Альмана.

Недавно въ здѣшней же Академіи Наукъ производимы были опыты съ новымъ приборомъ изобрѣтеннымъ Н. И. Черухинымъ и устроеннымъ А. И. Шпаковскимъ; мы не даемъ здѣсь описанія этого регулятора, который пока еще составляетъ секретъ изобрѣтателя, но только можемъ сказать то, что этотъ приборъ занимаетъ мѣста гораздо менѣе, чѣмъ приборъ Альмана, уравниваніе тока правильнѣе, и кромѣ-того, устройство его таково, что свѣтъ не можетъ погаснуть, — что упущено изъ виду въ другихъ приборахъ.

Теперь обратимся къ сравненіямъ силы и цѣнности этого освѣщенія съ другими, нынѣ употребляемыми.

Самые полные опыты надъ напряженіемъ гальваническаго свѣта производили въ 1844 году Физо и Фуко; они сравнивали свѣтъ солнца, электрической и такъ-называемый, Друммондовъ, т. е. свѣтъ известковаго шарика, накаливаемаго струей водорода, горящаго въ струѣ кислорода.

Прежде всего они помѣщали угли въ пустотѣ, но потомъ отказались отъ этого, потому-что темнѣли стѣнки стекляннаго шара отъ разбрасываемыхъ частицъ угля; въ газахъ, неподдерживающихъ горѣніе, происходило то же самое.

Послѣ этого Фуко взялъ съ газовыхъ заводовъ коксъ (остатки, происходящіе отъ накаливанія каменнаго угля), и нашелъ, что накаливая его въ воздухѣ, можно было получить свѣтъ ровный и довольно продолжительный для того, чтобы имѣть время опредѣлить его силу.

Они употребляли для своихъ опытовъ батареи Бунзена въ 46, 80 и 138 паръ, и дѣлали изъ нихъ различныя соединенія, о чемъ мы упоминали въ первой статьѣ и въ началѣ этой.

Во-первыхъ, они подтвердили замѣчаніе, что во-время накаливанія углей тотъ изъ нихъ, который соединенъ съ цинкомъ, даетъ свѣтъ слабѣе, чѣмъ другой; дуга же свѣта была слабѣе,

чѣмъ оконечность каждаго угля, именно она была вътрое слабѣе конца, соединеннаго съ угольнымъ цилиндромъ.

Вмѣсто одного изъ углей, они вставляли для опыта металлическіе конусы, но всѣ металлы дали дуги свѣта съ переменными цвѣтами и напряженіями.

Когда къ проволоку отъ угольнаго цилиндра былъ придѣланъ серебряный конусъ, а къ цинку уголь, то дуга свѣта легко образовалась, часть серебра скоро плавилась и улетучивалась, и тогда можно было отдалить уголь, не прерывая тѣмъ свѣтящейся дуги, которая была замѣчательной красоты и постоянности.

Если уголь вставить вмѣсто серебра, а серебро вмѣсто угля, то въ первое мгновеніе образуется дуга, но она прерывается, какъ-скоро серебро начинаетъ плавиться. Платина и уголь представляютъ подобное же явленіе, но въ менѣе замѣтной степени.

Мы сказали, что Физо и Фуко сравнили электрической свѣтъ съ солнечнымъ, но и солнечный свѣтъ не всегда одинаковой силы; такъ если напряженіе его въ полдень яснаго апрѣльскаго дня выразить числомъ 1000, то въ ясный сентябрьскій день это напряженіе будетъ только 751.

Батарея Бунзена въ 46 паръ, соединенныхъ одна за другой, произвела освѣщеніе, равное 235 *. Три ряда по 46 паръ, т. е. каждые три элемента были соединены въ одинъ, слѣдовательно 46 паръ съ тройной поверхностью дали число 385.

Эта сила освѣщенія была значительно слабѣе черезъ 2 и 3 часа послѣ начала опыта.

При сравненіи Друммондова свѣта съ солнцемъ вышла цифра $6\frac{1}{8}$, самое большое число, какое они могли получить; этотъ неожиданный результатъ показалъ, что гальванической свѣтъ несравненно сильнѣе Друммондова, тогда-какъ прежде ихъ считали почти равными; изъ дальнѣйшихъ опытовъ вышло, что Друммондовъ свѣтъ отъ 25 до 35 разъ слабѣе электрическаго, а этотъ, въ свою очередь, слабѣе солнечнаго отъ $2\frac{2}{3}$ до $4\frac{1}{4}$ разъ; но такъ какъ извѣстно, что солнечный свѣтъ освѣщаетъ

* Замѣтимъ, что такое освѣщеніе было на разстояніи одного фута отъ углей, далѣе же свѣтъ, конечно, ослабѣвалъ по извѣстному закону, именно, обратно пропорціонально квадратамъ разстояній.

предметы такъ, какъ освѣтили бы 5000 стеариновыхъ свѣчей на разстояніи одного фута, то легко отсюда заключить, сколько свѣчей можетъ замѣнить гальваническій огонь.

Кассельманъ, дѣлая опыты съ 44 парами, нашелъ, что если уголь напитанъ былъ хлористымъ цинкомъ, то, при разстояніи между-ними въ $\frac{1}{3}$ линіи, свѣтъ былъ наибольшій, именно въ 625 стеариновыхъ (четвериковыхъ) свѣчей, а если уголь былъ напитанъ бурюю и сѣрною кислотою, тогда свѣтъ былъ наибольшій, при разстояніи между оконечностями въ $\frac{1}{2}$ линіи, именно свѣтъ былъ равенъ 1170 свѣчамъ.

Замѣтимъ при этомъ, что раскаленная поверхность угля почти во 100 разъ была менѣе поверхности пламени свѣчи, такъ-что собственно яркость электрическаго свѣта слишкомъ въ 100,000 разъ сильнѣе яркости стеариновой свѣчи.

Первый опытъ въ большомъ видѣ для освѣщенія площади былъ произведенъ, если не ошибаемся, въ Лондонѣ.

Въ Парижѣ, Делейль въ первый разъ освѣтилъ навильонъ одного дома на Pont-Neuf, посредствомъ баттарей въ 98 элементовъ Бунзена; потомъ онъ, соединившись съ Аршро, фабрикантомъ угольныхъ цилиндровъ для баттарей, производилъ опыты освѣщенія въ большомъ размѣрѣ, въ 1844 году, на place de la Concorde, употребляя баттарею въ 209 паръ Бунзена; стеклянный шаръ, въ которомъ находились угли, былъ установленъ на колѣнахъ одной изъ статуй, окружающихъ площадь; предъ началомъ опыта изъ шара вытянули воздухъ, и на площади погасили 50 газовыхъ фонарей. Когда угли были соединены съ баттарею, вся площадь освѣтилась какъ-бы блѣднымъ свѣтомъ луны, и это продолжалось 6 часовъ съ одинаковою яркостью; въ направленіи луча, которое дано было рефлекторомъ, можно было читать на разстояніи 75 сажень.

Въ 1848 году, по предложенію Англичанина Стета, въ поѣздѣ на большой западной желѣзной дорогѣ въ Англии (Great Western Railway), въ заднемъ вагонѣ была помѣщена баттарея и приборъ съ углями; параболическое зеркало отражало свѣтъ впередъ, и такимъ-образомъ, желѣзная дорога была постоянно освѣщаема на огромное пространство впереди, такъ-что ясно видны были всѣ строения и даже малые мосты, за 3 версты, какъ увѣряютъ журналы, положимъ хотя и меньше, именно за одну вер-

сту; это вещь возможная, если только параболическое зеркало было хорошо.

Въ Моннелье, въ 1849 году (въ октябрѣ), испытывали на валахъ цитадели рефлекторы, которые отражали гальваническій свѣтъ, такъ-что почти на 200 сажень были ясно видны предметы и люди.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1849 года, у насъ, въ Петербургѣ, на Адмиралтейской-площади, дѣланы были многократные опыты освѣщенія; для этого угли сначала были помѣщены въ колоннадѣ адмиралтейской башни, а впоследствии былъ выстроенъ огромный фонарь, который выдавался на площадь.

Первый опытъ былъ произведенъ 8 декабря съ угольной баттарею въ 185 огромныхъ элементовъ, до $1\frac{1}{2}$ футовъ вышины и около фута въ поперечникѣ; по увѣренію Аршро баттарея эта постоянна въ-теченіе 90 часовъ. Надо замѣтить, что угольная масса въ этихъ элементахъ приготовленія Аршро, и что она походитъ на куски выгорѣвшихъ чугуновыхъ ретортъ газовыхъ заводовъ.

Эта баттарея была установлена въ залахъ адмиралтейской башни и отъ нея были проведены удлиненные проволоки наверхъ; угли, обдѣланные въ видѣ параллелепипедовъ, имѣли 5 дюйм. длины и сѣченіе въ $\frac{1}{4}$ дюйм. въ квадратѣ, накачивались они на полдюйма.

Свѣтъ былъ превосходный; остались имъ недовольны только тѣ, которые ожидали, что свѣтло будетъ въ Пулковѣ; зданія, выходящія на площадь и бывшія въ различныхъ разстояніяхъ отъ 200 до 500 шаговъ отъ электрическаго свѣта, были чрезвычайно ярко освѣщены; газъ въ фонаряхъ обыкновенно бѣлый, при этомъ свѣтѣ казался краснымъ и какъ-будто съ копотью. Свѣтъ иногда мѣнялъ свой цвѣтъ, былъ красный, сивій и желтый, но иногда былъ такъ бѣлъ, что въ 150 шагахъ отъ него легко можно было отличать зеленую краску отъ голубой, что, какъ известно, при свѣчахъ почти невозможно. Наконецъ въ 500 шагахъ, несмотря на свѣтъ газа, можно было замѣтить тѣнь, бросаемую предметами отъ электрическаго освѣщенія.

Въ-послѣдствіи, когда Якоби устроилъ регуляторъ, перемѣны въ цвѣтѣ были незначительны.

Несмотря на огромное количество свѣту, истекающее изъ углей при употребленіи гальваническихъ баттарей, сомнительно,

чтобы онъ могъ совершенно замѣнить газовое освѣщеніе; сомнительно потому, что сила освѣщенія предметовъ по-мѣрѣ удаленія отъ источника ослабѣваетъ какъ квадраты разстояній, т. е. на 10 саженьяхъ вчетверо слабѣе, чѣмъ на 5 саж. Можно сдѣлать свѣтъ почти равномернымъ на большомъ пространствѣ, но для этого только одно средство, именно помѣстить, какъ можно выше, источникъ свѣта, отчего степень освѣщенія конечно будетъ слабѣе. Еслибы при опытахъ на Адмиралтейской-площади, угли помѣщены были бы на самой верхушкѣ шпица, то конечно площадь была бы освѣщена ровнѣе, но отъ такого расположенія дальніе предметы немного освѣтились бы лучше, а ближайшіе бы потемнѣли.

Слѣдовательно, хотя есть возможность, поднимая высоко источникъ свѣта, съ нѣсколькихъ точекъ освѣтить большое пространство, но въ такомъ-случаѣ произойдетъ потеря въ экономическомъ отношеніи.

Чтобы опредѣлить издержки на гальваническое освѣщеніе посредствомъ баттарей Бунзена, надо найти расходъ въ цинкѣ, сѣрной кислотѣ и азотной или селитряной кислотѣ; для этого Бунзень наблюдалъ на гальванометрѣ чрезъ каждые 15 секундъ силу тока въ простой замкнутой парѣ, и въ то же время опредѣлялъ потерю цинка, растворявшагося въ сѣрной кислотѣ отъ дѣйствія тока; что касается до издержекъ на азотную или селитряную кислоту, то это легко было сдѣлать, зная количество потеряннаго цинка; легко потому, что оба эти количества связаны известными химическими законами*.

По такому расчету выходитъ, что для гальваническаго освѣщенія, силою отъ 500 до 600 стеариновыхъ свѣчей, нужно 70 золотниковъ цинку, 1 ф. 10 зол. крѣпкой сѣрной кислоты и 1 ф. 45 золотн. крѣпкой селитряной кислоты. Цинкъ у насъ въ Петербургѣ стѣитъ 8 к. сер. фунтъ, сѣрная кислота отъ 5 до 6 коп.; селитряная отъ 25 коп. до 30, слѣдовательно всѣ расходы на баттарею составятъ 50 коп. съ небольшимъ.

Въ Петербургѣ 100 куб. футовъ газа стѣитъ отъ 40 до 45 к. сер., въ обыкновенномъ рожкѣ въ часъ сгораетъ отъ 5 до 6 куб. футовъ, и такое освѣщеніе замѣняетъ свѣтъ 9 стеарино-

* См. Nouveaux documents sur la pile de M. Bunsen par M. J. Reiset, въ Annales de Physique et de Chimie. T. VIII. 1843 г.

выхъ четвериковыхъ свѣчей, т. е. надо 60 газовыхъ рожковъ, чтобы замѣнить свѣтъ отъ 48 паръ Бунзена, и это втеченіе часа стоило бы 1 р. 50 к. сер., а освѣщеніе стеариновыми свѣчами стоило бы около 3 р. сер.

Итакъ, если опыты Бунзена вѣрны, то гальваническое освѣщеніе у насъ стоило бы втрое дешевле газоваго, при одинаковой силѣ, а цвѣтомъ оно гораздо бѣлѣе и красивѣе.

Изобрѣтатели приборовъ для гальваническаго освѣщенія всѣ говорятъ, что оно выгоднѣе газоваго, такъ-напр.: при парижскомъ освѣщеніи въ 1844 году, издержки въ каждый часъ были не болѣе 2 р. 60 к. (10½ фр.), тогда-какъ газовое освѣщеніе стоило бы слишкомъ вдвое; но такъ-какъ электрическое освѣщеніе мало распространяется, то многіе находятъ причины сомнѣваться въ вѣрности вычисленій изобрѣтателей.

Нѣкоторые физики стараются доказать а priori невыгоду гальваническаго освѣщенія, и основаніе ихъ доказательства совершенно справедливо; они говорятъ, что гораздо выгоднѣе превращать прямо химическое дѣйствіе въ теплоту или въ свѣтъ, какъ-напр. при обыкновенномъ освѣщеніи, гдѣ горѣніе совершается насчетъ кислорода воздуха; въ гальваническомъ же способѣ освѣщеніе происходитъ насчетъ кислорода селитряной кислоты, наливаемой въ элементы, или, другими словами, химическое дѣйствіе превращается въ электричество, а электричество въ теплоту и свѣтъ; кислородъ же селитряной кислоты изъ атмосферы соединенъ съ азотомъ, и это стоило труда, и слѣдовательно денегъ.

На это можно сказать, что хотя въ обыкновенномъ освѣщеніи газомъ или саломъ, дѣйствительно горѣніе происходитъ насчетъ кислорода воздуха, но и въ этомъ случаѣ горючіе матеріалы не взяты прямо изъ природы, а добываніе газа или сала также требуетъ постояннаго труда и издержекъ; кромѣ-того, еще не доказано, что химическое дѣйствіе есть единственная причина образованія гальваническаго тока.

Итакъ, какъ кажется, трудно однимъ разсужденіемъ безъ опыта рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно, и какъ это дѣло немаловажное, то, вѣроятно, кто-нибудь за него возьмется; прибавимъ мимоходомъ, что практикъ, непонимающій ясно

законовъ дѣйствія гальванической силы, не долженъ надѣяться дать удовлетворительное рѣшеніе этой задачи.

Какъ бы то ни было, дороже ли гальванической свѣтъ или дешевле всякаго другаго, онъ употреблялся и будетъ употребляться во многихъ случаяхъ. Такъ Донне и Фуко предложили ввести его при такъ-называемомъ солнечномъ микроскопѣ; въ этомъ приборѣ, если онъ нуженъ днемъ, солнечные лучи, отраженные зеркаломъ, проходя чрезъ систему стеколъ и освѣщая предметъ, даютъ его изображеніе въ увеличенномъ видѣ на холстѣ, натянутомъ на стѣнѣ или на рамѣ; если же нужно разсматривать предметы вечеромъ, тогда освѣщаютъ предметъ Друммондовымъ свѣтомъ, который помѣщали внутри ящика, заключающаго въ себѣ микроскопъ.

Для весьма большихъ увеличеній Друммондовъ свѣтъ недостаточенъ, и въ такомъ-случаѣ можно употреблять гальванической; въ здѣшней Академіи Наукъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, производимы были опыты съ такимъ микроскопомъ при батарее въ 48 паръ Грове; изображенія на стѣнѣ были, при огромной величинѣ, чрезвычайно чисто очерчены, и все цвѣта можно было также легко различать, какъ при солнечномъ свѣтѣ; изображенія эти не потеряли бы ясности, еслибы даже свѣтъ былъ ослабленъ наполовину.

Само-собою разумѣется, что угли такъ должны быть закрыты въ микроскопѣ, что бы весь свѣтъ могъ проходить только чрезъ стекла, дающія изображеніе предмета.

Также съ большимъ успѣхомъ употребляютъ этотъ свѣтъ для полученія дагерротипныхъ изображеній по вечерамъ; гг. Обре, Милле и Леборнь представляли въ прошломъ году, въ парижскую Академію Наукъ такія дагерротипныя пластинки и объясняли пользу своего способа для снятія копій съ картинъ или архитектурныхъ деталей въ такихъ темныхъ мѣстахъ, каковы, напр. многія старинныя церкви.

Гальваническое освѣщеніе часто употреблялось въ театрахъ и при выставкахъ вещей; въ Петербургѣ недавно при выставкѣ розыгрышей лоттерей въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ были поставлены двѣ привилегированныя лампы Альмана, каждая съ батареей въ 35 паръ Грове; сила свѣта каждой была болѣе чѣмъ въ 400 стеариновыхъ свѣчей, и онъ былъ такъ

бѣлъ, что пламя лампъ и свѣчей, тутъ же разставленныхъ, казалось краснымъ и бросало отъ себя тѣнь. Въ Дрезденѣ этотъ свѣтъ замѣнилъ солнце въ оперѣ Мейербера «Пророкъ»; у насъ въ послѣдней декорации балета «Питомца Фей» электрической огонь составилъ дивное зрѣлище.

Весьма важно примѣненіе этого свойства гальваническаго тока къ освѣщенію рудниковъ, что первый предложилъ г. Луйе въ Брюсселѣ.

Извѣстно, что въ рудникахъ весьма часто собирается изъ внутренности земли огромное количество горючаго газа, который, загорѣвшись, производитъ ужасный взрывъ, сопровождаемый погибелью множества рудокоповъ. Не было никакой возможности предотвратить эту всегдашнюю опасность, огонь былъ необходимъ для рудокоповъ, потому-что въ рудникахъ царствуетъ всегдашній мракъ.

Въ Англии, въ которой такое множество каменноугольныхъ копей, образовалось въ 1815 году общество для предупрежденія взрывовъ; члены его обратились къ знаменитому Гомфри Деви (Humphry Davy) съ просьбою найти средство противъ этихъ взрывовъ. Деви ѣздилъ по различнымъ рудникамъ, разбиралъ составы газовъ, и долго пробовавши разные способы, наконецъ представилъ обществу свою предохранительную лампу.

Эта лампа есть небольшой цилиндрической фонарь, сдѣланный изъ металлической частой сѣтки, такъ-что на каждый квадратный дюймъ приходится нѣсколько сотъ дырочекъ; на двѣ лампы ставится обыкновенная лампада или свѣча.

Дѣйствіе металлической сѣтки состоитъ въ томъ, что она удерживаетъ пламя внутри фонаря, такъ-что если иногда происходятъ маленькіе взрывы, то они не передаютъ пламя на наружную сторону сѣтки.

Въ знакъ благодарности за это открытіе, графъ Деремъ (Dugham), вмѣстѣ съ другими владѣльцами каменноугольныхъ копей, поднесли изобрѣтателю серебряный сервизъ въ 10,000 рублей серебромъ.

Деви своимъ открытіемъ приобрѣлъ право на благодарность человѣчества, потому-что съ-тѣхъ-поръ взрывы стали несравненно рѣже; однако считаютъ, что и теперь въ Европѣ ежедневно среднимъ числомъ погибаетъ одинъ человѣкъ.

Эта причина вообще, и въ особенности сильный взрывъ, происшедшій въ 1845 году, въ Магдалинскомъ рудникѣ во Франціи, побудили Буссенго снова испытать качества Девіевой предохранительной лампы. Она выдержала всевозможныя пробы и не дѣлала взрывовъ въ смѣсяхъ горючихъ газовъ, которыя Буссенго нарочно составлялъ; она даже не воспламеняла паровъ нефти, алкоголя, эфира, однимъ-словомъ, самыхъ горючихъ веществъ; даже можно было лить эфиръ на лампу, и онъ горѣлъ только внутри; случалось иногда, что лампа отъ этого гасла, но никогда не было взрыва снаружи.

Такимъ-образомъ Буссенго, не найдя причины взрыва въ устройствѣ лампы, полагалъ, что, можетъ-быть, быстрый потокъ водороднаго газа можетъ передать пламя кнаружи, но отказывался думать, что неосторожность работниковъ, открывающихъ, можетъ-быть, лампы, можетъ произвести несчастіе.

Хотя причина не была найдена, но въ фактѣ сомнѣваться было невозможно, что взрывы происходили; поэтому Буссенго предложилъ освѣщать шахты электрическимъ свѣтомъ, помѣщая угли въ стеклянномъ шарѣ, изъ котораго вытянуть воздухъ, или который погруженъ въ воду. Грове сдѣлалъ возраженія противъ этого способа, именно, что приборъ долженъ быть очень великъ, чтобы не нагрѣваться отъ углей; что газъ, въ которомъ накаливаются угли, темнѣетъ отъ частицъ угля, разбрасываемыхъ гальваническимъ токомъ; кромѣ-того неправильныя ходы въ рудникахъ требуютъ не сильнаго, сосредоточеннаго въ одномъ мѣстѣ свѣта, но небольшихъ огней, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ.

Грове думаетъ, что сообразнѣе съ цѣлью употреблять накаливаніе платиновой спирали, и говоритъ, что по опытамъ, дѣланымъ имъ, три его элемента на столько накаливаютъ спираль изъ платиновой проволоки, что хотя лампа слаба, но достаточна для рудокопа. Взрывъ тутъ невозможенъ, но только замѣчено, что если въ воздухѣ есть водородъ, то платина накаливается гораздо слабѣе, чѣмъ въ чистомъ атмосферномъ воздухѣ, а поэтому стеклянный цилиндръ, въ которомъ она находится, долженъ быть герметически закрытъ.

Весьма кстати сказать здѣсь о способѣ, который употребляется для взрыва скалъ; основаніе его состоитъ въ томъ, что

посредствомъ гальванической батареи издали раскаливаютъ проволоку, которая лежитъ въ порохѣ, насыпанномъ въ углубленіи, пробурованномъ въ скалъ.

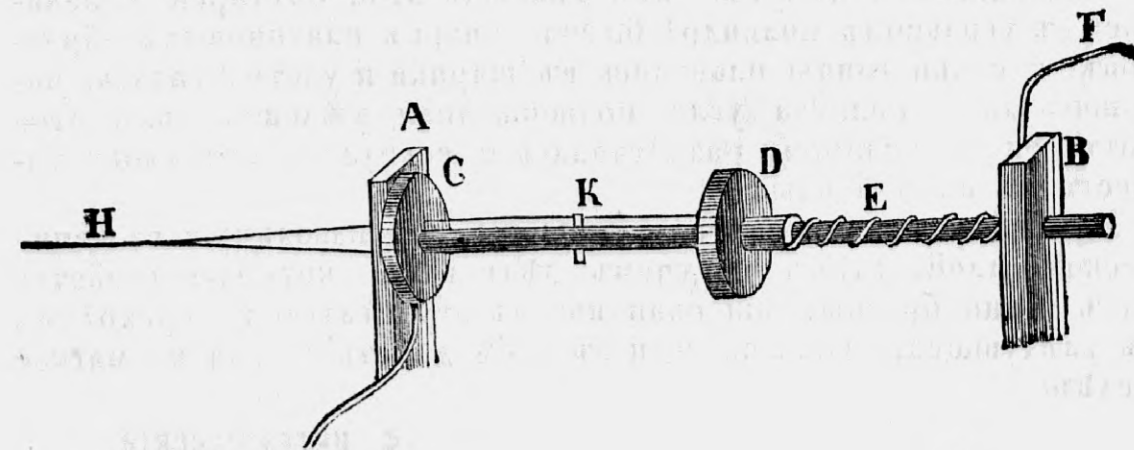
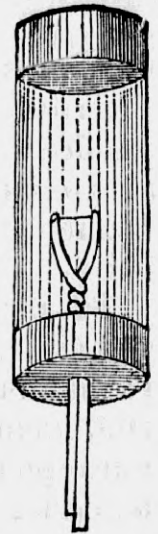
Мы здѣсь опишемъ тотъ приборъ, который придуманъ Англичаниномъ Робертсомъ (Roberts) для этой цѣли. Двѣ мѣдныя проволоки, толщиною около одной линіи, длиною до 10 футъ, обмотанныя нитками, и обмазанныя смолой, сложены по длинѣ, закручены близъ нижняго конца и на самыхъ концахъ расходятся; эти два конца, образующіе развилину, соединены тонкой желѣзной проволокой, которая должна накаливаться отъ гальваническаго тока.

Для ббльшей прочности обѣ проволоки обмотаны снаружи круто нитками и тонкой проволокой.

Нижній конецъ, оканчивающійся развилиной, опускается въ оловянную или стеклянную трубку, длиною въ 3 дюйма и отъ $\frac{3}{4}$ до 1 дюйм. ширины (см. фиг. 4); двѣ половинки фиг. 4 разрѣзанной пробки обхватываютъ проволоку и закрываютъ трубку сверху, потомъ, перевернувъ трубку насыпаютъ туда пороху, и другой пробкою затыкаютъ ее снизу.

Въ отверстіе, пробурованное въ скалъ, насыпаютъ половину пазначеннаго количества пороху, потомъ опускаютъ проволоку съ этимъ патрономъ, насыпаютъ остальную половину пороху, далѣе всовываютъ пукъ соломы, такъ, чтобы она нѣсколько не доходила до пороху, наконецъ на солому насыпаютъ песку до самаго верха.

Когда это готово, къ верхней развилинѣ прикрѣпляютъ двѣ проволоки, длиною до 12 сажень, идущія къ батарее; но такъ-какъ на этомъ разстояніи человѣку опасно находиться, то кромѣ батареи устанавливается еще приборъ, представленный на фиг. 5.

К. VIII. — Отд. V.

А и В два деревянные столбика, приделанные къ батарее и скрѣпленные деревянной осью; на этой оси приделанъ неподвижно оловянный кружокъ, соединенный проволокою съ однимъ концомъ батареи, другой же конецъ батареи соединенъ съ одной изъ проволокъ, идущихъ къ патрону; на той же деревянной оси находится другой оловянный кружокъ D, подвижной, который притягивается пружиной E къ столбу В; продолженіе этой пружины, проволока F, соединяется съ остальнымъ концомъ проволоки, идущей къ патрону.

Когда уже все готово и пора взорвать скалу, тогда работникъ вынимаетъ поперечную палочку K и отходитъ отъ батареи на длину шнура H, который, проходя двумя концами сквозь дырки, сделанныя въ кружкѣ C, привязанъ къ кружку D; когда посредствомъ этого шнура D будетъ притянуто къ C до прикосновенія, тогда этимъ самымъ батарея замыкается, токъ, пробѣгая по проводникамъ, накаливаетъ тонкую желѣзную проволоку въ патронѣ и мгновенно происходитъ взрывъ, совершенно безопасный для работника.

Этотъ способъ, какъ хорошъ для взрыва скалъ, такъ весьма удобенъ для взрыва подводныхъ камней; стоитъ только для этого опустить въ назначенное мѣсто жестяной цилиндръ, наполненный порохомъ, и провести отъ него проволоки на берегъ.

Въ-заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о степени теплоты, которая отдѣляется вмѣстѣ съ яркимъ свѣтомъ отъ гальванической батареи. Этотъ жаръ превосходитъ всякой другой, какой можно произвести въ печахъ или въ струѣ водорода и кислорода; напр. помощью 100 паръ Вунзена можно расплавить алмазъ, чего никакимъ другимъ образомъ сдѣлать невозможно.

Депре въ 1849 году имѣлъ въ своемъ распоряженіи 600 паръ Вунзена; свѣтъ и жаръ, которые отдѣлялись при накалываніи углей этой батареей, были такъ велики, что при одномъ взглядѣ вблизи дѣлалась сильная боль въ головѣ и глазахъ; въ-теченіи нѣсколькихъ минутъ, отъ дѣйствія этой батареи сплавилось въ угольномъ цилиндрѣ 60 золотниковъ платиновыхъ обрѣзковъ, кусочки глины плавилась въ шарики и улетучивались, наконецъ даже палочка угля, подверженная ужасной силѣ этой батареи, повидимому размягчилась и согнулась отъ своей тяжести въ видѣ буквы S.

Изложивъ явленія свѣта и теплоты, производимыя гальванической силой, этимъ могучимъ дѣятелемъ, котораго свойства такъ разнообразны, мы оканчиваемъ эту статью и переходимъ къ слѣдующей, заключающей въ себѣ дѣйствія тока на мягкое желѣзо.

Ф. ПЕТРУШЕВСКІЙ.

ТАЙНЫ СОЛНЕЧНЫХЪ ЛУЧЕЙ.

Въ каждомъ солнечномъ лучѣ заключено столько тайнъ, что на раскрытіе ихъ потребны столѣтія.

Бэннъ.

Учоное изслѣдованіе солнечныхъ лучей составляетъ достояніе новѣйшей науки, хотя и древніе наблюдатели подвизались уже на этомъ поприщѣ. Дѣйствительно, только при возрожденіи наукъ въ Европѣ послѣ средневѣковаго варварства, оптика заняла мѣсто въ ряду положительныхъ знаній. Должно однакожь признаться, что успѣхи этой науки были довольно медленны. Одна изъ существенныхъ причинъ препятствій къ успѣху заключалась въ самомъ существѣ того, что мы называемъ свѣтъ. Въ этомъ отношеніи учоныя разнились мнѣніями и принимали одну изъ слѣдующихъ двухъ главныхъ теорій—теорію истеченій или теорію волненій. Послѣдователи первой, порожденной гениемъ Ньютона, допускали, что свѣтъ состоитъ изъ матеріальныхъ частицъ, истекающихъ изъ свѣтящаго тѣла. Приверженцы послѣдней, слѣдуя идеямъ Юнга и Френеля полагали, что свѣтъ происходитъ отъ дрожанія частицъ необыкновенно тонкой жидкости. Послѣдняя идея принадлежала впрочемъ первоначально великому Эйлеру, которому только недоставало подручныхъ фактовъ, чтобы сдѣлаться вторымъ Ньютономъ. Обѣ теоріи имѣли своихъ защитниковъ и послѣдователей. Сперва господствовала почти исключительно Ньютонова теорія, казавшаяся съ перваго

взгляда простѣйшею и пользовавшаяся покровительствомъ громкаго авторитета своего изобрѣтателя. Впрочемъ, при дальнѣйшемъ развитіи науки и особенно въ теченіе нынѣшняго столѣтія, стали открываться свѣтотворныя явленія, рѣшительно необъяснимыя по теоріи истеченія. Безпристрастные ученые стали склоняться на сторону теоріи волненій, пока, наконецъ, въ 1850 году споръ рѣшенъ былъ окончательно.

Чтобы познакомить нашихъ читателей съ этимъ интереснымъ научнымъ вопросомъ, мы постараемся изъяснить его сколь возможно общепонятнѣе.

Самое поверхностное наблюденіе показываетъ намъ, что всякое свѣтящее тѣло издаетъ изъ себя свѣтъ по всѣмъ направленіямъ: такъ пламя свѣчи, поставленной среди комнаты, видно повсюду, если только не находится предъ глазами наблюдателя какого-либо препятствія. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ такомъ случаѣ, когда мы возьмемъ несравненно большія свѣтящія массы, чѣмъ свѣча, и гораздо большія пространства, чѣмъ нѣсколько шаговъ. Солнце освѣщаетъ міръ по всѣмъ направленіямъ, и одновременно видно на землѣ, планетахъ, кометахъ и во всей безконечности доступнаго зрѣнію мірозданія.

Теперь представляется вопросъ: какъ становятся тѣла для насъ видимыми?

Необходимо, чтобы частица свѣтящая, называемая *лучомъ*, отдѣлилась отъ тѣла, и пробѣжавъ пространство, раздѣляющее насъ отъ сего послѣдняго, коснулась свѣтчатой плевы нашего глаза, которая, помощію оптическаго нерва, передаетъ мозгу понятіе о видѣніи; мозгъ же, получивъ впечатлѣніе, образуетъ понятіе о видимомъ предметѣ.

Свѣтящія тѣла необходимо должны состоять изъ частицъ матеріальныхъ, слѣдовательно, тѣлесныхъ и вѣсовыхъ. Пустота, то есть, пространство въ которомъ не заключается никакихъ матеріальныхъ частицъ, хотя и пропускаетъ сквозь себя свѣтъ, но не можетъ рождать его. Слѣдовательно, свѣтящія тѣла могутъ быть мысленно раздробляемы на вѣсомыя частички, все болѣе и болѣе мелкія: мельчайшія изъ нихъ, еще доступныя нашему глазу, будутъ свѣтлыя точки. Такимъ образомъ всякое свѣтящее тѣло можно разсматривать какъ совокупность свѣтлыхъ точекъ, точно также какъ тѣло вообще есть собраніе матеріальныхъ частичекъ или атомовъ.

Припомнимъ въ короткихъ словахъ нѣкоторыя изъ свойствъ свѣта.

Лучъ есть направленіе, по которому распространяется свѣтъ. Въ срединахъ однородныхъ, то есть одаренныхъ одинаковымъ составомъ и плотностію, лучъ идетъ всегда по прямой линіи; въ срединахъ же разнородныхъ, онъ движется всегда по кривой или ломаной.

Напряженіе или сила свѣта постоянно уменьшается по мѣрѣ удаленія его отъ наблюдателя. Законъ этого уменьшенія, совершающагося совершенно правильно и послѣдовательно, физики выражаютъ слѣдующимъ афоризмомъ:

«Освѣщеніе уменьшается въ той же самой пропорціи, какъ квадратъ разстояній увеличиваются.»

Свѣтъ распространяется съ изумительною быстротою, неимѣющей понынѣ себя равной во всѣхъ извѣстныхъ намъ явленіяхъ природы, за исключеніемъ развѣ быстроты, еще несовершенной изслѣдованной, одного электричества, которая, если не превосходитъ быстроты свѣта, то близко къ ней подходитъ.

Наблюденія затмѣній Юпитеровыхъ спутниковъ, сдѣланныя еще въ 1676 году, показали Олаю Ремеру, что свѣтъ движется съ быстротою слишкомъ 280000 верстъ въ каждую секунду! Французскій астрономъ Кассини повѣрялъ этотъ выводъ и нашелъ его правильнымъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка, отличный англійскій наблюдатель Бредлей (Bradley) опредѣлилъ скорость движенія свѣта, основываясь на открытомъ имъ явленіи *абераціи*, и также получилъ результатъ, весьма близкій къ вышеприведенному. Наконецъ, точнѣйшія изслѣдованія нашего Струве несомнѣнно доказали, что скорость движенія свѣта въ пространствѣ составляетъ около 288 тысячъ верстъ въ секунду!!

Такая безпримѣрно-изумительная быстрота была долгое время основана на однихъ только астрономическихъ наблюденіяхъ, и казалось бы, при ограниченныхъ размѣрахъ земной поверхности, трудно найти средства опредѣлить эту быстроту земными наблюденіями. Однакожъ въ 1849 году, парижскій физикъ Физо (Fizeau) достигъ до этого неожиданнаго результата, и получилъ выводъ, весьма близкій къ выводу Струве. Такое необыкновенное согласіе результатовъ, полученныхъ совершенно различными путями, вполне подтверждаетъ достовѣрность вывода.

Изучая явленія свѣта, физики невольно приходили къ вопросу — что же такое свѣтъ и какимъ образомъ онъ распространяется? Пока изучали только общіе законы отраженія, преломленія и разложенія свѣтовыхъ лучей, то возможно было ихъ объяснить и понимать, основываясь на однихъ опытахъ и не прибѣгая ни къ какимъ теорическимъ соображеніямъ о свойствахъ свѣта и способѣ его существованія. Но эта чисто-опытная метода не могла прилагаться къ явленіямъ, извѣстнымъ подъ названіями *интерференціи* и *диффракціи*. При изученіи послѣднихъ представляются новыя свойства свѣта, столь тѣсно связанныя съ теоріею, что ихъ невозможно представить яснымъ и опредѣлительнымъ образомъ безъ содѣйствія общей идеи о существѣ движенія, образующаго то, что мы называемъ свѣтомъ.

Всѣ физики согласны въ томъ, что присутствіе свѣта непременно обуславливается существованіемъ движенія, — что неоспоримо доказано вышеупомянутыми измѣреніями быстроты распространенія свѣтовыхъ лучей. Но между всѣми видоизмѣненіями, подъ которыми можетъ проявляться движеніе, различаются два общіе, существенно различные способа, — *поступательный* и *дрожательный*. Движеніе свѣта необходимо должно совершаться однимъ изъ этихъ путей. Но которымъ именно?

Мнѣнія, какъ мы выше упомянули, были различны.

Одни допускали, что свѣтъ движется въ пространствѣ поступательно, и потому предполагали, что изъ солнца и другихъ свѣтящихъ тѣлъ истекаетъ особаго рода жидкость, распространяющаяся безвозвратно по всѣмъ направленіямъ и дѣлающая всѣ предметы видимыми. Мы уже сказали, что изобрѣтеніе этой *теоріи истеченій* или, правильнѣе, ея учоная обработка принадлежитъ Ньютону.

Другіе, принимавшіе, что свѣтъ движется посредствомъ дрожаній, слѣдуютъ *системѣ волненій*. По ихъ мнѣнію, свѣтовое вещество претерпѣваетъ только чрезвычайно малыя перемѣны мѣста, родъ попеременныхъ движеній, помощію которыхъ оно послѣдовательно, въ одно мгновеніе, удаляется отъ свѣтящаго тѣла, и вслѣдъ за тѣмъ, въ слѣдующее мгновеніе, вновь приближается къ нему на тоже самое разстояніе, и такія попеременные движенія взадъ и впередъ повторяются чрезвычайно огромное число разъ въ весьма короткій промежутокъ времени.

Согласно съ этою теоріею, свѣтовое существо будетъ совершенно независимымъ отъ свѣтящаго тѣла, точно также какъ воздухъ, распространяющій звуки, независимъ отъ звучащихъ тѣлъ. Вещество, движеніемъ своимъ образующее свѣтъ, въ состояніи покоя не будетъ свѣтящимъ, точно также какъ воздухъ въ спокойномъ состояніи не звучитъ.

Въ-слѣдствіе такого независимаго существованія и дѣйствительности факта, что свѣтъ распространяется по всѣмъ направленіямъ, должно допустить, что свѣтовое вещество разлито вездѣ однообразно вокругъ свѣтящихъ тѣлъ. То, что было дрожаніемъ въ отдѣльной частицѣ, становится волненіемъ въ массѣ свѣтоваго вещества; то есть, всѣ точки, одинаково удаленныя, по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, отъ свѣтящагося предмета, будутъ одновременно, въ данный моментъ, претерпѣвать отъ того предмета дрожательное (взадъ и впередъ) движеніе, съ одинаковою силою. Другими словами: если вообразимъ, что отъ свѣтящаго пункта расходится, какъ отъ центра, безконечное число прямыхъ линій по всѣмъ направленіямъ, то дрожанія, совершающіяся по направленіямъ одной изъ этихъ прямыхъ, связаны съ дрожаніями, совершающимися одновременно на всѣхъ остальныхъ линіяхъ вмѣстѣ и на каждой изъ нихъ въ особенности. Эта общая и неразрывная связь и составляетъ явленіе. Ибо, еслибы явленія движенія, происходящія на какой-либо одной линіи, могли быть независимы отъ движеній, совершающихся на сосѣднихъ линіяхъ, то общее проявленіе движеній было бы неправильное и не могло бы называться волнообразнымъ.

Вотъ двѣ системы, придуманныя для объясненія свѣтовыхъ явленій. Никто не можетъ сказать положительно, что одна изъ нихъ необходимо есть истинная; но несомнѣнно, что одна изъ нихъ должна быть ложною.

Которая же непременно ложная?

Новыя открытія въ области оптики, и особливо открытіе такъ называемыхъ *интерференцій*, показываютъ, что теорія истеченій никакъ не можетъ быть истинною, потому-что явленія интерференціи явно ей противорѣчатъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, никакъ нельзя согласить начало интерференціи съ теоріею истеченій. Двѣ частички, одаренныя одинаковою скоростію, движутся по одному

направленію, встрѣчаются подъ малымъ угломъ, и скорости ихъ уничтожаются? Не прямое ли здѣсь противурѣчіе и прямая механическая невозможность?

Напротивъ того, по теоріи волненій, гдѣ движеніе свѣтовой матеріи совершается попеременно по противоположнымъ направленіямъ, два луча встрѣтятся между собою (по какой бы-то ни было причинѣ) должны взаимно уничтожиться, если они одарены противоположными скоростями. Это совершенно ясно и вполне согласно со всѣми механическими законами.

При ближайшемъ учономъ разсмотрѣніи вопроса оказывается, что начало интерференцій есть необходимое слѣдствіе теоріи волненій.

Древніе философы знали относительно свѣта весьма небольшое количество явленій, дурно наблюденныхъ и опредѣленныхъ только самыми общими выраженіями. Однакожъ и въ ихъ сочиненіяхъ встрѣчаются зачатки обѣихъ теорій—истеченій и волненій. Съ-тѣхъ-поръ умъ человѣческой не могъ придумать ничего новаго, и непрерывно обращался вокругъ однихъ и тѣхъ же гипотезъ, которыя передавались изъ рода въ родъ, окруженные первобытнымъ мракомъ, нимало не прояснившимся до времени Кеплера, Галилея, Декарта и Гримальди. Въ эпоху этихъ гениальныхъ людей, быстро слѣдовавшія другъ за другомъ открытія въ области свѣта, теплоты, электричества и магнетизма обѣщали, повидимому, скорое рѣшеніе основныхъ вопросовъ о видахъ существованія природныхъ силъ. Но эти надежды остались тщетными. Вопросъ о самобытіи силъ понынѣ покрытъ мракомъ, и среди него только въ новѣйшее время заранилась слабая искра свѣта.

Гримальди, Хукъ (Нooke), Гюйгенсъ, Декартъ и многіе другіе славные математики, болѣе же ихъ всѣхъ знаменитый Эйлеръ, придерживались теоріи волненій. Наконецъ, въ 1801 году, Юнгъ открылъ начала интерференціи, будучи приведенъ къ тому предварительными изысканіями надъ звукомъ. Наконецъ, Френель и Араго положили твердыя основанія для теоріи волненій.

Укажемъ теперь на нѣсколько общихъ слѣдствій, къ которымъ они приводятъ.

Въ явленіяхъ свѣта и звука должно различать впечатлѣніе, получаемое нашими органами чувствъ отъ физической причины

этихъ впечатлѣній. Къ сожалѣнію, часто смѣшиваютъ между собою эти два понятія, такъ что когда мы станемъ утверждать, что звукъ существуетъ для глухаго, а свѣтъ для слѣпаго, то, несмотря на неоспоримую истину этого физическаго факта, многимъ покажется, что мы выразили парадоксъ, ибо въ обыкновенныхъ понятіяхъ, слова *звукъ* и *свѣтъ* означаютъ только ощущеніе этихъ дѣятелей нашими органами. Въ-самомъ-же-дѣлѣ, звукъ есть дрожаніе воздуха, а свѣтъ принимается за дрожаніе чрезвычайно упругой и понынѣ для насъ невѣдомой и неуловимой воздухообразной жидкости, которую согласились называть *эфиромъ*. Такимъ-образомъ, свѣтъ существуетъ внѣ насъ самихъ: мы можемъ вообразить его въ пространствѣ и осуществить образностию мысли, какъ движеніе, подчиненное извѣстнымъ условіямъ.

Допустивъ это, намъ будетъ ясно, что вездѣ, гдѣ находится свѣтъ, долженъ находиться и эфиръ: слѣдовательно, эфиръ наполняетъ пространство. Онъ находится въ пространствѣ въ которомъ движется наша земля, и въ тѣхъ неизмѣримостяхъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ звѣздъ, туманныхъ пятенъ и звѣздныхъ кучъ. Во всей безконечности доступна нашему зрѣнію уголка вселенной нѣтъ мѣста, которое не было бы наполнено эфиромъ.

И не въ одномъ міровомъ пространствѣ разлита эта жидкость. Она проникаетъ все тѣла природы. Еслибы эфиръ не существовалъ въ воздухѣ, то свѣтъ изъ небесныхъ свѣтилъ не достигалъ бы до нашихъ глазъ. Еслибы онъ не существовалъ въ водѣ, стеклѣ, алмазѣ и другихъ прозрачныхъ тѣлахъ, то они не пропускали бы сквозь себя свѣта. Даже тѣла, которыя мы зовемъ непрозрачными, могутъ, по всей вѣроятности, слѣдаться прозрачными при извѣстныхъ условіяхъ. Для примѣра можно представить золото, одно изъ самыхъ плотнѣйшихъ тѣлъ природы: тонкій листочикъ этого металла пропускаетъ сквозь себя зеленые лучи.

Свѣтъ наконецъ проходитъ сквозь оболочки нашего глаза и даже чрезъ нервныя волокна, образующія такъ называемый *оптический* или *зрительный* нервъ, послѣдній видимый предѣлъ, до котораго нашъ разумъ можетъ преслѣдовать свѣтовую волну, а слѣдовательно, и дрожаніе эфира.

Такимъ-образомъ, система волненій приводитъ насъ къ существованію невѣсомаго вещества, заключающаго въ своей средѣ всю вѣсомую міровую матерію, образующую безконечно-разнообразныя скопленія, по законамъ, предписаннымъ ей Вѣчною Премудростію

И такъ эфиръ находится вездѣ; но вездѣ ли онъ одинаковъ? Этотъ вопросъ весьма важенъ.

Весьма вѣроятно, что въ неизмѣримости небеснаго пространства, равно какъ и въ искусственномъ безвоздушномъ пространствѣ не существуетъ замѣтнаго различія въ распределеніи эфира, и слѣдовательно, въ движеніи свѣта. Но внутри разнообразныхъ прозрачныхъ тѣлъ свѣтъ долженъ двигаться различно, волны должны измѣняться въ скорости и длинѣ, а, слѣдовательно, и упругость эфира должна быть разнообразною. Опыты показали даже, что въ большей части кристаллическихъ тѣлъ эта упругость разнится, даже смотря по направленіямъ.

Эфиръ долженъ-быть необыкновенно упругъ. Нѣкоторые физики допускали даже совершенную упругость этой жидкости; однакожь новѣйшія изысканія В. Я. Струве показали, что эта упругость имѣетъ свои предѣлы и что свѣтъ, проходя сквозь огромныя пространства, ослабѣваетъ или угасаетъ, хотя весьма медленно и слабо.

Несмотря на то, что теорія волненій явно одерживала верхъ надъ теорією истеченій, не было еще рѣшено прямымъ опытомъ—есть ли свѣтъ матерія, истекающая изъ свѣтящихся тѣлъ, или явленіе дрожанія эфира? Съ одной стороны Фуко, а съ другой Физо и Бреге воспользовавшись остроумною идеєю Араго, устроили чрезвычайно замысловатый механизмъ, посредствомъ котораго можно было измѣрить относительно скорость движенія свѣтоваго луча въ воздухѣ и въ водѣ. По теоріи истеченій, въ то самое время, когда лучъ пробѣжитъ въ водѣ 1, онъ пробѣжитъ въ воздухѣ только $\frac{3}{4}$; а по теоріи волненій, онъ въ тотъ же самый промежутокъ времени, долженъ пройти въ воздухѣ разстояніе, равное $\frac{4}{3}$ или $1\frac{1}{3}$. Результаты опытовъ постоянно гармонировали съ выводомъ, сдѣланнымъ по теоріи волненій.

Такимъ - образомъ рѣшился многовѣковый спорный вопросъ.

Теперь нѣтъ сомнѣнія, что свѣтъ не есть особая матерія, истекающая изъ свѣтящихся тѣлъ, но явленіе дрожанія частицъ чрезвычайно упругой, хотя еще и неизслѣдованной нами жидкости, названной эфиромъ, за неизмѣнимъ другаго приличнѣйшаго названія.

И такъ—свѣтъ есть явленіе, а не тѣло.

Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» мы, весьма подробно описавъ остроумные опыты Фуко, Физо и Бреге*, вывели изъ нихъ между-прочимъ слѣдующее заключеніе, которое и выписываемъ изъ того журнала—буквально.

«Описанное нами открытіе имѣетъ, въ глазахъ нашихъ, еще важное значеніе, въ томъ отношеніи, что служитъ фактическимъ подтвержденіемъ повѣствованія о порядкѣ міроздаанія, переданнаго намъ Книгою Бытія. Многіе философы и естествоиспытатели считали неестественнымъ, чтобы свѣтъ былъ созданъ ранѣе, чѣмъ свѣтила небесныя, его изливающія, и потому осмѣливались сомнѣваться въ истинѣ Моисеева повѣствованія о сотвореніи свѣта въ первый, а свѣтилъ въ четвертый день міроздаанія. Теперь и наука признаетъ существованіе свѣтоваго существа независимо отъ свѣтилъ, а понятіе, которое мы имѣемъ о міровомъ эфирѣ, пронизающемъ всю массу созданія, прямо говоритъ въ пользу того положенія, что вещество свѣта явилось въ мірѣ ранѣе небесныхъ свѣтилъ. Чѣмъ далѣе и осторожнѣе идемъ мы по пути изслѣдованій и открытій, тѣмъ болѣе научаемся признавать дѣйствительность истинъ, заключающихся въ Священномъ Писаніи, и мало-по-малу исчезаютъ тѣ мнимыя противорѣчія, которыми нѣкоторые умы думали поколебать вѣру въ непреложность Слова Божія».

Мы познакомились теперь съ таинственнымъ бытіемъ того, что мы называемъ свѣтомъ. Главнымъ источникомъ этого явленія служатъ для насъ солнце, великолѣпнѣйшее изъ свѣтилъ небесныхъ для земножителя. Лучи его изливаютъ на землю главную массу свѣта; но они обладаютъ не одною свѣтоностію. Въ нихъ заключается много другихъ тайнъ, указывающихъ на взаимную, еще неразгаданную общую связь между явленіями природы.

* См. Журн. Мин. Нар. Просв. янв. 1851 г., отд. II.

Изъ всѣхъ свойствъ солнечныхъ лучей, *свѣтъ* болѣе прочихъ извѣстенъ былъ съ древнѣйшихъ временъ. Старинные естествоиспытатели знали не только главные законы отраженія и преломленія свѣтовыхъ лучей, но и разложеніе бѣлаго луча на цвѣтные. Впрочемъ общее вліяніе солнечныхъ лучей на природу не скрылось также отъ ихъ вниманія. Даже въ дикомъ состояніи, человѣкъ радуется восходу солнца, разгоняющаго ночной мракъ, и живя среди полей и лѣсовъ замѣчаютъ, какъ всякій цвѣтокъ, всякое растеніе привѣтно встрѣчаетъ солнечный лучъ. Тутъ невольно должна была родиться мысль о соотношеніяхъ между органическою природою и источникомъ свѣта. Но эта мысль оставалась бесплодною, или получала ложное примѣненіе. Въмѣсто поклоненія Истинному Богу, Виновнику всѣхъ чудесъ свѣта, жалкіе язычники обоготворили самое явленіе подъ мифами Аполлона и Ваала.

Но прошли вѣка и повлекли за собою развитіе науки. Наблюдатели стали замѣчать, что свѣтъ солнца заключаетъ въ себѣ не однообразное начало. Лучи дневнаго свѣтила не только освѣщаютъ, но нагрѣваютъ и проявляютъ еще третье качество, которое хотя и было постигаемо весьма смутно, но все-таки не могло укрыться въ своихъ проявленіяхъ. Мы находимъ подтвержденіе сейчасъ сказаннаго въ сочиненіяхъ ученыхъ середины XVII вѣка, то есть эпохи рожденія естественной философіи. Такъ въ сочиненіяхъ Кирхера * мы находимъ (въ XVI главѣ) слѣдующія замѣчательныя слова. «Нѣтъ сомнѣнія, что солнце, луна и звѣзды, кромѣ свѣта и теплоты, какъ первоначальныхъ свойствъ, обладаютъ еще извѣстными качествами, доказанными на дѣлѣ ихъ удивительнымъ и любопытнымъ вліяніемъ».

Къ несчастію, въ головѣ Кирхера истина всегда мѣшалась съ заблужденіемъ, а провинительность его подавлялась необыкновеннымъ легковѣріемъ. Такъ, напримѣръ, онъ рассказываетъ объ одномъ чудесномъ камнѣ, будто бы находимомъ въ Индіи (этой классической землѣ всѣхъ диковинокъ), что онъ указывалъ на лунныя четверти или фазы, помощію находившейся на немъ свѣтлой точки. Камень этотъ, чорнаго цвѣта, былъ величиною

* Ученый Іезуитъ XVII вѣка.

съ голубиное яйцо: свѣтлое пятнышко, во-время полнолунія являлось въ немъ величиною съ горошину, и уменьшалось въ новолуніе до величины просянаго зерна. И вслѣдъ за этою баснею, мы находимъ у Кирхера самыя здравыя идеи о вліяніи свѣта на растенія. *

Свойства лучей, предугаданныя мыслителями и наблюдателями XVII столѣтія и отличныя отъ свѣта и теплоты, состоятъ въ магнитномъ и химическомъ ихъ дѣйствіи. Последнее мы нынѣ называемъ *активизмомъ*. Последнее неподвержено ни малѣйшему сомнѣнію; а первое, указанное Кирхеромъ, подтверждается, повидимому, новѣйшими изслѣдованіями. Едва ли можно отвергать существованіе въ солнечныхъ лучахъ магнитной силы.

Алхимики твердо вѣрили, что свѣтъ производитъ значительныя измѣненія въ тѣлахъ. Они утверждали, что свойства металловъ зависятъ отъ большаго или меньшаго въ нихъ присутствія свѣтоваго начала, котораго заключалось въ золотѣ и серебрѣ несравненно болѣе, чѣмъ въ желѣзѣ и свинцѣ. Открытіе, что хлористое или роговое серебро чернѣетъ отъ вліянія солнечныхъ лучей сдѣлано еще въ 1556 году. Какъ можно было послѣ этого сомнѣваться въ химическомъ ихъ свойствѣ, которое алхимики конечно перетолковали по своему. Они вѣрили симпатіи, существующей между растеніями и животными съ одной стороны, и небесными свѣтилами съ другой.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на подобной ложной идеѣ была основана вся астрологія. Кромѣ-того, думали, что слизи и черепоконныя животныя увеличиваются ростомъ вмѣстѣ съ прибылью луны и уменьшаются съ ея убылью. Вѣрили, что солнечные лучи, проникая сквозь листья и вѣтви орѣшника, причиняютъ сильную головную боль, которая тотчасъ проходитъ, если стать подъ тѣнь лимоннаго дерева. Такъ истина мѣшалась съ баснями; а въ такомъ хаосѣ нельзя было соединить свѣтлыхъ и правильныхъ идей, раждающихъ науку. Въ то самое время, какъ Ньютонъ предавался своимъ плодотворнымъ изысканіямъ, Кирхеръ, образецъ средне-вѣковаго физика, ужасалъ своихъ слушателей странными теоріями о свойствахъ свѣта. Болѣе двухъ сотъ

* См. *Ars magna lucis et umbrae*.

страницъ *in folio* посвящено имъ описанію таинственныхъ вліяній свѣта, служащихъ для совершенія диковинокъ натуральной магіи. Онъ учитъ тамъ, какъ заставлять привидѣнія являться среди воздуха, какъ двигать тѣла солнечными лучами, заставлять ими бить фонтаны, и тому подобныя вѣщности, которыя считались въ то время верховъ физическихъ званій о природѣ.

Успѣхи химіи много содѣйствовали правильному понятію о солнечныхъ лучахъ. Знаменитый Шеле тщательными наблюденіями изслѣдовалъ вліяніе разныхъ лучей солнечнаго призрака или спектра на серебряныя соли (и преимущественно на азотнокислое серебро или адскій камень). Пристлей наблюдалъ химическія дѣйствія солнца на растенія, хотя и не догадался, что въ солнечныхъ лучахъ есть особые темные лучи, одаренные химическою силою. Одновременно съ Пристлеемъ, и графъ Румфордъ пришелъ къ одинаковому съ нимъ выводу о химическихъ вліяніяхъ, приписываемыхъ ими свѣту.

Первое открытіе существованія въ лучахъ особаго, третьяго начала, независимаго отъ свѣта и теплоты, принадлежитъ, кажется, іенскому ученому Риттеру. Онъ замѣтилъ, что внѣ фіолетоваго края солнечнаго призрака существуютъ невидимые или темные лучи, производящіе на соли серебра самое сильное вліяніе. Вскорѣ послѣ него замѣтили, что и за краемъ краснаго луча призрака существуютъ невидимые, но nagrѣвающіе лучи.

Французскій физикъ Шарль и знаменитый Англичанинъ Веджвудъ первые пробовали снимать изображенія помощію камеръ-обскуры на соляхъ серебра. Веджвудъ замѣтилъ, что если натереть бумагу или кожу азотнокислымъ серебромъ, то она принимаетъ на себя изображенія предметовъ, освѣщенныхъ солнечными лучами, но синій и фіолетовый лучи дѣйствуютъ при этомъ гораздо скорѣе и сильнѣе прочихъ. Вездѣ, гдѣ падаютъ лучи, соль серебра чернѣетъ; но въ мѣстахъ неосвѣщенныхъ или затѣненныхъ она сохраняетъ свою бѣлизну.

И такъ фотографія была открыта; только не умѣли еще дѣлать изображенія постоянными. Они быстро исчезали отъ присутствія свѣта; хотя при свѣтѣ свѣчь и лампъ это исчезаніе происходило довольно медленно.

Вотъ первыя свѣтописныя попытки. Въ 1814 году, шалонскій житель Ньенсъ дѣлалъ по этому предмету весьма любопытныя опыты. Только десять лѣтъ позже занялся тѣмъ же дѣломъ Дагерръ, и видя безуспѣшность первыхъ попытокъ, рѣшился соединиться съ Ньенсомъ и работать съ нимъ вмѣстѣ.

Въ 1839 году, Араго объявилъ свѣту объ открытіи Дагерра, и вслѣдъ за тѣмъ были представлены парижскимъ ученымъ образцы дагерротипныхъ изображеній. Неподражаемая вѣрность рисунка, правильность переливовъ свѣта и тѣни, и наконецъ самая странность этихъ картинокъ возбудили всеобщее удивленіе. Свѣтъ солнца принужденъ былъ сдѣлаться рисовальщикомъ, повинувшись уму человѣческому.

Дагерръ былъ щедро награжденъ французскою палатою депутатовъ. Онъ получилъ пожизненную пенсію.

Почти въ тоже самое время Фоксъ Тальботъ взялъ въ Англіи привилегію на *фотографическое* или лучше *эліографическое* производство. Онъ открылъ средство замѣнять металлическую досочку особо приготовленною бумагою. Дѣло упростилось, но рисунки выходили не такъ отчетливы.

Нынѣ родственникъ Дагеррова товарища Ньенса, молодой Ньенсъ-де-Сенъ-Викторъ, которому фотографія одолжена многими усовершенствованіями, почти открылъ средство получать дагерротипныя изображенія съ естественными красками предметовъ. Правда, что эти краски неполнѣе отчетливы и покуда не найдено еще средства дѣлать такія изображенія постоянными.

Но пора намъ перейти къ открытіямъ новѣйшей науки относительно состава солнечныхъ лучей.

Лучи дневнаго свѣтила оказались состоящими изъ собственно-свѣтовыхъ или свѣтлыхъ лучей, изъ лучей теплородныхъ или теплыхъ, и изъ химическихъ лучей. Каждый видъ лучей можетъ быть отдѣленъ отъ другихъ помощію призмы. Если въ темную комнату пропустить сквозь маленькое отверстіе солнечный лучъ и затѣмъ заставить его пройти сквозь стеклянную призму, за которою помѣщается бѣлая гладкая поверхность, то на послѣдней образуется великолѣпная полоса, составленная изъ параллельныхъ между-собою полосокъ семи первоначальныхъ цвѣтовъ:

Краснаго,
Оранжеваго,
Желтаго,
Зеленаго,
Голубаго,
Синяго и
Фіолетоваго.

Эта красивая полоса чрезвычайно интересна для излѣдователя. Поговоримъ о ней.

Пучокъ солнечныхъ лучей, пройдя сквозь отверстіе въ темную комнату, падаетъ на кусокъ стекла, ограненный въ форму призмы, и является въ видѣ полосатой ленты, составленной изъ прекраснѣйшихъ красокъ. Эти краски, сейчасъ перечисленные, состоятъ собственно изъ трехъ основныхъ цвѣтовъ, *краснаго жолтаго и синяго*, смѣшивающихся между-собою и переходящихъ другъ въ друга безчисленными оттѣнками.

Возьмемъ теперь чувствительный термометръ и будемъ ставить его шарики попеременно въ различные цвѣтные лучи. Мы найдемъ, что онъ поднимется всего менѣе въ фіолетовомъ лучѣ (13°); въ желтомъ онъ будетъ стоять уже на 17° ; а немного далѣе предѣла краснаго луча есть темное мѣсто, гдѣ термометръ покажетъ 26° . Въ полосѣ неразложеннаго солнечнаго свѣта термометръ показалъ бы вездѣ одинаковую температуру.

Что заключаемъ изъ этого.

Солнечные лучи, пройдя сквозь призму, не только разложились на цвѣтные, но и отдѣлила свѣтовые лучи отъ теплородныхъ. Послѣдніе наклонились болѣе въ сторону краснаго луча.

Но это еще не все. Возьмемъ полосу чувствительной свѣтописной бумаги и положимъ ее такъ, чтобы она перерѣзывала полосу спектра поперегъ. Тогда мы увидимъ, что бумага останется бѣлою внѣ краснаго луча, тамъ гдѣ наиболѣе дѣйствуютъ теплородные лучи; въ красномъ она слабо будетъ чернѣть; нѣсколько сильнѣе въ жолтомъ и синемъ, и наконецъ, еще сильнѣе въ фіолетовомъ. Но самое сильное потемнѣніе замѣтимъ внѣ предѣла фіолетоваго луча, въ темномъ пространствѣ. Значитъ, химическіе лучи, производящіе явленіе, которое мы называемъ *актинизмомъ*, отдѣлясь отъ свѣтныхъ и теплыхъ, от-

клонились противоположно послѣднимъ, въ сторону фіолетоваго луча.

Отчего же, спросите вы, пучокъ бѣлыхъ солнечныхъ лучей разлагается на цвѣтную полосу?

Еслибы этотъ пучокъ не встрѣчалъ призмы, то онъ продолжалъ бы свое распространеніе по прямолинейному пути. Но при прохожденіи чрезъ стекло призмы, пучокъ лучей измѣняетъ первоначальное направленіе и уклоняется въ ту сторону, на которой находится толстая часть призмы — это самое явленіе и называется *преломленіемъ* или *рефракціею*.

Поспѣшимъ сказать, что различныя части солнечныхъ лучей одарены въ различной степени способностью преломленія. Бѣлый лучъ, какъ выше сказано, состоитъ изъ смѣси семи лучей, изъ которыхъ красный преломляется менѣе прочихъ, то-есть всего менѣе уклоняется отъ первоначальнаго направленія при прохожденіи сквозь призму. Но теплые или теплородные лучи преломляются еще слабѣе, и потому выходятъ за край краснаго луча.

За тѣмъ, оранжевые лучи преломляются сильнѣе красныхъ; жолтые сильнѣе оранжевыхъ; зеленые сильнѣе желтыхъ; и наконецъ, изъ всѣхъ свѣтлыхъ лучей фіолетовые болѣе прочихъ уклоняются отъ первоначальнаго направленія луча, однакожъ химическіе лучи преломляются еще сильнѣе, и потому понятно, что они выходятъ за край фіолетоваго луча.

Такъ солнечные лучи разлагаются на три отдѣльныя начала. Каждое изъ сихъ послѣднихъ имѣетъ еще свои подраздѣленія; но они сильно обнаруживаются только въ лучахъ свѣтлыхъ, разнообразіемъ цвѣтныхъ полосъ спектра. Впрочемъ и теплые и химическіе лучи также имѣютъ свои подраздѣленія, которыя еще дурно излѣдованы.

Изъ составныхъ частей солнечнаго луча, лучъ свѣтовой играетъ для насъ самую очевидную роль. Онъ лазуритъ небесный сводъ, зеленитъ луга и листовную одежду деревьевъ, желтитъ вивы и придаетъ цвѣтамъ ихъ яркія краски съ непостижимымъ множествомъ оттѣнковъ. За свѣтлымъ лучемъ слѣдуетъ теплородный, дающій жизнь и движеніе, развивающій растенія, воздымающій вѣтры. Наконецъ, химическій лучъ, своимъ непрерывнымъ, хотя и скрытымъ отъ глазъ дѣйствіемъ, прони-

каетъ всѣ тѣла природы и раждаетъ въ нихъ безконечное число частичныхъ видовзмѣненій. Но эти дѣйствія выказываются намъ изъ-подъ столь таинственнаго покрыва, что мы успѣли ознакомиться здѣсь только съ различіемъ группъ, а не самыхъ частностей явленій.

Познакомившись съ сущностью лучей, изливаемыхъ величественнымъ средоточіемъ нашей міровой системы, рассмотримъ вліяніе, оказываемое на природу ихъ разнообразными началами.

ВЛІЯНІЕ СВѢТЛЫХЪ ЛУЧЕЙ.

Если мы углубимся въ дремучій лѣсъ, куда, сквозь чашу густыхъ листьевъ, едва проникаютъ солнечные лучи, и разсматривая растенія, прозябающія тамъ въ почти постоянной тѣни, будемъ сравнивать ихъ съ растеніями тѣхъ же родовъ и видовъ, красующимися на мѣстахъ, облитыхъ дневнымъ свѣтомъ, то замѣтимъ въ нихъ чрезвычайную разницу. Эта разница сдѣлается еще болѣе разительною, если мы возьмемъ для сравненія породы растеній тропическихъ, которыхъ цвѣта несравненно ярче, чѣмъ тѣ, которыми красуются прозябенія нашихъ умѣренныхъ климатовъ. Растеніе, прозябавшее въ тѣни, будетъ слабо, блѣдно, вяло, тогда какъ выросшее на солнечномъ мѣстѣ отличается зеленью листьевъ, сочностью и силою. Возьмите напримѣръ пальмы и другія тропическія растенія, воспитываемыя въ нашихъ теплицахъ, и сравните ихъ съ братьями и сестрами—выросшими по близости экватора,—какая необъятная разница! А все-таки теплицы и оранжереи строятся такъ, чтобы растенія, въ нихъ заключенныя, пользовались наивыгоднѣйшимъ освѣщеніемъ; но солнце тропиковъ несравненно ярче нашего сѣвернаго солнца: тамъ океанъ отвѣсныхъ лучей; здѣсь косвенный свѣтъ. Никогда тропическія растенія, воспитываемыя въ умѣренномъ климатѣ, не получаютъ горячихъ оттѣнковъ, которыми даритъ ихъ экваторіальное солнце.

Зависимость красокъ растительнаго царства отъ свѣтовыхъ лучей такъ очевидна, что ее почти нечего и доказывать, по праву, что *аксіомы не нуждаются въ доказательствахъ*. Впро-

чемъ мы можемъ повѣрить это дѣло на опытѣ, и этотъ опытъ будетъ весьма простъ и незатруднителенъ.

Возьмемъ, напримѣръ, кустикъ гераніума, выросшій въ хорошо-устроенной оранжереѣ, и поставимъ его въ маленькую комнату, на окно, обращенное на западъ, гдѣ солнечные лучи могутъ падать на растеніе только по одному направленію. Для болѣе разительности опыта, запремъ это окно ставнею, и будемъ отнимать ее перанѣе полудня. Мы замѣтимъ тогда слѣдующія явленія:

Стебельки, хвостики или черешки листьевъ удлиннятся съ той стороны, съ которой солнце никогда ихъ не освѣщаетъ, и изъ горизонтальныхъ сдѣлаются вертикальными, чтобы въ такомъ положеніи получать наиболѣе возможное количество слабаго цвѣта, достигающаго до растенія. Все растеніе вскорѣ приметъ совершенно новый видъ: зелень его листьевъ поблѣднѣетъ, оно ослабнетъ и будетъ казаться полуувядшимъ.

Но когда растеніе будетъ въ этомъ періодѣ страданія, возьмите и поставьте его опять въ привольную оранжерею, на солнце, или еще лучше, лѣтомъ, на вольный воздухъ, въ мѣсто, облитое свѣтомъ полуденнаго солнца и защищенное съ сѣвера. Черезъ нѣсколько дней вы замѣтите значительное улучшеніе въ нашемъ гераніумѣ: листья позеленѣютъ, цвѣты сдѣлаются яркими, и вообще здоровый видъ куста будетъ свидѣтельствовать о таинственномъ вліяніи свѣтовыхъ лучей на силу прозябанія.

Изслѣдованія ученыхъ доказали несомнѣнно, что краски зависятъ отъ свѣта. Впрочемъ мы еще далеко не узнали причины, производящей краски природныхъ тѣлъ, и не должны думать, что всѣ они обязаны своимъ развитіемъ вліянію солнечныхъ лучей. Есть многіе минералы, которые при вервомъ появленіи своемъ изъ земной утробы на свѣтъ блещутъ самыми роскошными красками и переливами цвѣтовъ, хотя впервые солнечный лучъ освѣтилъ ихъ. Жидкость, приготовленная химикомъ ночью, въ мрачной лабораторіи, можетъ быть весьма яркаго и пріятнаго цвѣта. Здѣсь, слѣдовательно, цвѣтъ или краска представляетъ свойство, соприсущное матеріи и для насъ необъяснимое. Мы только знаемъ, что свойство отражать преимущественно

но известные цветные лучи, минералы и жидкости получили не в-слѣдствіе вліянія солнечныхъ лучей.

Совсѣмъ другое видимъ въ растеніяхъ. Если картофельный клубень дастъ ростокъ въ темнотѣ, то этотъ ростокъ будетъ вяль и безцвѣтенъ. Но попробуйте выставить его на свѣтъ: ростокъ окрѣпнетъ и позеленѣетъ. Здѣсь свѣтъ солнца явнымъ образомъ подѣйствовалъ на растительную ткань, и сообщилъ ей свойства отражать лучъ опредѣленнаго цвѣта.

Вліяніе свѣта на растительность всего лучше проявляется въ тропической флорѣ, столь могучей, богатой, блестящей и разнообразной. Сравните орхидей (ятрышники) тропиковъ съ нашими ландышами, шиловникомъ, колокольчиками, васильками—какое неизмѣримое различіе въ разнообразіи и яркости цвѣта, явно зависящее отъ вліянія свѣта. Ни одинъ языкъ человѣческой не въ состояніи выразить блескъ равнинъ Бразиліи, береговъ Ореока и Амазонки, или пустынныхъ полей и лѣсовъ Гвіаны, гдѣ безконечное разнообразіе растительныхъ формъ и противоположности ихъ красокъ спорятъ съ разнообразными видами развитія органической жизни. Отъ мелкой муравки до исполинскихъ деревьевъ, все покрывается тамъ блестящими цвѣтами. Зеленъ листьевъ, отъ самой свѣтлой до самой темной, испещрена розовыми, голубыми, желтыми, синими, пурпурными и карминовыми лепестками. Кругомъ стволовъ величественныхъ пальмъ, колоссальныхъ мимозъ и древообразныхъ папорниковъ выются толстыя какъ канатъ многообразнѣйшія ліаны, орхидей, пассифлоры, усыпанная цвѣтами отъ самой земли до вершинъ, качающихся въ воздухѣ на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ саженей. Въ другомъ мѣстѣ видимъ странныя формы кактусовъ и молочаевъ. Вся почва покрыта непроницаемою растительностію; самыя древесныя стволы покрыты утѣдившимся въ ихъ корѣ чужеродными растеніями.

Чтобы описывать эту природу нужно видѣть ее; а кто видѣлъ ее собственными глазами, тотъ не можетъ говорить о ней безъ восторга.—Дивно твореніе Божіихъ рукъ!

Но если мы знаемъ, что сильнѣйшее развитіе растительности, яркость и разнообразіе красокъ зависятъ, отъ вліянія огромной массы известныхъ свѣтовыхъ лучей, то все-таки намъ остается еще многое изучать относительно колорита цвѣтовъ и

листьевъ. Зеленый цвѣтъ листьевъ происходитъ отъ образующагося въ растительныхъ ячейкахъ особаго, богато углеродомъ вещества, названнаго *хлорофилломъ* *. Онъ образуется только при содѣйствіи солнечныхъ лучей, и опыты показали, что тутъ дѣйствуютъ свѣтовые лучи, а не теплородные и не химическіе. Истина этого заключенія подтверждается и естественными фактами. Случается, что надъ обширными лѣсами Сѣверной Америки носятся въ-теченіе двухъ и даже трехъ недѣль такія густыя облака, что самый день походитъ на сумерки. Въ это время листья растеній продолжаютъ развиваться, благопріятствуемые теплотою и сыростью климата, но эти развитія бываютъ очень блѣдны, потому-что въ нихъ мало хлорофилла, в-слѣдствіе слабаго присутствія свѣтовыхъ лучей въ помраченной атмосферѣ. Контрастъ новообразовавшихся блѣдныхъ листьевъ съ прежними ярко-зелеными кидается въ глаза самому невнимательному страннику. Но едва разсѣются лучи и солнце озаритъ древесныя массы своимъ золотистымъ свѣтомъ, хлорофиллъ начинаетъ образоваться, и скоро всѣ листья, и новыя и старыя—принимаютъ одинаково яркій цвѣтъ.

Вы, можетъ-быть, спросите: какимъ-образомъ свѣтъ образуетъ хлорофиллъ? Вопросъ весьма интересный; только наша химія не въ состояніи еще отвѣчать на него.

Образованіе хлорофилла дѣйствіемъ солнечнаго свѣта имѣетъ весьма важныя послѣдствія для животныхъ и даже для самаго человѣка. Углеродъ есть главная составная часть всѣхъ растеній; а почти весь этотъ углеродъ почерпается растеніями изъ воздуха, гдѣ они содержатся въ видѣ углекислаго газа. Образованіе хлорофилла свѣтовыми лучами, при содѣйствіи лучей темнородныхъ и химическихъ, тѣсно связано съ разложеніемъ углекислоты воздуха и выдѣлѣніемъ изъ нея углерода, для образованія древесной ткани. Освобожденный изъ углекислоты кислородъ одинаково важенъ для животныхъ и растеній. Во все теченіе жизни растенія, оно поглощаетъ углекислоту и выдыхаетъ кислородъ, пока озарено дневнымъ свѣтомъ. Углеродъ питаетъ растенія; кислородъ питаетъ дыханіе животныхъ. Тайственный процессъ прозябанія одинаково необходимъ для растительной и животной природы.

* Буквально съ греческаго — *зеленолистъ*.

Такъ все въ мірѣ связано неразрывными узами, и въ этой связи проявляется дивная гармонія, установленная Создателемъ для поддержанія и увѣковѣченія бытія всего созданнаго. Свѣтлый солнечный лучъ возбуждаетъ дыханіе растеній, которое, въ свою очередь, доставляетъ матеріалъ, необходимый для дыханія и, слѣдовательно, для существованія животныхъ. Законы, дивные въ простотѣ своей!

Свѣтъ столько же необходимъ для животной, сколько и для растительной жизни. Мы не можемъ вообразить себѣ жизни въ совершенной темнотѣ. Одкакожь, непостижимое дѣло! Жизнь такого рода существуетъ несомнѣнно. Въ глубокихъ подземныхъ пещерахъ, куда не проникаетъ ни одинъ солнечный лучъ и гдѣ царствуютъ глубокій мракъ и вѣчное безмолвіе, существуютъ болѣе или менѣе обширныя водныя пространства, и въ нихъ обитаетъ странное животное, — *proteus anguinus* ! Тамъ онъ совершаетъ всѣ періоды своего существованія, — рождается, растетъ, наслаждается жизнью, производитъ себѣ подобныхъ и умираетъ, не имѣя никакого понятія о свѣтѣ и краскахъ.

Proteus anguinus представляетъ понынѣ единственный примѣръ жизни безъ вліянія свѣта. Всѣ остальные растенія и животныя умираютъ при совершенномъ отсутствіи этого дѣятеля.

Профессоръ Форбсъ сдѣлалъ множество наблюденій надъ распространеніемъ жизни въ глубинѣ морской. Театромъ его изслѣдованій было Греческое или Эгейское море. Форбсъ дѣлитъ обитаемую животными морскую глубину на восемь слоевъ, изъ которыхъ самый нижній лежитъ 300 брассъ или около 1,500 футовъ подъ уровнемъ моря. Глубже не встрѣчается болѣе ничего живаго. Впрочемъ вычисленія показали, что и на половинѣ этой глубины уже почти совершенно темно.

Вотъ что говоритъ Форбсъ.

«Если сравнивать раковины и животныхъ, существующихъ въ самыхъ нижнихъ слояхъ, съ тѣми, которые живутъ въ слояхъ болѣе близкихъ къ поверхности, то различіе между ними въ цвѣтѣ тотчасъ бросается въ глаза. Чѣмъ ниже, тѣмъ безцвѣтнѣе животное или раковина; чѣмъ выше, тѣмъ краски ярче и раз-

* Протей змѣевидный.

нообразнѣе. Въ восьмомъ слоѣ все бѣлое; и въ седьмомъ этотъ цвѣтъ господствуетъ, но только здѣсь встрѣчаются уже красно-бурые руконогіе и красные скорлупники. Въ шестомъ слоѣ краски становятся живѣе, и здѣсь господствуютъ желтый и красный цвѣта, однообразно окрашивающіе раковину. Полосатые встрѣчаются въ пятомъ слоѣ, гдѣ уже мало бѣлыхъ. Въ четвертомъ пурпурный цвѣтъ перемежается другими обыкновенными. Зеленый и голубой цвѣта, часто въ весьма яркихъ оттѣнкахъ, появляются въ третьемъ и второмъ слояхъ. Но самыя разнообразныя сочетанія цвѣтовъ, соединенныя съ красивою яркою бѣлизною встрѣчаются только въ самомъ поверхностномъ слоѣ, и преимущественно въ прибрежныхъ мѣстахъ. Раковины и лучистыя животныя верхняго слоя представляютъ яркіе и пестрые цвѣта самага тѣла, тогда какъ въ нижнихъ слояхъ, они почти всѣ бѣлые, несмотря на цвѣтъ оболочки».

Не явно ли тутъ вліяніе солнечнаго свѣта на краски, представляемыя животными тѣлами?

Вліяніе климата производитъ подобныя же видоизмѣненія. Возьмемъ, для простоты и удобопонятности, примѣръ большой тропической горы. У подошвы ея красуются пальмы въ полномъ цвѣту; но чѣмъ выше поднимаемся по склону, тѣмъ растительность принимаетъ болѣе сѣверный характеръ, и наконецъ, у предѣловъ вѣчной снѣговой линіи одни мхи, да поросты полярныхъ странъ. Этотъ фактъ, кромѣ температуры зависитъ еще и отъ напряженія свѣта. Чѣмъ выше поднимаемся мы въ атмосферу, тѣмъ слабѣе дѣлается освѣщеніе предметовъ.

То, что мы сказали о краскахъ морскихъ животныхъ, можно сказать и о животныхъ земныхъ. Возьмемъ для примѣра птицъ. Сравните нашего сѣвернаго лебеда съ фламингомъ, обитателемъ тропиковъ. Обѣ птицы отличаются красотой формъ; но тогда какъ первая не представляетъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ бѣлаго, послѣдняя горитъ тѣмъ яркимъ розовымъ цвѣтомъ, на который больно смотрѣть при лучахъ полуденнаго солнца. Зато первая родилась и выросла подъ холоднымъ небомъ Исландіи и Шницбергена, на которомъ солнце никогда не удаляется отъ горизонта; тогда какъ послѣдняя развивала свои пышныя перья на ослѣпительныхъ лучахъ тропическаго дня.

Извѣстный натуралистъ Мильсъ-Эдвардъ изслѣдовалъ вліяніе

свѣтовыхъ лучей на развитіе животной жизни, независимо отъ лучей теплородныхъ и химическихъ. Онъ положилъ лягушечью икру въ два стакана, изъ которыхъ одинъ оклеилъ черною бумагою. Оба находились въ одинаковой температурѣ и при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, исключая только того, что одинъ проникался свѣтомъ, а внутри другаго было темно. Зародыши вывелись только въ первомъ стаканѣ; во второмъ они погибли.

Другіе опыты несомнѣнно доказали, что въ темнотѣ развитіе животныхъ почти совершенно останавливается. Это правило не ограничивается одними низшими животными формами, но оправдывается даже на самомъ человѣкѣ. Чѣмъ болѣе живетъ онъ на солнцѣ, тѣмъ сильнѣе развивается его физическое устройство и обратно. Тысячи примѣровъ показали, какъ вредно жить въ комнатахъ, куда не проникаютъ солнечные лучи. Во многихъ болѣзняхъ свѣтъ и воздухъ составляютъ необходимыя условія выздоровленія.

Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ свѣтъ можетъ дѣлаться скрытымъ, точно какъ теплородъ. Возьмите ледъ при 0 градусовъ; вы много должны потратить тепла, чтобы его расплавить и превратить въ воду, которая будетъ показывать тоже нуль градусовъ. Здѣсь, слѣдовательно теплота сдѣлалась скрытою. Почему же подобное явленіе не можетъ имѣть мѣста при свѣтѣ? Оно и дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Алмазь, полежа въ на солнцѣ, дѣлается въ темнотѣ фосфорическимъ. Плавииковый шпатель, посыпанный въ видѣ порошка на нагрѣтую пластинку, также дѣлается свѣтящимся. Брюстеръ и Веджвудъ составили списокъ 60 минераловъ, представляющихъ подобное же явленіе.

Еще въ 1663 году Робертъ-Бойль замѣтилъ, что нагрѣтый алмазь будучи потертъ или сжатъ, издаетъ въ темнотѣ свѣтъ, подобный свѣтящему червяку. Дюфе * увѣряетъ, что изумрудъ и лаписъ-лазули ** представляютъ тѣже самыя явленія. Сказки Тысячи и одной ночи, въ которыхъ рассказывается о палатахъ, освѣщаемыхъ ночью драгоценными камнями, представляютъ только преувеличенія естественнаго факта, а не безотчетную

* Dufay.

** Лазурникъ.

выдумку. Бенвенуто-Челлини, въ своемъ трактатѣ о драгоценныхъ камняхъ, изданномъ въ началѣ XVI вѣка, положительно говоритъ что онъ видѣлъ алмазъ * или карбункулъ, свѣтившійся въ темнотѣ. Впрочемъ этому художнику нельзя вѣрить на слово въ подобныхъ вещахъ, потому-что онъ увѣряетъ, что подобнаго рода камень былъ однажды найденъ въ виноградникѣ близъ Рима, благодаря свѣту, изливавшемуся изъ него среди ночной темноты. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что пережженная известь, полежа въ солнцѣ, свѣтитъ слабымъ фосфорнымъ блескомъ, если вслѣдъ за тѣмъ будетъ внесена въ темную комнату.

Опыты показали, что собственно не свѣтовые, но химическіе лучи обладаютъ способностью развивать фосфоричность тѣлъ. Странно, что теплородные и даже свѣтовые лучи не только не развиваютъ, но еще ослабляютъ ее.

Вотъ еще одинъ любопытный опытъ.

Лѣтомъ, въ ясный солнечный день, сорвите цвѣтокъ настурціи и принесите его въ темную комнату. Какъ скоро глаза ваши отдохнутъ отъ впечатлѣнія дневнаго свѣта, вы посреди мрака комнаты различите лепестки цвѣтка, по собственному свѣту, ими заливаемому **.

Въ 1842 году, кенигсбергскій профессоръ Мозеръ возбудилъ любопытство всего учонаго міра открытіемъ такъ-называемаго *невидимаго* или *скрытаго свѣта*. Онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, полагалъ возможнымъ вывести изъ своихъ опытовъ, что когда жидкость испаряется, то часть свѣта исчезаетъ въ ней и дѣлается скрытою, но освобождается при сгущеніи паровъ въ жидкость. По его мнѣнію всѣ тѣла испускаютъ свѣтъ даже въ самой глубокой темнотѣ. Этотъ свѣтъ онъ называлъ *собственнымъ свѣтомъ тѣлъ*.

Слѣдуя идеямъ кенигсбергскаго профессора, свѣтъ производитъ одно общее вліяніе на всѣ тѣла. Это вліяніе состоитъ въ придаваніи поверхностямъ тѣлъ способности разнообразно сгущать пары. Помощію цѣлаго ряда особенныхъ опытовъ, Мозеръ доказывалъ существованіе свѣта подъ такимъ страннымъ видоизмѣненіемъ.

* Пиронъ или сирійскій гранатъ.

** См. R. Hunt, Poetry of science стр. 127.

Скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность этихъ занимательныхъ изслѣдованій.

Онъ беретъ полированную серебряную пластинку и ставитъ ее на разстояніи $\frac{1}{20}$ дюйма отъ агатоваго или ониксоваго камня, представляющаго бѣлыя фигуры на черномъ полѣ*. Минутъ чрезъ десять изображеніе само собою отразится на пластинкѣ и сдѣлается видимымъ, если покрыть пластинку водяными или ртутными парами.

Тотъ же Мозеръ дѣйствовалъ іодомъ на серебряную пластинку** ночью и даже въ отсутствіи искусственнаго свѣта. Потомъ положилъ на пластинку кусокъ гравированнаго агата, гравированную металлическую дощечку и сердоликовый перстень. Послѣ того пластинка была нартучена парами, и на ней оказались отпечатки буквъ и самыхъ предметовъ на ней лежавшихъ. Можно даже доказать, что когда два какіе-либо предмета находятся весьма близко одинъ къ другому, то они взаимно принимаютъ на себя изображенія другъ-друга. И такого рода изображенія не ограничиваются одною поверхностью тѣлъ, но даже проникаютъ въ ихъ внутренность.

Есть другія явленія подобнаго рода, еще болѣе любопытныя. Авторъ этой статьи имѣлъ короткаго пріятеля, жившаго нѣсколько лѣтъ безвыѣздно на одной квартирѣ. Зала въ этой квартирѣ была оклеена бѣлыми обоями, на которыхъ по стѣнамъ висѣли въ рамахъ гравюры и эстампы, неподвижно лѣтъ шесть или семь. Какъ-то вздумалось хозяйину замѣнить старыя уже почернѣвшія обои новыми. Сняли картины и подъ ними къ удивленію, замѣтили, что на бѣломъ фонѣ обоевъ отразились изображенія, бывшія на картинахъ, съ такою ясностью, что тотчасъ можно было узнать гдѣ висѣла такая-то картина. Стоило только стать къ свѣту бокомъ, и тотчасъ темный рисунокъ являлся на бѣломъ фонѣ.

Спрашивается, какъ могли дѣйствовать изображенія сквозь бумагу и подклеенную подъ картинами папку? Какъ объяснить такія явленія?

Мозеровы объясненія помощію теплорода совершенно неудо-

* Существо камня здѣсь неважно.

** Какъ для дагеротипа.

влетворительны. Не забавляясь здѣсь ихъ повтореніемъ и изложеніемъ другихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ, признаемся, что мы покуда знаемъ только одни факты, описанные выше, но не знаемъ вовсе ихъ причинъ. Кругомъ насъ повсюду разсѣяны чудесныя явленія природы.

Нѣкоторыя животныя, особливо насѣкомыя, бодрствуютъ ночью, а отдыхаютъ днемъ. Руководителемъ тутъ инстинктъ: но гдѣ же его причина?

Гумбольтъ доказалъ что земля, независимо отъ свѣта, заимствуемаго отъ солнца, изливаетъ еще свой собственный, но нѣкоторымъ соображеніямъ равняющійся съ свѣтомъ луны въ первой ея четверти. По мнѣнію Араго, этотъ именно собственный свѣтъ планеты помогаетъ намъ различать предметы въ глухія осеннія ночи, когда небо покрыто густыми тучами, а земля черною грязью. Но откуда этотъ свѣтъ? Происходитъ ли онъ отъ солнечныхъ лучей, поглощенныхъ землею во-время дня, или онъ есть слѣдствіе электромагнитныхъ и химическихъ процессовъ земной поверхности: объ этомъ мы не можемъ покуда сказать ничего положительнаго.

Свѣтовое начало солнечныхъ лучей должно быть изучаемо въ отношеніяхъ его къ человѣку, ко всему живому міру, и собственно къ зрѣнію. Наука показываетъ намъ что во вселенной существуютъ міры, пользующіеся въ отношеніи свѣта гораздо мѣньшими преимуществами, чѣмъ нашъ земной. Не выходя изъ предѣловъ извѣстнаго намъ уголка вселенной, то есть, оставаясь внутри нашей солнечной системы, возьмемъ другую планету—Урана. Солнце кажется тамъ свѣтиломъ въ полторы минуты діаметра, тогда какъ землѣ оно является кругомъ, діаметръ котораго равняется 32 минутамъ. Солнце свѣтитъ Урану въ 400 разъ слабѣе, чѣмъ землѣ; и все-таки освѣщеніе, имъ тамъ производимое несравненно сильнѣе, чѣмъ у насъ освѣщеніе полною луною. Если теплота на поверхности Урана зависитъ отъ солнечныхъ лучей и распространена тамъ подобно свѣту, то смѣло можно сказать, что ни одно изъ нашихъ растеній и животныхъ не могло бы существовать тамъ; даже всякая изъ нашихъ земныхъ жидкостей немедленно бы тамъ замерзла.

Говоря объ Уранѣ и его освѣщеніи солнцемъ, мы невольно увлекаемся такимъ любопытнымъ для астронома предметомъ.

Читатели простятъ автору это увлеченіе къ его любимой и притомъ возвышеннѣйшей изъ наукъ.

Неравенство дней и ночей на Гершелевой планетѣ безпримѣрно. Правильныя, при каждомъ обращеніи на оси возвращающіяся перемѣны дня и ночи случаются только въ экваторіальномъ поясѣ, то есть, едва ли на пятой части всей поверхности планеты. Чтобы дать понятіе о долготѣ дней на прочихъ частяхъ этой поверхности, представляемъ таблицу * гдѣ данной широтѣ на планетѣ соотвѣтствуютъ дни, выраженные земными годами.

12° широта,	день	2 года	3½ мѣсяца	земныхъ.		
15°	—	4	—	9½	—	—
20°	—	7	лѣтъ	11	—	—
30°	—	13	—	1	—	—
40°	—	18	—	0	—	—
50°	—	22	года	9½	—	—
60°	—	27	лѣтъ	6	—	—
70°	—	32	года	3½	—	—
80°	—	37	лѣтъ	1	—	—
90°	—	42	года	—	—	—

Этимъ днямъ соотвѣтствуютъ подобныя же ночи. Каково должно быть жителю Урана въ теченіе сорока-двухъ-лѣтней ночи, при страшномъ холодѣ его зимы?!

На Нептунѣ дѣло еще хуже. Нептунъ отстоитъ отъ солнца въ 30 разъ далѣе, чѣмъ земля и, слѣдовательно, освѣщающая и согрѣвающая сила солнечныхъ лучей тамъ почти въ тысячу разъ слабѣе, чѣмъ у насъ на землѣ. Самый ясный полдень на Нептунѣ похожъ на наши свѣтлыя сумерки, и всѣ наши жидкости, даже, вѣроятно, самый земной воздухъ, замерзли бы тамъ и превратились въ твердое тѣло. Одинъ Всемогушій знаетъ — существуетъ ли тамъ органическая жизнь, и какими странными для земнотельца законами она тамъ обуславливается.

Совсѣмъ другое видимъ на Меркуріи, ближайшей къ солнцу

* См. Астрономію для всѣхъ образованныхъ читателей, изданную М. Холтинскимъ, 1850 г. Томъ II, стр. 263.

изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ планетъ. Когда планета наиболѣе близка къ солнцу * то оно свѣтитъ тамъ въ одиннадцать разъ сильнѣе, чѣмъ на землѣ. Даже при наибольшемъ удаленіи **, свѣтъ солнца все-таки впятеро ярче тамъ, чѣмъ у насъ. Въ первомъ случаѣ дневное свѣтило является Меркурію вдесятеро большимъ чѣмъ на землѣ.

Но довольно объ этихъ астрономическихъ предметахъ, впрочемъ, такъ занимательныхъ. Возвратимся на землю и къ тому вліянію, которое имѣетъ свѣтъ на земные предметы.

Кто не знаетъ, что стебли и листья растений обыкновенно направляются въ ту сторону, откуда они наиболѣе освѣщаются солнцемъ. Древніе приписывали эти симпатіи растений къ солнцу. Впрочемъ и неорганическая матерія выказываетъ подобную симпатію. Поставьте кусокъ камфоры въ стеклянкѣ, такъ, чтобы только одна половина послѣдней освѣщалась солнцемъ: камфора, испараясь, сядетъ кристаллическимъ желѣзомъ именно на освѣщенный мѣста стеклянки. Мы видимъ всѣ эти явленія, но не умѣемъ объяснить ихъ удовлетворительно. Это составляетъ покуда одну изъ многочисленныхъ загадокъ природы. Не должно однакожъ думать, что свѣтъ вообще привлекаетъ къ себѣ растения. опыты показали, что голубой и сивій лучи дѣйствуютъ самымъ могущественнымъ образомъ на растенія; красные же лучи какъ бы отталкиваютъ отъ себя стебли и листья.

Свѣтъ, истекающій прямо изъ солнца, отличенъ свойствами отъ того, который льется къ намъ съ лазури небесной. Различіе это состоитъ въ поляризаціи послѣднихъ, предметъ, недоступной для незнакомыхъ съ физикою. Англійской физикъ Уйтстонъ *** воспользовался этимъ свойствомъ для устройства такъ-называемыхъ полярныхъ часовъ, о которыхъ мы здѣсь, безъ помощи рисунка, не можемъ дать никакого понятія; равно какъ и о многихъ другихъ явленіяхъ, проистекающихъ отъ свойства поляризаціи свѣта.

Мы успѣли дознать нѣкоторыя особливья свойства свѣта, измѣненнаго поляризаціею; но причины и многіе результаты

* То есть, по астрономическому выраженію, находится *въ перигей*.

** *Въ афелій*.

*** *Wheatstone*.

этого явления намъ еще вполнѣ неизвѣстны и составляютъ предметъ изысканій для физиковъ.

ТЕПЛЫЕ ЛУЧИ.

Отъ свѣтлыхъ лучей перейдемъ къ ихъ постояннымъ спутникамъ—лучамъ теплымъ или, какъ ихъ называютъ, теплороднымъ.—Они интересны не менѣе первыхъ.

Когда теплородный лучъ, отправившись изъ солнца по направлению къ землѣ, оканчиваетъ свой неизмѣримый путь, то, достигнувъ тонкаго слоя облегающей землю воздушной жидкости или атмосферы, онъ подвергается ея вліянію. Это вліяніе заключается преимущественно въ поглощеніи почти трети всѣхъ теплыхъ лучей, достигающихъ до атмосферы, которая служитъ для земли какъ бы экраномъ отъ палящаго вліянія солнца.

И такъ двѣ трети теплыхъ лучей, шедшихъ отъ солнца къ землѣ, дѣйствительно достигаютъ твердой поверхности планеты, на которой живетъ человѣкъ. Вліяніе земныхъ лучей на органическую жизнь важно неменѣе вліянія лучей свѣтлыхъ.

Напряженіе нагрѣванія теплыми лучами солнца зависитъ не только отъ настоящаго удаленія земли отъ солнца, но и отъ направленія, по которому достигаютъ до насъ солнечные лучи. Во-время зимы сѣвернаго полушарія мы ближе къ солнцу, чѣмъ лѣтомъ, на $\frac{1}{50}$ всего разстоянія; но такъ какъ лучи дневнаго свѣтила доходятъ къ намъ въ то время по косвенному направлению, то и нагрѣваютъ несравненно слабѣе, чѣмъ лѣтомъ, когда они падаютъ къ намъ отвѣснѣе, хотя и изъ бѣльшаго разстоянія.

Это явленіе, какъ и вообще всѣ явленія природы, ведетъ насъ къ сознанию безконечной мудрости и благодати Создателя. Мурава, зеленѣющая на лугу, и цвѣтокъ распустившійся среди травки, зависятъ отъ условій разстоянія земли отъ солнца, точно также, какъ и многія важнѣйшія міровыя явленія. Измѣнились это разстояніе, и условія существованія организмовъ на землѣ вслѣдъ за тѣмъ немедленно измѣнятся. Приблизься зе-

мля къ солнцу, наши ландыши, колокольчики, черемуха, береза исчезли бы съ разгоряченной поверхности земли, и замѣнились бы тропическими растеніями—пальмами, кактусами и древесными папоротниками. Удались, напротивъ того, земля отъ солнца, и умѣренный поясъ, подобно полюсу, покроется вѣчными льдами и снѣгомъ, а могучая растительность тропиковъ замѣнится бѣдными поростами да мхами полярныхъ странъ. Подобный же переверотъ произошелъ бы отъ этихъ причинъ и въ животной природѣ: даже условія существованія самаго человѣка существенно бы измѣнились. Но все держится Премудрою Волею Того, Кто такъ гармонически устроилъ мірозданіе!

Количество теплоты, получаемой нами отъ солнца таково, что еслибы земля была покрыта слоемъ льда въ 46 футовъ толщиною, то онъ растаялъ бы въ-теченіе года отъ вліянія теплыхъ солнечныхъ лучей. Такова сила теплоты, посылаемой солнцемъ на землю. Часть этихъ теплыхъ лучей, отразившись отъ земныхъ предметовъ, возвращается кверху, чрезъ воздухъ, и теряется въ безконечности міроваго пространства. Другая ихъ часть проникаетъ тѣла, и вознаграждаетъ въ нихъ потерю теплоты, производимую лучеиспусканіемъ. Наконецъ, остальные нагрѣваютъ поверхность земли и прилежащій къ ней слой воздуха, который, поднимаясь кверху, замѣняется верхними холодными слоями.

Давно уже замѣчено, что чѣмъ глубже мы проникаемъ въ земную кору, тѣмъ высшую встрѣчаемъ въ ней температуру, и это увеличеніе теплоты слѣдуетъ правильной прогрессіи, такъ что по данной глубинѣ можно вычислить температуру, тамъ существующую. Самая поверхность земли, нагрѣваясь солнечными лучами весьма неравномѣрно, смотря по времени года и другимъ климатическимъ условіямъ, никогда не сохраняетъ долго однообразной температуры; но ниже этого поверхностнаго слоя, тамъ, гдѣ начинается постоянное увеличеніе теплоты, по мѣрѣ углубленія внизъ, находится слой, котораго температура остается всегда въ постоянно-одинаковой степени. Есть рудники, куда во-вѣки не проникалъ ни одинъ животворный лучъ солнца; тамъ, на извѣстной глубинѣ, незамѣтна пере-мѣна времени года, и постоянно царствуетъ весенняя теплота,

успокаивающая существование въ этихъ пріютахъ печали и мрака.

Глубина слоя неизмѣнной температуры неодинакова. Въ Сибири, близъ Якутска, выкопали колодезь слишкомъ въ 300 футовъ глубиною, и встрѣчали постоянно замерзшую почву; тогда какъ въ Парижѣ, въ подвалахъ обсерваторіи, остается вѣчно неизмѣннымъ и равнымъ 11°67 стоградуснаго термометра, несмотря на то, что глубина этихъ подваловъ не превосходитъ 90 футовъ. Вообще, чѣмъ ближе къ полюсамъ, тѣмъ слой неизмѣнной температуры лежитъ ниже подъ поверхностью земли.

Этотъ слой физики считаютъ границею, на которой останавливается теплота, идущая по двумъ различнымъ направленіямъ. Съ одной стороны лучеиспускание расплавленной внутренности планеты, съ другой теплые лучи солнца, проникающіе сквозь почву, оставивъ на поверхности своихъ прежнихъ спутниковъ—лучи свѣтлые и химическіе. Скрылось солнце и съ нимъ вмѣстѣ исчезли свѣтлые и химическіе лучи съ ихъ дѣйствіями; но теплородные, нагрѣвъ поверхностный слой земли, поддерживаютъ въ немъ возвышенную температуру и во-время отсутствія солнца. Безъ этого погибла бы вся растительная жизнь на землѣ.

Но однихъ теплыхъ лучей недостаточно для поддержанія жизни организмовъ: ей нужна смѣсь лучей теплыхъ, свѣтлыхъ и химическихъ въ той именно пропорціи, какъ ихъ представляютъ солнечные лучи. Ни теплота, ни свѣтъ, ни химизмъ, отдѣльно взятые, не могли бы поддерживать могучую растительность тропиковъ: ей необходимы лучи солнца, соединяющіе въ себѣ всѣ три условія. Но зато какія чудеса обязаны своимъ существованіемъ сосредоточенному вліянію напряженныхъ, обильныхъ, извѣстныхъ солнечныхъ лучей! Только подъ ихъ вліяніемъ рождаются, въ тропическихъ странахъ, тѣ непонятныя произведенія, которымъ такъ дивится любознательный наблюдатель.

Перенеситесь мысленно въ знойную Индію, на берега священной рѣки Индусовъ—Ганга: тамъ вы найдете растение, одаренное столь дѣятельною жизненностью, что его скорѣе можно почесть за животное низшаго разряда, чѣмъ за растение. Но для этого растенія нужна постоянная температура свыше

30° Реомюра, то есть температура человѣческой крови. *Десмодиумъ* * можно видѣть и въ Европѣ, въ роскошномъ ботаническомъ саду богатой Англій, въ Кью (Kew). Тамъ онъ прозябаетъ въ одной изъ самыхъ жаркихъ теплицъ, постоянно нагретой до 100° Фаренгейта. Стебельки этого страннаго растенія находятся въ непрерывномъ движеніи: одни поднимаются, другіе опускаются. Эти движенія не зависятъ отъ свѣта, ибо совершаются вечеромъ и ночью, лишь бы только температура была довольно высока. Подобное явленіе представляетъ и *dionea veneris*, существующая, какъ въ Кью, такъ и въ петербургскомъ ботаническомъ саду.

Тщетно искали бы мы представителя десмодиума и деонеи въ нашихъ холодныхъ климатахъ, хотя и у насъ есть растенія, явно раздражающіяся отъ прикосновенія къ нимъ остріями. Такова *дрозера* на нашихъ болотахъ. Вѣдь и къ намъ достигаютъ солнечные лучи, но не въ такомъ изобиліи и силѣ, какъ по близости экватора.

Всѣмъ извѣстенъ опытъ Франклина, доказавшаго, что свѣтъ таетъ подъ темною матеріею несравненно скорѣе, чѣмъ подъ свѣтлою, и что, слѣдовательно темные цвѣта поглощаютъ болѣе теплыхъ лучей, чѣмъ свѣтлые, и именно въ постепенности густоты свѣта, такъ что черный поглощаетъ болѣе тепла, чѣмъ бурый, бурый болѣе, чѣмъ желтый, а бѣлый менѣе всѣхъ прочихъ. Термометръ, шарикъ котораго спрятанъ внутри цвѣтка красной розы, поднимается выше чѣмъ, тотъ, который погруженъ въ лепестки бѣлой розы. Явно, что цвѣты поглощаютъ различное количество солнечной теплоты и свѣта. И тутъ появляется безконечная премудрость Создателя. Бѣлая лилія, пестрый тюльпанъ, блестящій анемонъ или далія, нѣжная роза, великолѣпный кактусъ грандифлорусъ обладаютъ особою степенью способности насыщаться солнечными лучами. Ничто не совершилось случайно: вездѣ присущенъ законъ Творца всяческихъ.

Видъ и свойства поверхностей оказываютъ замѣчательное вліяніе на лучистую теплоту. Роса садится на шероховатую крапиву и шалфей, но ее никогда не видно на гладкихъ листьяхъ лавра. Гладкія и полированные поверхности испускаютъ тепло-

* *Desmodium gyrans*.

ту несравненно медленнѣе противу поверхностей шероховатыхъ. И цвѣтъ предмета имѣетъ вліяніе на лучеиспусканіе. Чѣмъ сильнѣе поглощающая способность тѣла, тѣмъ дѣятельнѣе его лучеиспусканіе. Брацтва, покрытая колючими волосками, поглощаетъ много теплоты, и слѣдовательно, отдѣляетъ изъ себя много испареній, а потому и нуждается въ вознагражденіи потерянной испареніемъ жидкости. Это вознагражденіе совершается вечеромъ помощію росы.

Напротивъ того, растенія съ гладкими листьями, какъ лавръ, поглощаютъ мало теплоты и при незначительности своего испаренія не требуютъ обильнаго вознагражденія воздушною влагою.

Нельзя сомнѣваться, что солнечная теплота имѣетъ большое вліяніе на преуспѣяніе и благосостояніе организмовъ. Сравните полярныя страны съ тропиками! Сравните зиму съ лѣтомъ!

Созрѣваніе плодовъ и цвѣтѣніе явно зависятъ отъ теплоты. Многія деревья и цвѣты южныхъ странъ остаются безплодными и не цвѣтутъ, если перенести ихъ въ болѣе сѣверный климатъ; но если искусственнымъ образомъ возвыситъ температуру воздуха, въ которомъ они живутъ, то мы не замедлимъ увидѣть ихъ въ цвѣту и съ плодами. На этомъ основаніи устроены наши теплицы и оранжереи.

Подобнаго рода явленіе замѣчается и въ животномъ царствѣ. Возьмемъ для примѣра насѣкомыхъ. Большая часть этихъ животныхъ проводитъ зиму въ состояніи куколки, представляющемъ нѣчто среднее между состояніемъ гусеницы или личинки съ состояніемъ совершеннаго насѣкомаго. Личинка окружаетъ себя различными оболочками и зарывается часто въ землю, чтобы укрыться на зиму отъ суровости стужи: тамъ она находится въ состояніи сна или одѣшенія, пока солнечные лучи не отогрѣютъ ее и не превратятъ въ совершенное насѣкомое. Еслибы, на примѣръ, продолжить вліяніе холода на куколку искусственнымъ образомъ, то превращеніе ея замедлится, пока такое вліяніе не прекратится. Такъ Реомюръ останавливалъ превращеніе личинокъ, сохраняя куколки на погребу.

Напротивъ того, искусственная теплота можетъ значительно ускорить превращеніе. Мы, не разъ, сами имѣли случай видѣть

въ оранжереяхъ бабочекъ, порхающихъ по цвѣтамъ въ то время, когда поля еще покрыты снѣгомъ.

Поэтическій вымыселъ, что весна и лѣто приносятъ съ собою зародыши жизни, очень похожъ на истину.

Съ другой стороны, теплые лучи проявляютъ также замѣчательное вліяніе и на неорганическую природу. Нагрѣвая землю, они съ тѣмъ вмѣстѣ нагрѣваютъ и прилежащій къ ней слой воздуха, который расширяется, и сдѣлавшись легче, поднимается кверху; другіе, плотнѣйшіе слои стремятся внизъ занять пустое мѣсто. Вотъ главнѣйшая причина вѣтра. Это явленіе можно разсматривать въ весьма широкихъ размѣрахъ. Экваторіальный поясъ земли гораздо теплѣе полярныхъ странъ: воздухъ нагрѣвшись отъ почвы тропиковъ, поднимается кверху огромными массами и замѣняется боковымъ воздухомъ, такъ что холодный воздухъ отъ полюсовъ стремится по земной поверхности къ экватору, гдѣ, нагрѣвшись, поднимается кверху, и опять стремится по вышинѣ къ полюсамъ. Такого рода кругообращеніе воздуха совершается вѣчно и непрерывно.

Суточное обращеніе земли дѣйствуетъ на эти токи, и рождаетъ интересное явленіе пассатныхъ вѣтровъ.

Какъ дивно устроена Вселенная дивною Премудростію Создателя! Чтò за чудное, гармоническое сочетаніе между ея различными частями! Горячій, напитанный кислородомъ воздухъ поднимается съ пальмовыхъ лѣсовъ тропическаго пояса и стремится умѣрить стужу полюсовъ, уравновѣшивая при томъ составъ воздушной смѣси, ибо слабая растительность полярныхъ странъ не въ состояніи доставить тамошнему воздуху нужное количество кислорода.

Не одни впрочемъ вѣтры зависятъ отъ вліянія теплоты. Если припаять къ пластинкѣ висмута пластинку скормы и нагрѣвать соединенные ихъ концы, то мы съ удивленіемъ замѣтимъ образованіе электрическихъ токовъ, которыхъ присутствіе и направленіе опредѣляются стрѣлкою инструмента, называемаго электрометромъ. Такъ какъ теплота, сообщенная пластинкамъ можетъ измѣряться количествомъ производимаго ими электричества, то электрометръ сдѣлался чрезвычайно чувствительнымъ термометромъ. Одно приближеніе наблюдателя уже приводитъ

стрѣлку въ движеніе, ибо теплота его тѣла уже достаточно нагрѣваетъ пластинки для образованія тока.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что внутри земли непрерывно существуютъ электрическіе токи, происхожденіе которыхъ намъ еще весьма мало извѣстно. Но этотъ предметъ постороненъ собственно для нашей статьи, несмотря на его интересъ и важность. Мы когда-нибудь поговоримъ о немъ особо.

ХИМИЧЕСКІЕ ЛУЧИ.

Мы видѣли, что таинственное существо называемое солнечнымъ лучомъ, состоитъ изъ свѣтлаго и теплаго начала. Но есть еще въ нихъ третье, несвѣтящее и негрѣющее, хотя не менѣе оказывающее вліянія на природу. Зерно, брошенное въ землю и покрытое ею, лишено вліянія свѣта, и даже нагрѣваніе, получаемое имъ отъ солнца чрезъ земляной слой, чрезвычайно слабо. Но зато оно подвержено дѣйствію лучей химическихъ, проникающихъ въ мѣста, недоступныя для свѣта и теплоты.

Хонтъ * доказалъ опытомъ, что зерно, скрытое въ землѣ, находится подъ вліяніемъ химическихъ лучей. По его изслѣдованіямъ зерна, лишеныя вліянія этихъ лучей, даютъ ростки весьма медленно и слабо; а при ихъ содѣйствіи ростокъ хорошо образуется даже въ самой неблагоприятной почвѣ. Присутствіе свѣта скорѣе вредно, чѣмъ полезно для образованія ростка, такъ что подъ одними химическими лучами онъ образуется лучше и быстрѣе, чѣмъ подъ полными лучами солнца.

Всякій садовникъ знаетъ, что зерна, посаженные очень глубоко въ землю, не прорастаютъ. Это происходитъ отъ того, что до нихъ не могутъ достигнуть химическіе лучи. Если же разбросать зерна по поверхности, такъ что на нихъ будетъ дѣйствовать полный лучъ (то есть содержащій свѣтородное, теплородное и химическое начала вмѣстѣ), то прорастаніе также совершается весьма дурно, вслѣдствіе вреднаго вліянія свѣтоваго начала. Лучше всего класть сѣмяна неглубоко въ землю, такъ чтобы

* Англичанинъ *Hunt*.

свѣтъ не касался ихъ, но химическіе и теплые лучи могли на нихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ влагою и воздухомъ.

Таинственный процессъ прорастанія весьма любопытенъ. Подъ вліяніемъ химическихъ лучей и жизненной силы, крахмалъ, содержащійся въ зернахъ сѣмянъ, превращается въ камедь и сахаръ, питающіе образующійся ростокъ. Изъ оболочки сѣмянка выходятъ тонкія мочки или корешки, и слѣдуя невѣдомому влеченію, направляются внутрь земли; ростокъ же выступаетъ на поверхность, ища свѣта, подъ вліяніемъ котораго образуются сѣмянные листики, и тогда начинается въ растеніи жизненный химическій процессъ, сжатый отъ первоначальнаго и обусловливаемый свѣтомъ, влагою и воздухомъ,

Если пропустить солнечные лучи сквозь синее стекло или жидкость, то они лишатся при этомъ бѣльшей части свѣтоваго и теплороднаго началъ. Замѣчательно, что если выступившій изъ земли ростокъ накрыть синимъ стекляннымъ колпакомъ, то такой ростокъ нѣкоторое время развивается несравненно сильнѣе чѣмъ еслибы онъ находился подъ бѣлыми лучами солнца. Зеленъ листьевъ будетъ гораздо темнѣе, а растеніе толще, сильнѣе и сочнѣе, хотя древесной фибры и будетъ въ немъ менѣе, чѣмъ еслибы оно выросло на обыкновенномъ свѣтѣ. Если растеніе держать долгое время въ такихъ обстоятельствахъ, то оно дѣлается вялымъ, слабымъ, а стебель быстро тянется кверху, не утолщаясь. Условія, способствующія развитію ростка, непригодны уже для растенія, вышедшаго изъ младенчества. Тутъ необходимы всѣ три вида лучей, а не одни химическіе исключительно.

Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе лучи оказываютъ сильное вліяніе на растеніе во всѣхъ періодахъ его развитія, хотя мы пока не успѣли подмѣтить его только въ отношеніи къ развивающемуся ростку. Къ сожалѣнію, таинственный процессъ развитія жизни намъ еще слишкомъ мало извѣстенъ, и наблюдать явленія, происходящія въ тканяхъ растеній во-время ихъ жизни несравненно труднѣе, чѣмъ замѣчать ихъ въ стеклянкахъ нашихъ лабораторій. Впрочемъ мы успѣли дознать, что образованіе крахмала въ растеніи зависитъ отъ совокупнаго вліянія химическихъ и свѣтородныхъ лучей.

Очень мало мы знаемъ о вліяніи химическихъ лучей на ра-

стенія, но еще менѣе знаемъ о вліяніи ихъ на животныя организмы. Вѣроятно, разнovidныя перемѣны въ цвѣтѣ кожи отъ дѣйствія солнца должно приписать химическому началу его лучей. Загарь, веснушки и т. п. зависятъ, вѣроятно, отъ того же дѣятеля.

Всего яснѣе обнаруживается вліяніе химическихъ лучей на неорганическую природу. Тутъ мы находимъ результаты по истинѣ изумительныя. Мы упомянули выше о перемѣнѣ свѣта солей серебра, но примѣровъ такого рода можно привести несравненно больше. Если смѣшать водородъ съ хлоромъ въ той пропорціи, какъ они образуютъ соляную кислоту, то на разсѣянномъ свѣтѣ оба газа соединяются между собою довольно медленно; но если выставить сосудъ съ такою смѣсью на прямые солнечныя лучи, то газы соединяются мгновенно и съ такою силою, что производятъ взрывъ. Растворъ щавельнокислой перекиси желѣза нисколько не измѣняется въ темнотѣ, но будучи выставленъ на солнце въ прозрачной стеклянкѣ, представляетъ интересное явленіе *. Множество газовыхъ пузырьковъ начинаютъ отдѣляться отъ жидкости съ постоянно возрастающею быстротою, и жидкость приходитъ какъ бы въ броженіе или кипѣніе, которое усиливается, если въ нее погрузить кусочекъ дерева. Затѣмъ образуются въ жидкости восходящіе и нисходящіе токи; она мутится, принимаетъ лимонножелтый цвѣтъ, и осаждаетъ желтые кристаллики щавельнокислой закиси желѣза. Здѣсь избытокъ кислорода окисла отдѣлился подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей.

По увѣренію Драпера, нѣкоторыя тѣла обладаютъ способностію поглощать химическія лучи, насыщаться ими и потомъ дѣйствовать въ темнотѣ такъ какъ-будто въ присутствіи солнечныхъ лучей. Хлоръ не соединяется съ водородомъ въ темнотѣ; если же подержать сперва хлоръ на солнцѣ, то онъ будетъ соединяться съ водородомъ и безъ пособія свѣта.

Какая причина такого страннаго явленія? можетъ-быть спросить у насъ внимательный читатель.

Тайна еще необъяснена, отвѣтимъ мы.

* Оно впервые указано знаменитымъ физикомъ и астрономомъ серомъ Джономъ Гершелемъ, сыномъ Уильяма Гершеля.

Дивное дѣло! Видимъ опытъ, и едва вѣримъ глазамъ. Какъ мало еще проникли мы въ тайны природы.

Новѣйшая наука дознала, что какое бы тѣло, простое или сложное—мы не подвергнули вліянію солнечныхъ лучей, оно тотчасъ претерпѣваетъ отъ нихъ нѣкоторое измѣненіе. Химическія лучи разрушаютъ связь частицъ гранита и мало-по-малу раздѣляютъ нашу бронзу и желѣзо. Чтò было бы со всѣми нашими зданіями и сооруже́ніями, еслибы Премудрый Творецъ не уравновѣсилъ всего въ Природѣ? Ночной покой нуженъ не для однихъ животныхъ и растений. И почва, и камень, и металлъ чувствуютъ въ немъ необходимость. Неорганическая природа, подобно органической, не могла бы выдержать непрерывнаго вліянія солнечныхъ лучей.

Вещества, подвергшіяся солнечному вліянію, теряютъ его ночью. Свѣтописная бумага, приготовленная помощію іодистаго потассія, представляетъ несомнѣнныя доказательства этого факта. Полученное на ней изображеніе остается на нѣсколько минутъ и за тѣмъ исчезаетъ въ темнотѣ; послѣ того бумага вновь можетъ принимать впечатлѣнія свѣта.

Кому неизвѣстны удивительныя результаты свѣтописи. Это изобрѣтеніе совершенствуется почти ежедневно, и можно надѣяться, что мы вскорѣ будемъ имѣть свѣтописныя изображенія въ ихъ естественныхъ краскахъ, безъ помощи кисти художника. Французское общество поощренія промышленности назначило, въ прошломъ году, премію въ 10,000 франковъ тому кто удовлетворительно рѣшитъ эту задачу.

Первыя попытки на этомъ поприщѣ уже сдѣланы. Ньенсъ де-Сень-Викторъ открылъ изумительное соотношеніе, существующее между цвѣтомъ, придаваемымъ пламени нѣкоторыми веществами и цвѣтомъ лагерттильныхъ изображеній, полученныхъ на пластинкахъ, обработанныхъ тѣми же веществами. Результаты конечно еще несовершенно удовлетворительны и ясны; но первый шагъ сдѣланъ. А въ такого рода дѣлахъ первый шагъ всего труднѣе.

Кто хорошо началъ, тотъ сдѣлалъ уже половину дѣла, говоритъ старинная латинская пословица.

Въ добрый часъ!

При самомъ началѣ развитія свѣтописи, многіе полагали, что

въ странахъ, гдѣ солнце, свѣтитъ гораздо ярче, чѣмъ въ нашихъ высокихъ широтахъ, можно будетъ получать дагеротипныя изображенія несравненно явственнѣйшія, чѣмъ въ средней сѣверной Европѣ. На дѣлѣ же оказалось совершенно противное, фотографическое изображеніе образуется въ Европѣ быстрѣе, чѣмъ подъ тропиками; въ лондонской туманной атмосферѣ лучше, чѣмъ въ ясномъ рѣдкомъ воздухѣ на альпійскихъ вершинахъ. Прозрачное небо Мексики и Юкатаны, при отвѣсномъ ихъ солнцѣ, неполнѣ благоприятно свѣтописи. Изображеніе всего лучше удаются тамъ въ эпоху дождей, когда сырой и густой воздухъ умѣряетъ яркость солнечныхъ лучей.

Опять тайна.

Нѣкоторые впрочемъ не безъ основанія полагаютъ, что между свѣтлыми и химическими лучами существуетъ особаго рода антогонизмъ, и чѣмъ сильнѣе одни, тѣмъ слабѣе другіе.

Извѣстная натуралистка мистрисъ Коммервилъ полагаетъ, что въ солнечныхъ лучахъ, кромѣ исчисленныхъ выше началъ—свѣтлаго, теплаго и химическаго—находится еще начало *электрическаго*. Подвергая стальные стрѣлки и иголки вліянію фіолетовыхъ лучей, она замѣтила въ нихъ слѣды магнитности. Нѣкоторые физики подтверждаютъ справедливость такого опыта, но большая часть наблюдателей съ ними несогласна. Почти никто изъ европейскихъ физиковъ не могъ получить результатовъ, видѣнныхъ г-жою Коммервилъ и нѣкоторыми изъ ея друзей.

Мы упомянули объ этомъ обстоятельстве только для полноты, не придавая ему особаго значенія.

Наука о солнечныхъ лучахъ быстро подвигается впередъ, хотя на этомъ поприщѣ все сдѣланное познынѣ почти ничего

не значить предъ тѣмъ, что остается сдѣлать. Многія весьма любопытныя явленія, связанныя съ ходомъ времени года, открываютъ широкое поле будущимъ изслѣдователямъ, и обѣщаютъ вознаградить ихъ наблюдательность богатою жатвою открытій. Вліяніе солнечныхъ лучей на наружную природу, и преимущественно на органическія формы, измѣняется не только сообразно временамъ года, но и сообразно различнымъ часамъ сутокъ. Весною всего обильнѣе лучи химическіе, лѣтомъ свѣтородные, осенью теплородные. Утромъ мы также находимъ, что солнечный лучъ особенно богатъ началомъ химическимъ, въ полдень свѣтовымъ, къ вечеру теплороднымъ. Но всегда постоянно всѣ три начала существуютъ въ природѣ нераздѣльно, хотя и въ различномъ содержаніи. Таково ихъ назначеніе, таковъ законъ, предписанный имъ Вѣчною Премудростію.

Немногого умѣлъ постичь человекъ своимъ слабымъ умомъ, но и того уже довольно для убѣжденія въ повсемѣстномъ присутствіи Вѣчнаго Разума. Будемъ же трудиться на поприщѣ науки, и смѣло поднимать завѣсу, скрывающую отъ насъ тайны природы. Умъ нашъ есть даръ Божій, и благодаря такому небесному происхожденію, совершенствованіе суждено ему въ удѣлѣ.

«И сотвори Богъ человека, по образу Божию сотвори его» (Книга Бытія, гл. I стих. 27),

«И созда Богъ человека, персть (вземь) отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни» (Кн. Быт. гл. II. ст. 7).

Вотъ почему мы благоговѣнно признаемъ, что умъ, создавшій науку, вдохновенъ отъ Господа, а потому и цѣль науки прославленіе Творца всяческихъ.

М. ХОТИНСКІЙ.

ГАВРИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СКОРОДУМОВЪ,

ПЕРВЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКІЙ ГРАВЕРЪ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой на святой Руси совершилось много славныхъ событій, возвеличившихъ эту первенствующую Державу міра, и надолго-надолго упрочившихъ ея славу. И сколько было при этой мудрой Матери Отечества, сколько было лицъ, на поприщѣ службы Церкви, Престолу и Отечеству ознаменовавшихся славою, обезсмертившею имена ихъ, какъ истинно доблестныхъ подвижниковъ. Одна Императорская Академія Художествъ въ то время образовала нѣсколькихъ людей съ большими талантами, несмотря на то, что получила свое начало только въ-концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны: при такомъ кратковременномъ существованіи ни одна европейская академія не могла бы образовать большее число знаменитыхъ художниковъ. Къ числу славныхъ художниковъ, въ это время воспитанныхъ Академіею, принадлежатъ и Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ. Но многіе ли изъ насъ знаютъ, что онъ во второй половинѣ XVIII вѣка былъ достойнѣйшій представитель художествъ въ Россіи; что по гравированію на мѣди онъ не имѣлъ въ Европѣ соперниковъ; что имя этого достопамятнаго человѣка вполне заслуживаетъ стоять наряду съ именами всѣхъ нашихъ и прочихъ европейскихъ знаменитостей? Въ наше время, правда, было писано о немъ въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли», Бантышъ-Ка-

менскаго, и въ нѣсколькихъ повременныхъ изданіяхъ, въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты», барона Дельвига, и другихъ,—гдѣ уже была отдана вполне заслуженная имъ дань признательности къ его памяти; но впрочемъ, несмотря на то, что его время еще неслишкомъ далеко отъ нашего, мы до сихъ-поръ нигдѣ не находимъ подробныхъ біографическихъ о немъ свѣдѣній, и все, что о Скородумовѣ было писано, писано почти съ однихъ нѣмыхъ, но сильныхъ его произведеній.

Мы очень бы хотѣли теперь же составить, сколько возможно, подробное жизнеописаніе Гавріила Ивановича Скородумова, но такъ-какъ для этого требуются нѣкоторыя данныя, которыхъ получить мы еще не имѣли возможности, то пока передадимъ нашимъ читателямъ тѣ свѣдѣнія, которыя имѣемъ, получивъ ихъ изъ достовѣрныхъ фактовъ, и отъ лицъ, ему современныхъ, родныхъ или короткихъ знакомыхъ;—изъ первыхъ назовемъ двоихъ его родныхъ братьевъ, Надворнаго Совѣтника Н. И. и Титулярнаго Совѣтника В. И. Скородумовыхъ. Послѣдній и теперь находится въ живыхъ, но уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ родился въ С.-Петербургѣ 12-го марта 1755 года,—годъ достопамятный въ русской исторіи тѣмъ, что почти съ наступленіемъ его, 12-го января, основанъ Московскій Университетъ. Отецъ его, Иванъ Ивановичъ Скородумовъ, былъ живописецъ, и въ этомъ званіи находился на службѣ по придворному вѣдомству. Это былъ человѣкъ строгій къ самому-себѣ и добрый къ другимъ, кроткій правомъ и трудолюбивый не по принужденію; въ душѣ благоговѣя передъ религіею, онъ имѣлъ постоянною заботою вѣдрять въ сердца дѣтей своихъ единственную основу и проводника истиннаго счастья каждаго члена благоустроеннаго гражданскаго общества—любовь къ Богу, Государю и отечеству.—Большая склонность къ рисованію проявилась въ Гавріилѣ Ивановичѣ почти съ младенческихъ лѣтъ, и усиливаясь съ его возрастомъ, наконецъ превратилась въ сильную страсть. Уже съ самаго начала можно было предвидѣть, что это была прямая склонность, а не ребяческая шалость, или то свойство, которое встрѣчается нерѣдко, не только у маленькихъ, но уже и у взрослыхъ дѣтей; они безсознательно берутся за предметы, совсѣмъ чуждые ихъ способностямъ, и къ которымъ обыкновенно впоследствии

получаютъ отвращеніе и бросаютъ ихъ навсегда. Отецъ этого рисовальщика былъ ему первымъ наставникомъ и первымъ учителемъ.—Съ какою радостію онъ видѣлъ въ немъ возрастающую склонность къ рисованію; способности мальчика развивались, что и служило вѣрнымъ признакомъ его призванія на прекрасное поприще художествъ. Отецъ зналъ, что эти способности лучше всего могутъ вполне развернуться въ Императорской Академіи Художествъ, и объявилъ сыну свое желаніе отдать его въ это славное заведеніе изящныхъ искусствъ. Услышавъ это, маленькій Гавріилъ Ивановичъ чрезвычайно обрадовался и сталъ настоятельно просить родителя, чтобы онъ поторопился привести въ исполненіе свое намѣреніе. Оно дѣйствительно скоро исполнилось: напутствуемый родительскимъ благословеніемъ, Гавріилъ Ивановичъ поступилъ въ Академію еще въ отроческихъ лѣтахъ; отъ дня своего вступленія до самаго выпуска учился примѣрно и съ необыкновеннымъ прилежаніемъ, такъ-что оказывалъ отличные успѣхи по всѣмъ предметамъ академическаго курса, въ то время довольно многосложнаго; въ особенности же онъ отличался въ художествахъ. Къ какому же роду художествъ тогда проявилось въ немъ болѣе способности? На этотъ вопросъ надо отвѣчать—ко всѣмъ, за исключеніемъ скульптуры и архитектуры, въ которыхъ онъ, впрочемъ, и не упражнялся; но въ рисованіи, живописи всѣхъ родовъ, акварельной, миниатюрной, масляными красками, и въ гравированіи на мѣди онъ былъ одинаково превосходенъ. Когда же ему нужно было избрать одинъ какой-нибудь родъ изъ художествъ, чтобы преимущественно имъ заниматься, то онъ колебался въ выборѣ. Сперва его желаніе было избрать живопись историческую; но наконецъ онъ рѣшительно посвятилъ себя гравированію, внявъ убѣжденіямъ одного изъ членовъ Академіи который дѣлалъ ему многія представленія въ пользу гравированія, говоря, что по своей рѣдкой даровитости, трудолюбію и по оказаннымъ успѣхамъ, онъ и въ живописи непременно достигнетъ возможнаго совершенства; но дѣло въ томъ, что въ Россіи по этой части скорѣе можно ожидать отличныхъ художниковъ, каковыя уже и есть,—между-тѣмъ какъ по гравированію еще не было и теперь не предвидится такого, который могъ бы получить лавръ первенства;—онъ же и въ этомъ родѣ художества, по своей

многосторонней талантливости, достигнетъ до возможнаго успѣха; гравированіе, навѣрно сдѣластъ его извѣстнымъ не только среди современниковъ, но и въ самомъ отдаленномъ потомствѣ; такимъ-образомъ, навсегда упрочится его слава. Академическое ученіе Г. И. Скородумовъ окончилъ съ блистательнымъ успѣхомъ. Онъ вышелъ изъ Академіи съ геніемъ развитымъ и съ превосходнымъ нравственнымъ образованіемъ. Еще бывши академическимъ ученикомъ пятаго возраста, онъ съ отличнымъ искусствомъ выгравировалъ эстампъ «Лотъ съ дочерьми», съ картины Лагрене,—бывшаго преподавателемъ живописи при Академіи. Уже одно это его произведеніе по гравированію ясно свидѣтельствуетъ, что въ этомъ искусствѣ онъ тогда же сталъ на одну степень съ первоклассными граверами.

Онъ былъ посланъ Императорскою Академіею Художествъ въ иностранныя земли, для дальнѣйшаго усовершенствованія, и болѣе десяти лѣтъ провель въ Лондонѣ. Но, кажется, гораздо основательнѣе сказать, что Скородумовъ находился въ чужихъ краяхъ, и преимущественно на берегахъ Темзы, только для того, чтобы перенять методу входившаго тогда въ употребленіе пунктирнаго гравированія. Да, какое усовершенствованіе онъ могъ получить тамъ, когда еще здѣсь, бывши ученикомъ, достигъ замѣчательнаго совершенства. Быть-можетъ, при этомъ нѣкоторые спросятъ насъ: не оттого ли онъ долгое время пробылъ въ Лондонѣ, что затруднялся новой методой гравированія? На это мы отвѣчаемъ, что геній Скородумова въ своемъ дѣлѣ не зналъ никакихъ затрудненій. Онъ долго пробылъ за границею единственно по той причинѣ, что Академія медлила его вызвать въ отечество; со стороны Академіи это было сдѣлано съ благоразумною предусмотрительностію: за границею ему было болѣе возможности удобно исполнять труды и расширять кругъ дѣятельности,—чего здѣсь въ то время онъ едва ли могъ бы найти. Это-то и принесло пользу, какъ ему, такъ и Академіи.

Еще находясь въ столицѣ Великобританіи, Скородумовъ своимъ талантомъ удостоился обратить на себя особенно милостивое вниманіе Императрицы Екатерины Великой и Государя Наслѣдника Великаго Князя Павла Петровича, который, какъ извѣстно, оказывалъ большое покровительство художествамъ и

ихъ заслуженнымъ дѣятелямъ; съ 25-го іюня 1765 года, принявъ званіе Почетнаго Любителя Академіи Художествъ, Онъ почти постоянно присутствовалъ въ конференціяхъ Академіи, и подписывалъ ихъ журналы до 1779 года. Архитекторъ Баженовъ и граверъ Г. И. Скородумовъ были его особенно-любимые художники. Они были лично ему извѣстны. Онъ одобрялъ ихъ превосходныя произведенія, и поощряя на дальнѣйшіе труды, обоимъ обнадеживалъ въ своемъ благоволеніи. Въ царствованіе этого Государя мы видимъ достойнаго Баженова уже въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Вице-Президентомъ Императорской Академіи Художествъ, украшеннаго знаками отличія, награжденнаго деревнями,—а Скородумовъ?... Слишкомъ за четыре года до вступленія Императора Павла на престолъ Скородумовъ отошелъ въ вѣчность.

Англійскій Король Георгъ III зналъ лично Г. И. Скородумова, и высоко оцѣнивая его дарованія и благородство души, даже изъявлялъ желаніе, чтобы онъ навсегда остался въ Англіи; но Скородумовъ, любя свое отечество и его славу, несмотря на очень лестныя и выгодныя условія, которыя ему были предложены, не былъ согласенъ на это, хотя и съ чувствомъ глубокой признательности принималъ оказываемое его генію, уму и сердцу вниманіе Георга III и его сановниковъ. Тамъ онъ неоднократно былъ приглашаемъ его величествомъ къ высочайшему двору въ торжественные дни на обѣдъ,—и многіе лорды королевства за удовольствіе считали видѣть его участвующимъ въ ихъ блистательныхъ балахъ.

Отецъ Скородумова, вѣроятно, соскучась его отсутствіемъ, въ своихъ письмахъ въ Лондонъ, неоднократно совѣтывалъ ему постараться похлопотать о возвращеніи своемъ въ Россію; на это сынъ отвѣчалъ, что инакъ можетъ оставить Англію, какъ развѣ его отзоветъ сама Академія; что онъ тамъ находится въ самомъ удовлетворительномъ здоровьѣ, ведетъ жизнь обеспеченную, и имѣетъ полную возможность помогать ему самому при случающихся недостаткахъ; что въ Лондонѣ онъ занятъ постоянно работою и получаетъ тамъ значительные заказы. Это писалъ онъ въ 1777 году. И дѣйствительно, его отечество не только ничего не потеряло отъ долговременнаго его пребыванія за границею, но даже осталось въ выигрышѣ. Скородумовъ, находясь

въ Англіи, жилъ для Россіи; для насъ ли, или для Англичанъ посвящалъ онъ полезныя труды свои, равно трудился для славы отечества, и не только превосходными произведеніями въ гравированіи, но и высокими качествами ума и сердца, обратилъ на себя вниманіе чужеземцевъ; онъ принесъ честь русскому имени.—Кромѣ заказовъ, которые ему тамъ дѣлали, онъ имѣлъ тамъ даже и учениковъ; и могло ли этого не быть, когда въ пунктирномъ гравированіи онъ превзошелъ самыхъ Англичанъ, ревностию другихъ занимавшихся этимъ родомъ гравированія. Такъ нашъ славный Скородумовъ, куда отправился для усовершенствованія своего таланта, тамъ сдѣлался наставникомъ изучаемаго имъ предмета.

Въ одномъ письмѣ изъ Лондона, отъ 21-го марта 1777 года, онъ проситъ своего отца узнать и увѣдомить его, какимъ-образомъ Государыня Императрица соблаговолила взять къ себѣ эстампъ, имъ выгравированный,—потому-что онъ отъ Академіи объ этомъ еще не имѣетъ никакого свѣдѣнія.—Въ другомъ письмѣ, къ отцу же, онъ пишетъ, что оканчиваетъ портретъ Ея Высочества Великой Княгини, впоследствии Императрицы, Маріи Феодоровны; но объ этомъ произведеніи мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ болѣе никакихъ свѣдѣній; а вѣроятно оно было окончено имъ, и не только въ то время находилось здѣсь, но и теперь, хотя у немногихъ, быть должно,—потому-что и изъ извѣстныхъ намъ его произведеній почти все до одного сдѣлалось рѣдкостію.

Въ Англіи Скородумовъ вступилъ въ бракъ съ достойною женщиною, и въ то же время хотѣлъ воспитать которую-нибудь изъ своихъ сестеръ подъ своимъ собственнымъ надзоромъ и на свой счетъ. Онъ прекрасно думалъ, что такимъ дѣломъ исполнить священный долгъ сыновней и братней любви, и окажетъ одну изъ полезнѣйшихъ услугъ своему доброму отцу, который, имѣя большое семейство, нерѣдко чувствовалъ стѣснительныя обстоятельства, хотя никогда не претерпѣвалъ крайности. Мы не знаемъ, что были за причины, почему старикъ Скородумовъ не принялъ такого прекраснаго предложенія; однакоже увѣрены въ томъ, что онъ нисколько не былъ предубѣжденъ насчетъ образованія дочери подъ надзоромъ умнаго и добраго сына, и особен-

но тамъ, гдѣ этотъ сынъ, укрѣпляясь нравственною силою въ дарованіи своемъ, возросъ на славу отечества и искусства.

Возвратясь въ Россію, Г. И. Скородумовъ уже никогда не выѣзжалъ изъ нея, и удостоился званія Гравера Кабинета Ея Величества и Академика, съ должностію Смотрителя Ермитажа, когда Провидѣнію угодно было отозвать его отъ земной жизни почти въ цвѣтѣ лѣтъ.

Изъ извѣстныхъ намъ гравюръ Гавріила Ивановича Скородумова указываемъ слѣдующіе:

Изображающія священные предметы.

1) Божія Матерь съ младенцемъ, съ картины Бамбиніевой. 2) Іоаннъ Креститель, съ слѣдующею надписью: *Suae Imperatoriae Majestati Catharinae Secundae Imperatrici omnium Russianum atque autocratrici et. et. et. Ex tabula picta Murillo quae est in museo Serenissimi Principis Gregorii Alexandridis Potemkin. Excelsit atque dedicavit G. Scorodumoff Suae Imperat. Majest. Chalcographus. Petrapoli 1785.*

Библейская.

Лотъ съ дочерьми, съ картины Лагрене.

Портреты Особъ Императорской Фамиліи.

1) Императрицы Екатерины Великой, въ видѣ бюста. 2) То же, поясной, съ живописнаго портрета, отличающагося сходствомъ, хранящагося въ Императорскомъ Ермитажѣ, писаннаго г. Рокотовымъ. 3) Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, гравированный въ 1781 г. 4) Великаго Князя Александра Павловича, и 5) Великаго Князя Константина Павловича.

Портреты Государственныхъ людей.

1) Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Генералъ-Прокурора, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго. 2) Генералъ-Маіора Ивана Ивановича Михельсона.

Разныхъ содержаній.

1) Смерть Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина-Таврическаго; съ картины М. М. Иванова, гр. въ 1796 г. 2) Елена, съ картины Ангелки Кауфманъ, гравированная въ Лондонѣ, 1776 года. 3) Артемизія. 4) Академическая фигура, съ картины Лосенко.

Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ гравировалъ, по заказу Императрицы Екатерины Второй, эстампъ въ большомъ размѣрѣ, изображающій памятникъ Императору Петру Великому, воздвигнутый въ С. Петербургѣ 7-го августа 1782 года, который и былъ имъ уже почти оконченъ; но послѣ его смерти, доска на которой онъ гравировалъ этотъ предметъ, съ прочими многими его гравировальными досками, была продана его вдовою въ Англію.

Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ также писалъ портреты масляными красками, акварелью, миниатюрные и пастелью. Какъ превосходный миниатюристъ, онъ писалъ по заказу Кабинета Ея Величества портреты Императрицы и Наслѣдника Престола, какъ-то для перстней, табакерокъ, медальоновъ. Портретъ, снятый имъ съ самого себя, во весь ростъ, неочень въ большомъ размѣрѣ, отличающійся чрезвычайнымъ сходствомъ, писанный акварелью, и теперь находится въ Императорской Академіи Художествъ. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ, и это занятіе служило ему пріятнымъ развлеченіемъ въ свободное отъ трудовъ время.

Императрицѣ и прочимъ Особамъ Августѣйшей Фамиліи Г. И. Скородумовъ былъ лично извѣстенъ и имѣлъ отъ нихъ заказы по своему художеству.

Князь Потемкинъ-Таврическій искренно и постоянно любилъ и уважалъ Скородумова, и приглашалъ его на свои великолѣпныя пиршества. Большая часть государственныхъ людей знали его лично, и многіе изъ нихъ были коротко съ нимъ знакомы, изъ числа которыхъ укажемъ на графа Федора Евстафьевича Ангальта; другіе же находились съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и это были графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, Государственный Канцлеръ; Алексѣй Ивановичъ Мушинъ-Пушкинъ и Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, впоследствии

Президентъ Императорской Академіи Художествъ,—лица извѣстныя по высокому просвѣщенію ума и по пламенной любви къ наукамъ и художествамъ. Къ числу самыхъ искреннихъ его друзей принадлежалъ духовникъ Императрицы, Протоіерей Дубянской.

Гавріиль Ивановичъ Скородумовъ, одаренный отъ природы качествами ума и сердца, имѣлъ и наружность прекрасную: черты лица его были правильны, въ этомъ открытомъ лицѣ выражались умъ и доброта души; онъ былъ высокаго роста, вообще сложенъ правильно, здоровья крѣпкаго, обѣщавшаго ему долгую жизнь; но этой участи не ему было суждено достигнуть, а его имени и его произведеніямъ. Онъ былъ такъ превосходно образованъ, что постоянно соблюдалъ правила строгой нравственности и свѣтскихъ приличій; окружавшіе его плѣнялись отчетливою изысканностію въ его словахъ и обращеніи; женщины Скородумовъ особенно уважали, зато и женщины любили его, уважая чистоту его мыслей и благородство чувствъ. Словомъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ по справедливости должно называть украшеніемъ высшихъ обществъ. Относительно доброты его сердца скажемъ, что онъ всегда былъ готовъ вспомоствовать нуждающимся и помогать многимъ.

Гавріиль Ивановичъ Скородумовъ женился въ Лондонѣ на природной Англичанкѣ; но дѣтей у нихъ не было.

Смерть этого незабвеннаго человѣка приключилась отъ сильной простуды, и болѣзнь его недолго продолжалась. При послѣднихъ дняхъ жизни и до самаго смертнаго мгновенія онъ оказывалъ необыкновенную твердость и спокойствіе; готовясь въ вѣчную жизнь, съ чувствами истиннаго христіанина, исполненный вѣры и упованія на благость Искупителя, онъ удостоился воспріять Святое Причастіе, и вскорѣ затѣмъ съ миромъ отошелъ отъ предѣловъ временной жизни въ жизнь безконечную. Гавріиль Ивановичъ Скородумовъ скончался въ С. Петербургѣ 12-го іюля 1792 года, тридцати семи лѣтъ отъ рожденія.

Не говоримъ уже, какъ жестоко этою утратою были уязвлены сердца любившихъ его, быть-можетъ, болѣе всего на свѣтѣ,

его жены, его престарѣлаго отца, какъ плакали они по немъ и съ какою грустію, забывая себя и весь міръ, провожали останки его, возвращая въ нихъ землѣ земное,—не менѣе была сильна скорбь его братьевъ, сестеръ, всѣхъ его родныхъ, друзей, знакомыхъ, знавшихъ его, и кто изъ нихъ не цѣнилъ того, что было потеряно въ немъ! Много было провожатыхъ за гробомъ этого знаменитаго русскаго художника, имя котораго уже давно увѣнчалось лавромъ безсмертія; его провожала почти вся Императорская Академія Художествъ, ея члены, профессора, академики и ученики; тутъ находился и упомянутый нами выше другъ и почитатель Скородумова, Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, который послѣ этого событія черезъ годъ и восемь мѣсяцевъ былъ уже Президентомъ Императорской Академіи Художествъ.

Гавріиль Ивановичъ Скородумовъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ, по лѣвую сторону церкви Смоленской Божіей Матери; вдова Скородумова сдѣлала надъ нимъ памятникъ, называемый постаментомъ; онъ весь изъ путиловской плиты, только сверху положена небольшая изъ бѣлаго мрамора доска, прикрѣпленная по угламъ четырьмя мѣдными круглыми бляхами, на этой доскѣ, надъ головой, изсѣченъ крестъ, а по сторонамъ два Ангела и слѣдующая надпись:

Памятникъ сей
сооруженъ надъ тѣломъ,
землѣ здѣсь
преданнымъ Академика
и Кабинета
Ея Императорскаго
Величества гравера,
Гавріила Ивановича
Скородумова,
отъ жены его въ память
вѣчную супружней любви
и сердечнаго
сокрушенія
о потерѣ его.

Подъ надписью изсѣчена эмблема времени, въ видѣ старика съ косою, песочными часами и прочими атрибутами.

Подъ верхней доской, съ лѣваго боку, слѣдующая надпись:

«Погребенный здѣсь родился 1755 года марта 12 дня. Воспитался и обучался въ Императорской Академіи Художествъ. Совершенство въ познаніяхъ и имя искуснаго художника приобрѣлъ въ чужихъ земляхъ».

Съ праваго боку надпись:

«Къ прискорбію художествъ смерть прекратила жизнь сего любимца ихъ въ половинѣ опредѣленнаго смертнымъ вѣка, отъ рожденія его на 38 году, отъ Рождества Христова въ 1792 году».

По обѣ стороны этой надписи изсѣчены два лакримарія т. е. слезные сосуда.

Императорская Академія Художествъ лишилась въ Г. И. Скородумовѣ одного изъ лучшихъ, по дарованію и трудолюбію, академиковъ, вполне оправдавшаго ея теплую заботливость въ образованіи его превосходнаго таланта; лишилась его тогда, когда надѣялась украсить еще многими прекрасными произведеніями его гения, который и теперь ярко отражается въ лучахъ ея славы, не умаляясь въ теченіе болѣе нежели трехъ четвертей столѣтія; но скажемъ и то, что произведенія гениевъ есть достояніе всѣхъ вѣковъ, и слава ихъ никогда не умалится.

Вдова Гавріила Ивановича Скородумова въ послѣдствіи вышла замужъ за академика баталлической живописи, Статскаго Совѣтника М. М. Иванова, служившаго при Императорскомъ Эрмитажѣ. Эта женщина была прекрасна и умна. Блестящій успѣхъ перваго ея мужа въ гравированіи, кажется, увлекъ и ее къ этому предмету, но, впрочемъ, на это искусство она и природою была надѣлена нескучно. Итакъ Марья Ивановна Скородумова, подъ руководствомъ страстно любимаго ею и любящаго ее мужа, ревностно занявшись гравированіемъ, трудомъ и терпѣніемъ преодолевъ всѣ затрудненія, оказала въ немъ удивительный

успѣхъ, и наконецъ—сдѣлалась граверомъ,—и граверомъ даже очень хорошимъ, такимъ, что многіе изъ ея соотечественниковъ, граверы, не могли бы состязаться съ нею въ этомъ художествѣ. Изъ ея произведеній въ гравированіи мы укажемъ здѣсь на одно—изображеніе Святой Фамиліи, съ картины Превизани, которая отпечатана во второмъ ея замужствѣ, въ 1796 году,—и потому на ней надпись: «Marie Iwanoff sculpsit. Этотъ эстампъ былъ посвященъ ею Августѣйшему имени Императрицы Екатерины Великой. Марья Ивановна такъ любила перваго своего мужа, что даже изъявила желаніе, чтобы послѣ смерти, ее положили съ нимъ въ одну могилу; но узнавъ, что различіе вѣръ этого не допускаетъ, она стала усильно просить своихъ родныхъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ, поясной портретъ Гавріила Ивановича Скородумова, сдѣланный его собственною рукою масляными красками и постоянно находившійся въ ея кабинетѣ, положили съ нею въ гробъ, таковъ былъ важнѣйшій пунктъ ея предсмертнаго завѣщанія, — и несмотря на странность такого желанія, оно было выполнено. Эта замѣчательная женщина-граверъ скончалась въ С. Петербургѣ въ маститой старости, въ 1827 году.

Одна изъ сестеръ Гавріила Ивановича Скородумова, Аграфена Ивановна, была замужемъ за академикомъ медальернаго художества Семеномъ Васильевичемъ Васильевымъ а потомъ за Статскимъ Совѣтникомъ Иваномъ Мироновичемъ Притчинимъ. Кстати упомянемъ здѣсь, что академикъ С. В. Васильевъ занимался также и гравированіемъ, что очень немногимъ извѣстно; изъ числа нѣсколькихъ произведеній его по этому роду художества мы укажемъ на портретъ Императрицы Екатерины Второй, съ надписью стихами на греческомъ языкѣ. Эта гравюра очень хорошо исполнена; въ работѣ видна артистическая рука, — видно что это былъ граверъ по призванію. Да, еслибы Васильевъ посвятилъ себя исключительно одному этому искусству, то имѣлъ бы въ немъ огромный успѣхъ, и этого ожидать было можно тѣмъ-болѣе, что онъ былъ неутомимый труженикъ. По медальерному художеству Васильевъ имѣлъ классъ при Императорской Академіи Художествъ; онъ получалъ много заказовъ, какъ отъ Правительства, такъ и отъ частныхъ лицъ,—и получилъ осо-

бенную известность, сдѣлавъ медали на нѣсколько достопамятныхъ отечественныхъ событій. Медальерныя произведенія его вообще превосходны. Васильевъ конечно, не имѣетъ такой славы, какую стяжалъ граверъ Скородумовъ; но все-таки его имя стоитъ между именами первыхъ русскихъ академиковъ, и онъ по справедливости заслуживаетъ нашей признательности къ своей памяти, какъ человекъ, достойно оправдавшій свое призваніе, и какъ добрый христіанинъ.

П. Н. СКОРОДУМОВЪ.

О ЯЗЫКѢ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ *.

«Языкъ есть сокровище свѣдѣній цѣлаго народа и многихъ вѣковъ; стяжаніе предковъ, наслѣдство и достояніе потомства; хранилище его словарь, памятники — литература».

Глаголевъ. Умозр. и опытн. основ. словесн.

Разбирая съ братомъ покойнаго пріятеля моего, Н. П. Л—ва, оставшіяся послѣ него бумаги, въ числѣ ихъ попалась одна, повидимому, приготовленная къ печати, носившая заглавіе, которое мы только-что выписали.

Много цѣня всякое доброе слово, сказанное въ защиту отечественнаго языка, нерѣдко искажаемаго разными нововведеніями, мы, съ позволенія брата покойнаго, передаемъ ее тисненію, въ той увѣренности, что всякая мысль, благоразумно высказанная въ пользу науки, есть достояніе потомства.

Статья эта написана не по увлеченію, а по чувству, исполненному гордости ко всему родному, всегда прекрасному и незамѣнимому.

Всякій слѣдящій за ходомъ отечественной литературы знаетъ на опытѣ, какимъ произвольнымъ измѣненіямъ, «даже искаженіямъ», подвергаются иногда основныя начала русскаго языка въ сочиненіяхъ и журналахъ *иныхъ* писателей, изъ которыхъ каждый, уцѣпившись за какое-нибудь слово или фор-

* Эта статья прислана въ редакцію С. О. Можетъ-быть, она покажется нѣсколько устарѣлою, но мы даемъ ей мѣсто въ журналѣ, потому-что въ ней высказано много дѣльныхъ и справедливыхъ мыслей.

му, несколько не существенныя, составляет себѣ въ отноше- нии къ нимъ постоянное правило, которому придаетъ такую важность, какъ-будто оно условливается духомъ языка. На ос- нованіи такихъ правилъ *многіе* почитаютъ себя даже преобра- зователями, усовершенствователями языка. Цѣль настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы доказать неосновательность такового мнѣнія, и опредѣлить истинное значеніе мнимыхъ усо- вершенствованій.

«Духъ языка проявляется въ совокупности всего существую- щаго въ языкѣ; онъ составляетъ необходимое условіе, по кото- рому данныя формы существуютъ такъ, а не иначе; онъ обра- зуетъ тончайшую связь, которая проникаетъ ихъ, и совокуп- ляетъ въ одинъ языкъ. Сношенія народовъ между-собою под- вергаются ихъ взаимному вліянію, которое простирается и на ихъ языки. Распространеніе круга понятій порождаетъ потреб- ность новыхъ словъ, оборотовъ, которые часто заимствуются однимъ народомъ у другаго, и вносятся въ языкъ безъ всякаго пзмѣненія, хотя и не согласуются съ его основными начала- ми. Если изученіе первобытныхъ элементовъ языка представ- ляетъ трудности, то подобныя нововведенія увеличиваютъ ихъ, образуя явленія, объяснимыя лишь исторіею народа, и требую- щія знанія того языка, изъ котораго заимствованы. Въ этомъ отношеніи при изученіи одного языка встрѣчаемъ мы болѣе за- трудненій, нежели при изученіи другаго. Къ числу первыхъ принадлежитъ и русскій: можно даже сказать, что онъ одинъ изъ труднѣйшихъ въ Европѣ по разнородности встрѣчающихся въ немъ элементовъ. Бѣглый взглядъ на исторію русскаго народа удостовѣряетъ насъ въ томъ, сколько долженъ былъ потерпѣть славянскій языкъ отъ того, что Русы болѣе двухъ-сотъ лѣтъ несли иго Татаръ, что заимствовали образованіе свое частію изъ Германіи, частію изъ Франціи и Голландіи, и наконецъ отъ того, что *образованный классъ почти цѣлый вѣкъ говорилъ исключительно по-французски*».

«Славянскій языкъ, подобно всѣмъ кореннымъ, показываетъ явное сродство съ языкомъ санскритскимъ и древне-персидскимъ, какъ съ нарѣчіями, образовавшимися въ колыбели рода чело- вѣческаго. Кромѣ-того, въ славянскомъ языкѣ замѣшаны нѣкото- рые черты, общія съ эллинскимъ, и именно: аналогія въ окон-

чаніяхъ словъ, въ родахъ, склоненіяхъ, спряженіяхъ. Такое сходство подало поводъ къ различнымъ заключеніямъ, изъ ко- торыхъ впрочемъ ни одно не признано достовѣрнымъ, по не- достатку удовлетворительныхъ доводовъ. Какъ бы то ни было, во-время принятія Славянами христіанства, языкъ ихъ подверг- ся значительному вліянію греческаго. Сюда относятся обороты и рѣченія, встрѣчающіеся въ церковно-славянскомъ языкѣ, изъ коихъ нѣкоторые въ-послѣдствіи времени утратились, а другіе сохранились, и перешли потомъ въ русскій. Что касается до вліянія татарскаго языка, то оно ограничивается принятіемъ нѣсколькихъ словъ. Но тѣмъ болѣе заимствовали мы въ но- вѣйшее время у западной Европы, какъ формъ, такъ отча- сти и оборотовъ. Извѣстно, что почти всѣ наши техническіе термины военные, морскіе, многіе изъ области наукъ, худо- жествъ и промышленности заимствованы изъ нѣмецкаго, фран- цузскаго, англійскаго и голландскаго языковъ; а постоянное употребленіе французскаго языка въ разговорѣ ввело въ рус- скій нѣкоторые обороты, хотя по несообразности своей съ его духомъ и неполучившіе еще права гражданства, но день ото-дня менѣе оскорбляющіе нашъ слухъ».

«Итакъ, чтобы изучить духъ русскаго языка, надлежитъ сначала ознакомиться съ духомъ языковъ древнихъ, многихъ изъ новѣйшихъ, и кромѣ-того основательно знать отрасли сла- вянскаго корня. Изслѣдованіе духа русскаго языка затрудняет- ся и тѣмъ, что сродственные ему нарѣчія, въ которыхъ духъ славянскаго языка наиболѣе сохранился, весьма необработа- ны, и представляютъ мало письменныхъ памятниковъ; болѣе же образованные изъ нихъ утратили свой первобытный видъ принятіемъ западныхъ элементовъ. При такомъ разнообразіи источниковъ для изученія, необходимо быть одарену сильнымъ критическимъ умомъ, и глубоко вникнуть въ законы философ- ской грамматики. Въ этой же трудности можно полагать и при- чину того, что до-сихъ-поръ нѣтъ полной критической кар- тины русскаго языка. Кромѣ нѣсколькихъ изслѣдованій, есть у насъ система русскаго языка г. Глаголева, составляющая 2-ю часть его «Умозрительныхъ и опытныхъ основаній словесно- сти»; но и это сочиненіе, впрочемъ заслужившее всеобщее одоб- реніе, представляетъ одни только очерки того, въ чемъ у насъ

такъ ошутителенъ недостатокъ, особенно въ нынѣшнее время».

«Языкъ совершенствуется или непосредственно: временемъ, или посредственно: отдѣльными явленіями въ словесности. Непосредственное усовершенствованіе есть слѣдствіе потребности, почувствованной не однимъ какимъ-либо лицомъ, но цѣлымъ сословіемъ лицъ, или даже народомъ; оно находится въ непосредственной связи съ степенью образованности народа, его политическимъ существованіемъ, и мѣстомъ, занимаемымъ имъ въ области человѣчества. Посредственно совершенствуютъ языкъ писатели, которые для того необходимо должны или обладать глубокимъ знаніемъ духа языка, или быть гениями. Въ наше время явилось въ русскомъ языкѣ множество нововведеній, изъ которыхъ одни, посягая на богатство языка и его законы, заслуживаютъ быть разобраны подробно, другія же, касаясь только наружныхъ, случайныхъ формъ словъ, пестрятъ книги рѣзкимъ отличіемъ отъ обыкновенной орфографіи. Къ числу первыхъ относятся изгнаніе изъ языка нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ, и измѣненія законовъ слога; къ послѣднимъ принадлежитъ недопущеніе исключеній изъ этимологическихъ и орфографическихъ правилъ».

«Обратимся теперь собственно къ нашей задачѣ, и спросимъ, къ которому изъ двухъ поименованныхъ родовъ усовершенствованій должно отнести нынѣшнее состояніе русскаго языка, къ усовершенствованію-ли, производимому филологами или гениями? Выше указали мы, что требуется отъ филолога вообще и отъ изыскателя русскаго языка въ частности. Кто же изъ современныхъ намъ преобразователей можетъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ исчисленнымъ требованіямъ, для выполненія которыхъ цѣлая жизнь человѣческая оказалась бы недостаточною, хотя бы и была исключительно употреблена на сей предметъ. Кто изъ законодателей нашихъ посвящаетъ всѣ свои труды изысканію и установленію прочныхъ правилъ русской рѣчи. Правда, есть у насъ филологи, занимающіеся этимъ съ любовію и по призванію, но труды ихъ до-сихъ-поръ составляютъ только предварительныя собранія матеріаловъ, изъ которыхъ другимъ изыскателямъ суждено возвестъ стройное зданіе русскаго слова. Итакъ нововведенія преобразователей не

основаны на радикальномъ изслѣдованіи духа отечественнаго языка: не порождены-ли же они гениями, которые творятъ независимо отъ аналитическаго знанія, необходимаго для филолога? Гении не имѣютъ нужды въ изысканіи для открытія истины, которая представляется имъ вдохновеніемъ: въ томъ-то и состоитъ разница между гениемъ и ученымъ. Послѣдній можетъ обладать большими свѣдѣніями; но онъ, какъ обыкновенный человѣкъ, видитъ истину не иначе, какъ при свѣтильникѣ ученія; а гений, подобно Прометею, похищаетъ огонь у Зевеса, и освѣщаетъ имъ человѣчество. Онъ глубоко чувствуетъ потребность вѣка; душа его одарена силою удовлетворить ей, а свойственное ему предчувствіе указываетъ вѣрное къ тому средство. Такимъ-образомъ созданное имъ всегда проникнуто идеею истины. Въ наше время почувствовали различіе разговорнаго языка отъ книжнаго, и принявъ за правило, будто писать во всякомъ-случаѣ должно такъ точно, какъ говорятъ въ образованныхъ обществахъ, начали отвергать нѣкоторыя слова и формы, рѣдко встрѣчающіяся въ разговорѣ, и доказывать, будто періоды дѣлаютъ рѣчь тяжелою, и потому не должны быть терпимы въ русскомъ языкѣ, какъ совершенно ему несвойственные. Нововводители указали на слогъ Пушкина, а нѣкоторые изъ послѣдователей ихъ не удовольствовались тѣмъ, и обращались къ другимъ писателямъ. Не вникая во внутреннее достоинство этихъ писателей, подражатели ограничились внѣшнею формою ихъ произведеній, и часто заимствовали именно то, въ чемъ является слабая сторона ихъ. Такимъ-образомъ новѣйшія произведенія легкой литературы (не можемъ назвать ее изящною), бѣдныя содержаніемъ, переполнились эпитетами, сравненіями. Живости слога Пушкина думаютъ нынѣ достигнуть однимъ наборомъ словъ, разбросанныхъ вопреки законамъ логической конструкции,—не думая о томъ, возможна-ли быстрота выраженія, безъ быстроты мыслей. Въ-отношеніи же къ сочиненіямъ, которыхъ содержаніе принадлежитъ къ области наукъ, должно замѣтить, что въ нихъ болѣею частію соблюдается правильность языка: въ этомъ отношеніи нововводители немного нашли подражателей, хотя и доказываютъ, что даже ученые сочиненія должно писать отрывчатымъ разговорнымъ слогомъ, чтобы они были понятны».

«Устарѣлыя слова печезаютъ изъ языка сами-по-себѣ и незамѣтно; а новыя, напротивъ-того, вводятся въ него торжественно. Первое не есть дѣло какого-нибудь лица, но составляетъ усовершенствованіе, производимое временемъ, которое сближаетъ, сплавливаетъ между-собою различные виды одного и того же языка, напимѣръ, форму письменную съ разговорною. Послѣднимъ же языкъ бываетъ обязанъ литераторамъ, обогащающимъ его новыми словами и оборотами, замѣняющимъ незаконныя иностранныя слова родными, однимъ словомъ, согласующимъ всѣ формы языка съ духомъ его. Что-же выиграетъ въ сущности русскій языкъ, если мы изгонимъ изъ него нѣкоторыя слова, и начнемъ доказывать, будто не должно употреблять періода, который составляетъ и искони составлялъ принадлежность русской рѣчи? Намъ увѣряютъ, что писать должно такъ, какъ говорятъ въ образованныхъ обществахъ, и поставляютъ закономъ преимущественно обращать вниманіе на живость и легкость слога, о какомъ бы мы предметѣ, впрочемъ, ни писали. Но и самый разговорный слогъ измѣняется по роду предмета разговора: о наукахъ, художествахъ должно говорить иначе, нежели о модахъ, спектакляхъ, удовольствіяхъ. Кромѣ-того, въ разговорѣ мы не замѣчаемъ множева неровностей, которыя оскорбляютъ наше ухо, если встрѣчаются въ чтеніи: излагая свои мысли письменно, мы должны думать о томъ, чтобы скрыть эти недостатки, давая словамъ своимъ различныя обороты. Изъ этого слѣдуетъ, что невозможно совершенно такъ писать, какъ мы говоримъ; къ-чему же уничтожать средства къ облегченію при выраженіи своихъ мыслей? Такое уничтоженіе дѣлаетъ языкъ бѣднѣе, тогда-какъ мы должны стараться обогащать, а не разорять его. Къ-тому же языкъ совершенствуется бѣльшею частію въ книгахъ: Русскіе, не имѣя книгъ, говорили варварскимъ языкомъ, въ то время какъ нарѣчія западной Европы, которой просвѣщеніе и письменность процвѣтали, уже стояли на высокой степени образованности. Языкъ неподражаемаго Крылова не сколокъ съ того, который слышимъ мы въ устахъ простаго народа, а между-тѣмъ, онъ народенъ, какъ нельзя болѣе. Причина этого заключается въ томъ, что Крыловъ уловилъ духъ того языка, и при помощи его создалъ идеальный способъ выраженія. Французы и Нѣмцы пи-

шутъ не такъ, какъ говорятъ въ образованныхъ обществахъ; но въ сихъ послѣднихъ стараются говорить такъ, какъ писали и пишутъ даровитые литераторы. Нигдѣ не стараются также изгнать изъ языка формъ, искони въ немъ существующихъ, и совершенно согласныхъ съ духомъ его. Безъ сомнѣнія, каждый родъ сочиненій требуетъ въ нѣкоторой степени легкости, но легкость эта есть относительная, и условливается предметомъ произведенія. Тотъ красивый, легкій сводъ, тѣ стройныя колонны, которыя такъ плѣняютъ нашъ глазъ въ кіоскѣ, не могутъ быть примѣнены къ зданію прочному, величественному, и по огромности своей, массивному. Кромѣ-того, что они несообразностью своей съ характеромъ дѣла оскорбятъ нашъ взоръ, не будутъ онѣ въ состояніи выдержать лежащей на нихъ тяжести; она ихъ подавитъ: зданіе разрушится, и легкіе, сами-по-себѣ изящныя своды и колонны вмѣстѣ съ дѣлымъ корпусомъ представятъ одну кучу развалинъ. Бѣльшая часть произведеній, основанныхъ на такой непрочности слога, представляетъ именно подобное явленіе: фразы, которыя по легкости своей не въ состояніи выдержать силы идеи, наполняютъ страницы, на которыхъ, при бѣльшей прочности, основательности изложенія красовались бы достойныя вниманія мысли, незамѣтныя въ хаосѣ чрезвычайно легкихъ выраженій. Что-же касается до тѣхъ родовъ словесности, которые по существу своему требуютъ языка легкаго, то въ этомъ отношеніи мы можемъ именно указать на нашихъ образцовыхъ писателей: Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Пушкина, но только не совѣтуя подражать имъ, а лишь изучать ихъ образъ выраженія. Первое губитъ довольно людей частію способныхъ; а второе укажетъ, въ чемъ именно состоитъ прелесть языка упомянутыхъ писателей. Она заключается не въ употребленіи извѣстныхъ словъ и оборотовъ, а въ тѣсной связи ихъ рѣчи съ тѣмъ, что происходило въ ихъ умѣ или чувствѣ въ то время, когда они писали».

«Что остается намъ сказать о нововведеніяхъ, дѣлаемыхъ вопреки истинѣ, которая выражается или латинскою пословицею: *usus est tyrannus*, или русскою: *нѣтъ правила безъ исключенія*. Они ограничиваются одними орфографическими формами, и потому не могутъ имѣть существеннаго вліянія на языкъ въ обширномъ смыслѣ. Другое дѣло современныя понятія о слогѣ, слѣдствія вышеупомянутаго усовершенствованія».

«До-сихъ-поръ дѣлили слогъ на три рода: высокій, средній и низкій, назначая каждому изъ нихъ особые роды литературныхъ произведеній. Въ наше время совершенствованія науки такое дѣленіе не могло быть удовлетворительно: оно признано ложнымъ. Нынѣ доказано, что слогъ одинъ, что можно писать или слогомъ, или безъ него. Изъ этого можно было бы вывести заключеніе, что условія изящности слога въ драмѣ или повѣсти одни и тѣ же, какъ и въ ученомъ разсужденіи. Но если мы примѣнимъ это правило къ дѣйствительности, то убѣдимся, что оно въ высочайшей степени неосновательно, противно здравому смыслу. Слогомъ называемъ мы извѣстный образъ выраженія: ясно, что живыя ощущенія, пылкія страсти не станемъ мы сообщать такъ-точно, какъ передаемъ другимъ свои мысли, или доказываемъ какія-либо истины; слѣдовательно, слогъ долженъ быть сообразенъ предмету, о которомъ мы пишемъ: въ противномъ-случаѣ произойдетъ между предметомъ и изложеніемъ разногласіе, оскорбляющее въ насъ чувство изящнаго. Самое возвышенное, превосходное твореніе теряетъ часть своего достоинства, если оно написано языкомъ, несоотвѣтствующимъ сущности предмета. Величайшіе писатели всѣхъ вѣковъ и странъ слѣдовали этому правилу. И такъ, вмѣсто того, чтобы дѣлить слогъ на три рода, слѣдуетъ опредѣлить качества его, приличныя каждому роду произведеній словесности. Такое опредѣленіе основано на здоровомъ сужденіи объ условіяхъ изящнаго въ литературѣ, и можетъ служить вѣрнымъ и надежнымъ мѣриломъ достоинства каждаго литературнаго труда. Неприлично наполнять серьезныя учоныя сочиненія шуточками, мелкими выходками, насмѣшками, тамъ-гдѣ предметъ требуетъ строгаго, яснаго, систематическаго изложенія. Вообще каждое уклоненіе тона сочиненія отъ того, какого требуетъ сущность его, какъ бы, впрочемъ, остроумно ни было, болѣе вредитъ впечатлѣнію, нежели усиливаетъ его. Къ-сожалѣнію, недостатокъ этотъ весьма часто встрѣчается въ учоныхъ и чисто-литературныхъ сочиненіяхъ нынѣшнихъ писателей, думающихъ замѣнить недостатокъ сущности блестящими ложными остротами, или наборомъ громкихъ словъ. Немногіе писатели нашего времени устояли противъ соблазна, и въ ожиданіи твердыхъ правилъ, основанныхъ на глубокомъ изыска-

нію въ области русскаго слова, придерживаются того же языка, которымъ писали Карамзины, Пушкины и другіе.

«За тѣмъ остается намъ сказать о значеніи настоящаго періода русскаго языка. Можемъ надѣяться, что русскій языкъ, искажаемый нынѣ нововведеніями, ни начеиъ неоснованными, подобно фениксу возродится изъ своего пепла въ новой красотѣ и стройности. Эта мысль, успокоивая насъ насчетъ участи отечественнаго слова, утѣшаетъ при видѣ безжалостныхъ истязаній, которымъ подвергаютъ нашъ богатый, звучный, оборотливый языкъ. Но языкъ самъ-по-себѣ не можетъ сдѣлать такого шага безъ дѣятельнаго участія нашего; до такой степени не простираются незамѣтныя усовершенствованія, производимыя временемъ. Произвольныя нововведенія нѣкоторыхъ литераторовъ вызываютъ любителей русскаго слова на трудъ важный и достопочтенный: углубиться въ критическую исторію отечественнаго языка, проникнуться духомъ его, и на этомъ основаніи вывести полную, твердую систему. Трудъ этотъ кажется исполненнымъ; но онъ необходимъ для процвѣтанія нашей словесности. Взглянемъ, что сдѣлали Нѣмцы для своего чисто-отвлеченнаго, книжнаго языка. Не довольствуясь трудами Аделунга, Гейнзіуса, Рейнбека, Гейзе и многихъ другихъ, продолжаютъ они и въ наше время радикально совершенствовать свой языкъ, дѣлаютъ изысканія о духѣ его, слѣчаютъ нарѣчія, устанавливаютъ прочныя правила. Французы привели всѣ измѣчивыя формы своего прихотливаго языка въ извѣстность: такой трудъ, чрезвычайно шепетильный, хотя и не уничтожаетъ недостатковъ языка, однакоже даетъ, по-крайней-мѣрѣ, каждому возможность выразиться такъ, чтобы всѣ его понимали. Такого предпріятія ожидаетъ русскій языкъ, тѣмъ болѣе, что мы еще не знаемъ вполне всего матеріальнаго богатства его, не имѣя до-сихъ-поръ полного словаря. Недостатокъ сего послѣдняго также весьма ощутителенъ въ настоящее время».

«Раскрытіе тайнъ техники не убиваетъ таланта, который всегда умѣетъ ими воспользоваться: онѣ представляютъ ему только богатѣйшія средства къ достойному осуществленію его идеаловъ. Исторія искусства доказываетъ законъ прогресса челоѣческаго духа, по которому періодъ безсознательнаго творчества предше-

ствуешь періоду изслѣдованія, послѣ котораго является творчество, основанное на размышленіи, на изученіи всѣхъ сторонъ и направленій искусства, на глубокомъ знаніи формъ и средствъ».

«И такъ изъ всего вышенаведеннаго видно, что русскій языкъ въ настоящее время претерпѣваетъ кризисъ, который однакоже не иначе можетъ послужить къ усовершенствованію его, какъ побудивши насъ къ основательному изученію элементовъ. Отъ такого направленія должны мы ожидать обильнаго плода: оно вполне раскроетъ намъ богатства языка, о которомъ говоритъ поэтъ:

Въ немъ громъ гремитъ въ словахъ далекогласныхъ,
Тоска горюетъ тихо,—а любовь
Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ!
Какъ сей языкъ великолѣпенъ, гордъ;
Какъ рифмъ его лобзаніе роскошно!
И гибокъ онъ, и вмѣстѣ какъ оръ твердъ!
Благословенъ языкъ земли полночной!

Въ этихъ словахъ заключается статья покойнаго Н. П. М—ва, нѣкогда трудолюбиваго сотрудника Литературной Газеты. Находясь въ званіи преподавателя русской словесности въ одномъ изъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга, Н. П. съ любовью слѣдилъ за ходомъ отечественной литературы, и написалъ эти строки, какъ по содержанию ихъ видно, вѣроятно, въ 1842 или 1843 г. Повторяемъ мы передаемъ ихъ печатанію исключительно на основаніи эпиграфа, приведеннаго къ этой статьѣ.

Б—КЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1706 года.

67. ЗАМѢТКИ НА ПУТИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ БАРНАУЛЬ. П. Небольсина. С.—Петербургъ, въ типографіи И. Глазунова и Комп. 1850*.

Съ нѣкотораго времени стали появляться у насъ извѣстія о Сибири, какъ потому, что образованный классъ почувствовалъ необходимость знать свое отечество, такъ и потому, что осуществилась давнишняя пословица: *Сибирь золотое дно*.

Г. Небольсинъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи: Разказы о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, Завоеваніе Сибири и потомъ, Замѣтки на пути изъ Петербурга въ Барнаулъ. Первая статья осталась въ «Отечественныхъ Запискахъ», послѣднія двѣ вышли отдѣльными книжками. О первыхъ двухъ мы говорили уже въ «Сынѣ Отечества», теперь будемъ разбирать послѣднюю.

«Разказы о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ» и «Замѣтки на пути изъ Петербурга въ Барнаулъ» два родные брата, не близнецы однакожь, но одинъ родился прежде, другой послѣ; у каждого свое имя, а фамилія одна; оба учились у одного учи-

* Хотя эта книга и не совсемъ новая, но мы помѣщаемъ ее критическій разборъ, присланный въ редакцію, какъ должно догадываться, отъ человѣка, весьма знакомаго съ Сибирью и съ сибирскою жизнью.

теля. Прочитавъ первыя страницы замѣтокъ, каждый подумаетъ, что это путешествіе юмористическое, литературное, годное для легкаго чтенія; такъ бы и слѣдовало продолжать его, но мы увидимъ, что авторъ отступилъ отъ первоначальнаго плана и перешелъ въ науку.

На пути до Новгорода, авторъ видѣлъ, что: «шоссейное полотно тянулось неизмѣримо прямою нитью въ недосыгаемую даль; края его живописно были обставлены, то превосходно раскрашенными веретами, то подобіемъ березокъ, лѣниво раскинувшихъ вѣтвистые сучки. По обѣимъ сторонамъ полотна дороги раскинулись сѣро-зеленныя болота; одна развѣ далекая черта, едва-едва отдѣлявшая темно-сѣрую землю отъ свѣтлосѣраго неба, могла навести фейлосуфа на мысль о безграничности челоувѣческихъ желаній и вѣчной неблагодарности смертнаго къ природѣ, осыпающей его дарами».

Отъ природы авторъ переходитъ къ жителямъ города Торжка, Домъ и бытъ тамошняго богатаго купца показался ему юртою самоѣда, или чѣмъ-то другимъ, едвали не хуже. Но вотъ что невѣроятно: авторъ говоритъ, что поговорки и комплименты между молодцами и красными дѣвцами утверждены общимъ согласіемъ народа, передаются изъ рода въ родъ, для памяти записываются въ тетрадку, выучиваются наизусть; во многихъ семьяхъ хранятся красиво-переплетенныя рукописи, какъ сборникъ всѣхъ постановленій о политичномъ обхожденіи.

Описывая цвѣтъ сарафановъ, онъ употребляетъ слово *серизовый*.—Что это за цвѣтъ? Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова *серизовый*, а есть *вишневый*.

Авторъ выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода, и на пути къ Казани хотѣлъ взглянуть на коренную русь во всей красѣ русской національности.

«Ждемъ видѣть», говоритъ онъ, «не одни кафтаны ямщиковъ, или крестьянъ, да кички ихъ бабъ, а думаемъ себѣ, что вотъ, авось, Богъ дастъ наткнуться на что-нибудь такое, что напомнило бы и Москву съ ея боярами и фабриками, и Торжокъ съ его простолюдемъ, и старину, и русской умъ, и то и се.... Тщетныя ожиданія! Именно тутъ-то, по моей дорогѣ и не было того, на что я рассчитывалъ: просто дичь какая-то».

Такія сужденія автора едва ли основательны.

Въ Казани есть развалины древняго зданія, башня Сумбеки. Она стоитъ въ Кремль и походить какъ бы на колокольню. Татары говорятъ, что тутъ было во времена хановъ какое-то судилище; Русскіе не обращаютъ вниманія на это преданіе и величаютъ башню именемъ Сумбеки. Нашъ авторъ доказываетъ, что башня эта построена въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда онъ повелѣлъ учредить Закамскую линію, выкопать рвы и разставить башни, что русскіи художникъ умѣлъ придать башнѣ типъ татарскіи.

На чѣмъ основалъ авторъ свои выводы не знаемъ, но сомнѣваемся въ ихъ правильности. Во-первыхъ: на башнѣ стоитъ желѣзный стержень, а на немъ золотое яблоко, отъ тяжести котораго стержень нагнулся. Алексѣю Михайловичу не было надобности отливать драгоцѣнное яблоко, стоящее тысячъ 7 или 8 руб. сер. Скорѣе всего поставили бы на шпиль башни гербъ, какъ видимъ на башняхъ въ Москвѣ. Шаръ этотъ давно спятъ, золото продано, а вырученныя деньги употреблены на поправку стѣнъ крѣпости. Объ этомъ знаютъ все въ Казани. Во-вторыхъ, Закамская линія должна разстилаться за рѣкою Камою, а Казань лежитъ по здѣшнюю сторону Камы, слѣдовательно не можетъ принадлежать къ Закамью.

Выѣзжая изъ Казани, авторъ говоритъ, что онъ простился съ Арскимъ-полемъ и съ его знаменитымъ памятникомъ, поставленнымъ на томъ, будто бы, самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла нѣкогда ставка царя Іоанна Грознаго. Памятникъ надъ прахомъ убитыхъ при взятіи Казани стоитъ не на Арскомъ-полѣ, а по западную сторону, куда веденъ подкопъ; Арское-поле на другой сторонѣ Казани и чрезъ него ѣхалъ авторъ въ Сибирь. Объ этомъ можно удостовѣриться отъ любого Казанца.

Жаль, что авторъ говоритъ слишкомъ темного о Казани. Казань третья столица русскаго царства, имѣетъ 40 т. жителей, не походить строеніями на русскіе города, выражаетъ какой-то свой стиль, мѣстоположеніе образцовое, татарскіи кремль съ дивными воротами, башнями, толстыми стѣнами, татарская слобода съ мечетями и другими особенностями. Превосходный видъ города, стоящаго на горѣ, бросится въ глаза каждому ѣдущему изъ Россіи. Сибиряка поражаетъ Казань многолюдствомъ, сплошнымъ каменнымъ строеніемъ, торговлею.

За Казанью лежитъ Вятская губернія, покрытая дремучимъ лѣсомъ. Авторъ говоритъ: «Населеніе на почтовой дорогѣ довольно незначительное, и проѣзжему нѣтъ никакой возможности ознакомиться ни съ Вятчанами и Вятчицами, ни съ Вотьяками.» По московской дорогѣ много вотьяцкихъ деревень, въ которыхъ авторъ останавливался и перемѣнялъ лошадей: напр. Дебесь, Зятци, Узы, Сисенмурзи, Мурзикавси и пр. и пр.

Трудно отгадать мнѣніе автора насчетъ Перми: хвалитъ онъ ее или нѣтъ, не знаемъ. На квартирѣ встрѣчается онъ съ однимъ приказиромъ, и заставляетъ его говорить сибирскимъ нарѣчіемъ.

Во всей Сибири, въ каждомъ порядочномъ домѣ увидите портретъ Ермака, писанный на желѣзѣ, на деревѣ, на холстѣ; сходство портретовъ изумительно. Ермакъ представленъ чело-вѣкомъ среднихъ лѣтъ, съ черными глазами и бороною, черты лица выражаютъ задумчивость, размышленіе о чемъ то. Но кто былъ первоначальнымъ творцомъ портрета? Авторъ справедливо замѣчаетъ, что судя по европейскимъ латамъ, откидному воротнику рубашки, барету на головѣ съ богатою застежкою, можно подозрѣвать какого-нибудь Нѣмца-живописца, или русскаго ученика у иностранцевъ. Русскій воинъ носилъ не латы, но кольчугу. Наша старинная (не древняя) живопись и рисованіе носятъ на себѣ отпечатокъ Европы. Возьмите напр. устюжскія табакерки *подъ чернотю*, лантшафты на нихъ и костюмы—нѣмецкіе, и только весьма недавно стали появляться на нихъ русскій духъ.

«Проѣзжая Пермскую губернію, говоритъ авторъ, видимъ на каждомъ шагу довольство, чистоту, опрятность и благосостояніе, высшее противъ весьма многихъ великороссійскихъ губерній».

Дѣйствительно, Пермская губернія образомъ жизни Русскихъ выражаетъ всю Сибирь. Въ избахъ полъ вымытъ и устланъ холстиною, рогожами или посыпанъ дубомъ изъ кожевенныхъ чановъ; въ переднемъ углу чистый столъ, голый или покрытый ковромъ, на столѣ жбанъ съ квасомъ; стѣны вымыты или выбѣлены известкою. Дворъ запертъ воротами, на нихъ виситъ кольцо; входящій стучитъ кольцомъ, и ворота отворяютъ спуркомъ, проведеннымъ въ домъ.

«Переѣздъ черезъ Уралъ, по дорогѣ, которая достоинствомъ своимъ не уступаетъ нашему московскому шоссе, переѣздъ этотъ заставилъ забыть возгласы о величественной красотѣ швейцар-

ской природы. Если иногда и случалось думать объ этомъ предметѣ, то какое-то невольное чувство говорило, что серьезный съ вида русскій крестьянинъ, чисто и опрятно одѣтый, молодцоватѣе и умнѣе любого Нѣмца; что бѣлокурая или черноглазая Кержачка, радушно услуживающая путнику, всѣмъ по возможности, красивѣе рыженькой Нѣмочки; что самое солнышко русское, пригрѣвающее благотворными лучами русскія нивы, свѣтитъ, должно-быть, отраднѣе, чѣмъ то, которое свѣтитъ кропотливому Германцу; что наконецъ, необъятные русскіе лѣса съ ихъ вѣковыми кедрами, соснами, съ медвѣдями и соболями, какъ-то больше и понятнѣе говорятъ русской душѣ, чѣмъ всѣ эти сады и рощицы, въ которыхъ рука учонаго садовника изнасиловала природу и все живое подчинила безтолковымъ формальностямъ и стѣснительнымъ безъ нужды условіямъ.

«Житъе-бытѣе здѣшняго населенія представляетъ многія весьма утѣшительныя стороны. Въѣзжайте въ любое селеніе, войдите въ любую избу, и вы нигдѣ не найдете хозяина, который съ угрюмою физиономіею, съ понуренною головою безмолвно стоялъ бы предъ вами. Васъ встрѣтитъ и дружески станетъ привѣтствовать здоровый, плотный мужчина съ веселымъ лицомъ; онъ сядетъ тутъ же съ вами, и заведетъ умныя рѣчи о томъ, что только входитъ въ сферу его обычной дѣятельности, и это же самое найдете по всему пути черезъ Сибирь. Каждый домъ свидѣтельствуетъ о довольствѣ и зажиточности; каждое селеніе свидѣтельствуетъ о порядкѣ и благочестіи.

«Съ Урала и далѣе во глубь Сибири начинаются разспросы и разговоры о золотѣ, о новыхъ открытіяхъ въ золотопромышленности, о новыхъ подвигахъ разныхъ громогласныхъ золотыхъ компаній».

О Екатеринбургѣ, первомъ городѣ за Ураломъ, говоритъ авторъ немного, какъ-будто только перемѣнилъ въ немъ лошадей, или заказалъ вырѣзать печать, и уѣхалъ. О Тобольскѣ разсказы еще короче. На рыбной площади онъ едва не задохся отъ зловонія, у памятника Ермаку чуть не испекся отъ жара, и до того усталъ, что не могъ подняться на колокольню посмотрѣть на углицкій колоколь, извѣстившій гражданъ о убійствѣ Дмитрія Царевича.

Въ «Разсказахъ о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ», помещенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1847 и 1848 годовъ, авторъ пишетъ, что въ Тобольскѣ 8 уѣздныхъ и 10 приходскихъ училищъ; теперь онъ измѣнилъ прежній итогъ и показалъ въ Тобольскѣ семь народныхъ училищъ, а именно: гимназія, семинарія, два *уѣздныхъ* училища, три *приходскія* школы и татарское казачье училище.

Между Иртышемъ и Обью лежитъ равнина Бараба; народъ называетъ ее степью, вѣроятно потому, что гористая Сибирь всякую равнину должна считать чѣмъ то необыкновеннымъ. Бараба не степь, но плоскость, покрытая березовыми рощами. Авторъ говоритъ:

«Что за тоска, что за мученье, ѣхать стенами отъ Тобольска до Томска! Ѣдешь день, ѣдешь два, ѣдешь недѣлю — и все одно и то же, и кромѣ раскинутыхъ селеній на дальнихъ разстояніяхъ одного отъ другаго — не встрѣчаешь ничего. Дорога хороша, травы гигантскаго роста, но вѣдь это несколько не тѣшаетъ путника, которому хотѣлось бы лѣса, горъ, хорошихъ пейзажей, и главное, удобства въ дорогѣ. А какія здѣсь удобства? Лѣтомъ народъ въ полѣ, да на сѣнокосѣ, въ домахъ почти никого, кромѣ ребятъ, да стариковъ; куры не несутся, коровы молока не даютъ, свѣжинки (свѣжаго мяса) добыть негдѣ, и держишь невольный постъ!»

Кончивъ жалобу, авторъ продолжаетъ:

«Зато, что за раздолье глазу: ѣдешь, ѣдешь, конца нѣтъ дороги, а виды одни и тѣ же: зеленая степь и голубое небо; это очень здорово и укрѣпляетъ зрѣніе. Глазъ обхватываетъ пространство версты на сорокъ кругомъ, и ни вчера, ни сегодня, ни завтра не заметишь никакого разнообразія въ природѣ; развѣ что версты, да мелкіе лѣса нарушаютъ по-временамъ это единообразіе».

Если авторъ, проѣзжая черезъ Барабу, считалъ однѣ версты, то, безъ сомнѣнія, терпѣлъ скуку. Бараба скучна зимою, но лѣтомъ прелесть! Пышнаго Европейца она конечно подвергаетъ многимъ лишениямъ, напр. тамъ нѣтъ гостиницы, нѣтъ сливокъ, но одно прекрасное густое молоко, безподобный квасъ, малиновый, смородиновый; только вода неведѣ хороша. Худо и то, что ни за какія деньги не купите бутылки

вина, а о гаванскихъ сигарахъ гамбургской работы здѣсь одинъ пріѣзжій изъ Россіи распустилъ ужасную клевету: онъ увѣрилъ всѣхъ Барабинцевъ, что гамбургскія сигары хуже петербургскихъ. Напрасно авторъ думаетъ, что Сибиряки называютъ свѣжиною свѣжее мясо. Въ Енисейской губерніи свѣжиною называютъ всякое мясо, не разбирая, свѣжее ли оно, соленое, копченое, провѣсное. Въ такомъ ли употребленіи слово это въ губерніи Томской не знаемъ, но въ Иркутской оно не въ ходу.

На Барабѣ пришла мысль автору сдѣлать историческій обзоръ Сибири. — Много бы можно сказать противъ этого обзрѣнія, но боясь утомить читателей незанимательными для нихъ подробностями. Для тѣхъ же причинъ пропускаемъ и статистическое описаніе Томской губерніи, выбранное изъ разныхъ сочиненій. Автору не мѣшало бы указать источники, тогда всякая ошибка была бы не его виною. Напр: авторъ говоритъ, что слова *займище* и *падъ* почти синонимы съ болотомъ, но отличаются отъ него болѣею неизменною и осязательнымъ намекомъ на когда-то существовавшее скопленіе водъ. Противъ этого каждый Сибирякъ возразитъ и скажетъ, что займищемъ называется, мѣсто понимаемое водою, а падъ совсѣмъ другое. Падъ — есть углубленіе, ложбина или даже стремнина между двумя горами, идущими по одному направленію. *Саръ* есть стоячая вода, заливъ безбрежный или съ неясными берегами.

Авторъ замѣчаетъ, что сибирскіе ямщики не поютъ пѣсенъ на ѣздѣ потому, во-первыхъ, что они недоступны ихъ серьезному расположенію, а во-вторыхъ, собственно сибирскихъ пѣсенъ нѣтъ.

Противъ этого мы выставляемъ слѣдующее возраженіе: Ямщикъ сибирскій не поетъ пѣсенъ потому, что ему нѣкогда заливаться соловьемъ: онъ правитъ тройкою горячихъ лошадей, и гонитъ, по болѣе части во весь опоръ. Тутъ не до пѣсенъ. Что жъ касается до мнѣнія, что нѣтъ сибирскихъ пѣсенъ, оно едва ли справедливо. Правда, что болѣе часть пѣсенъ происхожденія русскаго, но есть и собственно сибирскія. Мы указывали на нихъ въ одномъ изъ прошлагоднихъ *ЛЛ* «Сына Отечества». Напрасно также говоритъ авторъ, что въ Сибири не въ употребленіи слова: мужикъ и баба. Но вотъ чего не замѣтилъ авторъ: въ Сибири не говорятъ лошадь, лошади, а конь, кони.

Въ высшемъ кругу томскаго гражданства нашелъ авторъ въ употребленіи французскій языкъ, домашней работы, языкъ, которой вы услышите и въ Петербургѣ на Невскомъ-проспектѣ, или въ Лѣтнемъ саду.

Въ утѣшеніе истинно-Русскихъ можемъ сказать, что французскій языкъ проникъ въ Сибирь только до города Томска. Сибирь Восточная, Красноярскъ, Иркутскъ, Кяхта, говорятъ только отечественнымъ языкомъ.

Кончивъ описаніе быта высшаго сословія города Томска, авторъ пускается въ историческое изложеніе началъ горнаго производства въ Россіи, а потомъ и въ Сибири. Все, что онъ говоритъ, мы читали уже въ «Горномъ Журналѣ», но *repetitum est mater studiorum*. Неправильно думаетъ нашъ авторъ, что старинное слово *каштакъ* значило питейную выставку. Напротивъ того, каштакомъ называлось то мѣсто, гдѣ стоялъ винокуранный заводъ. Въ смыслѣ же болѣе тѣсномъ каштакомъ называли и самые винокуранные заводы.

Говоря о состояніи жителей Томской губерніи, авторъ справедливо замѣчаетъ, что бѣдность въ Сибири невозможна. Между старожилами найдется много селеній, гдѣ нѣтъ ни одного бѣднаго въ строгомъ смыслѣ; нѣтъ бобылей, да и слово это не имѣетъ употребленія въ Сибири. Обѣдѣвшій, однопокій крестьянинъ идетъ въ работники, занимается на золотые промыслы; одряхлѣвшій идетъ въ богадѣльню, или въ домъ къ богатому, тамъ прокормятъ его до смерти. Бѣдность въ Европѣ происходитъ отъ маюраты, недостатка въ землѣ и въ промышленности.

Къ числу болѣзней, поражающихъ людей, относитъ авторъ и Сибирскую-язву. Незнающій дѣла подумаетъ, что это какая нибудь чума. Сибирская-язва поражаетъ только скотъ, и очень рѣдко переходитъ на людей, и то не повально и не вездѣ; всего чаще она скотомъ начинается, на немъ и кончается.

Незвѣстно по какимъ уваженіямъ включилъ авторъ въ свое путешествіе исторію о всѣхъ вообще казакахъ Россійскаго Государства. Еслибы онъ написалъ о происхожденіи сибирскихъ казаковъ—дѣло иное.

Слово казакъ пѣшій и конный попадаетъ въ бумагахъ только Западной Сибири, напротивъ того въ бумагахъ якутскаго архива нѣтъ слова казакъ, но вездѣ стрѣльцы, служилые и охочіе

люди. Статья о казакахъ составляетъ отдѣльное сочиненіе, и дѣлаетъ большую честь автору. За казаками слѣдуетъ разсужденіе о торговлѣ Западной Сибири съ владѣніями или ханствами Средней Азіи. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора, что Сибиряки должны подорвать торговые успѣхи Англичанъ въ Азіи; но капиталы наши теперь въ рукахъ золотопромышленниковъ; кончатся привилегіи, и тогда, можетъ-быть, начнутся фабрики для приготовленія товаровъ на азіатскую руку.

Изъ Томска авторъ отправился въ Тайгу, на золотые промыслы. Ему не понравились тѣ селенія, которыя выстроены безъ плана.—Улицъ нѣтъ, говоритъ онъ, а есть какіе-то закоулки, или извороты между хозяйствами. Сосѣдскія ограды въ нѣмъ мѣстѣ соприкасаются, такъ что двумъ телѣгамъ не раздѣхаться; въ нѣмъ мѣстѣ онѣ расходятся до того, что въ промежуткѣ ихъ цѣлая дюжина воевъ легко можетъ умѣститься въ одинъ рядъ.—Посмотрѣлъ бы авторъ Парижъ, Лондонъ гдѣ нѣтъ ни одной прямой улицы, гдѣ есть такіе закоулки, въ которые не смѣетъ въѣхать телѣга, боясь встрѣчи, гдѣ есть такіе переулки, въ которыхъ постоянная мокрота и тѣснота, и жители обитаютъ въ болотѣ, сжатомъ каменными утесами?

Описаніе путешествія по Тайгѣ, наполненной глубокимъ снѣгомъ, очень любопытно для жителя столицы; жаль только, что наблюденія автора слишкомъ поверхностны для незнающаго Сибири. Жизнь и работа на приискахъ описаны авторомъ, какъ самовидцомъ и участникомъ, очень хорошо. Кто хочетъ знать, какъ промывается въ Сибири золото, тому рекомендуемъ прочитать стр. 213 и далѣе до самаго конца.

Съ прииска отправился нашъ авторъ въ Барнаулъ съ золотомъ.—Читатели увидятъ, какъ превращаютъ золотой песокъ въ слитокъ, какъ возвращаютъ ему цвѣтъ золота; узнаютъ многія любопытныя подробности о такомъ городкѣ, въ печяхъ котораго перебивается въ годъ до тысячи пудовъ золота, и городокъ этотъ извѣстенъ очень немногимъ. Теперь мы обратили вниманіе на богатую Калифорнію, а между-тѣмъ богатая Калифорнія даетъ золота гораздо менѣе, нежели бѣдная Восточная Сибирь.

Говоря безпристрастно, «Замѣтки на пути изъ Петербурга въ Барнаулъ» книга полезная и написана хорошимъ языкомъ; жаль

только что въ изложеніи видно какое то принужденіе. Мы бы упрекнули автора за пристрастіе къ иностраннымъ словамъ и грамматикѣ «Библіотеки для Чтенія», но что дѣлать, у насъ въ модѣ всякое подражаніе.

68. **ESSAI SUR LA LITTERATURE RUSSE** contenant une liste des gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre le Grand. Par un voyageur russe. Imprimé à Livourne (en Toscane) en 1771. Reimprimé textuellement dans la Revue Etrangère, octobre 1851, tome 30-e, pages 1—15. S. Petersburg. 1851 imprim. de E. Pratz. pag. 15 in 8°. (Опытъ о русской литературѣ, содержащій реестръ русскихъ замѣчательныхъ писателей съ царствованія Петра Великаго. Сочиненіе одного русскаго путешественника, напечатанное въ Ливорнѣ 1771 г.)

Это сочиненіе русскаго путешественника до прошедшаго года было библіографическою рѣдкостью. Еще въ 1819 году г. Кеппенъ напомнилъ объ его существованіи въ своихъ «Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи»; потомъ, черезъ тридцать лѣтъ, повторилъ то же гамбургскій библіографъ, г. Гофманъ. Нынѣ г. Полторацкій, нашъ русскій библіофилъ, издалъ этотъ *Опытъ*, который, по его свидѣтельству, только и можно найти, что въ гамбургской городской библіотекѣ. Кто былъ этотъ русскій путешественникъ, первый вздумавшій познакомить Европу съ именами русскихъ писателей, — до-сихъ-поръ неизвѣстно. Изъ его *Опыта* только видно, что онъ любилъ отечественное просвѣщеніе и съ любовью слѣдилъ за русскою возникавшею литературою.

«Славное правленіе Августѣйшей Всероссійской Самодержицы», — говоритъ онъ въ предисловіи. — «и военные подвиги Русскихъ нынѣ обращаютъ на себя вниманіе всей Европы. Слѣдѣхъ-поръ какъ Петръ Великій насадилъ въ своемъ царствѣ науки, этотъ народъ блещитъ военною славою. Думаемъ, что *Опытъ* объ его литературѣ будетъ весьма пріятенъ публикѣ. Мы не знаемъ, было ли объ этомъ когда-нибудь печатано въ Италіи или Франціи. Нашъ *Опытъ* составляетъ только слабый очеркъ, который можетъ скорѣе возбудить любопытство въ читателяхъ, чѣмъ удовлетворить ему. Путешественникъ набросалъ эти строки на бумагу единственно по памяти, не имѣя подъ рукою рѣшительно никакихъ книжныхъ пособій. Но полагаю, что, при всемъ своемъ несовершенствѣ, эта статья доставитъ удовольствіе любителямъ. Мы же желаемъ только того, чтобы внушить

мысль какому-нибудь образованному русскому писателю подарить намъ что-нибудь болѣе совершенное въ томъ же родѣ».

И дѣйствительно желаніе русскаго путешественника скоро исполнилось. На другой же годъ въ его отечествѣ явился трудъ болѣе полный и совершенный: это «Опытъ словаря русскихъ писателей» Новикова. Конечно, мы уже давно перестали судить о нашихъ старыхъ писателяхъ по этому словарю, но тѣмъ неменѣе онъ для насъ весьма важенъ, какъ откликъ современниковъ Ломоносова, Сумарокова, Фонъ-Визина. Изъ него мы опредѣляемъ тогдашній взглядъ публики на литературу и писателей, ея сочувствіе къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ, что весьма важно для исторіи литературы. Въ дополненіе къ этому словарю теперь намъ можетъ служить Опытъ о русской литературѣ русскаго путешественника. Онъ не составитъ и двенадцатой части Словаря Новикова, но кто можетъ поручиться, что не онъ внушилъ Новикову первую мысль о Словарѣ. По-крайней мѣрѣ можно догадываться, что подъ руками у Новикова былъ «Опытъ» русскаго путешественника. На эту мысль насъ наводитъ чрезвычайное сходство нѣкоторыхъ характеристикъ, такъ, какъ будто-бы одна была переводомъ другой, только съ нѣкоторыми поправками и дополненіями.

У русскаго путешественника: *Гедeonъ*, архимандритъ одного новгородскаго монастыря, будучи придворнымъ проповѣдникомъ, сочинилъ большое число прекрасныхъ проповѣдей, напечатанныхъ имъ въ семи частяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ стать рядомъ съ проповѣдями *Прокоповича*. Онъ умеръ весьма рано для нашего духовнаго краснорѣчія, въ 1762 году, не имѣя еще и 40 лѣтъ отъ роду.

У *Новикова*: *Гедeonъ*, *Епископъ Псковскій и Нарвскій* — человекъ словесный, учоный, просвѣщенный, искусный въ краснорѣчіи и другихъ наукахъ. Сей, будучи придворнымъ проповѣдникомъ сочинилъ много поучительныхъ словъ, которыя собраны и напечатаны въ 4-хъ частяхъ, въ С.-Петербургѣ, въ разныхъ годахъ. Его сочиненія весьма много похваляются, а нѣкоторыя проповѣди равняются съ *Феофановыми* (*Прокоповича*), и онъ по справедливости почитается краснорѣчивѣйшимъ и въ числѣ первыхъ російскихъ проповѣдниковъ. Онъ скончался въ 1763 году, имѣя не болѣе 40 лѣтъ отъ рожденія.

У *русскаго путешественника: Платонъ*—архимандритъ прекраснаго Троицко-Сергіевскаго монастыря (Troitzkoï Sergieuh)... Его проповѣди, такъ хороши, что нѣкоторые знатоки предпочитаютъ ихъ даже проповѣдямъ Прокоповича; по-крайней-мѣрѣ тамъ замѣтно болѣе чистоты въ языкѣ и въ выраженіи, болѣе естественности и легкости. Нашъ народъ гордится такимъ проповѣдникомъ....

У *Новикова: Платонъ*.... поучительныя его нѣкоторыя слова равняются нѣкоторыми людьми съ Феофановыми. Вообще въ сочиненіяхъ его слогъ чистъ и пріятенъ, мысли избранныя, изображенія сильны, поражающія, чего ради и почитается онъ у насъ краснорѣчивѣйшимъ въ числѣ наилучшихъ нашихъ проповѣдниковъ.

У *русскаго путешественника: Григорій Козицкій* напечаталъ только нѣкоторыя разсужденія о пользѣ изученія мифологіи, и нѣкоторые переводы, въ 1759 г. въ періодическомъ изданіи, извѣстномъ подъ именемъ *«Трудолюбивая Пчела»*. Но можно предполагать по этимъ немногимъ трудамъ, что этотъ писатель всталъ бы въ рядъ нашихъ замѣчательныхъ писателей, еслибы его не отвлекали сначала занятія по гимназіи, а теперь частныя занятія.

У *Новикова: Козицкій* сочинилъ разсужденіе о пользѣ мифологіи, напечатанное въ ежемѣсячномъ сочиненіи *«Трудолюбивой Пчелы»*, изданномъ въ 1759 г. въ С.-Петербургѣ, но сіи малые опыты трудовъ его принять можно за основательныя доказательства, что сей искусный и учоный мужъ пріобрѣлъ бы не послѣднее мѣсто между славными русскими писателями, ежели бы не отвлеченъ былъ должностями, на него возложенными отъ упражненія въ словесныхъ наукахъ.... слогъ его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ.

Въ этихъ характеристикахъ мы видимъ сходство въ самыхъ словахъ; во многихъ же другихъ находимъ сходство только въ однихъ похвалахъ, которыя каждый выражалъ по своему. Мы увѣрены, что еслибы отыскалось еще нѣсколько словарей того же времени, то во всѣхъ нихъ нашлись бы тѣже самыя похвалы, потому-что въ нихъ видимо выразилось общественное мнѣніе: тогда всѣ Русскіе такъ говорили о своихъ современныхъ писателяхъ, любя въ нихъ искать достоинства и оправдывать недо-

статки. Несмотря на эти одинакія похвалы, мы повторимъ, что одинъ Словарь можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ другаго. Нѣкоторыя характеристики у русскаго путешественника выражены полнѣе и рѣзче, чѣмъ у Новикова. Такъ напр. Новиковъ много распространяется о личности самаго Ломоносова, и только вскользь касается его сочиненій: «Въ знаніи русскаго языка, замѣчаетъ онъ, яко его природнаго и имъ много вычищеннаго и обогащеннаго, почитался онъ въ свое время въ числѣ первыхъ; слогъ его былъ великолѣпенъ, чистъ, твердъ, громокъ и пріятенъ....» Вотъ почти и все. Русскій путешественникъ касается только характеристики сочиненій Ломоносова. «Это звѣзда первой величины между русскими писателями, говоритъ онъ. Его оды и панегирики—совершенство въ своемъ родѣ, и не только Русскіе не находятъ имъ ничего подобнаго въ лирической поэзій, но также и другіе народы отдаютъ имъ достойную справедливость. Онъ перевелъ прекрасными русскими стихами до двадцати Давидовыхъ псалмовъ; его краткія надписи на различные случаи выказываютъ геніальность; нѣкоторыя изъ нихъ въ двустипшіи выражаютъ самую высокую нравственную мысль. Этотъ великій человекъ весьма много заботился объ очищеніи и развитіи красотъ русскаго языка. Вместе съ г. Сумароковымъ онъ старался очистить языкъ отъ искаженныхъ словъ и уродливыхъ выраженій (termes corrompus), и обогатить его изъ нашего древняго, кореннаго языка—славянскаго, первое качество котораго энергичность и гармонія. Онъ подарилъ намъ первую добрую грамматику и первую добрую реторику. Онъ написалъ двѣ трагедіи, *Тамиза и Селимъ* и *Демофонтъ*. Но эти піесы не имѣли такого успѣха, какъ его другія произведенія. Знатоки находятъ въ нихъ довольно чертъ, свидѣтельствующихъ о геніальности писателя, но они не видятъ тамъ довольно трагическаго, съ чѣмъ согласился и онъ самъ, какъ скромный писатель. Отъ него мы имѣемъ также легкій эскизъ нашей реторіи, который г. Штелинь младшій перевелъ на нѣмецкій языкъ.... Кто бы пожелалъ имѣть болѣе полное понятіе объ этомъ великомъ человекѣ, можетъ съ нимъ познакомиться изъ французскаго сочиненія графа Андрея Шувалова, гдѣ находится жизнеописаніе Ломоносова, похвальная ему ода и два перевода его разсужденій о всемогуществѣ Божіемъ.»

Въ характеристикѣ Сумарокова русскій путешественникъ защищаетъ отца нашего театра, какъ его тогда называли, отъ нападокъ графа Шувалова *, который, достойно выхваляя Ломоносова, хотѣлъ унижить Сумарокова. «Его ѣдкая и несправедливая сатира, говоритъ онъ, выказываетъ больше личной ненависти, чѣмъ любви къ справедливости. Онъ упрекаетъ Сумарокова за то, что будто бы тотъ заимствовалъ у Расина только одни его ошибки. Ужъ одно это не располагаетъ къ графу Шувалову знающихъ людей, которые судятъ о Расинѣ по правиламъ искусства и отдаютъ справедливость замѣчательнымъ достоинствамъ г. Сумарокова. О нихъ могутъ судить иностранные знатоки по его трагедіи *Селтра*, переведенной на нѣсколько чужеземныхъ языковъ. Графъ Шуваловъ могъ замѣтить, что нѣкоторые мѣста не что иное, какъ подражаніе, но заслуживаютъ ли они ту строгость, съ какою онъ отзывается, особенно если подражаніе удачно?» Изъ этого мы видимъ, что среди современниковъ Сумарокова и кромѣ Ломоносова были порицатели, которые его упрекали за подражаніе, но отъ своихъ противниковъ всегда слышали одинъ отвѣтъ: удачное подражаніе похвально. Это самое не разъ повторялъ въ свою защиту и Сумароковъ. Русскій путешественникъ особенно отличается отъ Новикова тѣмъ, что онъ гораздо свободнѣе въ своихъ сужденіяхъ; онъ не все хвалитъ безотчетно, но указываетъ также и на посредственности, которыхъ не замѣчаетъ Новиковъ. Такъ напр. онъ справедливо замѣчаетъ, что шесть комедій Сумарокова, не стоятъ его трагедій, и хотя въ нихъ много комическаго остроумія и сатирическихъ чертъ, но онѣ не держатся на сценѣ. Этого извѣстія мы нигдѣ больше не встрѣчали и считаемъ его важнымъ, находя, что публика небезотчетно восхищалась и при жизни Сумарокова всѣми его піесами, а имѣла также свои требованія. О томъ же свидѣтельствуетъ и русскій путешественникъ въ характеристикѣ Ржевскаго. «Вкусъ нашего партера, го-

* Просимъ читателей не смѣшать этого имени съ именемъ знаменитаго основателя московскаго университета И. И. Шувалова, покровителя и друга Ломоносова. Этотъ почтенный мужъ не только не унижалъ Сумарокова, но даже не одобрялъ извѣстной съ нимъ вражды Ломоносова, и хотѣлъ быть ихъ примирителемъ. (См. письмо Ломоносова къ Шувалову).

ворить онъ, очищается, онъ уже не довольствуется всякой, какой бы то ни было піесой, которую ему представляютъ». Далѣе русскій путешественникъ такимъ образомъ характеризуетъ сочиненія Сумарокова: «Его басни, изъ которыхъ нѣкоторыя переведены профессоромъ Шлецеромъ на нѣмецкій языкъ, заслужили всеобщее одобреніе, равно какъ его элегии, еклоги и пѣсни. Не безъ достоинствъ и двѣ героическія его оперы, а сатирическія піески остроумны и ѣдки. Онъ оказалъ большую услугу народу, изложивъ правила языка и поэзіи вообще. Эти послѣднія онъ извлекъ изъ *L'art poétique* Буало. Въ одахъ онъ не показалъ успѣха. Онъ писалъ нѣсколько прозаическихъ статей, но его проза стоитъ ниже его стиховъ...»

Хотя на нашъ взглядъ Сумароковъ и не оказалъ особенно большой услуги русскому языку, но тѣмъ не менѣе въ исторіи нашей литературы онъ замѣчательнъ, какъ защитникъ правильности и чистоты русскаго языка; его разсужденія и нападки на современныхъ переводчиковъ и нѣкоторыхъ писателей заставили не одного Русскаго подумать о свойствахъ роднаго языка, и удерживали многихъ безотчетно переносить въ нашъ языкъ не свойственные ему слова и выраженія изъ языковъ иностранныхъ. Эта характеристика у русскаго путешественника полнѣе и вѣрнѣе характеристики Новикова, который выражаетъ свои похвалы въ такихъ словахъ: «Хотя первый онъ изъ Россіянъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ названіе Сѣвернаго Расина. Его еклоги равняются знающими людьми съ *Виргиліевыми* и поднесъ еще остались неподражаемы, а притчи его почитаются сокровищемъ Россійскаго Парнасса, и въ семь родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ *Федра* и *де ла Фонтена*, славнѣйшихъ въ семь родѣ. Впрочемъ всѣ его сочиненія любителями русскаго стихотворства весьма много почитаются... Конечно и въ этомъ отзывѣ нельзя не видѣть отголоска общественаго мнѣнія. Въ то время всѣ давали Сумарокову имена: Отца русскаго театра, русскаго Расина и русскаго Фонтена. Намъ извѣстно одно стихотвореніе, въ которомъ Сумароковъ характеризуется такимъ образомъ:

Тамъ сѣверный Расинъ, писателей примѣръ,
Съ которыми видны и Кини и Мольеръ;

Сей первый намъ отверзъ въ театръ російскій двери,
 Въ еклогахъ гласъ его гласъ нѣжныя свирѣли;
 Въ притчахъ онъ своихъ намъ зрится какъ Фонтенъ
 Или еще предъ нимъ въ семь слогъ предпочтенъ.

Мы смотримъ на Третьяковского уже черезъ-чуръ низко, какъ онъ даже и не заслуживаетъ, и все отъ того, что о немъ судимъ только по его стихамъ. Но за восемьдесятъ лѣтъ о немъ судили совсѣмъ иначе, хотя также не могли читать его стиховъ. «Онъ заслуживаетъ похвалу за то, говоритъ русскій путешественникъ, что первый въ своемъ отечествѣ открылъ поприще въ словесности и особенно въ поэзи, хотя его собственные произведенія и не стоятъ выше посредственности. Особенную пользу принесъ его русскій переводъ *de L'art poetique* Буало. Нельзя его довольно благодарить за то, что онъ познакомилъ съ правилами поэзи тѣхъ, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ.... Точно также ему благодарны и за его переводъ Древней и Римской Исторіи Роллена, потому-что еще въ первый разъ этотъ пріятный и полезный писатель явился въ переводѣ на русскомъ языкѣ. Третьяковский также напечаталъ стихотворную трагедію, *Деидамія*, но въ ней мало вкуса, равно какъ и въ его *Телемахиды*....» Похвалы Новикова еще многозначительнѣе: «Сей мужъ, говоритъ онъ, былъ великаго разума, многого ученія, обширнаго знанія и безиримѣрнаго трудолюбія; весьма знающъ въ латинскомъ, греческомъ, французскомъ, итальянскомъ и въ своемъ природномъ языкѣ.... Полезными своими трудами приобрѣлъ себѣ безсмертную славу, и первый въ Россіи сочинилъ правила новаго російскаго стихосложенія, много сочинялъ книгъ, а перевелъ того больше, да и столь много, что кажется невозможнымъ, чтобы одного человѣка достало къ тому столько силъ.... Не обвиняясь, къ его чести сказать можно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству, при чемъ былъ первый профессоръ, первый стихотворецъ, и первый положившій только труда и прилежанія въ переводъ на російскій языкъ препознанныхъ книгъ....» Нельзя не назвать всѣхъ этихъ похвалъ преувеличенными, но въ тоже время нельзя и не замѣтить, что онѣ гораздо ближе къ справедливости, чѣмъ наши современные отзывы о томъ же лицѣ. Здѣсь мы ничего не говоримъ объ отзывахъ Ломоносова

и Сумарокова, которые, нападая на стихи Третьяковского, не были чужды личной къ нему ненависти.

Замѣчательный отзывъ русскаго путешественника о Фонъ-Визинѣ, который тогда подавалъ только однѣ надежды и былъ извѣстенъ путешественнику небольшимъ числомъ своихъ мелкихъ произведеній. «Все, что можно сказать въ его похвалу, говоритъ онъ, такъ это то, что онъ удачно подражаетъ и хорошо составляетъ стихи. Ему только 25 лѣтъ, и потому подаютъ большія надежды на будущее. Онъ написалъ стихами подражаніе Грессетову Сиднею, приравнивъ къ нашимъ правамъ, и оно имѣло большой успѣхъ; его прозаическіе переводы не могутъ идти въ совершенный ровень со стихотворными.» Черезъ годъ послѣ этого, у Новикова, мы уже встрѣчаемъ другой отзывъ, гдѣ говорится также о комедіи Фонъ-Визина, *Бригадиръ*: «Онъ переложилъ по свойству нашихъ правовъ Грессетово сочиненіе *Сидней* стихами и написалъ много острыхъ и весьма-хорошихъ стихотвореній. Его посланіе къ людямъ своимъ Шумлову, Ванкѣ и Петрушкѣ, а другое Митюшка разнощикъ свидѣтельствуютъ остроу его разума и тонкость въ сатирахъ. Поему Юсифъ перевелъ прозою на Російскій языкъ съ совершеннымъ искусствомъ. Его проза чиста, пріятна и текуща такъ, какъ и его стихи. Онъ сочинилъ комедію *Бомадиръ* и *Бригадирша*, въ которой острые слова и замысловатыя шутки разсыпаны на каждой страницѣ. Сочинена она точно въ нашихъ нравахъ, характеры выдержаны очень-хорошо, а завязка самая простая и естественная. Въ заключеніе о немъ сказать должно, что Россія надѣется увидѣть въ немъ хорошаго писателя». Въ отзывахъ о Ржевскомъ, Волковѣ, Лукницѣ, Козловскомъ, Аблесимовѣ и н. др., у русскаго путешественника и у Новикова встрѣчается также нѣкоторое различіе, а мѣстами и противорѣчія. Русскій путешественникъ говоритъ только объ одномъ лицѣ, о которомъ ничего не сказано у Новикова—это о какомъ-то Слатницкомъ (*Slatnizky*), написавшемъ прозаическое нравственное сочиненіе *Assemblée de différentes figures* (?) и занимавшемся переводами. Изъ лицъ, отличившихся прозаическимъ языкомъ, нашъ путешественникъ даетъ первое мѣсто послѣ Ломоносова Ивану Перфильевичу Елагину, переводы котораго считаетъ совершенствомъ по чистотѣ языка и легкости выраже-

ній; послѣ Елагина ставитъ извѣстнаго актера Дмитревскаго и Свистунова.

Въ заключеніе скажемъ, что русскій путешественникъ обѣщаль издать такой-же опытъ о русскомъ театрѣ, и мы очень жалѣемъ, что ему не удалось этого сдѣлать. Въ характеристикѣ Елагина и Новиковъ обѣщаль написать исторію русскаго театра, но и онъ не сдержалъ своего обѣщанія. Мы имѣемъ отъ 1787 года, одинъ Драматическій Словарь, весьма-любопытный, который теперь сталъ библиографической рѣдкостью *. Кто былъ составителемъ этого словаря? Не знаемъ?

69. СЕЛЬСКОЕ СЧЕТОВОДСТВО. Настольная книга для сельскихъ хозяевъ—сочиненіе П. Преображенскаго. Москва, въ Университ. типогр. 1852, стр. 160, въ 4-ю д. л. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

Быть хорошимъ хозяиномъ значитъ умѣть жить въ настоящемъ и запасать добро на будущее. Но у насъ словомъ хозяинъ или хозяйка часто называются тѣ люди, которые не любятъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, бѣгають по всему дому, хлопчуть, суетятся, дѣлають разныя распоряженія, а между-тѣмъ никакъ не могутъ запомнить мудрой русской пословицы, чтобы по одежкѣ протягивать ножки. Они записываютъ ежедневные расходы, но у нихъ никакъ не достаетъ времени свѣрнуть эти расходы съ приходами, и не достаетъ потому, что цѣлый день заняты *хозяйствомъ*. Какой же результатъ такого хозяйства? Хлопоты, часто бесполезныя въ настоящемъ, а на будущее или запутанность въ дѣлахъ, или долги. Тамъ, гдѣ нѣтъ строгой повѣрки расходовъ, приходоу и наличности, тамъ не можетъ быть хорошаго хозяйства, которое есть основаніе нашего семейнаго спокойствія и благополучія. Хорошо вести хозяйство необходимо даже и тому, кто имѣетъ только насущное пропитаніе, тѣмъ болѣе это необходимо человѣку, который извлекаетъ себѣ богатства изъ нѣдръ

* Вотъ его полное заглавіе: Словарь драматическій или показаніе по алфавиту всѣхъ російскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, гдѣ и въ которое время напечатаны. М. 1787.

Здѣсь о нѣкоторыхъ піесахъ говорится, какъ онѣ были приняты публикою, часто ли игрались и пр.

земли. Сложность сельскаго хозяйства требуетъ много опытности, много умѣнья, которому можетъ пособить наука. Здѣсь необходимо умѣть вести счеты и расчеты, необходимы цифры, потому-что по нимъ мы должны располагать свой образъ жизни на настоящее и на будущее. Сельское счетоводство г. Преображенскаго можетъ помочь всякому сельскому хозяину и управителю. По этой части у насъ очень-мало книгъ, такъ что трудъ г. Преображенскаго не можетъ быть не замѣченъ.

«Сельское счетоводство, говоритъ авторъ, должно: 1) показать намъ, въ какомъ состояніи находится нашъ капиталъ, употребленный на пріобрѣтеніе имѣнія нарастаетъ онъ, или убываетъ? 2) Раскрыть причины, отъ которыхъ увеличивается или уменьшается стоимость нашего имѣнія, — нашъ капиталъ. 3) Указать, гдѣ былъ употребленъ излишній трудъ и гдѣ были растрочены понапрасну хозяйственныя произведенія, 4) Кто намъ долженъ и кому мы должны? Правила, излагаемая въ сельскомъ счетоводствѣ довольно просты, и могутъ, при малѣйшемъ вниманіи, быть доступны для каждаго. Главная цѣль ихъ: 1) изложить различные способы, съ помощію которыхъ можно бы было оцѣнивать на деньги всѣ произведенія, получаемыя и потребляемыя въ хозяйствѣ; 2) выразить цифрами издержки по отдѣльнымъ вѣтвямъ хозяйства». Сообразно съ этимъ г. Преображенскій раздѣляетъ свое счетоводство на три отдѣленія:

I О системахъ счетоводства.

II Объ основныхъ правилахъ сельскаго счетоводства и оцѣнкѣ работъ и хозяйственныхъ произведеній.

III О практическомъ выполненіи правилъ хозяйственнаго счетоводства.

70. БЕСѢДЫ НАТИХИЗИЧЕСНІЯ на девять блаженствъ евангельскихъ и десять заповѣдей Божіихъ, говоренныя на малороссійскомъ языкѣ, Протоіереемъ и кавалеромъ *Василіемъ Гречулевичемъ*. Спб. 1852. Стр 74, въ 8-ю д. л.

У насъ появляются только изрѣдка книги на малороссійскомъ языкѣ, который такъ богатъ устною народною литературою. Можетъ-быть, онъ покажется языкомъ грубымъ и неблагозвучнымъ въ устахъ необразованнаго человѣка по совѣмъ не таковъ онъ въ народныхъ пѣсняхъ, отличающихся глубокимъ чувствомъ и какой-то пріятною нѣгою; въ нихъ онъ прельщаетъ силою, звучностью и богатствомъ поэтическихъ красокъ; такъ-что остается желать, чтобы этотъ языкъ развивался въ литературѣ. Г. Гречулевичъ предлагаетъ шестнадцать бесѣдъ— пять объ евангельскихъ блаженствахъ и одиннадцать о заповѣдяхъ. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста:

«Чоловикъ, якъ тилько родыться на свитъ, заразы плаче, росте—

плаче; учиться чого-нибудь, караютъ його за лннвство—плаче; зробить що зле взрослый, быють його—плаче; въ печали и въ несчастьи, плаче; въ збытти радости—плаче (а иный и зъ злости плаче!); въ слабости и педузи, плаче, и вмерает—плаче. О вси иси плачи, якъ тлько въ нихъ нема скрухы сердечной и мысли побожной — предъ Богомъ ничего не значать и жадной не мають заслугы. Не такихъ плачущихъ Богъ блаженными называет, бо се плачь есть греховный, телесный. Але плачь сердечный, душевный, плачь въ святыхъ молитвахъ о грехахъ нашихъ, плачь або печаль, и въ сокрушеніи сердца теплы сліозы, котори проливаемъ о томъ, що мы не такъ, якъ належыца Господу Богу послужымы, плачь со сокрушеніемъ сердца о томъ, що-сьмо прогннвымы Іого нашими прегришеніями, що-сьмо преступымы святый Іого законъ,—о сей-то плачь есть Богу мылый, прятный и любезный....

Семе діло мылосердія телеснаго: умершаго похорониты, то-есть, не туды тилько йты на похоронъ, де надіемся буты на парастаси, и сластенъко зънсты и выпыты — не се діло христіанське, бо тутъ своя выгода уважеться, не блыжного, — але колы вмере бидный, несчастный, повиннисьмо каждый заразъ прійты до ніого и помолывшысь Богу за його душу, похлопотаты о тило усопшого, щобъ похоронено було, якъ належыца, по-христіанську. И для того, идець дай дощку на домовину, другой свитла, ты копай яму, ты несы процессію, а вые совокупле, по похорони и пры похоронови, молитъ шыро Бога, за покійнаго душу. Осе діло христіанське, правдыве. Але со встыдомъ треба признаты, що въ наши времена несчастны, ридко колы сее, якъ належыца сполняеться; видъ чого и вышла всимъ знакома примивка: «якъ вмере богатырь, то за нымъ иде весь мырь, а якъ вмере хорлачокъ, то тилько пипъ, та дьячокъ»...

Перебигъ дорогу заяць, перейде хто съ порожнымъ—стрынется здыбле духовный, трахытсья пры выизди въ дорогу процессія зъ мертвымъ тиломъ—о, вже такый вгадуе для себе велику биду, та несчастья! Для ніого понедилокъ и субота дни тяжки. Суевирни, колы у нихъ е пры доми мало дытына, то по заходи сонця, вогню не дають, купелю не вымывають, смитя зъ хаты не выносятъ. Тай чы мало якымъ предаются выгадкамъ. Ихъ бы и на воловій не спысавъ шкуру. И набышы соби голову Богъ знае чымъ, выдрекаются видъ Бога, цураются Іого помощи; а тому и не вирагъ, що при всяки души христіанськый, есть Ангель-хранитель, що береже ихъ видъ всякихъ прынадкивъ....

СМѢСЬ.

ЖИЗНЬ ВЕНГЕРСКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Я оставилъ прятный Мискольць, выѣхавъ изъ него въ экипажъ, какіе употребляются здѣсь для загородной ѣзды, запряженномъ четвернею, съ намѣреніемъ посѣтить владѣнія одного изъ моихъ прятелей. Загородные экипажи, хотя и не великолѣпны, зато легки и недорого стбятъ.

Я вѣхалъ въ большое селеніе, и къ своему удивленію, вскорѣ узналъ, что его народонаселеніе состояло болѣе чѣмъ изъ 3000 душъ. Среди селенія находилось обширное поле съ замкомъ, принадлежавшимъ по характеру постройки къ XVII столѣтію, въ какомъ-то донъ-жуановскомъ вкусѣ; онъ походилъ на крѣпость, съ башенками по угламъ. Замокъ этотъ издавна составлялъ собственность моего прятеля — земляка, занимавшагося устройствомъ своихъ владѣній.

Экипажъ остановился. Нѣсколько слугъ Венгерцевъ подбѣжали къ нему, и не говоря ни слова, начали выносить мои пожитки, нимало не удивляясь тому, что гость ихъ былъ иностранецъ. Въ Венгріи на прибытіе гостя, хотя бы онъ былъ лицо

совершенно новое, привыкли смотреть съ равнодушіемъ, какъ на что-нибудь обыкновенное, и прислуга всегда остается довольно такими посѣтителями, потому-что занятіе съ ними господъ доставляетъ челяди случай порядочно попить, на счетъ тѣхъ денегъ, которыя она получаетъ на водку. Множество гостей не составляетъ даже и для хозяйства никакой разницы, потому-что готовятъ всегда лишнее; такіе расходы здѣшніе амфитріоны считаютъ мелочными, такъ какъ говядина, дичь, мука, яйца, зелень, а также и самое вино, всегда находятся въ изыскѣ. Для нихъ такой необыкновенный расходъ составляетъ даже удовольствіе.

Я такъ понаторѣлъ въ венгерскомъ языкѣ, что могъ узнать, что господинъ дома и находится въ саду. Я поспѣшилъ туда и нашелъ своего пріятеля, который послѣ долгой разлуки обрадовался такой встрѣчѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій, мы вскорѣ вошли въ замокъ и занялись обзорніемъ внутренняго его расположенія. Я замѣтилъ, что зданіе очень обширно, особенно для неженатаго владѣльца. Въ столовой былъ уже накрытъ столъ, персонъ для пятнадцати; меблировка нѣкоторыхъ комнатъ отзывалась еще вкусомъ прошлаго столѣтія.

Наступилъ вечеръ, предвѣщавшій холодную февральскую ночь, а потому хорошо отопленная и освѣщенная комната, куда насъ пригласили потомъ, представлявшая все удобства, произвела на меня, довольно продрогшаго, благотѣльное вліяніе. Подали десертъ и превосходныя вина, которыя однакожъ не произвели на меня особеннаго впечатлѣнія, какъ на стараго Нѣмца, тосковавшаго только о томъ, что здѣсь нельзя было достать стакана вѣнскаго мартовскаго пива. Я выбылъ изъ предѣловъ пивной отчины, и въ Пестѣ, лежащемъ отъ нея въ 30 миляхъ, къ сожалѣнію не предстоитъ уже возможности имѣть этотъ напитокъ. Нужда принудила меня, въ-продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пить вино съ примѣсью воды. Съ прибытіемъ большаго числа гостей накрыли ужинъ, и насъ пригласили въ смежную комнату раздѣлить вкусный столъ. Ужинъ состоялъ отъ 4 до 5 блюдъ, а за обѣдомъ ихъ подано было до шести. Я осмѣлился спросить моего пріятеля: неужели здѣсь такъ принято?

— А какъ же бы ты думалъ, возразилъ онъ съ улыбкою.

— Вы живете вполне по-венгерски, и что до меня касается, то есть, если бы я былъ одинокимъ, въ такомъ случаѣ иначе бы распорядился, ввелъ бы во всемъ новый порядокъ.

Послѣ этого мы сѣли вдвоемъ играть въ вистъ. Хорошій

стаканъ пуншу и нѣсколько трубокъ прекраснаго венгерскаго табаку заключили первый деревенскій вечеръ — и утомленный еще со вчерашняго дня, я спокойно заснулъ на мягкой постелѣ.

На слѣдующее утро, вскорѣ послѣ завтрака были запряжены лошади. Хотя дорога пролегала по почвѣ изъ жирнаго чернозема и много встрѣчаешь утопелей, намъ однакожъ достало времени для обзорнія части владѣній, овчарни и проч. Во время нашего странствованія по такой дорогѣ, гдѣ немудрено было сломить голову, я замѣтилъ, что пара лошадей, впряженныхъ въ нашъ легкій экипажъ, едва была въ силахъ тащить его, такъ что необходимо было бы заложить четверню. На пути мы заѣхали къ одному помѣщику, сосѣду моего пріятеля, который почти насильно оставилъ насъ обѣдать. Обѣдъ этотъ сходствовалъ со вчерашнимъ, и отличался отъ него большимъ числомъ блюдъ. — Меня удивлялъ отличный аппетитъ этихъ здоровыхъ и сильныхъ людей, уничтожившихъ цѣлыя горы коместиблей; мы возвратились домой поздно вечеромъ и такъ же, какъ и вчера, провели время. На другой день радушный хозяинъ пригласилъ меня въ свой погребъ, находившійся въ разстояніи минутъ десяти ходьбы. Вступивъ въ этотъ подземный лабиринтъ, мы проходили разными галереями, гдѣ вина располагались въ хронологическомъ порядкѣ, и пробовали ихъ, разумѣется лучшія. Кромѣ токайскаго здѣсь находились еще запасы разныхъ винъ, по превосходству, крѣпости, вкусу и букету достойныхъ украшать столы державныхъ владыкъ. Меня приводили въ изумленіе превосходныя ихъ качества и названія, какихъ я не слыхалъ еще отъ роду; они неизвѣстны за-границею, потому-что выдѣлка ихъ производится въ ограниченномъ количествѣ, и въ большомъ почти невозможна. Нѣкоторые изъ предложенныхъ сортовъ не уступали добротой лучшему токайскому. Что въ галереяхъ этихъ были прекраснѣйшія вина, въ томъ нельзя и сомнѣваться, потому-что они выдѣланы изъ превосходнаго горнаго винограда, доставшагося моему пріятелю по наслѣдству въ Токаѣ, который на всемъ протяженіи токайскихъ окрестностей тамошними владѣльцами цѣнится, какъ богатое сокровище; лучшимъ виномъ, изъ него извлекаемымъ, они подчуютъ только однихъ гостей. Я пивалъ прежде такъ-называемое токайское, но какъ оно разнится отъ настоящаго! Вино, продаваемое за-границей подъ этимъ названіемъ, имѣетъ сладкій вкусъ и въ немъ нѣтъ свойственной ему необыкновенной крѣпости, и цвѣтъ его бурый, между-тѣмъ какъ настоящее токай-

ское изъ-темна золотистаго цвѣта, сходствующаго съ мадерой, и болѣе горьковато, чѣмъ сладко, притомъ оно до чрезвычайности крѣпко, нѣжнаго вкуса, такъ что и немного выпивъ его, въ ту же ночь почувствуешь, какъ пойдетъ оно по всѣмъ жиламъ. Желая доставить хозяину удовольствіе, я перевозносилъ этотъ нектаръ величайшими похвалами. Теперь обращаюсь къ его цѣнности.

Большая часть лучшихъ венгерскихъ винъ вывозится въ великое герцогство Познань, въ Россію и Галицію.

Вѣроятно, послѣ недавно бывшей войны въ Венгріи цѣны возвысились, при чемъ нельзя не предположить, что и самое количество токайскаго въ военное время значительно убавилось. Подобное замѣчаніе можетъ быть отнесено и къ самому Токаю, въ погребахъ котораго всегда находились огромные запасы этого вина разнаго достоинства. Черезъ Токай, какъ городъ, находящійся на пути, неоднократно двигались арміи.

Лучшая фабрикація токайскаго въ этомъ городѣ производится г. Пфареромъ.

Что касается до отличныхъ качествъ здѣшняго винограда, сравнительно съ растущимъ на венгерскихъ равнинахъ, то, по всему вѣроятію, способствуетъ тому гористая вокругъ Токай мѣстность, и даже самая почва, которая, однакожъ, съ перваго взгляда, не отличается никакими особенностями.

Токайскія горы составляютъ отрядышъ Карпатовъ, и изолированная линія на нихъ одинакова, — входятъ въ предѣлы Венгріи съ сѣверо-востока и загибаются къ югу, гдѣ расположены виноградники. Лучшіе изъ нихъ находятся на крутыхъ горныхъ откосахъ, и почти отъ утра до вечера подвергаются вліянію солнечныхъ лучей.

Ислѣдованіе почвы ихъ предоставляю химикамъ.

Въ состояніи зрѣлости, токайскій виноградъ получаетъ прозрачность, чему способствуетъ очень тонкая его кожица; но нѣкоторыя ягоды такъ мелки, что подобныхъ я никогда не видывалъ.

Городокъ Токай самъ по себѣ не заслуживаетъ никакого вниманія, и паружность его непривлекательна. Во-время сбора винограда онъ оживляется пріѣздомъ множества иностранцевъ, для закупики вина. Нетакъ давно городокъ этотъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для дворянства, имѣющаго свои владѣнія въ его окрестностяхъ; пиршества и большіе балы смѣнялись одно другимъ, и дѣлались важныя дѣла. Изъ Вѣны пріѣзжали ювелиры, и выручали продажею за свои сокровища знатныя суммы.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть объ этомъ городкѣ еще и то, что я успѣлъ замѣтить при моей наблюдательности и изучить на самомъ опытѣ, во-время бесѣдъ съ моимъ пріятелемъ, относительно выдѣлки здѣшнихъ винъ. Я намѣренъ сообщить здѣсь подробности всего этого. Мой пріятель какъ-то заболѣлъ во-время сбора винограда, и не въ состояніи будучи самъ туда ѣхать, послалъ вмѣсто себя управителя, уполномочивъ его во всемъ. Небезызвѣстно, что въ бочкахъ, наполняемыхъ свѣжимъ виноградомъ, втулки остаются незакупоренными, пока не окончится броженіе и не осадутъ дрожжи. Управитель имѣлъ какой-то поводъ усомниться въ честности и вѣрности виноградаря, и бочки съ лучшими выжимками накрѣпко забилъ втулками, запечаталъ, и чтобъ броженіе ихъ не разорвало, провертѣлъ у втулокъ дырочки величиною въ перо — въ намѣреніи ни слова не говорить о томъ своему хозяину, пока не окончится броженіе. Подобный процессъ въ свѣжихъ винахъ обыкновенно оканчивается въ началѣ марта. Управитель къ этому времени снова отправился въ Токай для обзрѣнія. Онъ удивился своему открытію: въ закупоренныхъ бочкахъ образовалось превосходное шампанское, котораго онъ привезъ нѣсколько бутылокъ. Вино это имѣло самый нѣжный вкусъ!

Броженіе, составляющее необходимое условіе при образованіи шипучихъ винъ, несмотря на препятствіе, совершилось здѣсь само-собою. Извѣстно, что въ молодомъ шампанскомъ солержится много дрожжей, и отдѣленіе ихъ подвержено большимъ трудностямъ, сопряженнымъ съ потерей самаго вина, потому-что въ такомъ состояніи его нельзя разливать въ бутылки, что производится непрежде, какъ оно совершенно очистится и получитъ прозрачный цвѣтъ. Шампанское, случайно здѣсь образовавшееся, вѣроятно, отъ избытка винограда, вмѣщавшагося въ бочкахъ, было чистое и прозрачное, не измѣнялось послѣ закупорки въ бутылки, но даже усовершенствовалось отъ времени и въ самомъ вкусѣ.

Весьма интересно было бы знать, распространена ли и упрощена ли нынѣ выдѣлка шипучихъ винъ, въ большихъ размѣрахъ, по совѣту доктора Либиха и барона Бадо, относительно ихъ оклиматизированія. Если гдѣ-либо произведены подобные опыты, то намъ желательно бы было, чтобъ ихъ обнародовали въ журналахъ.

Во-время проживанія въ домѣ своего пріятеля, я привыкъ къ разѣздамъ, проводя въ нихъ даже по нѣсколькимъ дней. Неза-

долго до того я былъ порядочно болѣнъ, и по освобожденіи отъ недуга, движеніе было для меня очень необходимо и даже доставляло удовольствіе, черезъ удовлетвореніе прежней моей страсти къ бумагомаранію. Помня, что я гость и принимая въ расчетъ то, чтобъ не наскучить столь долгимъ пребываніемъ радушному моему хозяину, обращавшемуся со мною на столь дружеской ногѣ, я согласился на его приглашеніе ѣхать на охоту, мѣстомъ которой были избраны горы. Меня радовала такой случай, по предстоящей возможности ознакомиться съ угрюмой лѣсистой мѣстностію, которая, при февральскомъ холодѣ, часто наводила на меня мрачное впечатлѣніе и располагала къ унынію. Пригласили другихъ охотниковъ и начали заниматься приготовленіями къ охотѣ, рассчитывая на будущія удовольствія. Приглашенные съ радостными лицами, прибыли въ назначенное время. На дворѣ хлопотали и суетились съ лошадьми и собаками. Накрыли сытный завтракъ, долженствовавшій замѣнить обѣдъ, и общество бодрыхъ и дюжихъ охотниковъ усѣлось его уписывать, и среди разныхъ смѣшныхъ шутокъ заплатило своимъ желудкамъ значительную дань. Нѣсколько холодныхъ блюдъ, вино и хлѣбъ уложили въ экипажъ. Поѣздъ двинулся къ угрюмой Матрѣ * съ возможной поспѣшностію, какъ только позволяли дороги. Послѣ получасовой ѣзды, намъ стали попадаться рытвины, образовавшіяся отъ ручьевъ и такъ перенортившія дорогу, что цѣлый часъ намъ надобно было идти пѣшкомъ. Мы продолжали подниматься въ гору, достигли едва замѣтной горной деревушки, потому-что она прикрывалась ложиною. Эта ветхая деревенька была грязная, бѣдная, и вселяла какое-то къ себѣ отвращеніе. Всѣ жители съ ихъ семействами были за воротами и смотрѣли на поѣздъ охотниковъ, представлявшій для нихъ рѣдкое зрѣлище. Я обратился къ моему пріятелю съ вопросомъ, чѣмъ питаются эти люди въ такой горной глуши? Онъ отозвался, что не знаетъ, что сосѣди не любятъ и боятся ихъ, потому-что между ними нерѣдко бываютъ шайки разбойниковъ и дѣлателей фальшивой монеты, которыя часто открывались въ отдаленныхъ захолустьяхъ. Усилія занять ихъ работами, или, по примѣру Германіи, переселить съ горъ въ лѣса, представлявшіеся съ перваго взгляда столь выгодными, оказались совершенно бесполезными, почему это дѣло и оставлено въ прежнемъ его положеніи.

* Такъ называется одна изъ горъ.

День наступилъ прекрасный, туманы разсѣались, и яркое солнце освѣтило бѣлыя снѣжныя одежды, покрывавшія мѣстность. Между-тѣмъ и мы достигли нашей цѣли, добравшись до самой вершины, и рѣшились отдохнуть, наслаждаясь созерцаніемъ великолѣпной долины венгерской, лежащей у подошвы горъ, которая, по всему вѣроятію, нѣкогда была морскимъ дномъ, долины, обширностію своей утомляющей зрителя. По раздѣленіи охотниковъ на партіи началась и самая охота. Всякой занялъ свое мѣсто въ лѣсу, пущены были собаки, и лѣсъ огласился трескомъ частыхъ выстрѣловъ. Послѣ перваго выстрѣла какое-то лихорадочное состояніе и зависть тревожатъ охотника, который видя согнанную дичь, нетерпѣливо ждетъ мгновенія, не достанется ли чего-нибудь и на его долю, въ особенности, когда его товарищи продолжаютъ стрѣльбу.

Гоньба продолжалась довольно долго, и окончилась упромышленіемъ множества дикихъ козъ, лисицъ и зайцевъ. Одинъ изъ охотниковъ напалъ на волчій слѣдъ, но напрасно, потому-что цѣлый день не могъ отыскать этого звѣря. Вечеромъ мы возвратились въ усадьбу съ порядочною добычею, и въ такомъ обществѣ съ большою пріятностію провели время.

Все это однакожь могло быть почтено исключеніемъ изъ общаго правила, потому-что горную охоту любятъ немногіе, какъ сопряженную съ чрезвычайными трудностями, несмотря на то, при здѣшней мѣстности, она можетъ почтеться одною изъ выгоднѣйшихъ. На плоской мѣстности, исключая однихъ изгородей, устраиваемыхъ для предохраненія полей, очень мало дичи; напротивъ того, страны, обилующія плодородіемъ, богаты ею. Къ сожалѣнію отъ незаботливости о времени охоты и при первой возможности травленія борзыми зайцевъ, другія вѣтви ея терпятъ значительный вредъ, чѣмъ въ особенности не упускаютъ пользоваться воршкя-охотники, выбивающіе остальную дичь,—и нынѣ можно назвать счастливецомъ того, кто успеетъ затравить зайца. Зато вездѣ великое изобиліе въ куропаткахъ; но охота на нихъ сопряжена съ большими трудностями, что не безызвѣстно каждому стрѣлку. При мягкой зимѣ, въ такой странѣ, какова Венгрія, бьютъ много зайцевъ и дикихъ козъ. Принимая въ соображеніе обширность, фазановъ здѣсь очень мало; валлшенфы, составляющіе изъ перелетныхъ лучшую дичь, какъ говорятъ друзья и поклонники охоты, подобно другимъ странамъ, значительно уменьшились.

Перепелокъ также годами очень много, и любитель охоты мо-

жетъ промыслять ихъ со времени жатвы до самой глубокой осени. Въ небольшихъ черныхъ перелѣскахъ, произрастающихъ при подошвѣ горъ, водятся много небольшихъ сизо-красноватыхъ и сизыхъ лѣсныхъ голубей—изъ первой породы я убилъ ихъ довольно много; о прочей полевой дичи не имѣю никакихъ свѣдѣній. Изъ хищныхъ немало горныхъ орловъ, выющихъ по горамъ гнѣзда свои, такъ что одного изъ нихъ я успѣлъ убить, подкравшись,—и считая его рѣдкостью, хотѣлъ-было набить чучелу, но, къ сожалѣнію, что-то воспрепятствовало моему намѣренію. Крылья его въ размахѣ имѣли 3 эля. Къ числу достопримѣчательностей также могла быть отнесена пойманная мною бѣлая сова, которой крылья подъ мышками были свѣтло-розоваго цвѣта. Она походила на филина. Перебивъ огниво, я схватилъ ее за хвостъ, и зажавъ когти, принесъ домой; во-время моего странствованія съ нею, она сперва казалась успокоившеюся, но потомъ своимъ большимъ, кривымъ и крѣпкимъ носомъ, начала такъ сильно сквозь перчатку клевать мою правую руку, что едва я ее не бросилъ. Нѣсколько недѣль она прожила у меня благополучно въ курятникѣ, но многодневныя мои путешествія были причиною, что ее забыли кормить, и при моемъ возвращеніи, я нашелъ мою бѣдвяжку издохшею во временной тюрьмѣ ея.

Различіе здѣшняго климата, сравнительно съ климатомъ средней Германіи, доказывается обитаніемъ здѣсь зимою нѣкоторыхъ птицъ, которыя осенью оставляютъ Германію, какъ то ястребовъ, дроздовъ и другихъ.

Зима здѣсь бываетъ умѣренная и малоснѣжная, такъ что рѣдко замерзаютъ рѣки, почему нѣтъ иногда возможности застаться льдомъ, который составляетъ въ лѣтнее время необходимую потребность. Ледники однакожъ имѣетъ почти каждый мужикъ; ихъ практическая, простая постройка обходится очень дешево, такъ что неизлишнимъ кажется поговорить о нихъ. Погреба эти, глубиною отъ 8 до 9 футовъ, 10 длиною и 6 шириною, состоятъ изъ четырехъ-угольнаго отверзтія, дно и стѣны котораго обкладываются слоемъ соломы въ 1 футъ толщиною. Три четверти глубины наполняютъ льдомъ, на который настиляется также нѣсколько соломы, куда опускается довольно крѣпкій четырехъ-угольный съ замками ящикъ, въ который складываются припасы, предназначенныя къ храненію, какъ то: говядина, сливки и проч. Я не упомянулъ здѣсь о маслѣ единственно потому, что хорошее составляетъ большую рѣдкость

въ Венгріи, такъ какъ, по принятому здѣсь обыкновенію, все кушанья приготовляются на свиномъ, или говяжьемъ салѣ, и многіе изъ пріѣзжихъ сюда иностранцевъ долго не могутъ привыкнуть ѣсть такого рода пищу. Обращаясь къ погребамъ, нельзя не замѣтить, что надъ отверзтіями ихъ строятся обыкновенныя, довольно толстыя крыши, покрываемыя толстымъ слоемъ земли, очень похожія на холмы. Должно замѣтить, что двери въ эти погреба устраиваются двойныя, съ верху крыши и обращаются всегда на сѣверъ. Весна въ здѣшнемъ климатѣ наступаетъ довольно рано, за нею слѣдуетъ жатва, и потомъ, довольно поздно, зима. Въ благорастворенныхъ областяхъ Германіи безъосновательно принято 1 сентября почитать началомъ охоты. Въ окрестностяхъ Вѣны я ѣздилъ разъ на охоту 12 августа, и мнѣ показалось удивительнымъ, что жатва была снята: въ средней же Венгріи я былъ на охотѣ 26 іюля, съ большою партіей охотниковъ.

Полевые растенія прозябаютъ здѣсь быстро и въ изобиліи, хотя землю ничѣмъ не удобряютъ, по ея рыхлости, способствующей растительности, но проводятъ только плугомъ неглубокія борозды и засеваютъ несравненно гуще, чѣмъ у насъ въ Германіи. Славится венгерская пшеница, и самая лучшая получается изъ Баната. Хлѣбъ и рожь созреваютъ превосходно, а также и овесъ; но удивительно, что ячмень, несмотря на все успія прозябаетъ невездѣ успѣшно; зато превосходно растетъ кукуруза. Сухія зерна составляютъ лучшій кормъ для свиней, которыхъ держатъ въ Венгріи чрезвычайное множество; ихъ даютъ также и гусямъ.

На горахъ, насажденныхъ виноградниками, подъ открытымъ небомъ произрастаютъ персики и крупныя яблоки, которые въ Германіи непремѣнно надобно закрывать на зиму. По изобилію въ персикахъ, большая часть ихъ употребляется на винокуреніе. Персики также растутъ подъ открытымъ небомъ и въ садахъ, но зимой, для предохраненія отъ мороза, ихъ обертываютъ соломой. Я видѣлъ здѣсь много хорошихъ и огромныхъ тутовыхъ деревьевъ, съ бѣлыми и красными плодами. Индѣйки, разведенныя здѣсь въ значительномъ множествѣ, питаются тутовыми плодами, до которыхъ страстныя охотницы. На одномъ изъ такихъ деревьевъ, величюю въ большую лицу, когда созрѣли плоды, мнѣ случилось замѣтить такое множество индѣекъ, что все сучья были покрыты ими, эти птицы, какъ казалось, находили все свое счастіе въ апатическомъ спокойствіи и оставили его непрежде, какъ при наступленіи ночи. Во-время собира-

нія винограда, я былъ очень удивленъ, когда замѣтилъ незакрытую фуру, вѣхавшую на дворъ моего пріятели; она была нагружена неизвѣстными мнѣ зелеными плодами. На вопросъ мой, что это за плоды, онъ спокойно отвѣчалъ: сладкій миндаль — я никогда его не покупаю для своего хозяйства.

Ознакомясь съ охотою, я часто ходилъ съ господскими егерями, или одинъ, довольно далеко, въ привлекательныя по множеству дичи, здѣшнія горы, хотя и предостерегали меня, что тамъ несовсѣмъ безопасно и что легко могу потерять жизнь, за мое прекрасное двухъ-ствольное ружье, которое я носилъ съ собою.

Однажды, около вечера, я достигнулъ вершины одной изъ горъ, и въ намѣреніи убить дикую козу, остановился тутъ. Мѣсто это было мнѣ неизвѣстно, и какъ замѣтно, на немъ производили порубку дровъ; изъ-за находившихся тутъ костровъ я замѣтилъ легкій дымокъ. Имѣя привычку ходить со взведенными курками по неизвѣстнымъ мнѣ мѣстамъ, я не могъ себѣ представить, что это значило, какъ внезапно наткнулся на шестерыхъ весьма дюжихъ мадярскихъ бродягъ, лица которыхъ и безъ того подозрительныя, были вышачканы въ сажѣ. Вынувъ сигару, которая всегда носилъ при себѣ, я подошелъ къ нимъ и попросилъ огня, чтобы закурить ее. Они удовлетворили мою просьбу, и я удалился поспѣшно, радуясь, что избавился отъ такого столкновенія. Черезъ восемь послѣ того дней, ихъ, какъ обвиняемыхъ въ разбояхъ, взяли подъ стражу.

До пребыванія моего въ Венгрію обитателей пещеръ я зналъ только по романамъ, которые читалъ въ моей молодости, а здѣсь, и при томъ самымъ страннымъ образомъ, такую жизнь я увидѣлъ во всей ея дѣйствительности. Возвращаясь съ охоты въ сумерки, мнѣ надобно было перейти черезъ одинъ изъ холмовъ, находившійся близъ деревни, — и только лишь я ступилъ на него, какъ провалился по самыя руки, въ какое-то отверзтіе, обкладенное камнями, изъ котораго выходилъ дымъ. Удивленный этимъ, я однакожъ вскорѣ освободился изъ столь непріятнаго положенія, и началъ кричать въ дыру, предполагая, что тамъ должны быть люди. Дѣйствительно слышны были человѣческіе голоса, но словъ невозможно было разобрать. Я не нашелъ входа въ подземное жилище и отправился въ дальнѣйшій путь, съ намѣреніемъ обозрѣть это мѣсто на слѣдующій день. Загадка разрѣшилась! Надобно себѣ представить образованную самой природой глинистую стѣну, вышиною отъ 40 до 50 футовъ.

Отъ земли футахъ въ 15 или 18 находились жалища со сводами, вырытые глубоко, въ которые вела лѣстница. Во внутренности этихъ пещеръ было много покоевъ, которые, противъ моего ожиданія, при ихъ удобствѣ и сухости, были выбѣлены. Жившіе въ нихъ, повидимому, были вполне довольны такою постройкою, вмѣстѣ съ предстоящими къ услугамъ ихъ курами, кошками и собаками. Подобныхъ жилищъ здѣсь было отъ 6 до 8. Вчера вечеромъ я провалился въ трубу такого жилища.

МАГНЕТИЗЕРЫ И ГОМЕОПАТЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

Недавно въ одномъ французскомъ изданіи мы прочитали забавную сатирическую статью о магнетизерахъ и гомеопатахъ. Передаемъ ее нашимъ читателямъ.

«У насъ на все появляются моды; по-временамъ исчезаютъ, потомъ снова появляются, снова получаютъ свою прежнюю силу; модамъ никогда не будетъ конца, — только одинъ конецъ міра можетъ прекратить дальнѣйшее ихъ употребленіе. Медицина, какъ и всѣ прочія вещи, находящіяся на нашей землѣ, также имѣетъ свои моды.

Безъ стараго новаго ничего не производится, и надо сознаться, что это есть точная истина: — «Нѣтъ ничего новаго подъ луною», говоритъ пословица.

Но возвратимся къ докторамъ — магнетизерамъ нашего времени.

Истинное значеніе и силу магнетизмъ получилъ съ 1775 года. — Месмеръ и Калиостро, въ-концѣ XVIII столѣтія, долго изучали его свойства, но всѣ ихъ труды и изслѣдованія остались неизвѣстны потомству, за исключеніемъ нѣкоторыхъ теорій, философско-медицинскихъ началъ, которыми въ нынѣшнее время мало кто руководствуется, развѣ изъ докторовъ только одни адепты, которые, мало сознаться, много способствуютъ успѣхамъ медицины. Магнетизеры нашего времени отказались навсегда отъ тѣхъ фантастическихъ и фантазмагорическихъ при-

боровъ, которые имѣли обширное употребленіе и большой успѣхъ во времена Месмера.

Такъ-какъ наши обычаи, по бѣльшей части, всѣ односторонни и весьма просты, то и доктора-магнетизеры, на этомъ основаніи, придерживаются въ своихъ практикахъ одной простоты,—особливо въ отношеніи къ своимъ паціентамъ.

Теперь вы, можетъ-быть, спросите:—Г-нъ докторъ, что вылечивается черезъ магнетизмъ?

— Всѣ болѣзни, отвѣтитъ онъ вамъ: если только вы твердо убѣждены въ томъ.

— Въ чемъ, въ болѣзняхъ-то?

— Какъ въ болѣзняхъ?—въ магнетизмѣ; это вѣдь не все-равно. Вы того не знаете, что посредствомъ его, вы можете узнавать все сокровенное для васъ, изъ однихъ только вопросовъ.

«Наука то же, что счастье, она сияющая приходитъ къ магнетизеру»,—такъ говоритъ учоній Месмеръ. — Когда вы проснетесь, то вы болѣе ничего какъ неучъ, вы не въ состояніи будете отличить насморка отъ воспаленія въ груди;—но, только-что вы заснули, начинаете разсуждать о мозговомъ воспаленіи такъ, что и самому Гиппократу не удалось-бы никогда въ жизни объяснить этого.

Надо вамъ еще замѣтить, что трудно бываетъ находить особъ, которыя бы засыпали магнетическимъ сномъ; доктора могутъ усыплять множество лицъ въ своихъ аудиторіяхъ, но это уже не магнетизмъ, а потому тутъ и нѣтъ никакого особеннаго дѣйствія.

Можно предполагать, что женщины потому, видно, выбрали въ оракулы, что онѣ всегда съ охотою любятъ разговаривать, даже и во снѣ, или можетъ-быть потому, что находятъ выгоднымъ (платя въ годъ за магнетизированіе паціентки по 250 франковъ) дѣлать изъ нихъ все, что будетъ полезно для медицины. Вы скажите, да отчего-же мужчины въ магнетическомъ снѣ не могутъ говорить ясно въ пользу науки?—На это Каліостро вамъ отвѣчаетъ такъ: «Мужчины точно такъ же могутъ быть отличными оракулами, но женщины всегда лучше; у мужчинъ внутреннее состояніе нервовъ крѣпче, впечатлѣніе принимаютъ они на сердце не съ такою чувствительностью, какъ женщины, которыя во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе и чувствительнѣе мужчинъ, а потому чѣмъ слабѣе, тѣмъ ощутительнѣе

принимаютъ всякое впечатлѣніе, падающее на сердце, на внутреннюю духовную сторону ихъ организма».

Эти лунатики походятъ на дикихъ животныхъ; ихъ лучше бываетъ брать съ молодости и приучать къ магнетизму, слѣдуя теоріи Лажинголя (Lagingeole), который весьма справедливо утверждаетъ, «что тотъ, кто захочетъ имѣть при себѣ ручнаго медвѣдя, долженъ сперва дать медвѣженку хорошее воспитаніе».

Теперь надо показать читателю, какимъ-образомъ производится медико-сомнамбуло-шарлатано-медицинская консультація: т. е. что начинаетъ докторъ дѣлать съ вами, когда вы приходите къ нему, чтобы посоветоваться о своей болѣзни. Вы отправляетесь къ доктору, къ которому уже рѣшились возимѣть полную довѣренность, рассчитывая на 10 франковъ.—Служанка вамъ отворяетъ дверь. Вы говорите ей о причинѣ своего визита; она вводитъ васъ въ докторскій кабинетъ.—Послѣ непродолжительнаго разговора, что начинаетъ дѣлать докторъ?—Онъ звонитъ,—и то же самое лицо, которое вамъ отворяло дверь, входитъ въ кабинетъ и усаживается въ большихъ креслахъ; тогда начинается комическое дѣйствіе, нѣтъ, я хочу сказать, магнетическое дѣйствіе рукъ доктора: онъ начинаетъ ее намагничивать. — Послѣ дюжины магнетическихъ наводовъ замагнетизированная закрываетъ глаза, засыпаетъ и начинаетъ храпѣть ужаснымъ басомъ. Вотъ время!—вотъ моментъ!

Докторъ (*женщина, у которой закрыты глаза*).—Видите ли вы его?

Спящая.—Да, вижу.

Докторъ.—Какъ вы его находите?

Спящая.—Онъ довольно блѣденъ.

Докторъ.—Нѣтъ, я васъ не объ этомъ спрашиваю.... Я хочу узнать объ его здоровьѣ.

Спящая.—А!... онъ боленъ!...

Докторъ.—Въ какомъ мѣстѣ боль?

Спящая (*бормоча сквозь зубы*). — Охъ... охъ.... охъ... охъ!..

Докторъ.—Что вы говорите?

Спящая (*снова*).—охъ.... охъ.... охъ.... охъ....

Докторъ.—Она говоритъ, что у васъ болитъ животъ.

Г-нъ пришедшій къ доктору.—Извините, сударь.... мнѣ кажется, что у меня боль въ правомъ плечѣ.

Докторъ.—Вотъ въ чемъ была ваша ошибка.... У васъ жи-

вотъ болить.... вы имъ страдаете!... а вовсе не въ плечѣ у васъ боль. (*Спящей*) Какое лекарство нужно будетъ прописать этому господину?

Спящая. Я не знаю....

Докторъ.—Вотъ вамъ, сударь, доказательство того, что магнетизмъ вовсе чуждъ шарлатанства.... Женщина эта не знаетъ ни одного аптекарскаго термина.... Когда она говоритъ «я не знаю», то это значитъ, что она не знаетъ наименованія, которое ученые аптекаря условились дать этому лекарству.... А между-тѣмъ она отлично его знаетъ.... Она намъ скажетъ о немъ по своему.—Какое это лекарство?

Она.—Темнаго цвѣта.

Докторъ.—Гдѣ оно стѣитъ?

Она.—Въ маленькой бутылкѣ, поставленной на второй полкѣ вашего шкафа.... Я его вижу отсюда... Пациентъ вашъ долженъ будетъ принимать его каждый день по 3 столовыя ложки утромъ и вечеромъ.... въ-продолженіе трехъ лѣтъ.... чтобы быть....

Докторъ.—Это удивительно.... Это дѣйствительно то самое лекарство, которое наиболѣе полезно для вашей болѣзни! Я впрочемъ зналъ, что она про него скажетъ!

Г-нъ пришедшій къ доктору.—Вы думаете?

Докторъ.—Да какъ же, сударь!... я въ этомъ даже былъ увѣренъ... мнѣ кажется, что вы вовсе не довѣряете дѣйствіямъ магнетизма, а черезъ это выздоровленіе бываетъ обыкновенно.... даже болѣе еще... невозможно, наприимѣръ я вамъ скажу: вы выздоровѣли, а вы не вѣрите, между-тѣмъ, что вы здоровы... тогда мнѣ будетъ васъ очень жалко, но вы не выздоровѣете!

Господинъ пришедшій къ доктору (*про себя*).—Надъ тобой бы и тряслось, ехидна едакая!...

Докторъ.—Но чтобы вы болѣе убѣдились въ удивительныхъ феноменахъ, производимыхъ посредствомъ магнетическаго сна, я попрошу васъ, сударь, быть свидѣтелемъ одного опыта, который я сдѣлаю съ моею усыпленною служанкою.... Я заставлю ее читать животомъ.... смотрите, я приложу ей эту газету къ брюшной сердцевинѣ.... Ну, сударыня, скажи ка, что ты читаешь?...

Спящая.—Газету.

Докторъ.—Не правда-ли какъ это удивительно.... Она видитъ внутренностию.... она читаетъ животомъ.... а для того, чтобы

ничего не доставало для этого дива ... и даже, видите ли, положили ей газету вверхъ ногами....

Спящая.—Мнѣ пить хочется....

Докторъ (приготавливая стаканъ сахарной воды).—Я утолю ей жажду ... (выливаетъ сахарную воду). Ибо вслѣдствіе магнетическаго тока, образовавшагося между нами.... мы уподобились одинъ другому.... я пью, а у нея утоляется жажда.

Спящая.—Мнѣ бы еще хотѣлось выпить чего-нибудь.

Докторъ.—Нѣтъ, матушка.... довольно покамѣсть.... ты можешь отъ этого, пожалуй, еще захворать.

Господинъ пришедшій къ доктору.—Это удивительно! непостижимо!...

Докторъ.—Если вы пожелаете, сударь, придти ко мнѣ еще разъ на консультацию, то я вашъ покорнѣйшій слуга.... Если васъ не будетъ въ Парижѣ, то пришлите мнѣ только клочъ вашихъ волосъ.... это будетъ достаточно, чтобы привести васъ въ сообщеніе съ моею ясновидящею.

Господинъ пришедшій къ доктору.—Г-нъ докторъ, я вѣдь пошу парикъ....

Докторъ.—Въ такомъ-случаѣ, сударь, вырвите изъ него хотя маленькій клочочикъ... это будетъ имѣть то же дѣйствіе,—увѣрю васъ.

Господинъ.—Хорошо, г-нъ докторъ. Прощайте.

Докторъ.—Желаю быть здоровымъ, сударь.

Исслѣдовавъ въ краткихъ чертахъ магнетизмъ, скажемъ теперь нѣсколько словъ о докторяхъ-гомеопатахъ, пользующихъ въ Парижѣ.

Конечно всякій изъ васъ болѣе или менѣе знакомъ съ этимъ словомъ—*гомеопатія*.—Эта новая для медицины мода произвела столько же молвы, какъ и магнетизмъ, колыбель котораго есть Германія.

До этой поры во всѣхъ лучшихъ обществахъ, даже и медицинскихъ, было принято за правило,—что для того, чтобы вылечить отъ болѣзней, нужно было прописывать лекарства, производящія совершенно противныя дѣйствія характеру самой болѣзни,—отъ этого и произошелъ афоризмъ: «противное противоположному» или какъ выражаются медики «*contraria contrariis*».—Прошу у васъ, читатели, извиненія въ томъ, что выказалъ себя педантомъ, говоря съ вами по-латынѣ, но скажу вамъ откровенно, что латинскій языкъ, на которомъ медики любятъ иногда говорить, у насъ во Франціи можетъ быть понятенъ для вся-

каго, даже вовсе незнающаго по-латынѣ, какъ-напр. для поваровъ, кухарокъ и пр.

Законъ, сохраняющій здоровье, извѣстный уже со времени Гиппократъ, устарѣлъ въ наше время. Нѣкоторые германскіе доктора увидѣли, что больные, будучи лечимы одною діетою, конечно имѣющею во времена Гиппократъ важное значеніе, очень гнѣвались на своихъ докторовъ, проклиная всѣ ихъ теоріи леченія, — и потому начали разсуждать такъ: когда древняя медицина не приноситъ успѣховъ, такъ выдумаемъ лучше другую, совсѣмъ новую!»

И дѣйствительно, вновь созданная медицина имѣетъ, по-крайней-мѣрѣ, бѣльшія достоинства по отношенію къ своей новизнѣ.

— Въмѣсто того, чтобы лечить средствами, совершенно противными самой болѣзни, теперь всѣ лечатъ сходными съ самою болѣзнію, — Французы такъ говорятъ: nous traitons maintenant non pas par les *contraires*, mais par les *semblables*—*similia similibus*—опять латынь, но что же дѣлать; впрочемъ читатель догадается по смыслу, что это значитъ, а если статья моя попадетъ какой-нибудь красавицѣ (рѣдко случается, чтобы женщины знали по-латынѣ, а потому имъ нескоро будетъ дойти до значенія словъ: *mulier*, *puer*, *puella* — а какъ тутъ *similia similibus*) то я изъ уваженія къ ней пожалуй, переведу эти два слова: «подобное подобному».

Если вы, напримѣръ, немного кашляете, и желаете поскорѣй отъ того избавиться, то вы идете къ доктору-гомеопату. — Что будетъ дѣлать нашъ Гиппократъ? Онъ вамъ прописываетъ какое-то средство, которое производитъ въ вашей груди ужасное дѣйствіе, — и только лишь вы почувствовали малое облегченіе въ груди, (если вы только его почувствуете), то вы совершенно освобождаетесь отъ кашля.

Это удивительно!

Если, напримѣръ, у васъ болитъ поясница, то докторъ старается въ этомъ случаѣ быть вамъ какъ можно болѣе услужливымъ, и взявъ въ руки добрую щетку, начинаетъ вамъ тереть что есть силы по спинѣ, увѣряя васъ, что всѣ другія средства не принесли бы вамъ такой пользы, какъ эта щетка; вы такъ отъ этого бываете измучены, что нѣсколько дней послѣ, вовсе даже позабываете, что у васъ есть поясница. Болитъ ли у васъ голова? О! про это и говорить нечего; стѣять только сходить къ доктору за арникой (*arnica*). Кроме-того надо замѣтить, что

не однихъ только людей лечатъ доктора-гомеопаты съ успѣхомъ, выше мною описаннымъ; они также расточаютъ свои попеченія на нѣкоторыхъ четвероногихъ животныхъ, — даже на ослѣвъ.

Впрочемъ мы не думаемъ, чтобы они лечили ихъ, придерживаясь теоріи уподобленія (*similia similibus*), потому-что это уже было бы слишкомъ унижительно для человѣческаго рода и гомеопатіи.

Французы полюбили гомеопатію, и не даромъ: вмѣсто того, чтобы выпить большой стаканъ какой-нибудь аптекарской микстуры, этой отвратительной бурды, вы берете небольшой пакетъ бѣлаго порошка, который въсомъ не болѣе одной доли; — изъ этой доли вы отдѣляете еще нѣсколько частичекъ, опускаете ихъ въ графинъ съ чистою водою; потомъ начинаете болтать, и разболтавши такимъ-образомъ частички этого порошка въ водѣ, вы наливаете себѣ стаканъ.... Несчастный, что вы дѣлаете? Пейте не все! Вы будете выпивать этотъ стаканъ по глоткамъ?... Неправда ли! какъ это медленно!

Вы берете чайную ложку, наполняете ее до половины состряпанной жидкостію, и проглатываете, конечно, жидкость, а не ложку! — Теперь довольно, вы приняли лекарство, и если оно вамъ мало принесетъ пользы, то это уже не ошибка гомеопата, а произойдетъ единственно отъ того, что вы проглотили нѣсколькими каплями больше, или меньше.

Вообще всѣ медикаменты для всѣхъ болѣзней бываютъ прописываемы болѣе или менѣе одинакимъ образомъ; почти всегда бываетъ въ ходу этотъ очаровательный бѣлый порошокъ, который играетъ большую роль въ нашей Франціи своими пріятными и неосязаемыми дѣйствіями. Пусть исчезнутъ навѣки эти ячные воды, эти пилюли Толи и Регнольта, пусть исчезнетъ все то, что донинѣ «отнимало репутацію отъ пекторальнаго, желудочнаго и противосудорожнаго, антиспазматическаго — какъ говорятъ гомеопаты; и да будетъ въ силѣ новая медицина, которой рецепты бываютъ и меньше, и проще....

Изъ сока грудной ягоды докторъ-гомеопатъ можетъ составить питье, которымъ можно будетъ вылечить всѣхъ его пациентовъ отъ коклюша.

Что же касается теперь до количества платы, которая дается этимъ докторамъ, то она, несмотря на столь незначительное ко-

личество лекарства, употребляемого пациентами, должна превышать плату аллопатамъ—а почему?—а потому—что гомеопатическія лекарства всѣ съ удовольствіемъ могутъ быть принимаемы. Итакъ гомеопатъ долженъ быть богаче аллопата! да точно ли это? По-крайней-мѣрѣ у насъ во Франціи, тотъ, кто начиняетъ богатѣть, того называютъ *гомеопатомъ*, не разбирая того докторъ онъ или нѣтъ. У насъ это имя *гомеопатъ* вошло какъ-бы въ пословицу, а пословица должна была съ чего-нибудь да взяться!...

Разскажемъ еще кое-что о гомеопатахъ: одинъ изъ моихъ пріятелей отправился на дняхъ къ одному изъ самыхъ знаменитыхъ гомеопатовъ нашей столицы, и едва только вошелъ въ его докторскій кабинетъ, какъ между-ними завязался слѣдующій разговоръ:

Докторъ.—Чѣмъ вы больны, сударь?

Больной.—Ахъ! докторъ, вотъ уже около семи лѣтъ, какъ я страдаю головою болью... я уже перепробовалъ болѣе 20 докторовъ, и никто изъ нихъ не могъ меня избавить отъ этой боли!...

Докторъ.—Не говорите вы мнѣ о вашихъ аллопатахъ.... Голова у васъ теперь очень болитъ?

Больной.—Ужасно, господинъ докторъ, особенно вотъ здѣсь... у висковъ....

Докторъ.—Тѣмъ лучше....

Больной.—Что вы говорите?

Докторъ.—Я говорю, тѣмъ лучше.... я васъ совершенно вылечу, понимаете ли вы?... эта болѣзнь самая обыкновенная.... если только умѣютъ ее лечить.

Больной.—Ахъ! какъ я вамъ благодаренъ, господинъ докторъ; а черезъ сколько мѣсяцевъ, надѣетесь вы, я совершенно буду здоровъ?

Докторъ.—Мѣсяцевъ.... хе, хе!... вы сейчасъ будете здоровы. (Онъ тотчасъ же подноситъ къ носу больного маленькій пузырекъ). Ну! какъ вы теперь себя чувствуете?

Больной.—Все такъ же!

Докторъ.—Вы удивляете меня.... тогда перейдемъ къ пузырьку № 2. (Онъ снова подноситъ этотъ второй пузырекъ къ носу

больного). Ну! теперь какъ?... вы должны чувствовать себя лучше?... А?...

Больной. (отталкивая отъ себя пузырекъ). — Клянусь вамъ, докторъ, что я ничего особеннаго не чувствую....

Докторъ.—Это возможно.... только на время; но когда вы теперь пойдете немного прогуляться, то тотчасъ же вамъ станетъ легче, и послѣзавтра вы уже выздоровѣете.... совершенно выздоровѣете!...

Больной.—Какой вздоръ!...

Докторъ.—Когда я это вамъ говорю.... вѣдь я докторъ.... или можетъ-быть, вы хотите быть учонѣе меня?... Не намѣрены ли вы, пожалуй, меня учить моему ремеслу?...

Больной.—Сколько я вамъ долженъ, докторъ?

Докторъ.—(бросая взглядъ на платье больного, которое дѣйствительно было очень изящно). 100 франковъ, сударь!...

Больной.—(отъ удивленія вспрыгнувъ почти до потолка)—100 франковъ!

Докторъ.—Какъ, сударь, вы находите это дорого.... зато, что я возвратилъ вамъ здоровье?

Больной.—Вы называете это возвратить здоровье.... сто франковъ зато, что я понюхалъ два раза вашего лекарства.... (въ сторону) Постой, я тебя заставлю также принять гомеопатию! (Больной вынимаетъ изъ кармана 5 золотыхъ монетъ, и подноситъ ихъ къ носу доктора).

Докторъ (протягивая руку.—Что же, сударь?...

Больной.—Какъ? вамъ еще не заплачено?... Ахъ! да, это правда, этого еще не довольно.... мнѣ надо будетъ слѣлать то же самое два раза сряду. (Больной снова подноситъ эти 5 монетъ къ носу доктора.) Я надѣюсь, господинъ докторъ, что на этотъ разъ вы довольны?

Докторъ.—Но, сударь, я не понимаю вашихъ шутокъ!

Больной.—Увѣряю васъ, что вамъ заплачено.... точно также какъ и вы меня вылечили.... Вѣдь я банкиръ.... я знаю, что значитъ давать деньги.... не станете ли вы меня, пожалуй, учить моему ремеслу?... Оно возможно, что вы полагаете себя вознагражденнымъ за такое малое время: чтобы понюхать изъ двухъ

пузырьковъ, для этого, не Богъ знаетъ, надобно сколько времени.... но вы лучше выйдете изъ дому.... подите прогуляться.... и возвращаясь къ себѣ на квартиру, вы навѣрно найдете эти 100 франковъ въ своемъ кошелькѣ.... Итакъ прощайте, господинъ докторъ; благодарю васъ за.... (Больной уходитъ, а изумленный докторъ бросается въ свои большія кресла; на время у него начинается болѣть голова!) Я твердо увѣренъ въ томъ (если я въ этомъ только не ошибаюсь), что гомеопатическое учение первоначально было выдуманно какимъ-нибудь докторомъ, который получилъ отказъ въ рукѣ дочери аптекаря; и вотъ отъ гнѣва этого вѣшеннаго любовника и создалась система, долженствовавшая разрушить навсегда эти человѣколюбивыя учрежденія, въ которыхъ всегда можно бываетъ купить лакрицу и александрийскій листъ, съ большимъ барышемъ для продавцовъ.

Читатель, замѣтите, что у насъ во Франціи, всѣ аптекаря питаютъ ужасную ненависть къ докторамъ-гомеопатамъ, которые иногда бываютъ обязаны сами приготовить и продавать свои маленькіе пакетицы съ бѣлымъ порошкомъ.

Никто бы не захотѣлъ роптать и жаловаться, еслибы, по несчастію, маленькіе, весьма маленькіе пакетики бѣлаго порошка не стоили такъ же дорого, какъ и большія бутылки декоктовъ древней врачебной системы!

Если ропщутъ, жалуются на гомеопатовъ, то они вотъ что отвѣчаютъ:

— «Надобно, чтобы никто не умиралъ, чтобы всѣ жили въ здоровьѣ!»

Но къ-несчастію эта фраза не можетъ относиться къ ихъ пациентамъ!—Но, читатель, съ васъ довольно!...

МАСКА.

(Съ нѣмецкаго.)

..... Викторъ усталъ страшно. Онъ вошелъ въ свою ложу, въ изнеможеніи опустился на стулъ и совсѣмъ уже хотѣлъ предаться спокойствію, которое ему было такъ необходимо. Вдругъ дверь быстро отворилась и въ ложу впорхнуло домино, которое тотчасъ заняло мѣсто на ближайшемъ стулѣ возлѣ Виктора.

Разговоръ завязался и съ-минуты-на-минуту дѣлался живѣе.

— Я знаю, что вы одни въ Парижѣ, одни, безъ руководителя, подруги или матери. Несчастный молодой человѣкъ! Не удивляйтесь, что я говорю вамъ о такихъ вещахъ, но женщина, жившая болѣе 20 лѣтъ въ высшемъ кругу общества, знаетъ всѣ опасныя его сѣти. Это обстоятельство и участіе, которое вы во мнѣ возбудили....

— Но я васъ почти совсѣмъ не знаю, отвѣчаетъ Викторъ.

— А я знаю васъ очень коротко, возражаетъ голубое домино.

— Возможно ли! Гдѣ же я имѣлъ счастье васъ видѣть?

— Справьтесь хорошенько съ вашею памятью. Неужели вы совершенно забыли тѣ общества, которыя посѣщали съ пріѣзда вашего въ Парижъ? Неужели вы не ходите на вечера, балы?

— Конечно; вчера еще я былъ у г-на N, банкира моего отца.

— И изъ всѣхъ дамъ, которыя тамъ присутствовали, ни одна не обратила на себя вашего вниманія?

— Не помню хорошенько.

— Вы не замѣтили дамы въ голубомъ платьѣ?

— Долженъ вамъ признаться откровенно, что не замѣчалъ?

Изъ груди незнакомки вырвался глубокий вздохъ.

— Итакъ она ошиблась.

— Я этого не говорилъ.

— Теперь я все знаю! Довольно, довольно! произнесла со вздохомъ маска.

— Умоляю васъ, скажите: кто эта дама, и кто вы?

Въ ту же минуту Викторъ, увлеченный чувствомъ, котораго онъ не былъ въ силахъ побѣдить, приподнялъ конецъ черной тафты, приклеенной къ маскѣ и прикрывавшей нижнюю часть лица незнакомки. Она еще во-время успѣла удержать его руку, такъ-что онъ не могъ ее узнать; но движенія этого уже было довольно Виктору, чтобы примѣтить прелестный розовый ротикъ и маленькіе коралловые зубки.

— Такъ вотъ чего могла ожидать отъ васъ женщина, положившаяся на ваше благородство. Голосъ ея былъ серьезень, даже строгъ, какъ-будто бы чувство раскаянія тяготило ея сердце.

— Умоляю васъ, вскричалъ онъ, одно слово, одно только слово!

— Что вамъ угодно?

— Простите дерзкій поступокъ мой, который я сдѣлалъ противъ воли, увлеченный однимъ только любопытствомъ.

— Я прощаю васъ; но согласитесь, что и я довольно наказана за свою легкомысленность. Прощайте, прощайте!

— Когда и гдѣ могу васъ видѣть?

— Никогда, никогда! возразила маска голосомъ, выражавшимъ внутреннюю, душевную борьбу.

— Прошу, заклинаю васъ, назначить мнѣ свиданіе.

Маска минутъ нѣсколько колебалась....

— У банкира N, прошептала она наконецъ.

— Когда?

— Я не могу назначить дня, но могу увѣрить васъ, что вы увидите меня въ скоромъ времени.

— Но какъ я васъ узнаю?

— Объ этомъ я и не подумала! Послушайте: носите вы кольцо?

— Кольцо моей матери, отвѣчалъ Викторъ.

— Мы обмѣняемся кольцами.... вотъ мое. Общайте мнѣ носить его, какъ залогъ вѣчной безкорыстной дружбы. Когда я буду въ состояніи открыться вамъ безъ опасенія, то вы увидите кольцо ваше на моей лѣвой рукѣ.

Викторъ былъ въ восторгѣ: въ голосѣ, во всемъ существѣ и даже въ предложеніи прелестной незнакомки лежало что-то таинственное, сильно возбуждавшее его фантазію; такъ-что онъ не имѣлъ даже времени удивляться сильной страсти, возбужденной имъ въ женщинѣ, которую онъ только видѣлъ въ первый разъ. Незнакомка совершенно обворожила его. Она схватила дрожащую руку Виктора, какъ бы увлеченная чувствомъ, заставившимъ ее позабыть все приличія ея пола, и сняла кольцо, которое украшало его маленькій палецъ.

Викторъ очень высоко цѣнилъ это кольцо, не потому, что въ него вставленъ былъ драгоценный камень, а потому, что онъ получилъ его на память отъ своей матери. Во всякомъ другомъ случаѣ онъ не отдалъ бы его такъ скоро, хотя кольцо, которое онъ получилъ въ замѣнъ, повидимому было также драгоценно.

Въ пылу страсти Викторъ хотѣлъ поцѣловать руку незнакомки; но она поспѣшно встала, отворила дверь и быстро скрылась.

Съ-тѣхъ-поръ прошелъ цѣлый мѣсяць. Во все это время Викторъ не пропустилъ ни одного вечера у банкира N. Его нетерпѣливый, жадный взоръ блуждалъ изъ одного салона въ другой. Но все его посѣщенія, все его попки, все надежды его были напрасны. А все-таки онъ не могъ забыть прекрасную незнакомку, ея таинственность, ея сладостный разговоръ, обворожившій такъ сильно его сердце!

.....

Однажды во-время прогулки Викторъ зашелъ въ лавку ювелира, чтобъ купить себѣ брегетовую цѣпочку. Вдругъ ему пришла мысль оцѣнить кольцо, которое онъ получилъ отъ незнакомки, въ залогъ безкорыстной ее дружбы, и которое онъ съ-тѣхъ-поръ не снималъ съ руки своей.

— Посмотрите этотъ камень! Какой блескъ! Какая чистота! Сколько стѣбитъ подобный брилліантъ?

— Такой брилліантъ, повторилъ ювелиръ.

— Ну, да!

— Самую малость: это поддѣльный брилліантъ!

— Что вы говорите?

— Сущую правду, государь мой.

Викторъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

Въ кого, въ кого я былъ влюбленъ! вскричалъ онъ, закрыва-
вая лицо свое.

Кто изъ васъ не пожалѣетъ о бѣдномъ Викторѣ?

Э. Г.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ КНИГЪ

В. ПОЛЯНОВА,

Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Суконной-лиціи, подъ № 17,

ПРОДАЮТСЯ:

Цѣны на серебро.

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ СВЯТЫНИ НОВГОРОДСКОЙ С.Пб. 1850 г. Цѣна 50 к., съ пересылкою. 75 к.

ПРАВОСЛАВНО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ. Д. Б. Макарія, Епископа Винницкаго, Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи т. IV. С.Пб. 1852 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. Тоже Т. I, II, и III, Цѣна по 1 р. 50 к., съ пересылкою по 2 р.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВІЕ, его же Макарія Изд. 2-е, исправленное. С.Пб. 1852 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО, Карамзина Т. I, II и III, (заключающіе въ себѣ 6 частей прежн. изд.) С.Пб. 1852 г. Цѣна каждаго тома по 1 р., съ пересылкою по 1 р. 50 к.

БИОГРАФІЯ КНЯЗЯ ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО. Соч. С. Смирнова. Москва 1852 г. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

ГЕОГРАФІЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ Я. Кузнецова. С.Пб. 1852 г. Цѣна 1 р. 75 к. съ пересылкою 2 р. 25 к.

БОЛЬШАЯ БАРЫНЯ, романъ Волыарлярскаго. 2 ч. Москва 1852 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

ФРАНЦИСКА ПЛЕНВИЛЬ, романъ Камиллы Боденъ. 4 ч. Москва 1852 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

ПОВѢСТИ ГРАФИНИ АРБУВИЛЬ «Покорность» и «Деревенскій докторъ» Москва 1852 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

ПЛЪНИКЪ ЛЕВЕНШТЕЙНСКАГО ЗАМКА И ДОЧЬ ТЮРЕМЩИКА, романъ Александра Дюма, перев. Маркова. 4 ч. Москва 1852 г. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

ПОСЛѢДНЯЯ ГРИВНА, приключенія уличнаго музыканта. Повѣсть для дѣтей С.Пб. 1852 г. Цѣна 60 к., съ пересылкою 75 к.

БРАКЪ КАКИХЪ МАЛО, романъ Евгенія Лунскаго (С. К.) С.Пб. 1852 г. двѣ части. Цѣна 1 р. 50, съ пересылкою 2 р.

ГНѢЗДО АИСТОВЪ, романъ Эли Берте, переводъ съ французскаго. Четыре части, С.Пб. 1852 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

ДВА ГОДА ВЪ ПЛЪНУ У ГОРЦЕВЪ, воспоминаніе о жизни и похожденияхъ въ кавказскихъ горахъ штабсъ-капитана Новоселова рассказанныя В. Савиновымъ. С.Пб. 1851 г. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р., 30 к.

ГЛАВНѢШІЯ ПОНЯТІЯ ИЗЪ АСТРОНОМІИ И ФИЗИКИ, съ рисунками въ текстѣ. С.Пб. 1848 г. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к.

ПОУЧЕНІЯ КЪ СЕЛЬСКИМЪ ПРИХОЖАНАМЪ, протоіерея Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, села Благодати, Іоанна Инсарева, изданіе второе, исправленное С.Пб. 1852 г. Цѣна 40 к., съ пересылкою 60 к.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ И ТЕХНИЧЕСКІЯ РУКОВОДСТВА, издаваемые отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Руководство къ добыванію крахмала и къ приготовленію изъ него камеди, составленное Императорскаго С.-Петербургскаго университета кандидатомъ реальныхъ наукъ М. Скобликовымъ. Съ 3 листами чертежей и 15 рисунками въ текстѣ С.Пб. 1852 г. Цѣна 70 к., съ пересылкою 1 р.

ЛѢСНОЙ БРОДЯГА романъ Соч. Габріеля Ферри. Въ четырнадцать частяхъ Москва 1852 г. Цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р.

Гг. завѣдывающіе полковыми и другими библіотеками могутъ высылать свои требованія съ частію причитающейся по снѣтъ суммы.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетъ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ 20 к. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 к. Если книги встрѣятся форматомъ въ 4-ю долю листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще, какъ прежде изданными, такъ и вновь выходящими замѣчательными произведеніями русской литературы, по всѣмъ отраслямъ наукъ и изящной словесности, находящимися въ моемъ магазинѣ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Всѣ требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ уступкою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ книгъ.